

ПЕТР II

Э.И.Табленко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Внук Петра Великого и сын царевича Алексея, Петр II (1715–1730) вступил на императорский трон, когда ему не исполнилось еще двенадцати лет, а умер, не достигнув пятнадцатилетнего возраста. Взбалмошный и капризный, не по годам развитый физически, он изведal в столь юном возрасте почти все прелести и пороки взрослого мира. О судьбе царя-отрока, о людях, окружавших трон, а также о жизни страны в годы его короткого царствования рассказывает в своей новой книге старейший автор серии «Жизнь замечательных людей», выдающийся русский историк и признанный классик историко-биографического жанра Николай Иванович Павленко.

Книга издается к 90-летию автора.

- [От автора](#)
- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Список сокращений](#)
- [Основные даты жизни императора Петра II](#)
- [Приложения](#)
 - [Приложение 1](#)
 - [1. Обучение и воспитание Петра II](#)
 - [2. Дело о подготовке коронации Петра II](#)
 - [3. Семейная переписка Петра II](#)
 - [Письма герцогини Голштинской цесаревны Анны Петровны Петру II из Киля](#)
 - [Переписка Петра II с бабушкой, бывшей царицей Евдокией Федоровной \(монахиней Еленой\). 1727–1728](#)

годы

- [Приложение 2](#)
 - [1. Дело Антона Девиера. 1727 год](#)
 - [2. Дело о сочинении в Святейшем Синоде формы для ектении с именем первой невесты Петра II Марии Александровны Меншиковой. 1727, мая 27](#)
 - [3. Письма А. Д. Меншикова Петру II](#)
- [Приложение 3](#)
- [Приложение 4](#)
 - [1. Донесения английских дипломатических представителей в России Т. Уорда и К. Рондо министру иностранных дел лорду Таундсенду \(1728–1730\)\[180\]](#)
 - [2. Письма леди Рондо, жены английского посланника\[183\]](#)
 - [3. Донесения испанского посла Якова Стюарта, графа Бервик, герцога де Лириа\[184\]](#)
 - [4. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева\[189\]](#)
 - [5. Записки Эрнста Миниха\[190\]](#)
 - [6. Б.Х.Миних. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи.\[191\]](#)
 - [Царствование юного императора Петра II](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)

- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)

- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)

- [173](#)
 - [174](#)
 - [175](#)
 - [176](#)
 - [177](#)
 - [178](#)
 - [179](#)
 - [180](#)
 - [181](#)
 - [182](#)
 - [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
 - [187](#)
 - [188](#)
 - [189](#)
 - [190](#)
 - [191](#)
-

От автора

Монографических исследований, посвященных истории России в царствование Петра II, не существует. (Исключение составляет книга К. Арсеньева, опубликованная в 1839 году, однако она безнадежно устарела как вследствие незрелости исторической науки того времени, так и в связи с привлечением автором ограниченной источниковой базы.^[1]) Такое положение дел не является случайным. Петр II царствовал менее трех лет, и за это время не произошло никаких важных событий, способных привлечь внимание историка. Да и сам Петр II не может претендовать на роль абсолютного монарха. По образному выражению историка церкви А. В. Карташева, он был всего лишь «символической тенью императорской власти».^[2]

Справедливость этой оценки не вызывает сомнений. Великий князь Петр Алексеевич был провозглашен императором 7 мая 1727 года, когда ему не исполнилось двенадцати лет (он родился 12 октября 1715 года). «Тестамент» (завещание) Екатерины I возлагал обязанности регента над малолетним царем до достижения им 16-летнего возраста на Верховный тайный совет. Фактически же эту роль узурпировал князь Александр Данилович Меншиков, считавшийся, согласно тому же завещанию, нареченным тестем императора.

За время своего четырехмесячного регентства будущий тесть вызвал своим деспотизмом резкое недовольство как членов Верховного тайного совета, так и самого Петра Алексеевича, а также членов императорской фамилии: его сестры Натальи Алексеевны и тетки Елизаветы Петровны. Этим и воспользовался ловкий интриган и карьерист вице-канцлер Андрей Иванович Остерман, исподволь расчищавший себе путь к подножию трона и сумевший свалить Меншикова, хотя тот и считал его своим верным слугой, поскольку именно благодаря его протекции Остерман стал вице-канцлером, членом Верховного тайного совета и наставником отрока-императора.

6 сентября 1727 года указом императора (читай: Остермана) Меншиков был отрешен от власти, а затем отправлен в ссылку. Этот указ превращал отрока, все еще не достигшего 12-летнего возраста, в полновластного монарха. Фактически же и после 6 сентября 1727 года и до самой своей кончины в ночь с 18 на 19 января 1730 года Петр Алексеевич находился под чьим-либо влиянием и являлся марионеткой в руках сначала А. И.

Остермана, затем князя Ивана Долгорукого и наконец его отца Алексея Григорьевича Долгорукого, отважившегося повторить попытку Меншикова породниться с царской фамилией. Подобно Меншикову, успевшему совершить церемонию помолвки царя со своей дочерью Марией, Долгорукий навязал в супруги императору свою старшую дочь Екатерину и тоже совершил обряд обручения. И только преждевременная смерть жениха помешала князю Алексею Григорьевичу осуществить свою мечту.

Петр II прожил 14 лет, 3 месяца и 7 дней и вследствие малолетства и тлетворного влияния Долгоруких фактически не занимался и не интересовался делами управления страной. Внутреннюю и внешнюю политику России осуществлял Верховный тайный совет, в котором после падения Меншикова верховодил Остерман.

Из этого эскизного наброска биографии Петра II читатель может убедиться, что император не представляет интереса для историка ни как личность, поскольку он находился лишь в стадии формирования, ни как государственный деятель, поскольку не участвовал в управлении страной. Строго говоря, в его жизни можно вычленить всего несколько эпизодов, отнюдь не характеризующих его как личность. Это участие в разгульных и развратных похождениях, страсть к охоте, влюбленность в тетку Елизавету Петровну, участие в двух помолвках и коронация.

Все эти сюжеты можно было бы изложить на нескольких страницах. Но существовало и окружение императора. А. Д. Меншиков и А. И. Остерман, сестра царя Наталья Алексеевна и цесаревна Елизавета Петровна, царица-бабка Евдокия Федоровна, князя Иван Алексеевич и Алексей Григорьевич Долгорукие — все они оказывали большее или меньшее влияние на жизнь царственного отрока и потому тоже заслуживают места в книге.

Основным источником, использованным автором при написании данного сочинения, явились донесения иностранных дипломатов при русском дворе. Только с их помощью становится возможным описать поступки монарха и окружавших его вельмож, объяснить побудительные мотивы этих поступков, раскрыть характер лиц, стоявших у кормила правления. К сожалению, отечественная мемуаристика стала создаваться только со второй половины XVIII века, и это делает донесения иностранных дипломатов источником абсолютно незаменимым.

Для дипломатов того времени жизнь страны была равнозначна жизни двора. Они внимательно следили за ней и результатами наблюдений делились со своими правительствами. Даже мелочи не должны были ускользать от их внимания. На этот счет историки располагают указанием

государственного секретаря Франции секретарю французского посольства в России. «Не опасайтесь нимало распространяться слишком об отдельных подробностях и интригах, — писал он в октябре 1728 года, — сведения о них служат для того, чтобы можно было судить о фактах, происхождение которых знать полезно».^[3] Но эти мелочи и подробности не менее важны и для нас. Ибо именно из них и состояла жизнь юного царя, ставшего героем этой книги.

Автор же, со своей стороны, полагает, что на примере царствования Петра II читатель сможет убедиться в справедливости высказывания одного из героев известного отечественного кинофильма: после Петра Великого России и в самом деле «не везло» на царей. Во всяком случае, на таких царей, которые способны были не только пользоваться правами, предоставляемыми императорской короной, но и выполнять свои обязанности перед собственными подданными.

Глава первая

Непутевый родитель императора

Петр Великий ввел в России обычай, распространенный в странах Западной Европы: закреплять дружеские отношения между государствами брачными узами между представителями правящих в них династий. Старшую дочь Анну он выдал замуж за герцога Голштинского, двух племянниц — Екатерину Иоанновну и Анну Иоанновну — за герцогов Мекленбургского и Курляндского. Сыну же своему царевичу Алексею он тоже подыскал невесту — сестру супруги австрийского императора Шарлотту Христину Софью.

Царевич несколько раз встречался с нареченной невестой. Она ему не приглянулась, и он просил отца познакомить его с другими европейскими принцессами. Но царь настоял на своем. 11 апреля 1711 года был заключен контракт о бракосочетании: определен был размер приданого, закреплено право супруги исповедовать лютеранскую веру, а детей — православную. На содержание двора супруги царевича царь обязался ежегодно отпускать 50 тысяч рублей.

Свадьба состоялась 14 октября 1711 года в саксонском городе Торгау. Жених приехал сюда из Дрездена, где по повелению отца одолевал науки. Петр же прибыл из Карлсбада, где поправлял здоровье после завершения трагического Прутского похода. «Объявляю вам, что сего дня свадьба сына моего совершилась, — писал он в этот день своей жене Екатерине, — на которой знатных людей было много, а отправляли в дому королевы Польской».

На четвертый день после свадебных торжеств Петр дал сыну ряд поручений, потребовавших его присутствия сначала в Польше, а затем в Померании и Мекленбурге. Совместная жизнь супругов по-настоящему началась только в 1713 году.

Брак по расчету оказался неудачным. Худая, непривлекательная, с лицом, пораженным оспой, супруга не вызывала ни симпатий, ни любви. Выпивши, царевич как-то жаловался своему камердинеру: «Вот де Гаврила Иванович (канцлер Головкин. — *Н. П.*) с детьми своими жену мне на шею чертовку навязали: как де к ней не приду, все де сердитует и не хочет де со мною говорить».

Супруга имела основания «сердитовать» на царевича: тот увлекался

горячительными напитками, окружил себя попами и лицами с далеко не безупречной нравственностью, завел любовницу, что, несомненно, раздражало и шокировало чопорную немку, обладавшую светскими манерами.

Младший брат английского короля Эрнст Август в июне 1712 года писал о незавидной участи супруги царевича: «Верно то, что царевна весьма несчастна, некоторые даже говорят, что, если у нее не будет детей, он вправе заключить ее в монастырь, если не поступит с нею еще хуже». 12 июня 1714 года Шарлотта родила дочь Наталью, а 12 октября 1715 года — сына Петра. Через несколько дней после тяжелых родов Шарлотта скончалась. Умирая, она выразила удовлетворение тем, что благодаря ей «царский дом умножится еще одним принцем».^[4]

Царевич же Алексей Петрович и после смерти жены не оставил своих дурных наклонностей. По-прежнему он проводил дни в пьянстве, окруженный совершенно ничтожными собутыльниками.

Царь иногда обременял сына поручениями, но далеко не всегда оставался удовлетворенным их выполнением — царевич как бы отбивал неприятную для себя повинность, не проявлял собственной инициативы и не обнаруживал никакого желания угодить отцу.^[5]

Все это вызывало страшное раздражение Петра. Поначалу он надеялся на то, что царевич образумится и отрешится от пьянства и детских игр, которым предавался с упоением, не соответствовавшим возрасту. По его собственным словам, случалось, что он «не точию бранил, но и бивал» сына. Но надеждам этим не суждено было сбыться, и в октябре 1715 года Петр отправил сыну послание с тяжкими обвинениями и прямой угрозой лишить его наследия.

Сын ответил отцу письмом. По совету князя Василия Владимировича Долгорукого он объявил, что не претендует на наследование престола и готов довольствоваться тем, что отец обеспечит его пропитанием. «Вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, — писал он, — понеже памяти весьма лишен... и всеми силами умными и телесными... ослабел и непотребен стал к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я». Сочиняя это письмо, Алексей руководствовался наставлением Долгорукого: «Давай писем хоть тысячу, еще когда что будет».

Царь счел ответ пустой отговоркой. Он сомневался в искренности сына и в январе 1716 года отправил ему второе письмо. Теперь царь требовал от сына сделать окончательный выбор: «Или отмени свой нрав и

нелицемерно удостоить себя наследником, или будь монах». «Всем известно есть, — выговаривал Петр, — что паче ненавидишь дел моих, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и конечно по мне разорителем оных будешь».

Помимо В. В. Долгорукого у царевича был еще один наставник — Александр Васильевич Кикин, в прошлом любимый денщик Петра. Обвиненный в казнокрадстве, он попал в немилость и сделал ставку на царевича, рассчитывая на его щедрые пожалования после воцарения. Он и подал царевичу совет, в общем схожий с советом Долгорукого: соглашаться на пострижение в монастырь: «вить клобук не гвоздем к голове прибит». Царевич внял и этому совету и ответил отцу: «Желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения».

Петр не верил готовности сына принять монашеский чин, но в то же время не спешил и с обрядом пострижения. Он решил дать последнюю возможность сыну доказать делом свою лояльность. В августе 1716 года, находясь в Копенгагене, Петр отправил третье письмо сыну с требованием либо назвать время, когда будет совершено пострижение, либо, «не мешкая», прибыть «сюда, ибо еще можешь к действиям поспеть», то есть принять участие в военной кампании против шведов.

Получив письмо, царевич немедленно отправился к Санкт-петербургскому губернатору Меншикову и объявил о своем намерении отправиться к отцу. В действительности же Алексей к отцу ехать не собирался. Единственным человеком в столице, которому он доверил подлинный маршрут своего путешествия, оказался камердинер. Предварительно взяв от него клятву хранить сказанное в тайне, царевич сообщил ему: «Я не к батюшке поеду; поеду к цесарю или в Рим».

О намерениях царевича знал и Кикин. Более того, он являлся активным организатором побега: именно ему царевич поручил договориться с австрийскими властями о предоставлении убежища.

26 сентября 1716 года царевич Алексей налегке, захватив с собой лишь свою любовницу Евфросинью — девку из крепостных, ее брата Ивана Федоровича и трех служителей, отбыл из Петербурга. В Либаве царевич встретился с Кикиным и спросил, нашел ли тот безопасное место. «Нашел, — отвечал тот, — поезжай в Вену к цесарю, там не выдадут».^[6]

После этого царевич исчез. Проходит месяц, другой, по всем расчетам он должен быть в Копенгагене, а его там нет. Отсутствие сына вызвало у царя тревогу: он полагал, что царевич либо стал жертвой дорожного происшествия — нападения разбойников, либо — что казалось более вероятным — бежал. 9 декабря Петр велел генералу Вейде, командующему

корпусом в Мекленбурге, организовать поиски сына. Одновременно он вызвал из Вены резидента Авраама Веселовского. Последнее свидетельствовало об уверенности Петра в том, что его сын бежал во владения австрийского императора. Веселовскому было вручено письмо царя для передачи его императору Карлу VI.

Начались интенсивные поиски царевича. Офицеры генерала Вейде никаких его следов не обнаружили. Успешнее действовал Веселовский. Расспрашивая владельцев гостиниц и служителей почтовых станций, он напал на след, который привел его в Вену. Однако попытки обнаружить царевича в столице империи или в ее окрестностях оказались тщетны.

В то время как царские следопыты сбились с ног в поисках царевича, он под чужой фамилией прибыл в Вену глубокой ночью, добился аудиенции у вице-канцлера графа Шенборна и, страшно волнуясь, с ужасом озираясь по сторонам, произнес: «Я пришел сюда просить императора, моего шурина, о покровительстве, о спасении самой жизни моей. Меня хотят погубить; меня и бедных детей моих хотят лишить престола».

В Вене не рискнули публично предоставить царевичу убежище и упрятали его сначала в местечко Вейербург, неподалеку от Вены, а три недели спустя перевезли его в Тироль, где он должен был жить под видом государственного преступника в крепости Эренберг.

Однако надолго сохранить в тайне местопребывание царевича не удалось. Оно стало известно царю благодаря усилиям резидента Авраама Веселовского. В помощь Веселовскому царь направил в Вену гвардии капитана Александра Ивановича Румянцева с тремя офицерами и поручением схватить царевича и доставить в Мекленбург. Однако выполнить подобное поручение было невозможно — крепость Эренберг сильно охранялась, и Румянцеву ничего не оставалось, как организовать со своими людьми внешнее наблюдение за местом пребывания царевича. Им удалось проследить за очередным перемещением царевича Алексея: из замка Эренберг его в закрытой карете перевезли в Неаполь; Румянцев и его люди неотступно следовали за ним.

В это время в Вене появился опытный дипломат Петр Андреевич Толстой с посланием царя к императору Карлу. Прибытие Толстого в Вену было подобно грому среди ясного неба — император и его министры были абсолютно уверены, что им удалось упрятать царевича так основательно, что его никто не сможет обнаружить. В послании царь без обиняков выразил «любезному другу и брату» свое удивление по поводу того, что его сына укрывали в Эренберге, а теперь отправляют в Неаполь.

Руководство операцией по возвращению беглеца в Россию царь

поручил Толстому. Сразу можно сказать, что лучшего исполнителя повеления царя трудно было сыскать, ибо Толстой являлся искусным дипломатом и прекрасно владел диаметрально противоположными приемами ведения переговоров: он сочетал ласку и лесть с жесткостью и даже жестокостью, не останавливаясь перед тем, чтобы лишить жизни человека, если в том возникала необходимость. (Будучи послом в Турции, Толстой собственноручно отравил одного подьячего из состава посольства, принявшего ислам, опасаясь, что тот может раскрыть туркам шпионскую сеть, умело организованную им в столице Османской империи.) Кроме того, Петр Андреевич обладал еще двумя очень важными в данном случае преимуществами: он хорошо знал итальянский язык и уже бывал в Неаполе, где скрывался царевич.

Толстой не ограничился аудиенцией у императора. Он вступил в переговоры с его тещей герцогиней Вольфенбюттельской, бывшей одновременно матерью покойной супруги царевича Алексея Шарлотты Христины Софьи. Хотя теща царевича поначалу заявила, что ей неизвестно место его пребывания, но затем под напором фактов вынуждена была дать обещание всячески содействовать возвращению беглеца. Пришлось идти на уступки и императору. Австрийское правительство признало факт предоставления убежища царевичу Алексею. Толстому разрешено было встретиться с ним. Правда, ему было заявлено, что если царевич откажется вернуться в Россию, то насильно, вопреки его воле, выдавать его не будут.

Но все же это был несомненный успех Толстого. Открывались пути непосредственного воздействия на царевича.

Прежде всего Толстой добился права на свидания с царевичем у неаполитанских властей. Более того, император отправил в Неаполь курьера с повелением вице-королю графу Дауну оказывать всяческую помощь Толстому.

Первое свидание Толстого и Румянцева с царевичем состоялось 26 сентября 1717 года. Для царевича встреча с доверенными людьми отца оказалась полной неожиданностью. Алексей полагал, что терпит режим арестанта только ради того, чтобы скрыть место своего пребывания, а на поверку оказалось, что никакой тайны нет и отцу хорошо известно, где именно он укрывается. При виде Толстого и Румянцева царевич онемел от страха. В особенности его приводило в трепет присутствие гвардейского капитана, который, как полагал он, прибыл с целью лишить его жизни.

Толстой вручил царевичу два письма: одно от тещи-герцогини, другое от отца, написанное в Спа 10 июля 1717 года. Оно столь выразительно и эмоционально, что заслуживает того, чтобы воспроизвести его полностью:

«Мой сын! Понеже всем есть известно, какое ты непослушание и презрение воли моей делал, и ни от слов, ни от наказания не последовал наставлению моему, но наконец, обольстя меня и заклинаясь Богом при прощании со мною, потом что учинил? Ушел и отдался, яко изменник, под чужую протекцию, что не слыхано не токмо между наших детей, но ниже между нарочитых подданных, чем какую обиду и досаду отцу своему и стыд отечеству своему учинил!

Того ради посылаю тебе ныне сие последнее к тебе, дабы ты по воле моей учинил, о чем тебе господин Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаюсь Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей слушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то, яко отец, данною мне от Бога властью, проклиная тебя вечно, а яко государь твой, за изменника объявляю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику и ругателю отцову, учинить, в чем Бог мне поможет в моей истине. К тому помяни, что я все не насильством тебе делал, а когда б захотел, то почто на твою волю полагаться? Что хотел, то б сделал».^[7]

Мы не знаем, сколь продолжительным было свидание и какие монологи произносил Толстой. Бесспорно одно: Петр Андреевич, руководствуясь инструкцией, пытался воздействовать на Алексея Петровича и ласками, и угрозой, и, наконец, уговорами. Все старания, однако, оказались бесплодными. Царевич испуганно молчал.

Следующая встреча состоялась через два дня, 28 сентября. Ее результаты тоже были неутешительными. И все же состояние шока у царевича миновало, и он заговорил. Обдумав содержание письма отца и обещания Толстого, на которые тот, естественно, не скупился, Алексей наотрез отказался вернуться в Россию: «Возвратиться к отцу опасно и пред разгневанное лицо явиться не безстрашно; а почему не смею возвратиться, о том письменно донесу протектору моему, его цесарскому величеству».

После того как ласки не подействовали. Толстой перешел к языку угроз. Он заявил, что царь не удовлетворится до тех пор, пока не получит его живым или мертвым. Чтобы вернуть блудного сына в лоно семьи, отец не остановится и перед военными действиями. О себе Петр Андреевич сказал, что не уедет из Неаполя и будет следовать за царевичем повсюду, куда бы тот ни отправился, до тех пор, пока не доставит его отцу. Последняя угроза, похоже, произвела на царевича неотразимое впечатление. Он позвал Дауна в другую комнату, чтобы спросить, может ли он, царевич, положиться на покровительство императора, ибо не желает

возвращаться к отцу. Получив положительный ответ, царевич воспринял духом и заявил собеседникам, что ему надобно время для размышления. 1 октября 1717 года Толстой и Румянцев отправили письмо царю с отчетом о результатах свиданий: «Сколько, государь, можем видеть из слов его, многими разговорами он только время продолжает, а ехать в отечество не хочет, и не думаем, чтобы без крайнего принуждения на то согласился».

У Толстого созрел план, как оказать на царевича «крайнее принуждение», как его «отчаяти», чтобы он согласился на выезд. Для этого он готов был воспользоваться любыми средствами, включая шантаж, запугивание и подкуп. Коварный план Толстого состоял в том, чтобы лишить Алексея уверенности в готовности императора пойти ради него на все, в том числе и на вооруженный конфликт с Петром.

Подкупленный Толстым секретарь графа Дауна, непосредственно общавшийся с царевичем, по заданию Толстого как бы невзначай, мимоходом, но под большим секретом должен был сказать ему, чтобы он не надеялся «на протекцию цесаря, который оружием ево защищать не может при нынешних обстоятельствах, по случаю войны с турками и гишпанцами». Давление на царевича должен был оказать и вице-король. Толстой попросил графа Дауна сообщить Алексею о намерении отобрать у него Евфросинью «для того, чтобы царевич из того увидел, что цесарская протекция ему ненадежна и поступают с ним против ево воли». Наконец, сам Петр Андреевич во время очередной встречи заявил царевичу, что сию минуту получил письмо от царя, в котором тот будто бы писал, что «конечно доставать намерен оружием» своего сына и что русские войска, сосредоточены в Польше, готовые в любой момент перейти границу.

Еще раз Толстой воспользовался дезинформацией, заявив загнанному в угол царевичу, что в Неаполе вот-вот появится сам царь Петр.

Последнее известие полностью сломало волю царевича. Представив себе разъяренное, пышущее гневом лицо родителя, сын утратил всякую способность к сопротивлению и дал согласие возвратиться в Россию. 3 октября 1717 года Толстой и Румянцев извещали Петра: «Его высочество государь царевич Алексей Петрович изволил нам сего числа объявить свое намерение, оставя все прежние противления, повинуется указу вашего величества и к вам в С.-Питербурх едет беспрекословно с нами». Петр получил и письмо от сына, помеченное 4 октября: «Письмо твое, государь, милостивейшее чрез господ Толстого и Румянцева получил, из которого, также из устного мне от них милостивое от тебя, государя, мне всякие милости, недостойному в сем моем своевольном отъезде, будет, буде я возвращуся, прощение... И, надеяся на милостивое обещание ваше,

полагаю себя в волю вашу и с присланными от тебя, государя, поеду из Неаполя на сих днях к тебе, государю, в С.-Петербурх».^[8]

Царевич именовал себя в письме «всенижайшим и непотребным рабом и недостойным назваться сыном». Получив письмо, царь еще раз подтвердил обещание простить сына, «в чем, — писал он, — будь весьма надежен. Также о некоторых твоих желаниях писал к нам господин Толстой, которые здесь вам позволяются, о чем он вам объявит». Под «некоторыми желаниями» подразумевалась просьба царевича разрешить ему жениться на Евфросинье, чтобы потом жить частным лицом в деревне. Об этом Петр извещал Толстого — оба желания сына он готов удовлетворить: будет разрешено «жениться на той девке, которая у него, также, чтобы ему жить в своих деревнях».^[9]

На родину, однако, царевич возвращался без «той девки» — Евфросинья была беременна, и отец будущего ребенка решил, что ей безопаснее ехать по более благоустроенным дорогам, чем те, по которым катилась его карета навстречу гибели.

Сохранилось несколько писем царевича, адресованных возлюбленной, — они наполнены нежной о ней заботой. Само обращение близко по форме к обращению Петра к Екатерине: «Матушка моя, друг мой сердешный, Афросиньюшка». Не менее трогательные слова и советы можно обнаружить в содержании писем: «А дорогою себя береги, поезжай в летиге, не спеша, понеже в Тирольских горах дорога камениста, сама ты знаешь. А где захочешь — отдыхай. Не смотри на расход денежной: хотя и много издержишь, мне твое здоровье лучше всего. А здесь, в Инсбруке, или где инде купи коляску хорошую покойную». Слепую веру в привязанность Евфросиньи к себе иллюстрирует и другое письмо царевича: «Не печалься, друг мой, для Бога». «Маменька, друг мой! По рецепту дохтурову вели лекарство сделать в Венеции, а рецепт возьми к себе опять. А буде в Венеции не умеют так же, как и в Болонии, то в немецкой земле в каком-нибудь большом городе вели оное лекарство сделать, чтобы тебе в дороге без лекарства не быть».

Евфросинья, видимо, не питала взаимных чувств к царевичу и руководствовалась в своем отношении к нему примитивным расчетом — крепостной девице было лестно иметь любовником царевича, обещавшего взять ее в жены. Надо полагать, она мечтала о том, чтобы повторить судьбу Екатерины Алексеевны — возлюбленной Петра, ставшей его женой. Финка из крестьянской челяди учителя царевича Вяземского, она, кажется, не обладала даже привлекательной внешностью. «А была та девка росту

высокого, собою дюжа, толстогубая, волосом рыжая, — описывает ее современник, — и все дивилися, как пришлось царевичу такую скарედную чухонку любить и так постоянно с нею в обращении пребывать».^[10] Когда в Неаполь прибыли Толстой и Румянцев, Евфросинья быстро сообразила, какой опасности подвергает свою жизнь, связывая свою судьбу с царевичем, и за обещание Толстого женить на ней своего младшего сына (обещание конечно же невыполнимое!) стала усердно помогать Петру Андреевичу. Во время следствия Евфросинья показывала: «А когда господин Толстой приехал в Неаполь и царевич хотел из цесарской протекции уехать к папе Римскому, но я его удержала». Не случайно Толстой снизошел до отправки письма к ней из Твери: он извещал ее о прибытии «в свое отечество государя-царевича» и завершил послание фразой: «Все так исправилось, как вы желали». Истолковать эту фразу можно только так, что Евфросинья желала возвращения царевича в Москву.

Царевич выехал из Неаполя 14 октября 1717 года, а прибыл в пригород Москвы поздно вечером 31 января следующего года. Нет нужды описывать дорожные происшествия и препятствия, чинимые австрийскими властями. Ловкому Толстому удалось успешно преодолеть их — в Москву он доставил беглеца живым и здоровым.

Блестяще выполненное поручение вынудило царя забыть грехи, допущенные Толстым в молодости, и щедро наградить его. Первое пожалование относится к 26 марта 1718 года, когда Толстой получил на Васильевском острове дом, ранее принадлежавший опальному Аврааму Лопухину, «с палатным и прочим строением и со всякими припасы», а также загородное дворовое место, которым ранее владел один из Нарышкиных. По указу же от 13 декабря «за показанную так великую службу не токмо мне, но паче ко всему отечеству, в приведении по рождению сына моего, а по делу злодея и губителя отца и отечества», Толстому был пожалован чин действительного тайного советника и в общей сложности 2638 дворов. Петр Андреевич совершил головокружительную карьеру и сумел обогатиться невероятно: если начинал он службу беспоместным дворянином, не имевшим ни одной крепостной души, то к концу жизни в его вотчинах, разбросанных по 22 уездам империи, числилась 12 521 мужская душа.^[11] Указом от 15 декабря 1717 года, то есть еще в то время, когда он вместе с царевичем находился в пути, Толстой был назначен президентом Коммерц-коллегии, а позднее — сенатором. В результате он вошел в число 10–12 вельмож, составлявших верхушку формировавшейся российской бюрократии. Но обе эти

должности не шли ни в какое сравнение с третьей — начальника Тайной канцелярии. История этого грозного и мрачного учреждения исторически связана с делом царевича Алексея.

3 февраля состоялся въезд царевича в Москву, где находился двор и куда были вызваны сенаторы, высшее духовенство и генералитет. Сцена встречи царевича с отцом описана современником: «Войдя в большую залу дворца, где находился царь, окруженный всеми своими сановниками, царевич вручил ему бумагу и пал на колени перед ним. Царь передал эту бумагу вице-канцлеру барону Шафирову и, подняв несчастного сына своего, распростертого у его ног, спросил, что имеет он сказать. Царевич отвечал, что он умоляет о прощении и о даровании ему жизни.

На это царь возразил ему: я тебе дарую то, о чем ты просишь, но ты потерял великую надежду наследовать престолом нашим и должен отречься от него торжественным актом за своею подписью.

Царевич изъявил свое согласие. После того царь сказал: “Зачем не внял ты моим предостережениям и кто мог советовать тебе бежать?” При этом вопросе царевич приблизился к царю и говорил ему что-то на ухо. Тогда они оба удалились в смежную залу, и полагают, что там царевич назвал своих сообщников». ^[12]

После уединенного разговора собеседники возвратились в зал, где царевич подписал заготовленное отречение от престола: «Наследства никогда ни в какое время не искать и не желать и не принимать его ни под каким предлогом». Тут же был обнародован манифест о лишении Алексея права наследовать престол.

Догадка иностранного дипломата о содержании уединенной беседы отца с сыном оказалась правильной: Алексей назвал главных сообщников — лиц, причастных к организации бегства и знавших о его намерении бежать. Петр руководство следствием взял в свои руки, а исполнителем своей воли назначил Толстого и Меншикова. Следствие велось сначала в Москве и продолжилось в Петербурге.

Так называемые вопросные пункты для царевича составил сам Петр. Царя интересовали сообщники царевича, подсказавшие ему мысль формально отречься от престола и бежать за границу. Отец призывал сына к полной откровенности и чистосердечному рассказу обо всем: «Все, что к сему делу касается, хотя чего здесь и не написано, то объяви и очисти себя, как на сущей исповеди. А ежели что укроешь, а потом явно будет — на меня не пеняй, вчерась пред всем народом объявлено, что сие пардон не в пардон». ^[13]

Опираясь на показания сына, начиная с 4 февраля 1716 года царь отправлял в Петербург одного курьера за другим с повелением генерал-губернатору Меншикову взять под стражу оговоренных и препроводить в Москву. «Майн фронт, — обращался царь к князю, — при приезде сын мой объявил, что ведали и советовали ему в том побеге Александр Кикин и человек его Иван Афанасьев, чего для возьми их тотчас за крепкий караул и вели сковать».

Несколько часов спустя, узнав, что оба брата Афанасьевых назывались Иванами, царь отправил другого курьера с письмом, в котором уточнил, что сковать надлежит старшего, «а не хуже, чтоб и всех людей (царевича. — *Н. П.*) подержать, хотя и не ковать». 6 февраля, еще не получив донесений от Меншикова о выполнении предшествующих повелений, царь отправляет курьера с новым предписанием: «Кикина и Афанасьева разспроси в застенке, один раз пытай только вискою одною, а бить кнутом не вели, и ежели еще кто явитца, и тех так же». Царь велел немедленно прислать всех в Преображенское и тут же пояснил, почему он запретил их истязать кнутом: «чтоб дорогою не занемогли».

Круг причастных к делу лиц расширился, и царь посылал к Меншикову еще много курьеров с предписанием «взять за караул» князя генерала Долгорукого, Ивана Нарышкина, брата и сестру своей бывшей супруги — Авраама Лопухина и Варвару Головину — и многих других. Всех их надлежало доставить в Преображенское. «Дело зело множится», — писал он.

Показания сообщников обнаружили чудовищные планы царевича, причем главной обвинительницей оказалась возлюбленная Евфросинья, от которой у Алексея не было тайн. Вина его не ограничивалась тем, что он, по собственному признанию, «забыв должность сыновства и подданства, ушел и поддался под протекцию цесарскую и просил его о своем защищении». Под влиянием показаний свидетелей Алексей вынужден был признать, что намеревался, опираясь на иностранные штыки, добиваться трона. Кроме того, царевич в борьбе за власть ориентировался на силы, враждебные преобразованиям, на тех, «кто любит старину». Нити заговора привели и в суздальский Покровский монастырь, где жила бывшая царица Евдокия Федоровна, первая жена царя Петра Алексеевича, постриженная им в монахини. (По этому делу был организован особый, так называемый «суздальский», розыск.)

Царь отправил два одинаковых по содержанию послания: одно было адресовано духовным иерархам, другое — светским чинам. Обращаясь к тем и другим, Петр заявил, что он, как отец и как государь, мог бы сам

вынести приговор, но прибегает к их помощи и передает дело на их рассмотрение. «Боюсь Бога, — писал он, — дабы не погрешить, ибо натурально есть, что люди в своих делах меньше видят, нежели другие в их». На совместном собрании духовенства и светских чинов присутствовал и царевич, введенный в зал четырьмя офицерами.

На следующий день после объявления о суде над царевичем, то есть 14 июня 1718 года, его взяли под стражу и заключили в Петропавловскую крепость. Отныне он был низведен до положения обычного колодника. Если раньше Алексей жил на свободе и сам излагал ответы на поставленные вопросы, то теперь его стали пытаться и ответы записывал канцелярист Тайной канцелярии. Приведем несколько выдержек из «Записной книги С.-Петербургской гварнизонной канцелярии».

14 июня 1718 года: «Привезен в гварнизон под караул царевич Алексей Петрович и посажен в роскат Трубецкого в палату, в котором был учинен застенок».

19 июня 1718 года: «Его царское величество и прочие господа сенаторы и министры прибыли в гварнизон по полуночи в 12 часов в начале, а именно: светлейший князь (Меншиков), адмирал (Апраксин), князь Яков Федорович (Долгорукий), генерал Бутурлин, Толстой, Шафиров и прочие; и учинен был застенок; и того же числа по полудни в 1 часу разъехались».

Того ж числа по полудни в 6 часу в исходе паки его величество прибыл в гварнизон; при нем генерал Бутурлин, Толстой и прочие, и был учинен застенок; и потом, быв в гварнизоне до половины 9 часа, разъехались».

Всего в застенок царевича приводили семь раз, причем 19 и 24 июня его подвергали пыткам по два раза; на пяти розысках присутствовал царь.

Последний застенок состоялся 26 июля: «По полуночи в 8 часу начали собираться в гварнизон его величество, светлейший князь, Яков Федорович, Гаврила Иванович Головкин, Федор Матвеевич, Иван Алексеевич (Мусин-Пушкин), Тихон Никитич (Стрешнев), Петр Андреевич (Толстой), Петр Шафиров, генерал Бутурлин и учинен застенок; и потом быв в гварнизоне до 11 часа, разъехались».

Того же числа по полудни в 6 часу, будучи под караулом в Трубецком роскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился».

Обстоятельства смерти царевича неизвестны и вряд ли когда-либо в точности будут выяснены. Считается, что слабый организм Алексея не вынес пыток, которые и стали причиной его смерти. Среди современников носилось множество слухов о смерти царевича, в том числе и совершенно нелепых. Австрийский посол Плейер доносил, что царевич, слушая

приговор, пришел в такой ужас, что с ним сделался удар, от которого он скончался. Голландский резидент Яков де Би извещал правительство, «что кронпринц умер в четверг вечером от растворения жил». Позднейшие писатели, не являвшиеся современниками, утверждали, что царевич был отравлен, что ему сам царь отрубил голову. Самой распространенной версией гибели царевича была та, что содержалась в письме А. И. Румянцева (того самого, который вместе с Толстым доставил царевича из Неаполя в Россию) к некоему Андрею Ивановичу Титову. Это письмо имело широкое распространение в середине XIX века; в нем подробно описывалось, как царевич был удушен подушками. Некоторые подробности письма придают ему черты достоверности. Однако было установлено, что письмо это является фальшивкой: во-первых, потому что адресата в лице Титова не существовало; во-вторых — подлинник письма отсутствует, оно распространялось в копиях и, видимо, возникло в среде славянофилов; в-третьих, язык письма не соответствует языку первой четверти XVIII века.

Были казнены и сообщники царевича, причем расправлялись с ними с особой жестокостью. Кикин, главный советник царевича и организатор побега, был колесован в Москве. Чтобы продлить мучения, ему отрубали руки и ноги с большими промежутками во времени. Отрубленную голову палач воздел на кол. Степан Глебов, обвиненный в блудном сожителстве с бывшей царицей Евдокией, был посажен на кол; ростовский епископ Досифей за сводничество и попустительство Евдокии, обрядившейся в Суздальском монастыре при его молчаливом согласии в мирскую одежду, низложен и колесован. Саму Евдокию Федоровну отправили в Ладожский монастырь с более суровым режимом содержания.

Так погиб царевич Алексей. После него остались четырехлетняя дочь Наталья и трехлетний сын Петр.

Нельзя не задаться вопросом: как могло получиться, что у талантливого отца, имеющего репутацию крупнейшего государственного деятеля в истории России, человека с железной волей и неиссякаемой энергией, бывшего, по выражению А. С. Пушкина, работником на троне, мог вырасти столь никчемный, ленивый, чуждый делу родителя сын, более похожий на мать, чем на отца, легко поддававшийся дурным влияниям сторонних людей?

Прямого ответа на этот вопрос источники не дают, и историк вынужден, отвечая на него, блуждать в догадках, выстраивая из известных ему событий логический ряд, позволяющий объяснить условия и причины семейной трагедии.

Прежде всего ответственность за случившееся надлежит возложить на

отца, не уделявшего должного внимания воспитанию сына, наследника престола. Оспаривать этот факт нет смысла, можно лишь объяснять, как такое могло произойти. Здесь можно привести множество суждений, если не снимающих вину с Петра, то объясняющих мотивы его поступков.

Первостепенное влияние на воспитание сына оказал разлад в семье. Петр, первоначально с любовью относившийся к красавице супруге, через год-два охладел к ней. Евдокия Лопухина, женщина с привлекательной внешностью, но целиком находившаяся в плену старомосковских представлений о своей роли в семье, неспособная, благодаря ограниченному интеллекту, воспринимать новшества, наводившая скуку своей покорностью, быстро опостылела Петру. Царевич рос при дворе матери до восьми лет, то есть до возраста, когда формируются основные свойства человеческой природы: трудолюбие, любознательность, любовь к родителям, уважение к их делам и т. д.

Отвергнутая супруга, как и ее окружение, прививала сыну ненависть к отцу, осуждала его частые визиты в Немецкую слободу и путешествия за границу. Обстановка в семье не способствовала воспитанию цельной природы, вынуждая царевича постоянно лавировать между отцом и матерью, скрывать подлинные чувства, лицемерить, гасить откровенность.

Шести лет царевича начали обучать грамоте. Его учителем был Никифор Вяземский, человек слабовольный, малообразованный, лишенный педагогических способностей. Он не сумел привить ни уважения к себе, как воспитателю, ни любви к труду. Воспитанник, когда подрос, часто бивал своего наставника палкой, драл за волосы и, чтобы избавиться от уроков, давал ему поручения, требовавшие выезда из Москвы.

После возвращения из заграничного путешествия в 1698 году и заточения Евдокии в келью Суздальского Покровского монастыря Петр решил отправить сына для продолжения обучения в Дрезден. Но этому неслыханному для того времени плану не суждено было осуществиться — в 1700 году с катастрофического поражения русских войск под Нарвой началась война со Швецией. В жизни Петра наступил новый этап, когда он вынужден был сосредоточить свою недюжинную энергию на борьбе с грозным противником, покушавшимся на суверенитет страны.

Но и в этой крайне напряженной обстановке царя не покидала мысль отправить сына за границу, на этот раз не в Дрезден, а в Вену. Однако военные успехи шведского короля и угроза наследнику оказаться в неприятельском плену вынудили царя отказаться и от этого плана и принять решение обучать сына в России. Воспитателем и учителем был

приглашен барон Гюйссен, получивший превосходное образование в немецких университетах. Контракт об условиях его поступления на русскую службу был заключен в 1702 году, а в следующем году он составил обширную программу обучения царевича, предусматривавшую овладение французским языком, сведениями по географии, геометрии, астрономии, фортификации и, для придания воспитаннику внешнего лоска, танцам и верховой езде.

Гюйссену определили должность обер-гофмаршала царевича с жалованьем в тысячу рублей в год, однако он отказался от этой должности, в обязанности которой входили хозяйственные и финансовые заботы. Их он нашел для себя обременительными и попросил назначить на эту должность Меншикова, а себя — его помощником. Таким образом, фактически неграмотный и невоспитанный Меншиков становился главным наставником наследника. Петр удовлетворил просьбу Гюйссена. «Узнав о ваших добрых качествах и вашем добром поведении, — писал он ему по возвращении в Москву из похода 1703 года, завершившегося взятием Ниеншанца (в котором, между прочим, участвовал и тринадцатилетний царевич в качестве солдата бомбардирской роты), — я вверяю единственного моего сына и наследника моего государства вашему надзору и воспитанию. Не мог я лучше изъявить вам мое уважение, как поручить вам залог благоденствия народного. Не мог я ни себе, ни своему государству сделать ничего лучшего, как воспитав моего преемника. Сам я не могу наблюдать за ним, вверяю его вам, зная, что не столько книги, сколько пример будет служить ему руководством».

Однако в начале 1705 года Петр отправил Гюйссена за рубеж для выполнения разного рода дипломатических поручений, и тот возвратился в Москву только в октябре 1708 года. Три с половиной года отсутствия Гюйссена падают на время, когда царевичу надлежало наполнять голову полезными знаниями, а он был предоставлен самому себе. Будучи юношей слабовольным, царевич попал под полное влияние попов, юродивых, родственников бывшей царицы Лопухиной. Его вполне устраивали детские игры, беззаботное времяпровождение. Бездельничать ему никто не мешал: отец был поглощен войной, обергофмейстер находился в Петербурге, а воспитанник — в Москве.

Впрочем, отец не забывал о существовании сына и время от времени, чтобы приобщить его к делам управления, давал ему поручения: заготовить провиант, набрать рекрутов, подготовить Москву к обороне на случай появления у ее стен неприятеля и др.

После разгрома шведов под Полтавой появилась наконец возможность

отправить царевича для обучения за границу. В октябре 1709 года царь велел сыну отправиться в Дрезден, чтобы он, «будучи там, честно жил и прилежал больше к учению, а именно языкам (которые уже учишь, немецкий и французский), геометрии и фортификации и отчасти политических дел». В Дрезден царевича сопровождали сыновья князя Ю. Трубецкого и канцлера Г. Головкина, которых Меншиков, все еще сохранявший должность обер-гофмаршала, обязал, «яко честных и обученных господ», жить там инкогнито, учтиво обходиться с местными жителями и следить, «чтоб его величество государь царевич в наказанных ему науках всегда обретался». Наконец, инструкция требовала от сопровождавших царевича господ иметь с ним «доброе согласие и любовь».

Трехлетнее пребывание за границей почти не обогатило царевича знаниями. Об этом можно судить по его показанию во время следствия: «Когда я приехал из чужих краев к отцу моему в Санктпетербурх, принял он меня милостиво, и спрашивал, не забыл ли я, чему учился? На что я сказал, будто не забыл, и он мне указал к себе привести моего труда чертежи. Но я опасался, чтобы меня не заставил чертить при себе, понеже бы не умел, умыслил испортить себе правую руку, чтоб невозможно было оною ничего делать, и набив пистоль, взяв его в левую руку, стрелил по правой ладони, чтоб пробить пулькою, и хотя пулька миновала руки, однако ж порохом больно опалило; а пулька пробила стену в моей каморе, где и ныне видимо. И отец мой видел тогда руку мою опаленную и спрашивал о причине, как учинилось? Но я ему тогда сказал иное, а не истину. Отчего можно видеть, что имел страх, но не сыновский».

Заслуживает внимания тот факт, что царевич в чем-то стремился подражать своему отцу. Но во всех случаях он заимствовал не лучшие, а худшие стороны характера и образа жизни родителя.

Петр, как известно, комплектовал «штат» соратников как из представителей аристократии, так и простолюдинов, руководствуясь рационалистическим критерием — наличием у них талантов. Широко известны такие имена соратников царя из простонародья, как Меншиков, Курбатов, Шафиров, Ягужинский. Свой двор царевич комплектовал тоже из низов общества, но среди его приближенных мы не найдем ни одной личности, обладавшей какими-либо талантами.

Царь учредил печальной памяти Всепьянейший собор, состоявший из уродливых обжор и забулдыг. Царевич тоже учредил нечто подобное Всепьянейшему собору, прозвав некоторых его членов непристойными и не подходящими для печати прозвищами. Причем, в отличие от

Всепьянейшего собора Петра, совершавшего лишь эпизодические вылазки с участием царя, сборища царевича с участием пьяниц и обжор собирались систематически. Отсюда проистекало хорошо известное пристрастие царевича к горячительным напиткам.

Наконец, царь женился, по терминологии того времени, на «чухонке», бывшей служанке пастора Глюка, захваченной в плен в 1702 году. Царевич тоже завел фаворитку из крестьянской челяди своего учителя Вяземского и имел твердые намерения на ней жениться.^[14]

Глава вторая

Трудный ребенок

После смерти царевича Алексея Петр остался круглым сиротой. Заботу о нем возложила на себя сердобольная супруга царя Екатерина. В 1719 году она назначила своего пажа Семена Афанасьевича Маврина воспитателем четырехлетнего великого князя.

Чему и как учил Маврин Петра Алексеевича, неизвестно. Но судя по тому, как складывалась карьера наставника, неграмотная императрица была довольна службой бывшего пажа — в 1725 году он был произведен в камер-юнкеры, пожалован несколькими деревнями, а в начале 1727 года получил один из высших придворных чинов камергера. Благоклонное отношение императрицы к Маврину выразилось и в том, что она выдала за него замуж камер-фрейлину своей племянницы княжну Лобанову. Вероятно, обязанности Маврина ограничивались не столько обучением, сколько воспитанием: знаниями, необходимыми для обучения Петра, бывший паж не располагал.

(Карьера Маврина оборвалась в 1727 году, когда обнаружилась его причастность к кружку Аграфены Петровны Волконской, интриговавшего против Меншикова. Как только светлейшему стало известно, что члены кружка стремились воспрепятствовать его желанию породниться с царствующей династией, все они подверглись ссылке.)

В 1722 году за обучение внука взялся Петр Великий, более компетентный в требованиях, предъявляемых к тому человеку, который должен отправлять эту должность. Выбор его пал на Ивана Алексеевича Зейкина (по другой транскрипции: Зейкера), служившего учителем в доме Александра Львовича Нарышкина, племянника царя.

Петр лично обратился к Зейкину с просьбой стать наставником внука: «Господин Зейкин! Понеже время пришло учить внука нашего, того ради, ведая ваше искусство в таком деле и добрую вашу совесть, определяем вас к тому, которое дело начни с Богом по осени...»^[15]

Зейкин, видимо по подсказке Нарышкина, долго отказывался от поручения, ссылаясь на неспособность выполнить столь ответственное поручение. Он отвечал царю письмом, в котором заявлял, что «за моею старостию и дряхлостию оное бремя понести не могу. К тому же, в науках и языках недостаточен, такова искусства не имею, штоб высокое вашего

императорского величества изволение мог достоительно исправить и в том ваш государский гнев на себя наведу». Ответ заканчивался просьбой его «от оной службы отставить».

Одновременно Зейкин обратился с письмом, вероятно, к Макарову, чтобы тот «предстательствовал» перед Петром I об освобождении от должности воспитателя. Отказ он мотивировал своей «к толикому делу негодностью» и объяснял, в чем она состоит: «Тут надобна бодрость неусыпная и искусство повсеместное, а я на што ни подумаю, всего мне не достает к исправлению моей в таком служении должности в науках таким высоким лицам пристойных я не достаточен, в языках не доволен, в придворных поступках весьма не заобычен». Зейкин убеждал Макарова, что он не справится с поручением, как «человек чужестранный, беспомощный и многими напастями награжденный». Он и рад бы повиноваться указу, «да совесть моя заставлявает мене донести мои к тому делу недостатки».

С аналогичной просьбой Зейкин обратился и к Нарышкину: «Пожалуйста, государь мой, помилосердствуйте обо мне, слуге своем, извольте исходатайствовать, штоб мне налагаемое бремя миновать... Ни ума, ни силы столько нет, штоб мне оное снести».

Нарышкин тоже обращался к Макарову, чтобы тот «предстательствовал» перед Петром об освобождении Зейкина от обязанностей наставника великого князя, но, судя по ответу кабинет-секретаря Александру Львовичу, успеха не достиг. В письме от 17 мая 1722 года Макаров перед отъездом из Коломны в Астрахань писал Нарышкину: «Хотя я всеми мерами трудился, чтоб господина Зейкера известное бремя миновало, однако ж ничто успело, и изволил ныне его величество написать к нему своеручное письмо, которое послано с Павлом Ивановичем (Ягужинским. — *Н. П.*), где написано, чтоб он то дело начинал кончая с ноября месяца. И хотя я при том доносил, что вы уволены до декабря и чтоб с вами ему ехать, на что изволил сказать последнее, что де и так время немало».^[16]

Петр догадался, что Макаров действовал по просьбе Нарышкина: Нарышкин «его не отпускает, притворяя удобовозможные подлоги, и понеже я не привык жить с такими, которые не слушают, да смирно, того ради и скажи и объяви... что ежели... Зейкин по данному письменному указу не учинит... то я не над Зейкиным, но над ним (Нарышкиным. — *Н. П.*) то учиню, что доводится преслушникам чинить, ибо все сие от него происходит».

Царь отправил Зейкину новое послание. По тональности оно резко

отличается от первого: тогда царь обращался к Зейкину как частное лицо, с просьбой. Второе же послание царь назвал указом, который надлежало безоговорочно выполнить. «Указ господину Зейкину, — писал он 10 ноября 1723 года. — Определяю вас учителем к нашему внуку, и когда сей указ получишь, вступи в дело сие немедленно».

Переписка о назначении Зейкина учителем свидетельствует, с одной стороны, о заботе царя об образовании внука, а с другой — о потере времени, для этого предназначенного. Зейкин не оставил никакой программы обучения, не указал ни предметов, которыми занимался с воспитанником, ни времени, отведенного на эти занятия. С уверенностью можно сказать, что он обучил великого князя латинскому языку: преемник Зейкина барон Остерман не вложил латинский язык в программу образования, из чего следует, что великий князь уже усвоил этот предмет.

Назначил Зейкина учителем Петр I, однако исполнять свою должность ему пришлось в те годы, когда престол занимала императрица Екатерина, а всеми делами заправлял всесильный Меншиков.

10 июля 1727 года Зейкин отбыл на родину в Венгрию, и обучение наследника оказалось в руках Остермана, назначенного на эту должность Меншиковым. К этому времени Екатерина уже скончалась (это случилось 6 мая 1727 года), а великий князь был провозглашен императором.

Отметим, что неграмотный Меншиков знал цену образованию и образованным людям. Назначив Андрея Ивановича Остермана на должность воспитателя, он не освободил его от должностей вице-канцлера и члена Верховного тайного совета.

На первый взгляд это был весьма удачный выбор. Во-первых, Остерман был обязан своей карьере Меншикову — это по его предложению Екатерина I назначила Остермана членом высшего правительственного учреждения — Верховного тайного совета. На первых порах Андрей Иванович проявлял по отношению к своему покровителю полное послушание — не скупился на разумные советы, одним словом, выдавал себя за верного слугу князя. Во-вторых, Остерман принадлежал к числу наиболее образованных людей России. По своей образованности он уступал, пожалуй, лишь новгородскому епископу Феофану Прокоповичу. Но отношения последнего с Меншиковым были натянутыми, так что князь не рискнул передать воспитание императора и своего вероятного в будущем зятя человеку, способному использовать должность наставника, чтобы привить воспитаннику неприязнь к будущему тестю.

Остерман согласился принять должность, вполне оценив ее значение для будущей карьеры. Постоянные контакты с воспитанником сулили ему

немалые выгоды, тем более что он рассчитывал установить с юным Петром доверительные отношения, так сказать, привязать его к себе, подчинить своему влиянию.

В судьбе Петра II Остерман сыграл исключительно важную роль. Как и Меншиков, он принадлежит к наиболее влиятельным фигурам в истории России первой половины XVIII века. Это заставляет нас более внимательно присмотреться к нему.

Портрет Остермана мастерски изобразил современник, секретарь английского посольства Клавдий Рондо, отличавшийся наблюдательностью и стремлением проникнуть во внутренний мир изображаемого им человека. В депеше, отправленной из Москвы в январе 1730 года, он писал:

«Барон Остерман, родом из вестфальского городка Эссена (в действительности Остерман родился в Бохуме. — *Н. П.*), сын бедного местного священника, взят в услужение Крюйсом в Голландии в качестве камерфора. Рекомендован барону Шафирову для занятия в Посольской канцелярии. Продвигаясь по службе, Остерман занимал должности: толмача, переводчика, секретаря, наконец, советника Посольской канцелярии.

Ума и ловкости в нем, кажется, отрицать нельзя, но он чрезвычайно хитер, изворотлив, лжив и плутоват, ведет себя покорно, вкрадчиво, низко сгибается и кланяется, что русскими признается высшей вежливостью. В этом качестве он превосходит всех природных русских.

Он любит пожить, эпикуреец, иногда в нем прорывается некоторое великодушие, но благодарность ему знакома мало. Когда при дворе происходил раздор между Меншиковым и канцлером Головкиным, с одной стороны, и бароном Шафировым — с другой, Остерман покинул не только своего покровителя и благодетеля Шафирова, но еще соединился с его врагами. Победенный Шафиров сослан был в Архангельск (в действительности в Новгород. — *Н. П.*), а так как с его ссылкой при дворе никого, кто бы знал иностранные языки, не было, Остерман по предложению Меншикова вскоре возведен в вице-канцлеры. Меншикова же Остерман отблагодарил, подготовив его падение в прошлое царствование (при Петре II. — *Н. П.*), что хорошо известно всему свету».^[17]

Это самая обширная характеристика Остермана. Прочие современники ограничивались регистрацией отдельных черт характера Андрея Ивановича. Но в отзыве К. Рондо имеется существенный недостаток — он не заметил некоторых важных свойств его натуры, и поэтому, не оспаривая написанного К. Рондо, справедливости ради, надобно отметить положительные черты характера Остермана, которыми он бесспорно был

наделен.

Покровительство Меншикова карьере Остермана простиралось далее назначения его вице-канцлером. При Екатерине I он был введен в состав Верховного тайного совета, в котором фактически заправлял делами. Короче, Меншиков, по словам французского посла Кампредона, «не обосновательно считал Остермана своим созданием».^[18] О нравственном облике Остермана писал другой дипломат, испанский посол де Лириа, мнение которого совпадает с мнением К. Рондо: Остерман «лжив, для достижения своей цели готов на все, религии он не имеет, потому что уже три раза менял ее, и чрезвычайно коварен».^[19]

К. Рондо оставил без внимания такое важное свойство Остермана, как необычайная работоспособность. Чтобы вполне оценить его роль в Верховном тайном совете, назовем других его членов, оставшихся там после ссылки Меншикова в Березов. Первым был президент Адмиралтейской коллегии Ф. М. Апраксин, умерший в 1729 году. Вторым — Г. И. Головкин, занимавший два десятилетия должность канцлера, то есть руководивший внешнеполитическим ведомством. Но он никогда не отличался способностями, тоже имел преклонный возраст и просился в монастырскую келью, хотя в конце концов поддался настойчивым уговорам Остермана и исполнял должность до самой смерти в 1736 году. Головкин был номинальным главой внешнеполитического ведомства. Но эта должность требовала знаний иностранных языков, которыми канцлер не владел, и поэтому иностранные дипломаты предпочитали иметь дело сначала с Шафировым, а затем со сменившим его Остерманом.

Третьим членом Верховного тайного совета был Д. М. Голицын, человек несомненно умный и образованный, но кичившийся своим происхождением от Гедиминовичей и аристократическими повадками в такой мере, что принуждал своего младшего брата фельдмаршала М. М. Голицына вставать при своем появлении. Дмитрий Михайлович мог высказывать разумные суждения, но барская спесь препятствовала претворению их в жизнь. Князь, как и всякий аристократ, считал для себя унизительным выполнять любого вида черновую повседневную работу, он привык повелевать. Зная соотношение сил в Верховном тайном совете, сознавая вполне свое превосходство над остальными членами Совета, Голицын не стремился занять в нем положение лидера, ибо чтит правила придворной игры. Чтобы остаться на плаву, не вступал в конфликт с фаворитами, сначала с Меншиковым, а затем с Долгоруким. Дмитрий Михайлович терпеливо ждал своего звездного часа, когда он, наконец,

сможет играть руководящую роль в Верховном тайном совете, и, наконец, в 1730 году дождался, возглавив движение верховников к ограничению самодержавной власти императрицы Анны Иоанновны.

Характеристика членов Верховного тайного совета понадобилась для того, чтобы подчеркнуть значение Остермана в этом учреждении — он был единственным человеком, способным с немецкой педантичностью и необыкновенным усердием выполнять повседневную работу учреждения. Он был незаменим, без него стопорилась работа Совета. Столь же незаменимым он оказался и в Кабинете министров, сменившем при Анне Иоанновне Верховный тайный совет. Чтобы еще больше влиять на ход дел, он придумал такую хитроумную систему делопроизводства, что без него никто не мог найти нужного в данную минуту документа — только он сам ориентировался в ворохе бумаг.

Остерман хорошо изучил характер российских вельмож, чуравшихся систематического труда. Нельзя не согласиться с мнением секретаря французского посольства в России Маньяна, доносившего 21 июня 1729 года: «Кредит Остермана поддерживается лишь его необходимостью для русских, почти незаменимой в том, что касается до мелочей в делах, так как ни один из русских не чувствует себя достаточно обстоятельным, чтобы взять на себя это бремя».^[20]

В подобной ситуации в отсутствие Остермана учреждение превращалось в тихую заводь, его работа была парализована. Любопытное наблюдение, подтверждающее этот факт, сделал английский поверенный в делах Т. Уорд в депеше, отправленной 18 сентября 1728 года: «Всеми делами занимается исключительно Остерман, и он сделал себя настолько необходимым, что без него русский двор не может сделать ни шагу. Когда ему неуютно явиться на заседание Совета, он сказывался больным, а раз барона Остермана нет — оба Долгоруких, адмирал Апраксин, граф Головкин и князь Голицын в затруднении; они посидят немного, выпьют по стаканчику и принуждены разойтись; затем ухаживают за бароном, чтобы разогнать дурное расположение его духа, и он таким образом заставляет их согласиться с собой во всем, что пожелает».

Все дипломаты единодушно отмечали способность Андрея Ивановича сказываться больным, когда решался какой-либо каверзный вопрос. Вице-канцлер выжидал до тех пор, пока вопрос не был решен, и тогда он присоединял свой голос к победившему большинству. Подобная тактика исключала возможность появления Остермана в лагере побежденных.

Столь же единодушно иностранные наблюдатели отмечали редкое свойство, которым в совершенстве владел Андрей Иванович, —

способность втереться в доверие к собеседнику, расположить его к себе, убеждать его так, что собеседник, покидая учреждение, полагал, что лучшего и более надежного приятеля, чем Остерман, у него нет на всем белом свете.

К свойствам Остермана, высоко ценимым в дипломатии, относилось умение много говорить и ничего не сказать. Во время бесед с Остерманом иноземные послы пытались выведать у него интересующие их сведения, но Остерман, если не желал их сообщить, то на прямые вопросы давал такие уклончивые ответы, что их можно было толковать и так и этак. В результате собеседник с чем приходил, с тем и уходил.

И, наконец, последнее — Остерман умел навязывать собеседнику свои мысли так ловко и без всякого нажима, что тот в конце концов воспринимал их как свои собственные, не подозревая, что они родились в голове Остермана, а не в его собственной, и удивляясь, что его голову навестили суждения, удостоенные похвалы такого умного человека.

Среди современных ему вельмож Остерман выглядел белой вороной, поскольку не был уличен ни в казнокрадстве, ни во взяточничестве. Взятки деньгами или натурой (лошадьми, убранством к ним, персидскими коврами, дорогими сукнами, крепостными крестьянами и пр.) считались после смерти Петра столь обыденным явлением, что их относили к преступлениям лишь на бумаге. Отказ Остермана от получения подношений попал даже на страницы депеш французского и английского дипломатов. В августе 1727 года Остерман отказался от подарка царя, не приняв пожалования ему графским достоинством и деревнями, конфискованными у П. А. Толстого. По словам секретаря французского посольства Маньяна, Остерман говорил, что не заслужил их и согласится принять пожалования, когда царь станет совершеннолетним. Аналогичный случай произошел два года спустя. 23 августа 1729 года К. Рондо извещал английский двор: «Барон Остерман, человек по общим отзывам неподкупный, недавно отказался принять поместье в Пруссии, приносящее тысяч шесть крон ежегодного дохода и принадлежавшее князю Меншикову». Король этим подарком хотел подкупить Остермана, рассчитывая на то, что русская армия будет одеваться не в английское, а в прусское сукно.^[21]

Чем руководствовался Андрей Иванович, отказываясь от получения солидного куша: принципиальным осуждением взяточничества и казнокрадства или страхом быть избалованным и наказанным? Думается, второе. Подкуп дипломатов, в том числе и русских, выдачей единовременных крупных сумм или ежегодного пенсионного явлением,

распространенным при всех европейских дворах. Но Андрей Иванович знал, что он, как иностранец, не пользовался расположением русских вельмож — у него было много недругов и завистников. Десятки пар глаз пристально наблюдали за его действиями, и любая его оплошность могла стоить ему карьеры. Остерман предпочитал не рисковать.

Все перечисленные свойства природы позволяли Андрею Ивановичу уверенно себя чувствовать в течение шести царствований и правлений регентов, одинаково нуждавшихся в его услугах. Умел он ладить и с фаворитами, нередко игравшими более значительную роль, чем монархи и монархини. Лишь Елизавете Петровне удастся отправить Андрея Ивановича в ссылку — в тот самый Березов, куда он в свое время упек А. Д. Меншикова. Причем и тогда Остерман мог бы избежать катастрофы, если бы его совета послушалась ленивая и беспечная правительница Анна Леопольдовна. Последние пять-шесть лет перед переворотом в пользу Елизаветы Петровны Андрей Иванович страдал недугом (подагрой), приковавшим его к постели, но это не помешало ему удерживать в руках кормило правления страной. Ему стало известно о готовившемся перевороте, и он велел себя одеть, усадить в кресло и внести в покои правительницы, чтобы предупредить ее о грозившей опасности. Но та по легкомыслию расхохоталась над его словами и стала показывать ему только что приобретенные платья для грудного императора Ивана VI Антоновича...

Падение Остермана случится в 1741 году. Ну а в 1727 году—в год, когда он был назначен воспитателем императора, — он занимал должности члена Верховного тайного совета, президента Коммерц-коллегии и вице-канцлера. Тем не менее он осознавал непрочность своего положения при дворе и необходимость лавировать между соперничавшими группировками, угождать то одной из них, то другой. Его престиж то падал, то поднимался до небывалой высоты, когда его, по словам саксонского посланника Лефорта, считали «ментором» русских вельмож, которые «без его совета ничего не предпринимают».

Наставник императора начал с того, с чего и должен был начать, — с составления «Представления о разделении часов, которые его императорское величество к своим наукам и забавам употребляет изволит». Этот документ он и подал на рассмотрение Верховного тайного совета. «Представление» состоит из двух частей: в первой автор изложил общий взгляд на воспитательный процесс; во второй распределил часы на каждый день недели.

Составляя документ, Андрей Иванович руководствовался принципами

педагогической науки того времени — обязательным чередованием учебы и отдыха, развлечений и сна: «Понеже часы к наукам и забавам всегда переменятца имеют, того ради в разделении оных надлежит наипаче смотреть пред полуднем. И тако, ежели его императорское величество обыкнет порядочно в 9-м или 10-м часу почивать ложитца, то может паки о 7-м или 8-м часу вставать». По окончании сна прежде всего надлежало, «чтоб к Богу обратился», после чего можно приступить к занятиям.

Некоторыми знаниями Петр овладел под руководством Маврина и Зейкина: умел читать, писать и даже в какой-то мере владел латынью.^[22] Об этом свидетельствует текст письма Петра сестре Наталье Алексеевне. Судя по его содержанию, в котором вкратце была изложена своего рода программа царствования, текст письма был сочинен не одиннадцатилетним отроком, но его наставником. Судите сами:

«Богу угодно было назначить меня в столь юных летах государем Российским. Первым долгом моим будет приобрести славу доброго монарха и управлять народом справедливо и богобоязненно. Я буду стараться покровительствовать и помогать несчастным; буду оказывать пособие бедным; внимать гласу невинно угнетенных и, следуя примеру императора Веспасиана, никого с печалью не отпускать от себя».^[23] Этим письмом наставник намеревался достичь двух целей, главнейшая из которых состояла в установлении добрых отношений между ним и великой княжной Натальей Алексеевной. Остерман не жалел хвалебных слов в ее адрес, стремился лестью и ей внушить доверие к себе. Другая цель — убедить великую княжну в том, что ее брат находится в руках надежного наставника, готового прививать воспитаннику чувство ответственности монарха перед подданными, которые под его скипетром обретут благоденствие.

Перейдем к рассмотрению расписания занятий на каждый день. Оно любопытно тем, что представляет собой первую заранее запланированную попытку воспитать из подростка монарха, владеющего необходимыми знаниями и способного умело управлять страной и решать внешнеполитические задачи. Кроме этой главной цели расписание имело в виду привить воспитаннику светские манеры, умение держать себя так, чтобы подданные видели в нем не простого смертного, а человека, Богом призванного властвовать над ними.

Из преподаваемых предметов много часов отводилось изучению истории, поскольку в те времена историю считали наукой опыта, который следует изучать монарху, чтобы не допускать ошибок предшествующих

правителей как внутри страны, так и вне ее, и следовать примерам, приносившим им успех. Этот взгляд на значение истории выражен так: «Читать историю и вкратце главнейшие случаи прежних времен, перемены, приращения и умаления разных государств, причины тому, а особливо добродетели правителей древних с воспоследованною потом пользою и славою представлять. И таким образом можно во время полугода пройти ассирийскую, персидскую, греческую и римскую монархии до самых новых времен и можно к тому пользоваться яко автором первой части исторических дел Яганом Гибнером...»

Затем предполагалось перейти к новой истории, прежде всего соседних государств, чтобы изучить их силу и слабости, нравы и способности правителей.

«Предложение» предусматривало изучение главнейших из бытовавших в то время дисциплин: географии, арифметики, геометрии, механики, оптики и др.

Приведем в вольном изложении расписание на неделю, в которой каждый день делился на две части: до полудня и после него.

Понедельник: с 9 до 10 часов — древняя история, с 10 до 11 можно императору в своих покоях забавляться; с 11 до 12 часов продолжать изучать древнюю историю, с 12 до 2-го часа — время для обеда и покоя. Пополудни от 2 до 3 — танцы и музыка, от 3 до 4 изучалась география отчасти по глобусу, отчасти по карте. Время от 4 до 5 часов отводилось для забав, от 5 до 6 — покой, от 6 до 7 — продолжить прежние забавы.

Вторник: с 9 до 10 часов изучать новую историю, с 10 до 11 — отдых, с 11 до 12 продолжение занятий новой историей. Пополудни, с 2 до 3 забавляться игрой, а с 3 до 4 изучить арифметику и географию, с 4 до 5 часов можно забавляться стрельбой в мишень; с 5 до 6 — отдых, а с 6 до 7 «продолжать одну забаву из прежних».

Среда: до полудня присутствие в Верховном тайном совете, пополудни с 2 до 3 обучаться игре в бильярд, с 3 до 4 продолжать изучать древнюю историю, с 4 до 5 забавляться ловлей птиц на острове, от 5 «можно покоитца, а от 6 до 7 часов продолжать прежнюю забаву».

Четверг: с 9 до 10 изучение географии, с 10 до 11 — отдых, с 11 до 12 — «паки географию». Пополудни с 2 до 3 — танцы, с 3 до 4 — новая история, с 4 до 5 — музыкальный концерт; с 5 до 6 продолжать слушать музыку или отдыхать, с 6 до 7 — гулять верхом на лошади.

Пятница: до полудня присутствие в Верховном тайном совете, пополудни с 2 до 3 игры (моментеншпиль, или бильярд); с 3 до 4 занятие математикой и оптикой, с 4 до 5 — прогулка на лошадях; с 5 до 6 — отдых;

с 6 до 7 продолжение одной из забав.

Суббота: до полудня повторение пройденного по географии, что пройдено за неделю. Пополудни от занятий освобождается.

Расписание было одобрено и утверждено подписями Меншикова, генерал-адмирала Апраксина, канцлера Головкина и князя Голицына. Из его содержания можно заключить, что учебная нагрузка императора была не слишком обременительной. «Рабочий день» императора начинался в 9 утра и заканчивался в 7 вечера, то есть продолжался в течение 10 часов.

С понедельника по пятницу, то есть в дни, заполненные заботами всякого рода, на долю овладения знаниями отводилось 12 часов — это четвертая часть всех «рабочих» часов.

Остальные 38 часов предназначались для обеда и послеобеденного сна, отдыха между занятиями и разного рода развлечений: игр, танцев, концертов, езды на лошади и др.

По дням учебные часы распределялись неравномерно. Самым напряженным был понедельник — Остерман, видимо, исходил из того, что за половину субботнего дня и воскресенье воспитанник накопил достаточно энергии, чтобы посвятить усвоению знаний 4 часа. Во вторник и четверг император «грыз науку» по 3 часа, а в среду и пятницу — по одному часу. В эти два дня в дополуденные часы император должен был присутствовать в Верховном тайном совете, то есть осваивать опыт управления государством. Надо полагать, два часа, проводимые отроком в учреждении, были самыми нудными и утомительными — ему приходилось слушать не всегда понятные донесения воевод, губернаторов, коллегий, Сената и разного рода контор и канцелярий, а также обсуждения этих донесений и, наконец, указы по ним. Вряд ли все это могло вызвать у отрока живой интерес.

Дело с расписанием занятий изучал знаменитый историк С. М. Соловьев. Он, однако, не обратил внимания на текст, написанный мелкими печатными буквами, под которыми стоит подпись: «Петр». По всей вероятности, это поправки, внесенные самим Петром. Правда, должно отметить, что текст, как и подпись под ним, ничего общего с детским почерком не имеют.

Приведем этот текст полностью, несколько поновляя орфографию:

...

«В понедельник пополудни от 2 до 3 часов учиться, а потом солдат учить. Пополудни вторник и четверг с собаками на поле; пополудни в среду солдат обучать; пополудни в пятницу со птицами ездить; пополудни в субботу музыкою и танцованием; пополудни в воскресенье — в Летний дом

и в тамошние огороды. Петр»

Повеление Петра существенно изменило составленное Остерманом и утвержденное Верховным тайным советом расписание. Оно уменьшило на 3 часа время, отведенное овладению знаниями, и ввело новые обязанности, возложенные на себя самим юным императором: экзерциции с солдатами, а также охоту на зверей и птиц.

В деле имеется второй вариант расписания, составленный с учетом пожеланий Петра. Новизна его состоит в том, что пополудни в понедельник вместо танцев император с 2 до 3 часов намеревался обучать солдат, а послеобеденное время вторника и четверга, «ежели время хорошее, с собаками на поле ездить», а в пятницу — «со птицами ездить».

Этот вариант расписания, как и первый, не датирован, но с некоторой долей вероятности можно предположить, что оно составлено после падения Меншикова и появления при дворе Петра II Ивана Долгорукого, привившего императору страсть к охоте. Меншиков, как известно, охотой не баловался и с нареченным зятем ездил на охоту единственный раз.

Еще два варианта расписания также не подписаны и не датированы. Наибольший интерес представляет четвертый вариант. От предшествующих он отличается наличием текста о религиозном воспитании и введением нового приема обучения, а также изменением списка изучаемых предметов. Вероятно, это расписание было составлено также вскоре после падения Меншикова, который незадолго до этого упрекал Остермана в том, что тот стремится привить ученику лютеранскую веру.^[24] Подозрения Меншикова, видимо, имели основание. В депеше от 30 сентября Маньян сообщал, что канцлер Головкин будто бы обратился к Остерману с вопросом: «Не правда ли непонятно, как воспитание нашего монарха поручается человеку, подобному вам, который совсем не принадлежит к нашей религии и который сверх того, по-видимому, не использовал никакой религии».^[25] На эти упреки Остерман и поспешил отреагировать.

Последний вариант расписания начинается словами: «Ежедневно поутру и первым Богу благодарение воздать, потом, убрався, учить что вчерашнего дня учил прочесть, дабы то всегда в незабытной памяти было, и потом труд вновь прилагать к наукам». Обучению наукам отводилось 3 часа в неделю: два до полудня и один час пополудни.

Из изучаемых предметов, включенных в первый вариант расписания, в четвертом отсутствуют древняя история, механика, оптика, танцы, музыка, экзерциции и охота, игра в бильярд. Быть может, частью забав император

занимался в воскресенье: четвертое расписание освобождало от занятий два дня в неделю; «суббота для отдохновения от труда, а воскресенье — для гулянья». Исключенные предметы заменены фортификацией и политикой, а также совершенствованием знаний немецкого и французского путем перевода с русского на французский и немецкий, и наоборот. «Сверх того вместо забавы и для известия получаеваемые куранты (газеты. — Н. П.) читать и переводить». Известия о событиях, извлеченные из «курантов» в разных странах, надлежало закреплять поисками на карте места, в котором происходило событие, — «под которым горизонтом лежит и какое имеет положение, дабы впредь в знатной случай и во время разговоров и верящую отповедь дать можно». Специальное время отводилось беседе о вере.

Заканчивается четвертое расписание обязанностью посещать церковь и наставлением о поведении в ней: «В дванадесятые и Господские праздники и в воскресные дни приходить во святую церковь к литургии и во время оной стоять со страхом и пение слушать со вниманием, а особливо во время чтения Апостола и Евангелие прилежно слушать и рассуждать о Законе Божьем».^[26]

К сожалению, сведения о том, как реализовались все эти расписания и каких успехов достиг ученик в усвоении преподаваемых дисциплин, отсутствуют. Сохранилась лишь небольших размеров черновая тетрадь с упражнениями по арифметике.

Можно, однако, утверждать, что в первые месяцы, когда Остерман приступил к исполнению обязанностей наставника, дело у него будто бы ладилось. Пока Меншиков был в силе, обучение царя шло успешно. Светлейший старался держать отрока в строгости. Уже 17 мая 1727 года Лефорт доносил: «Барон Остерман совершенно вошел в свою должность воспитателя императора, который часто с ним гуляет. Говорят, что Остерман употребляет все усилия, чтобы положенная на него обязанность делала ему все более и более чести». В июне того же года еще одно донесение Лефорта в том же духе: наставнику удалось заслужить доверие царя, «которым он вполне овладел».^[27] Но в том же июне отмечен тревожный симптом: «Кажется, что страсть царя к охоте увеличивается все более. Выдумывают разные средства, чтобы отвлечь его от этого, но страсть зашла так далеко, что он не в состоянии заняться чем-нибудь другим». Объяснялось все просто: в этом месяце Меншиков тяжело болел и, следовательно, ослабил контроль за поведением Петра.

В июле-августе жизнь императора как будто вошла в нормальную

колею. Иностранные дипломаты отмечали успехи в его обучении. 12 июня 1727 года прусский посланник Мардефельд с похвалой отзывался об успехах Остермана: «Барон Остерман прилагает с большим искусством до того превосходные меры к воспитанию императора, что граф Рабутин (посол Австрии. — Н. П.) после каждого своего возвращения из Петергофа не может достойно нахвалиться ими». Спустя месяц с небольшим, 15 июля, Мардефельд продолжал восхищаться успехами наставника и его подопечного. Остерман с радостью сообщал ему, что молодой император ежедневно слушает его наставления в государственных делах, внутренних и внешних. Каждое утро приходит к нему император в халате и питает к нему такую любовь, какую нельзя выразить словами.^[28] Сообщение Мардефельда подтвердил в августе 1727 года Маньян: «Остерман не упускает решительно ничего, что могло бы содействовать усилению удивительного расположения, питаемого к нему молодым царем; постепенно его пребывание около молодого царя доходит до того, что он ни разу не избавил себя от обязанности сопровождать царя при всех его прогулках верхом».^[29]

Нежность, которую воспитанник проявлял к своему наставнику, вполне объяснима: ставший в четырехлетнем возрасте круглым сиротой, не знавший родительской ласки и подвергавшийся жесткому контролю, а порой и грубому унижению со стороны Меншикова, юный Петр обрел в Остермане доброго и заботливого человека, и детское сердце ответило благодарной привязанностью. И Остерман в полной мере воспользовался своим влиянием на царя. Причем совсем не так, как ожидал от него Меншиков.

Именно в августе, когда Остерман завоевал любовь к себе царя, стало наблюдаться охлаждение в отношениях между царем и Меншиковым. Между ними произошло несколько конфликтов. В этой ситуации Петр естественно стремился обрести опору в Остермане, проявлявшем к нему теплоту, расположение и заботу. Отрок конечно же жаловался на притеснения Меншикова, рассказывал о своих столкновениях с ним. Надо полагать, уже тогда у Остермана созрела коварная мысль свалить Меншикова, а потому, вместо того чтобы заботиться о примирении, он исподволь стал внушать Петру мысль о необходимости освободиться от тирании князя.

После падения Меншикова (сентябрь 1727 года) интерес Петра к обучению заметно угас. Соответственно, возросла страсть к охоте. Вместе с этим стало падать и влияние Остермана. Андрей Иванович делал попытки

отвлечь Петра от его страсти к охоте, правда, не слишком настойчивые.

В декабрьской депеше Мардефельда звучат уже тревожные нотки, хотя он по-прежнему восторгается успехами Остермана: «Барон фон Остерман пользуется милостью императора в такой степени, как никогда прежде, и царь дает ему столько доказательств своего расположения, как ему может быть желательно». Но в этой же депеше посланник сообщает о своем огорчении тем, что император «так слепо следует своим молодым любимцам, а в особенности Ивану Долгорукову в их тайных забавах, что он этим отвлекается от государственных дел...»^[30]

Петр велел призвать ко двору Ивана Долгорукого сразу же после падения Меншикова. Тут же обнаружилось тлетворное влияние Долгорукого на Петра. Поначалу оно еще не было устойчивым, что явствует из донесений послов, отправленных в одни и те же месяцы — ноябре и декабре 1727 года. 4 ноября Маньян сообщал: «Царь с удовольствием каждое утро по несколько часов предается правильному обучению в апартаментах Остермана». Австрийский же посол Рабутин, отправивший депешу несколько недель спустя, придерживался диаметрально противоположного мнения, причем возлагал всю вину за несоблюдение ранее установленного порядка на Остермана: «Дело воспитания государя идет плохо. Остерман крайне уступчив, стараясь тем самым приобрести доверие своего воспитанника, и в этом заключается сильное препятствие успеху. Развлечения берут верх; часы учения не определены точно, время проходит без пользы, и государь все более привыкает к своенравию. Я не вижу, чтобы государь был прилежным. Об этом можно сожалеть тем более, что государь обладает необычайными способностями».^[31]

В январе 1728 года испанский посол де Лириа сообщал: «Барон Остерман в отчаянии, что его труды по воспитанию пропадают даром». Остерман будто бы даже заболел после беседы с царем, которому он вынужден был говорить об образе его жизни. «Его величество, выслушав, ушел от него, не сказав ни слова. Спустя несколько дней он опять говорил ему о том же, прибавив, что его величество чрез несколько лет сам велел бы отрубить ему голову, если бы он не предостерегал его от пропасти, в которую он теперь стремится; и что он не может быть свидетелем его гибели и отказывается от звания воспитатель. Царь обнял Остермана и со слезами на глазах просил не оставлять его, но в тот же самый вечер принял за прежнее».

В последующие месяцы систематическая информация иностранных

дипломатов о воспитании и обучении императора появляется лишь эпизодически. Так, К. Рондо доносил 19 сентября 1728 года: «Царь думает исключительно о развлечениях и охоте, а сановники — о том, как сгубить друг друга». Его преемник Т. Уорд 5 июля 1729 года изобразил более удручающее состояние дел с обучением императора, которое практически давно прекратилось: «Вблизи государя нет ни одного человека, способного внушить ему надлежащие, необходимые сведения по государственному управлению; ни малейшей доли его досугов не посвящается совершенствованию его в познании гражданской или военной дисциплины. Часы, свободные от верховой езды, охоты, развлечений, проходят в слушании пустых рассказов о том, что случилось с таким-то или таким-то».^[32]

При этом надо сказать, что современники достаточно высоко оценивали способности юного императора, хотя сведения их на этот счет, к сожалению, весьма отрывочны и неполны.

Бесспорно, самые обстоятельные сведения о способностях Петра мог оставить его наставник А. И. Остерман, непосредственно участвовавший в процессе его обучения и воспитания и наблюдавший свойства его памяти, рассудительность, способность быстро или медленно усваивать преподаваемые ему дисциплины и т. д. Остерман не оставил обстоятельных и конкретных суждений о способностях воспитанника. Однако мы узнаем о них из статьи А. Брикнера, изучившего донесения австрийских дипломатов о русском дворе при Петре II. Австрийский посол Вратислав затеял разговор с Остерманом, выразив «крайнее свое сожаление, что никто не думает о том, чтобы приучить Петра к занятиям делами, и что постоянное отсутствие государя отзывается вредно на ходе дел. Остерман говорил Братиславу в марте 1729 года, что не должно терять надежды и что при необычайных способностях Петра можно ожидать больших успехов, лишь бы было прилежание».^[33]

Не только Остерман, но и другие современники высоко отзывались о необыкновенных способностях Петра, но никто из них не удосужился поведать, в чем они выражались, в каких сферах его деятельности проявлялись. Больше всех восторгался одаренностью Петра II испанский посол герцог де Лириа. 21 февраля 1729 года он извещал свой двор: «Нужно опасаться, что его величество, одаренный большой проницательностью и довольно решительным характером, может принять какую-нибудь крутую меру, которая произведет изменения в здешнем правительстве».

В другом донесении де Лириа уже не толковал о «большой пронизательности» Петра, но высказал опасения, что с возрастом могут проявиться отрицательные свойства его натуры: «Хотя и трудно сказать что-либо решительное о 14-летнем государе, но можно было догадаться, что он будет вспыльчив, решителен и, может быть, жесток, хотя с приближенными к нему он обходится ласково, однако же не забывает своего высокого сана и не вдаваясь в слишком короткие связи».

Третий отзыв де Лириа, сделанный уже после смерти Петра II, вступает в явное противоречие с первыми двумя, причем настолько, что появляются подозрения, принадлежит ли он перу испанского посла: «Добрые качества сего государя давали надежду на счастливое и славное царствование. В нем было много ума, сметливости, скромности. В нем не было никакой склонности к каким-либо порокам, а пьянство, в то время всеобщее, совсем не было по его вкусу... Он хорошо говорит по-немецки, по латыни и по-французски и имел хорошее понятие о науке. Но сделавшись государем в 11 лет, оставил совсем науку, а окружающие его русские старались отвадить его от чтения, чтобы он не научился. Он не имел еще довольно твердости духа, чтобы действовать по собственному побуждению».^[34]

В этом панегирике нет ни грани истины. Если бы он был составлен при жизни Петра и отправлен обычной почтой, то можно было бы предположить, что де Лириа, зная о перлюстрации писем, предпринял попытку хвалебными словами в адрес Петра завоевать симпатии как его самого, так и правительства. Но в том-то и дело, что А. Брикнер, из статьи которого заимствована эта цитата, заявляет, что отзыв испанского посла был написан после смерти Петра II.

То, что отзыв испанского посла является односторонним, не подлежит сомнению. Де Лириа лучше, чем прочим иностранным наблюдателям, были известны пороки императора: его склонность к разврату, разгулу, жестокости (о чем речь пойдет в следующих главах книги), его нежелание учиться. Да и вряд ли можно согласиться с мнением де Лириа, когда он писал, что император забросил обучение из-за того, что окружающие его русские хотели, чтобы он пребывал в темноте и невежестве, дабы легче было управлять им.

О незаурядных способностях Петра толковали и другие иностранные дипломаты, находившиеся тогда в России. Но все они выражали сожаление, что способности эти никак не развиваются и расходятся впустую.

Глава третья

«Тестамент» и его последствия. Меншиков на коне

В феврале 1722 года император Петр I обнародовал Устав о наследии престола, коренным образом менявший порядок престолонаследия. Появление его было обусловлено отчасти делом царевича Алексея, отчасти рационалистическими убеждениями царя. Петр решил поломать установившуюся традицию, когда великокняжеский, а затем царский престол после смерти государя автоматически переходил к его старшему сыну.

Устав о наследии престола передавал право назначить преемника царствующему государю: «Кого он похочет, того и назначит». Более того, царствующий монарх, обнаружив, что назначенный им наследник не в состоянии нести бремя управления страной ввиду своих ограниченных умственных способностей или по болезни, мог назначить другого наследника.

Неизвестно, по какой причине Петр не воспользовался им же установленным порядком престолонаследия накануне смерти. На этот счет можно высказать лишь две догадки, имеющие равные права на существование. Либо Петр так и не простил супружескую неверность Екатерины, обнаружившуюся в самом конце его жизни; либо не признавал опасности болезни и рассчитывал, что ему и на этот раз удастся победить недуг.

Однако болезнь оказалась смертельной, и 28 января 1725 года после долгих мучений царь скончался. Екатерина не отходила от постели умирающего, но из-за опасения вызвать его гнев не решалась напомнить об указе о наследнике.

Впрочем, еще в мае 1724 года Петр короновал супругу. На наш взгляд, не вызывает сомнений тот факт, что императорская коронация Екатерины имела отнюдь не декоративное значение, а преследовала практическую цель: убедить подданных в том, что супруга царя, иноземка по происхождению, не имевшая никакого родства с правящей династией, претендует на такие заслуги перед страной, которые позволяют ей занять русский престол. Иными словами, коронация одновременно представляла собой провозглашение Екатерины наследницей престола.

Петру конечно же были известны крайне ограниченные способности будущей императрицы. Но ему было также хорошо известно доброжелательное отношение к ней своих соратников. Отсюда уверенность, что государственный корабль будет двигаться по проложенному им, Петром, курсу, что возврата к старому не последует, что преобразования будут продолжаться.

Между тем круг наследников Петра был довольно широк. Помимо супруги, в него входили две дочери Петра от Екатерины — Анна и Елизавета, а также девятилетний внук Петр, сын погибшего царевича Алексея Петровича. Последний как единственный представитель династии по мужской линии при отсутствии завещания имел, согласно обычаю, наиболее предпочтительные шансы занять престол. Однако царь относился к внуку со смешанными чувствами: временами он проявлял к нему нежность, временами — подозрительность. Петр опасался того, что внук может пойти по стопам отца; в таком случае велика была вероятность того, что он повернет историю страны вспять, предаст забвению реформы, нацеленные на преодоление отсталости России. Кандидатура великого князя Петра Алексеевича не устраивала и ближайших соратников Петра Великого: ведь все они в свое время подписывали смертный приговор его отцу, царевичу Алексею.

Правда, девятилетний мальчик, вступив на престол, никакой угрозы не представлял. Но повзрослев, он мог начать мстить за смерть своего отца. Главными же виновниками гибели царевича Алексея Петровича были А. Д. Меншиков и П. А. Толстой.^[35]

Неудивительно поэтому, что именно ближайшие сподвижники Петра Великого: Меншиков, Толстой, а также Ягужинский, Макаров, Апраксин и другие — оказались сторонниками восшествия на престол императрицы Екатерины.

В противовес им существовала другая «партия», которая активно поддерживала законного наследника — великого князя. В ее состав входили представители двух родовитейших кланов — Долгорукие и Голицыны, а также князь Репнин и старший брат адмирала Ф. М. Апраксина Петр Матвеевич Апраксин.

В ночь на 28 января 1725 года во дворце, где агонизировал царь, собрались вельможи, чтобы решить вопрос о том, кому наследовать престол. Д. М. Голицын, самый опытный и умный представитель «партии» великого князя, здраво оценив соотношение сил своих сторонников и сторонников Екатерины, пришел к выводу, что перевес у противной «партии», и предложил хитроумный план, крайне опасный для новой знати:

возвести на престол великого князя, а регентство до его совершеннолетия поручить Екатерине.

П. А. Толстой сразу же разгадал коварность замысла Голицына, грозившего новой знати суровой расправой, и произнес против него пространный монолог:

«Это распоряжение именно произведет междоусобную войну, которой вы хотите избежать, потому что в России нет закона, который бы определял время совершеннолетия государей; как только великий князь будет объявлен императором, то часть шляхетства и большая часть подлого народа станут на его стороне, не обращая внимания на регентство».^[36]

Однако судьбу престола решили не разговорами, а грубая сила. Меншиков действовал напористо и решительно. Тело царя еще не успело остыть, дебаты были в самом разгаре, когда раздалась барабанная дробь: у дворца появились два гвардейских полка.

— Кто осмелился привести их сюда без моего ведома? Разве я не фельдмаршал? — повысил голос президент Военной коллегии фельдмаршал князь Н. И. Репнин.

Ему отвечал гвардии подполковник И. И. Бутурлин, ставший после смерти императора полновластным командиром Преображенского полка. Выходец из старинного рода, он оказался на стороне новой знати из-за конфликта с Репниным:

— Я велел им прийти сюда по воле императрицы, которой всякий подданный должен повиноваться, не исключая и тебя.

Кто-то из сенаторов предложил было открыть окно, чтобы спросить у стоявших близ дворца гвардейцев, кого они желают видеть на троне. Меншиков решительно пресек эту затею.

— На дворе не лето, — сказал он хладнокровно. Значимость своих слов он подтвердил приглашением в покои двух офицеров.

Так престол Российской империи заняла неграмотная жена царя Петра. Не обладавшая ни опытом управления государством, ни необходимыми для этого знаниями, она неизбежно должна была стать марионеткой в руках вельмож — прежде всего Меншикова и Толстого.

Перевес по степени влияния на императрицу был на стороне Меншикова. Екатерина хорошо помнила о самой главной его услуге: именно благодаря стараниям князя она стала супругой Петра. Огромное влияние Меншикова на Екатерину определялось и свойствами натуры Александра Даниловича, человека столь же алчного, сколь и одаренного, отважного, решительного, крайне честолюбивого. Ему без труда удалось подчинить своей воле императрицу и приобрести, по справедливой оценке

А. С. Пушкина, статус «полудержавного властелина».

Толстой, также имевший средства воздействия на императрицу, предпринял попытку ограничить власть Меншикова. Именно с этой целью он добился создания Верховного тайного совета — коллективного органа, который от имени императрицы должен был править страной. Однако надежды Петра Андреевича не оправдались: Меншиков, опираясь на безвольную императрицу, действуя от ее имени, оказался полновластным хозяином и Верховного тайного совета, которому диктовал свою волю. Члены Совета хотя и тяготились всевластием временщика, но терпеливо сносили его грубость и произвол, ибо понимали бесполезность и опасность сопротивления — крутой на расправу князь мог лишит противников и власти, и богатства.

Чрезмерная власть князя, видимо, тяготила и Екатерину. По совету старшей дочери Анны, выданной замуж за герцога Голштинского, она решила создать своего рода противовес Меншикову, введя в состав Верховного тайного совета своего зятя. Причем герцог Голштинский стал не рядовым членом, а первым лицом в этом учреждении.

Но и таким способом приструнить Меншикова не удалось. Герцог не владел русским языком, и для него специально переводили на немецкий как донесения, так и постановления Верховного тайного совета. Это крайне задерживало работу учреждения и сильно раздражало присутствующих. Кроме того, герцог не мог состязаться с князем ни в способностях, ни в знании обсуждаемых вопросов. Некоторое время между ними царило согласие, сменившееся холодностью, а затем открытой враждебностью, особенно обострившейся после того, как Анне Петровне и ее супругу стало известно содержание завещания Екатерины, согласно которому ни одна из ее родных дочерей не объявлялась наследницей престола, а преемником становился ее неродной внук — великий князь Петр Алексеевич.

Идея эта принадлежала не кому иному, как Меншикову. Бывший после смерти Петра I самым решительным противником воцарения великого князя, он всего два года спустя полностью поменял свое мнение и сделался ярким сторонником передачи престола одиннадцатилетнему юнцу.

Что же было тому причиной? Столь решительное изменение позиции князя объяснялось тем, что Александр Данилович сумел добиться от императрицы исполнения своей самой заветной мечты: породниться с царствующим домом. Это желание и было юридически закреплено завещанием Екатерины — «Тестаментом», пространный текст которого в угоду Меншикову составил, видимо, А. И. Остерман. Воля императрицы — несомненно, навязанная ей светлейшим, — состояла в том, чтобы ее

наследником стал великий князь Петр Алексеевич и чтобы он непременно женился на одной из дочерей Меншикова. В случае исполнения этого условия Меншиков становился тестем императора и мог не опасаться мести за свое участие в гибели царевича Алексея. Более того, отроческий возраст Петра II открывал перед ним возможность стать неограниченным правителем страны и предоставлял условия для утоления своей ненасытной алчности.

Как ни старались сохранить в тайне завещание Екатерины, о его содержании стало известно. Еще в марте 1726 года прусский посол Мардефельд доносил королю: «Сообразить себе не могу, до чего дошла вражда царского семейства против Меншикова». Спустя год, в марте 1727 года, когда план Меншикова стал достоянием обеих принцесс — Анны Петровны и Елизаветы Петровны, обе они «решились со слезами припасть к стопам царицы» и «умоляли государыню обсудить неминуемые гибельные последствия подобного распоряжения, всячески стараясь возбудить ее материнскую нежность... К ним присоединился и Толстой, с которым царица не советовалась раньше. Он еще энергичнее принцесс представил ей, какой непоправимый вред нанесет она себе и своему семейству, поставив притом и вернейших слуг своих не только в невозможность приносить ей отныне какую-либо пользу, но и в необходимость отшатнуться от нее. Ибо, говорил Толстой, он не может скрыть, что и сам предпочитает скорее погибнуть, чем ждать тех страшных последствий, которые он предвидит от подобного согласия; ему явственно представляется топор, готовый упасть на голову государыни и всех ее детей, чего, впрочем, заключил Толстой, ему, может быть, не придется увидеть».

Слезы дочерей и красноречие Толстого, казалось, убедили императрицу, и она отказалась от своего намерения. Но стоило Меншикову, проведавшему о состоявшемся разговоре, явиться к ней на тайное свидание, как он добился от нее «решительного подтверждения данного прежде согласия».

Нам неизвестны доводы цесаревен и Толстого, пугавших Екатерину страшными последствиями брака великого князя и одной из дочерей Меншикова. Но вот ход мыслей Екатерины, в конце концов склонившейся к мнению Меншикова, узнаем из депеши французского поверенного в делах Маньяна, отправленной в Париж за две недели до кончины императрицы: «...не только царица боится опасных последствий своего поступка в пользу великого князя, но еще считает наилучшим из всех доступных ей средств прочно укрепить спокойствие своего правления. Ибо этим государыня, с

одной стороны, успокоит сторонников великого князя, юность коего позволяет обвенчать его лишь весьма нескоро, с другой же, навсегда привязывает к себе князя Меншикова, которого очень основательно считает вернейшим слугой своим среди русских вельмож и на которого может положиться больше, чем на кого-либо». Читая этот текст, не представляет труда догадаться, что доводы, в нем изложенные, были внушены императрице самим Меншиковым.

Однако спокойствие, на которое рассчитывали Меншиков, а вслед за ним и Екатерина, не могло не оказаться эфемерным. Признаки недовольства готовящимся браком обнаружилось сразу же после того, как слух о нем подтвердился.

Помимо цесаревен, смелости выступить против матримониальных планов Меншикова хватило у тех, кто считал себя неизбежной жертвой в случае, если светлейший станет тестем императора. Граф Петр Андреевич Толстой, генерал-полицеймейстер Петербурга (и, к слову сказать, зять Меншикова) граф Девиер, генерал Бутурлин и другие не могли не опасаться и мести Петра II. Вступив на престол и дождавшись своего совершеннолетия, он наверняка вспомнил бы имена тех, кто был виновен в гибели его родителя, а также тех, кто лишил его по праву принадлежавшей ему короны и вручил ее Екатерине. Протест сановников против своеволия светлейшего был очень робким и ограничивался лишь разговорами. Но и этого Меншикову оказалось достаточно, чтобы жестоко расправиться с собеседниками.

Ситуация для светлейшего осложнялась тем, что Екатерина была тяжело больна и доживала последние дни. А потому Меншиков действовал с невероятной скоростью, стремясь провести следствие в максимально короткие сроки и осудить своих противников, пока императрица была еще жива.

Следствие началось 28 апреля, когда был допрошен А. М. Девиер. В тот же день был создан Учрежденный суд, подписаны императрицей — несомненно, по настоянию Меншикова — два указа, сняты показания с Девиера, произведен анализ полученных ответов. Первое и, вероятно, главное обвинение Девиеру состояло в том, что в день обострения болезни императрицы, 16 апреля, когда все присутствующие во дворце должны были выражать скорбь, он, напротив, демонстрировал веселое расположение духа и шутил, проявляя фамильярность по отношению к лицам царской фамилии. Допрашиваемый объяснил, что причина мнимого веселья была в случайной обмолвке: он по ошибке назвал лакея Алексея Егором, что вызвало смех у присутствующих, в том числе у великого князя

Петра Алексеевича. Удалось Девиеру отвести и ряд других обвинений, но не все.

Не раз во время допроса звучало имя великого князя Петра Алексеевича, в том числе и в связи с предполагаемой его женитьбой. Девиер будто бы «сам сел на кровать и посадил с собою его высочество великого князя и нечто ему на ухо шептал...»; «великий князь объявил, что он Девиер в то время посадил его высочество с собою на кровать, говорил ему: “поедем со мною в коляске, будет тебе лутче и воля, а матери твоей уже не быть живой”, и притом ему высочеству напомнил, что его высочеству зговорил женится, а они за него будут волочится, а его высочество будет ревновать». Девиер отвечал на это, что «никогда как он с ево высочеством сидел на кровати, таких слов его высочеству... не говаривал, а его высочество никуды в коляске везти не хотел, и ничем его высочество не обнадеживал». Разговор же о женитьбе великого князя постарался подать в выгодном для себя свете: он будто бы «говаривал его высочеству часто, чтоб он изволил учиться, а как надел кавалерию, худо учиться, а еще как зговорит женитца, станет ходить за невестою и будет ревновать, а учитца не станет». Разговоры такие, пояснил Девиер, он вел «к его высочеству пользе, чтоб придать охоту к учению ево».

Но все оправдания оказались тщетны. По устному указу императрицы Девиеру было объявлено, чтобы он назвал своих сообщников: «которые с ним сообщники в известных причинах и делах и к кому он ездил и советывал и когда; понеже де надобно то собрание все сыскать и искоренить ради государственной пользы и тишины».

Поражает метаморфоза, произошедшая в судьбе Девиера в течение всего лишь одного дня. Первоначально речь шла о «предерзостных» поступках самого Девиера. Теперь заговорили о сообщниках и о действиях, направленных «к великому возмущению». Росчерком пера Девиер превратился в опасного политического преступника, причем непосредственная связь между первыми показаниями обвиняемого и последней квалификацией его вины не прослеживается: ни из вопросов, ни из ответов на них не вытекало, что государству грозило «великое возмущение».

Зато «великое возмущение» грозило замыслам Меншикова. Очевидно, светлейший использовал арест Девиера в качестве повода для привлечения к следствию более значимых сановников. Правильность догадки подтверждается тем, что в дальнейшем следователи как будто забыли о нарушениях Девиером придворного этикета и сосредоточили внимание на раскрытии заговора, направленного лично против Меншикова.

К следствию были привлечены генерал Бутурлин, граф Петр Андреевич Толстой и другие. Как оказалось, заговорщики намеревались не допустить коронавания великого князя, предпочитая видеть на престоле либо цесаревну Анну Петровну (Девиер, Бутурлин), либо ее сестру Елизавету (Толстой).

А как быть с великим князем Петром Алексеевичем и его правами на царский престол? У Толстого был ответ и на этот вопрос:

— Как великий князь здесь научитца, тогда можно ево за море послать погулять и для обучения посмотреть другие государства, как и протчие европейские принцы посылаютца, чтоб между тем могла утвердитца здесь каранация их высочеств.

3 мая Толстому был объявлен домашний арест. На следующий день аресту подвергли Бутурлина. Нарушая все правила следствия и судопроизводства того времени, Учрежденный суд круглосуточными усилиями канцеляристов состряпал экстракты, то есть краткие резюме допросов обвиняемых. Дело успели закончить к трем часам дня 6 мая. В тот же день Екатерина скончалась. И тем же днем 6 мая датирован приговор, подписанный от имени Екатерины ее дочерью Елизаветой. Он содержал жесткие меры наказания в отношении виновных.

Главная вина осужденных состояла в том, что они, зная «все указы и регламенты, которые... о таких важных делах, а наипаче о наследствии не токмо с кем советовать, но и самому с собою рассуждать и толковать, кольми же паче дерзать определять наследника монархии по своей воле, кто кому угоден, а не по высокой воле ее императорского величества», противились этой воле.

Вторая вина связана со сватовством великого князя Петра Алексеевича: «Что же принадлежит до сватанья великого князя, и ежели то чинено и чинитца по высокой воле ея императорского величества и по желанию, то те персоны, которые тщилися домагаться не допускать до того, весьма погрешили, как против высокой воли ея величества, так и в оскорблении его высочества великого князя». Причем «все вышеписанные злые умыслы и разговоры чинены были от них по их партикулярным страстям, а не по доброжелательству к ея императорскому величеству». Так, «граф Толстой сказал, что боялся великого князя, а протчие сказали, что боялись усилования светлейшего князя».

Определенные судом наказания поражают своей исключительной суровостью: Девиера и Толстого «яко пущих в том преступников казнить смертию»; генерала Бутурлина, лишив чинов и данных деревень, отправить в ссылку в дальние деревни; князя Ивана Долгорукого «отлучить от двора»

и понизить чином, написать в дальние полки... В указе, подписанном именем Екатерины, мера наказания была смягчена. Толстому и Девиеру сохранялась жизнь, причем первому определялась ссылка в Соловецкий монастырь, а второму — в Сибирь.

Обращает на себя внимание тот факт, что ни в экстрактах, ни в именном указе императрицы от 6 мая не упоминался герцог Голштинский, хотя его имя то и дело встречалось в показаниях обвиняемых, которые именно его называли инициатором заговора. Цесаревна Анна Петровна, руководившая вместе с голштинским двором действиями герцога, внушила ему мысль о необходимости противодействовать воцарению Петра Алексеевича. Герцог взялся за дело и по существу привлек к заговору Толстого, Девиера и других. Очевидно, Меншиков смирился с требованиями императрицы не компрометировать имя зятя. Но как только Екатерина сделала предсмертный вздох, судьба голштинской фамилии была решена. Такова участь побежденных: от них отвернулись все, кто им сочувствовал, теперь никто не посмел открыто выступать в их защиту. Французский дипломат Маньян доносил 24 мая 1727 года: «Было замечено, что герцог Голштинский и его супруга при выходе их из зала Совета по смерти царицы не были никем сопровождаемы».^[37] Пало значение герцога в Верховном тайном совете, он настолько неуютно чувствовал себя на его заседаниях, что навестил его до своего отъезда из России единственный раз.

Между прочим, из донесений того же Маньяна следует, что обнаружение завещания не вызвало всеобщего восторга в обществе. И хотя в депеше от 24 мая он писал: «Вступление на престол великого князя доставляет общую радость всему русскому народу», из другой депеши, датированной 30 мая, следует, что радость испытывали далеко не все: при вскрытии завещания партия герцогини Голштинской была настолько сильна, что едва не одержала победы над партией великого князя. «Это обстоятельство вызвало у князя Меншикова такое страшное волнение крови, что ноги у него подкосились, когда он увидел, что перевес клонится не на сторону великого князя. Герцог Голштинский не терял надежды до самой последней минуты». Маньян полагал, что герцог достиг бы своей цели, если бы не погибель Толстого, Девиера, Бутурлина и других в июне 1727 года, что Меншиков не в силах остановить «поток злобных речей, которые продолжают вестись по поводу брака царя на одной из его дочерей».^[38]

Надо полагать, что болезнь Меншикова продлила на месяц-другой

пребывание голштинцев в России. И все же им пришлось отправиться в Киль. Несмотря на отнюдь не ангельский характер князя, он предпочел соблюсти придворный этикет: отъезжавшим салютовали двадцать одним пушечным выстрелом, а когда фрегат поровнялся с Меншиковским дворцом, где пребывал царь, от его имени было произведено шесть пушечных выстрелов, а с фрегата ответили семью. Князь вышел на балкон и помахал рукой.

Осуждая бестактность светлейшего князя, привыкшего действовать напролом, все же надлежит признать, что совершенный им поступок отвечал национальным интересам России — не выдвори он голштинцев из страны, немецкая камарилья, возможно, завладела бы подножием трона на три года раньше, а не при Анне Иоанновне.

Обратимся к содержанию «Тестамент» (Завещания), вызвавшего столь значительный переполох в элите столичного общества. Первый пункт этого пространного документа объявлял наследником престола Петра Алексеевича с его потомством. В случае его смерти бездетным трон должна была занять Анна Петровна и ее потомки, а за нею — Елизавета Петровна с ее наследниками. Трон имели право занимать только лица, исповедовавшие православие.

«Тестамент» далее предполагал, что до совершеннолетия императора, то есть до достижения им возраста 16 лет, «имеют администрацию взять наши обе цесаревны, герцог, прочие члены Верховного совета». В общей сложности в его составе должно было насчитываться девять членов. Завещание предписывало «дела множеством голосов вершить, всегда и никто один повелевать не может».

Один из пунктов «Тестамент» определял неперемное присутствие в Верховном тайном совете Петра II. Далее «Тестамент» обязывал выдать цесаревнам единовременное пособие — по миллиону рублей каждой и, кроме того, на содержание двора по 100 тысяч рублей в год.

Цесаревне Елизавете Петровне «Тестамент» прочил в мужа епископа Любского. Личные вещи покойной императрицы определялось поделить поровну между двумя дочерьми. Они составили изрядную сумму: платье и парчей на 29 199 рублей, алмазных украшений — на 88 605 рублей, галантереи — на 14 220 рублей, серебра — на 23 762 рубля, серебряных изделий — на 36 793 рубля. Итого, не считая мелочей (чулки, одеяла, башмаки и др.), экипировка и украшения Екатерины I были оценены в 191 579 рублей.

«Тестамент» обязывал наследника принять меры к возвращению голштинскому герцогу территорий, отнятых у него Данией. Последний

пункт завещания обязывал Петра II жениться на одной из дочерей Меншикова.

«Тестамент» по сути определял новый порядок престолонаследия, отличавшийся как от традиционного, так и от установленного Уставом о наследии престола 1722 года. Он являлся сплавом того и другого с провозглашением новых норм. Так, Устав о наследии престола предусматривал назначение царствующим монархом лишь преемника, его сменившего, в то время как «Тестамент» заглядывал в будущее — воля императрицы распространялась на порядок наследования на ближайшее будущее.^[39]

Заметим, что из всего пространного содержания «Тестамент» был выполнен лишь единственный, но самый важный пункт — своим преемником императрица назначила великого князя Петра Алексеевича. Что касается остальных пунктов Завещания, то они остались нереализованными как по объективным, так и по субъективным причинам. Так, не состоялся брак цесаревны Елизаветы Петровны по той причине, что неожиданно скончался от оспы жених — епископ Любский. Пустым пожеланием оказался пункт о единовременном пособии цесаревнам по миллиону рублей и по 100 тысяч на содержание их двора — казна была пуста. Нереализованным оказался пункт о составе Верховного тайного совета из девяти членов: к ранее назначенному герцогу Голштинскому должны были присоединиться две цесаревны, но все три кандидатуры были неуютны Меншикову, так что предписание Завещания каждому члену Верховного тайного совета иметь равный голос оказалось всего лишь пожеланием — в высшем органе власти хозяйничал Александр Данилович. Игнорировалась воля императрицы, обязывавшая наследника набираться опыта управления присутствием на заседаниях Верховного тайного совета, — император оказался во власти других страстей. Никто не намеревался выполнять предписанную «Тестаментом» обязанность добиваться возвращения Голштинскому герцогу территорий, отнятых у него Данией. Такое могло быть достигнуто только силой оружия, но воевать с Данией за чуждые России интересы не было ни желания, ни финансовых возможностей.

Верховный тайный совет не считал возможным руководствоваться порядком престолонаследия, установленным «Тестаментом». Он предусматривал назначение преемницей после смерти Петра II бездетным голштинскую герцогиню Анну Петровну, но она скончалась в 1728 году, оставив сына. Однако о ее сыне, равно как и о цесаревне Елизавете Петровне как кандидатах на занятие престола в 1730 году, когда скончался

Петр II, не было и речи — Верховный тайный совет предложил корону представительнице другой ветви дома Романовых — Анне Иоанновне.

Заслуживает внимания анализ последнего пункта «Тестамент», обязывавшего наследника жениться на одной из дочерей Меншикова. Реализация этого пункта вызвала немало важных последствий.

У Александра Даниловича были один сын Александр и две дочери: Мария и Александра. Когда пришло время выдавать замуж старшую дочь — Марию, заботливый отец подыскал ей жениха — сына польского магната Сапеги. В Петербург были приглашены оба Сапеги — отец и сын, причем отец стараниями Меншикова был обласкан двором — ему было присвоено звание фельдмаршала. Можно сказать, что этим пожалованием высокое воинское звание было обесценено: Сапега-отец ни дня не служил в русской армии, в Польше он тоже не блистал военными подвигами.

Судя по вниманию, которым светлейший князь окружил заезжего жениха и его родителя, брачный союз его вполне устраивал. Но тут случилось неожиданное: жених приглянулся императрице. Екатерина отняла младшего Сапегу у князя, приблизила к себе и, вволю натешившись молодым фаворитом, пристроила его в женихи своей племяннице. Об этом доложил датский посол Вестфален королю: «Государыня прямо отняла Сапегу у князя (Меншикова. — *Н. П.*) и сделала своим фаворитом, намереваясь, как скоро прискучит, поженить его на своей племяннице». С легкостью необыкновенной было предано забвению событие, состоявшееся 13 марта 1727 года, когда в пышно убранном дворце Меншикова под гром артиллерийских залпов, звуки оркестра в присутствии столичной знати праздновали помолвку Сапеги со старшей дочерью светлейшего князя. Александра Даниловича подобный разворот событий не огорчил — его осенила мысль (подсказанная прусским послом Мардефельдом) о том, что в России есть более подходящий жених для его дочери, чем Сапега, — наследник престола великий князь Петр Алексеевич. Возможность породниться с царствующей фамилией затмила все остальные заботы, во всяком случае, отодвинула их на второй план. Остановка за малым — надлежало убедить императрицу в необходимости и полезности для России этого брачного союза, который непременно должен быть запечатлен в «Тестаменте» в качестве воли самой Екатерины.

В случае реализации этого плана у Меншикова исчезала опасность оказаться в опале, так как овладеть волей отрока, по его мнению, не представляло большого труда, а у возмужавшего императора не поднимется карающая рука на тестя.

Мысль о воцарении Петра II импонировала не только Меншикову, но и

представителю древнего аристократического рода князю Дмитрию Михайловичу Голицыну. Когда 7 мая 1727 года, то есть на следующий день после кончины Екатерины I, секретарь Верховного тайного совета Степанов стал зачитывать «Тестамент», Голицын после прочтения первого пункта прервал его репликой: «Довольно, довольно, остальное прочитать можно на досуге».^[40] Этим потомок Гедиминовичей давал понять присутствующим, что он вполне удовлетворен провозглашением законного претендента на корону и готов полностью пренебречь волей бывшей служанки пастора Глюка, незаконно занявшей трон. Это пренебрежение, между прочим, выражалось и в том, что никто из рода Голицыных не пытался при Екатерине получить какой-либо придворный чин.

Тем не менее «Тестамент» был прочитан до конца. Присутствующие стали поздравлять нового императора и присягать ему. Стоявшая перед Зимним дворцом гвардия тоже присягнула императору Петру II и прокричала «Виват!». Вслед затем присутствовавшие отправились к обедне и молебну, а затем возвратились в зал, где началось заседание Верховного тайного совета. Юный Петр Алексеевич занял свое место в императорском кресле под балдахинном.

21 июля Петр приехал в Верховный тайный совет и произнес заученную речь, несомненно составленную Остерманом. Ее можно понять как программу царствования. Эта речь близка по содержанию к письму Петра к своей сестре Наталье Алексеевне:

«После как Бог изволил меня в малолетстве всея России императором учинить, наивящее мое старание будет, чтоб исполнить должность доброго императора, то есть чтоб народ, мне подданный, с богобоязненностию и правосудием управлять, чтоб бедных защищать, обиженным помогать, убогих и неправедно отягощенных от себя не отогнать, но веселым лицом жалобы их выслушать и по похваленному императора Веспасиана примеру никого от себя печального не отпускать».^[41]

После провозглашения Петра Алексеевича императором его самого и сестру Наталью поселили во дворце Меншикова. Светлейший выделил в их распоряжение половину роскошного здания. В результате великий князь и его сестра оказались как бы в почетном заточении: никому не дано было общаться с императором без присутствия самого князя либо членов его семьи. Изоляцией Петра и Натальи Меншиков пытался устранить возможность неугодного ему влияния.

О том, что предусмотренная Меншиковым изоляция была необходима, явствует из эпизода, запечатленного Маньяном: сын Меншикова, одолеток

с царем, «играя с ним, как-то однажды сказал государю, что он сам господин своего желания и никто не может его теперь принудить заниматься тем, к чему у него нет охоты». Слова эти стали известны Меншикову, и он наградил сына тумаками и заточением в кордегардию.^[42]

Возросшее влияние Меншикова сразу же после оглашения «Тестаментa» отметили многие дипломаты. Барон Мардефельд писал 24 и 26 мая 1727 года: «Могущество Меншикова невообразимо возросло в несколько дней. Он вполне овладел душой и личностью молодого императора, который окружен лишь креатурой Меншикова, и для предохранения его от влияния других лиц он живет в доме Меншикова. Князь уступил императору половину дворца и домик в саду... Одним словом, все, что пожелают князь Меншиков и барон Остерман, могло считаться уже исполненным, и правительственный совет, по всем вероятностям, в скором времени сделается только пустым украшением. Этим, однако, князь вызовет одни лишь несогласия и повлечет на себя неугасимую ненависть. Вчера он велел объявить себя генералиссимусом; легко разуместь, какие от этого произойдут столкновения между ним и герцогом Голштинским».^[43] (Герцог сам претендовал на этот чин.)

Церемония пожалования Меншикову чина генералиссимуса была разыграна по заранее составленному сценарию и отвечала вкусам светлейшего. 24 мая Петр II вошел в апартаменты Меншикова и, по словам саксонского дипломата Лефорта, заявил: «Я уничтожил фельдмаршала!»

«Эти слова, — продолжал Лефорт, — привели всех в недоумение, но, чтобы положить конец всем сомнениям, он показал бумагу князю Меншикову, подписанную его рукой, где он назначал Меншикова своим генералиссимусом».

Лефорт тоже отмечал возросшее могущество князя: «Здесь никогда не боялись и не слушались так покойного царя, как теперь Меншикова, все преклоняются перед ним, все подчиняются его приказаниям и горе тому, кто его ослушается». В очередном донесении Лефорт писал: «Меншиков продолжает сажать в темницу не только тех, которые совершили какое-нибудь государственное преступление, но и всех тех, которые находят что-нибудь сказать против его верховной власти. Такие насилия возбуждают неудовольствия, правда, что его все очень боятся, но зато и ненавидят».

Против усиления могущества светлейшего князя роптали не только светские вельможи, но и духовные иерархи. Едва ли не самый влиятельный из них, Феофан Прокопович, человек осторожный и ловкий, все же однажды осудил всесилие Меншикова: «Государыня императрица

благоволила немного ошибаться в том, что светлейшего князя изволила допустить до всего, за что все на него негодуют, так что и ее величеству не очень приятно, что она то изволила сделать... А ныне многие негодуют, особенно за светлейшего князя, что ее величество изволила ему вручить весь дом свой, и Бог знает что будет далее». Министр иностранных дел Франции в письме своему представителю в России писал 2 сентября 1727 года, то есть накануне падения Меншикова: «Всеобщее недовольство русских неограниченной властью князя Меншикова недавно только обнаружилось».^[44]

Меншиков не довольствовался предстоявшей женитьбой великого князя на своей дочери. Он попытался укрепить свое положение еще одним брачным союзом с царствующей фамилией и вознамерился женить своего сына Александра на великой княжне Наталье Алексеевне, сестре императора. Однако предполагаемая невеста ответила решительным отказом, причем высказала его «очень резко в презрительных выражениях, весьма глубоко поразивших князя Меншикова».

В обстановке, когда отовсюду раздавались голоса осуждения его намерениям, Меншикову ничего не оставалось, как спешно оформить брачные узы.

23 мая одиннадцатилетний Петр прибыл к Меншикову просить руки его шестнадцатилетней дочери Марии. Накануне, 22 мая, светлейший имел беседу с церковными иерархами. Предметом разговора было обсуждение церемонии помолвки.

Меншиков чувствовал себя настолько уверенно, что позволил себе издать указ: «Его светлость генералиссимус изволил объявить, что завтрашнее число его императорское величество по воле Всемогущего Бога соизволит публичный сговор иметь к брачному сочетанию на старшей его светлости дочери светлейшей княжне Марии Александровне и чтобы послать с ведомостью к прочим Верховного тайного совета особам. А Синоду, Сенату и генералитету о том уже объявлено от дому его светлости». Собравшимся Остерман объявил, что царь избрал в супруги княжну, старшую дочь князя Меншикова; «намерение его царского величества таково, чтобы обручение было празднуемо теперь же».^[45]

Само обручение состоялось 25 мая 1727 года в торжественной обстановке. Совершил его новгородский архиепископ Феофан Прокопович. На молебствии присутствовали члены Верховного тайного совета, Сената и Синода, а также генералитет и иностранные послы. Затем играла музыка, били в литавры, присутствующие поздравляли помолвленных и будущего

тестя.

В Петербурге носились слухи, что согласие на брак Петра на одной из дочерей Меншикова якобы дала его бабка, царица-инокиня Евдокия Федоровна Лопухина. Французский поверенный в России Маньян позднее доносил: «Уверяют, что как только государыне (Евдокии Федоровне. — *Н. П.*) была возвращена свобода, князь Меншиков послал ей сейчас же с верным человеком образчик письма, которое она должна написать своему внуку». ^[46]

Остается загадкой, почему Петр избрал в супруги старшую дочь Марию, которую сам называл «статуйей», а не младшую Александру, обладавшую более привлекательной внешностью. Вероятно, уже в это время Петр, согласившись на помолвку, не придавал ей серьезного значения, действуя под давлением будущего тестя, которому не терпелось совершить все церемонии как можно скорее: в августе намечалось уже отпраздновать свадьбу.

Александр Данилович форсировал события всеми доступными ему способами, в том числе и угрозами. Ходили слухи, что жениху и его сестре через вторых лиц передавали, что в случае отказа жениться обоих ожидали большие неприятности. Об этом в июне 1727 года сообщал Лефорт:

«Из всего видно, что он (Петр II. — *Н. П.*) сделался женихом, чтобы только уступить Меншикову и отвязаться от его просьб; мне даже кажется, что последний дал знать ему через известную женщину, что, если он не исполнит желания покойной императрицы, ему будет худо, о чем царь советовался с своею сестрою и для собственного сохранения решили так поступить».

На следующий же день после помолвки Меншиков вместе с семьей, невестой и женихом отправился в Петергоф. И здесь, как и в столице, он находился неотлучно при императоре. Светлейший не увлекался охотой, но охота была любимым занятием Петра II — что ж, ради большой цели пришлось пойти на маленькие жертвы; Меншиков вместе с Петром несколько раз ездил на псовую охоту. И даже тогда, когда Меншикову приходилось отправляться в свою загородную резиденцию Ораниенбаум или в Кронштадт для осмотра работ, будущий зять не оставался без надзора — его общество составляли либо невеста, либо ее мать Дарья Михайловна, либо другие члены семейства Меншиковых.

10 июня Меншиков возвратился в столицу. На следующий день туда же прибыл Петр. Поселился он во дворце Меншикова.

Меншиков старался привлечь внимание жениха к своей дочери и с помощью ее женских прелестей. Тот же Лефорт извещал свой двор 7 июня

1727 года, что между покоем жениха и невесты была прорублена дверь, что позволяло им общаться в любое время суток. Однако никаких чувств к невесте юный император не испытывал и вел себя по отношению к ней подчеркнуто холодно. «Петр II совсем не любит свою невесту», — доносил Лефорт. По его словам, Меншиков даже выговаривал императору, что тот мало заботится о своей невесте, на что Петр будто бы отвечал так: «Разве не довольно, что я в душе люблю ее, ласки излишни, а что касается до женитьбы, то Меншиков знает, что я не имею никакого желания жениться ранее 25 лет».

После помолвки Мария Александровна была окружена заботой и вниманием: ее стали величать ее высочеством «благоверной государыней Марией Александровной». 13 июня 1727 года Верховный тайный совет утвердил сумму на содержание невесты и ее штат. Среди женщин царствующего дома она пользовалась наибольшим почетом: на ее содержание было выделено 34 тысячи рублей в год, а ее штат состоял из 114 человек, в то время как штат царевны Натальи Алексеевны и Елизаветы Петровны состоял из 113 человек у каждой, а на их содержание ассигновалось по 32 тысячи рублей.

Высшие должности у двора невесты занимали родственники Меншикова: гофмейстером ее двора был назначен брат супруги князя В. М. Арсеньев, а обергофмейстериней — ее сестра Варвара Михайловна.^[47]

Двенадцать тысяч рублей в год должно было идти на стол невесте царя, еще 5 тысяч — на платье. Это составляло половину всей суммы. Вторая половина ассигнований предназначалась на жалованье придворным чинам — гофмейстеру, камергеру, камер-фрейлинам, штатс-фрейлинам, а также обслуживающему персоналу, включавшему лакеев, гайдуков, пажей, поваров, певичек, конюхов, гребцов и прочих. Весь пышный штат возглавляла сестра супруги князя Варвара Михайловна Арсеньева. Теплое местечко обер-гофмейстерины приносило ей две тысячи рублей в год.

Весть о том, что Александр Данилович был близок к положению тестя и регента малолетнего царя, стала достоянием европейских дворов. Князь получил поздравления от Голландских штатов, Брауншвейг-Волфтенбительского князя Августа Вильгельма, австрийского канцлера Шенборна и даже самого императора Карла VI.^[48]

...Казалось, близок был час, когда звон колоколов, гром пушечной и ружейной пальбы известят население Москвы о начале двух торжественных церемоний: коронации императора и его свадьбы. Меншиков твердой рукой расчищал путь дочери к венцу: все противники и

завистники находились в опале или должны были прикрыть рот и покорно наблюдать за происходящим.

Все было предусмотрено до мелочей. Но в истории нередко бывает, что нелепый случай беспощадно разрушает все планы, и события развиваются не в запланированном, а в противоположном направлении. Вот и на этот раз случилось то, что никто не мог предусмотреть и что в конечном счете сыграло роковую роль, — светлейший занемог...

Глава четвертая

Крушение Меншикова

Первые признаки недуга князь обнаружил 19 июня — в этот день он принимал лекарства, ему пускали кровь. Надеялись, что после мыльни князю полегчает, но нет — ему стало хуже. С 22 июня он уже не покидал покоев, хотя еще не слег. Его навещали члены Верховного тайного совета — Апраксин, Головкин, Голицын, Остерман. Он вел деловые разговоры, крепил письма. Но консилиум врачей, состоявшийся 26 июня, запретил больному заниматься делами и уложил его в постель.

Состояние больного дало современникам повод ожидать близкой кончины князя. Лефорт доносил 12 июля в Дрезден: «Кроме харканья кровью, сильно ослабляющего Меншикова, с ним бывает каждодневная лихорадка, заставлявшая за него бояться. Припадки этой лихорадки были так сильны, пароксизмы повторялись так часто, что она перешла в постоянную. В ночь с девятого на десятое число с ним случился такой сильный припадок, что думали о его близкой смерти».^[49]

В дни болезни князя Лефорт рассуждал и о настроениях в обществе, фиксируя неоднозначное отношение к возможной смерти светлейшего: «Если князь Меншиков умрет, то на это будут смотреть как на худо и добро. На добро, потому что избавятся от безграничной власти, которую никто не осмелился бы присвоить, и древние фамилии снова займут свое прежнее положение... На смерть Меншикова смотрят как на несчастье в том смысле, что никто не может заменить его в деле исполнительной власти, не желая взять на себя всю тяжесть таких обязанностей. Боятся, чтобы все дела не остановились и не стали бы ссылаться друг на друга».

Сам Меншиков тоже считал, что у него мало надежд одолеть недуг. Он предпринял меры, которые обычно предпринимают в самом конце жизни или в те дни, когда смерть властно стучится в дверь. В архиве Меншикова сохранились не подписанные им письма, адресованные членам Верховного тайного совета, с просьбой проявить заботу об осиротевшей семье. Проект духовной, в соответствии с указом Петра Великого о единонаследии, провозглашал наследником всех имуществ князя его сына Александра, которому было поручено «во всю жизнь опекать сестер, супругу и свояченицу Варвару Михайловну».

Из предсмертных сочинений князя наиболее интересны для нас два

варианта его обращения к царю, ныне пребывающего «не в совершенных еще летах». Князь выражал надежду, что в будущем царь прославит себя подвигами, достойными памяти деда. Путь к этому лежит «как чрез учение, так и чрез помощь верных советников».^[50]

Меншикову было хорошо известно пристрастие отрока к праздности. Отсюда просьба: «Извольте как в учении, так и в забавах и везде себя кротко и тихо содержать и сие все умеренно содержать».

Кого же прочил князь в наставники царя, без совета которых он не должен что-либо предпринимать? На первое место поставлен «барон Остерман», выполнявший обязанности главного наставника, а уже после него — безымянные «господа министры».

В последнем пункте обращения князь просил царя в память о своих прежних заслугах «содержать в вашей милости оставшую по мне мою супругу». Но главная просьба касалась дочери Марии: «...милостивым быть к вашей обрученной невесте, дочери моей, и по учиненному пред Богом обещанию в подобное время вступить с нею в законное супружество».

Но надо ли было быть провидцем, чтобы угадать судьбу помолвки после смерти князя?! «Когда Меншиков умрет, — прозорливо писал Лефорт, — помолвка утратит силу, и дочь перестанет быть невестой».^[51] Поведение императора во время болезни Меншикова давало основания для подобного умозаключения.

В первые дни болезни Александра Даниловича Петр вместе с сестрой Натальей более или менее часто навещал больного. Однако в дальнейшем визитов становилось все меньше и меньше. Брат и сестра навестили больного 25, 27 и 29 июня. Затем наступил длительный перерыв. Очередные визиты были нанесены 9, 12 и 15 июля. Затем вновь наступил длительный перерыв. 20 июля к Меншикову пожаловала Наталья Алексеевна уже без брата. Следующая встреча императора с князем состоялась 29 июля, когда самочувствие светлейшего улучшилось настолько, что ему было разрешено выезжать из дома. Вечером этого дня он вместе с Петром участвовал в церемонии открытия понтонного моста через Неву. Император вместе со светлейшим проехали по мосту в карете.

В те пять недель, когда Меншиков был лишен возможности опекать будущего зятя, совершилось то, чего он так опасался, — юнец освободился от его жесткой опеки, приобрел больше свободы и общения, в том числе и с недругами князя, поднявшими голову во время его болезни. Влияние на

императора стали оказывать другие лица — прежде всего князя Долгорукие, действиями которых ловко руководил Остерман. Они исподволь разжигали ненависть юного монарха к князю, поощряли его желание освободиться от назойливого и сурового присмотра светлейшего.

Меншиков же этого будто не замечал. Более того, после болезни он стал еще более раздражительным и настойчивым в стремлении укротить капризный нрав отрока. Между тем последний вполне осознал, что не он должен подчиняться Меншикову, а наоборот, Меншиков обязан выполнять его волю. Но Александр Данилович, вместо того чтобы искать подход к отроку, восстановить дружеские отношения с ним, настойчиво продолжал гнуть свою линию.

При жизни Екатерины I великий князь, похоже, заискивал перед светлейшим. «Рассказывают про него, — доносил Лефорт в конце июня 1726 года, — что так как он каждое утро должен появляться к князю Меншикову с поклоном, то он поговаривал, „что я должен идти к князю, чтобы отдать ему мой поклон, ведь и мне нужно выйти в люди. Сын его уже лейтенант, а я пока никто. Бог даст, и я когда-нибудь доберусь до прапорщичьего чина“».

Теперь же, после выздоровления, все изменилось. Источники запечатлели, как изо дня в день Меншиков нагнетал неприязнь к себе со стороны Петра Алексеевича, причем неприязнь эта прямо перерастала во враждебность.

В августе 1727 года петербургские каменщики подарили Петру девять тысяч червонных, которые он отослал в подарок своей сестре. Слугу, несшего деньги, встретил Меншиков и велел их отнести в свой кабинет, объяснив свое повеление тем, что «император еще очень молод и потому не умеет распоряжаться деньгами, как следует». Когда об этом распоряжении стало известно Петру, он пришел в возмущение и спросил светлейшего, как тот посмел отменить его приказание. Меншиков не ожидал такой реакции, даже оробел и стал в оправдание бормотать, что казна пуста, нуждается в деньгах и надо подумать, как лучше их использовать.

Петр не внял объяснениям и, топнув ногой, закричал: «Я тебя научу, что я император и что мне надобно повиноваться», после чего стал уходить.

Подобной выходки князю ранее наблюдать не доводилось. Ему пришлось употребить немало усилий, чтобы утихомирить царя.

Неповиновение Меншикову Петр оказывал не один раз, конфликты следовали один за другим. Это не мешало, однако, Меншикову продолжать играть роль сурового ментора, грубо попирая волю капризного императора.

23 августа 1727 года Лефорт доносил о новых инцидентах, отнюдь не

способствовавших улучшению отношений между будущими тестем и зятем: «Меншиков дошел до крайнего предела, его скупость чрезмерна. Он так себя поставил, что император не может ни видеть, ни слышать его. Недавно этот ворчун спросил лакея, которому было дано 3000 рублей для мелких расходов монарха, сколько он истратил? Узнав, что лакей дал Петру сумму, хотя и очень умеренную, он выругал слугу и прогнал его. Царь, узнав об этом, поднял страшный шум и принял обратно слугу. Другой раз царь послал спросить у Меншикова 500 червонцев. Князь любопытствовал знать, к чему нужны эти деньги. Петр сказал, что они ему просто нужны, и, получив их, подарил сестре. Узнав об этом, Меншиков разгорячился и отнял деньги у великой княжны».

В том же августе Лефорту стал известен еще один эпизод, накаливший отношения между Петром и Меншиковым: жители Ярославля поднесли царю серебряный подарок, который он отдал сестре. Когда об этом стало известно Меншикову, он трижды посылал за ним, но великая княжна отправляла посланного слугу с повелением сказать Меншикову, что она знает разницу между царем и подданным, и поклялась никогда не быть в его доме.

Александр Данилович затеял спор с царем в день именин великой княжны, 26 августа. Петр выказал полное пренебрежение к князю, повернулся к нему спиной, когда тот начал разговор с ним. Одному из приближенных он даже заявил: «Вот вы увидите, что я сумею проучить его».

Или другой случай. Депутаты от купцов подарили императору несколько концов парчи, тут же передаренной им сестре. Свояченица Меншикова Варвара Михайловна отобрала парчу у великой княжны. По свидетельству Маньяна, Петр разгневался «до того сильно, что пошел в ту же минуту к князю Меншикову и заговорил с ним, скрестивши руки с сжатыми кулаками, так грозно, что князь был совсем смущен и расстроен его словами».

«После опасной болезни, — писал Рабутин 19 августа, — Меншиков сделался особенно раздражительным. Он часто находится в крайне неблагоприятном расположении духа, со дня на день общение с ним становится более трудным. Иногда его замечания в беседе с государем бывают слишком резкими. Государь чувствует это».^[52]

Охлаждение отношений между царем и Меншиковым подтверждают и другие источники. Раньше Петр был неразлучен с князем. Теперь он избегал с ним встреч, и если они все же происходили, то были кратковременными и на людях.

Так, аудиенция 30 июля, после упомянутого выше совместного переезда по понтонному мосту через Неву, продолжалась лишь четверть часа. Затем вновь наступил длительный перерыв, и следующие две встречи состоялись лишь 14 августа: одна длилась час, а другая 15 минут. Во время встречи 17 августа князь, видимо, намеревался продолжить разговор, но император уклонился от него.

Другие встречи также были коротки и исключали возможность вести приватную беседу.

18 августа Меншиков уехал в Ораниенбаум. Петр тоже уехал — в Петергоф, в сопровождении своего нового приятеля, князя Ивана Долгорукого. Меншиков попытался наладить отношения с названным зятем и вместе с семьей нагрнул к нему в Петергоф, но в гостях не задержался. Прием, видимо, был холодным: невеста, члены семьи да и сам Меншиков чувствовали себя неуютно и поспешили ретироваться.

26 августа Александр Данилович присутствовал у Петра на торжественном обеде по случаю именин сестры царя великой княжны Натальи Алексеевны. За столом присутствовали члены Верховного тайного совета. На следующий день Меншиков встретился с императором на литургии. В 6 часов вечера он уже вернулся в Ораниенбаум. Этот день стал последним, когда будущий зять встречался с будущим тестем.^[53]

Говоря об отношениях Меншикова с Петром, надобно отметить некое рациональное зерно: князь пытался воспитать у императора те качества, которые необходимы монарху, — в частности, бережливость, свойственную деду царя Петру Великому. Цель похвальна, но осуществление ее обнаружило явное отсутствие у наставника педагогических навыков. Он переносил манеру общения с окружающими, проявлявшими полную покорность и терпевшими его грубость, на царя, который, благодаря стараниям недругов князя, уже познал вкус власти и властвования. Среди тех, кто исподволь, но систематически при общении с Петром внушал ему мысль о необходимости освободиться от опеки Меншикова, был и Остерман.

Роль барона Андрея Ивановича Остермана в падении Меншикова надобно осветить особо. Покровительствуя карьере Остермана, назначив его главным наставником императора, Меншиков не разглядел в услужливом бароне опасного карьериста, нравственность которого позволяла ему ради карьеры предавать и продавать своих покровителей, если это предательство сулило выгоду.

По отношению к Меншикову Остерман проявил не только двуличие, но и коварство. Он всячески пытался усыпить бдительность князя, убедить

его в том, что Петр относится к нему с прежней благосклонностью. Хитроумному Остерману это вполне удалось. Доподлинно зная отношение Петра к светлейшему, он, например, 19 августа перед отправлением с царем на охоту послал Меншикову следующее письмо из Петергофа — ответ на послание светлейшего к царю из Ораниенбаума: «Сего момента получил я вашей высококняжеской светлости милостивейшее писание от 19-го. Его императорское величество радуется о счастливом вашей великокняжеской светлости прибытии в Ораниенбом и от сердца желает, чтоб сие гуляние ваше дражайшее здравие совершенно восстановить могло, еже и мое верное всепокорнейшее желание есть; при сем вашей высококняжеской светлости всенижайше доношу, что его императорское величество намерен завтра после обеда отсюда идти и ночевать в Стрельне, а оттуда в понедельник в Ропшу, и надеюсь, что в четверток изволит прибыть в Петергоф, и хотя здоровье мое весьма плохое, однако ж туда ж побреду. Вашу великокняжескую светлость всепокорнейше прошу о продолжении вашей высокой милости и, моля Бога о здравии вашем, пребываю с глубочайшим респектом вашей высококняжеской светлости всенижайший слуга А. Остерман». По подсказке Остермана Петр, чтобы рассеять всякие сомнения Александра Даниловича, сделал собственноручную приписку: «И я при сем вашей светлости, и светлейшей кнегине, и невесте, и своячине, и тетке, и шуруину поклон отдаю любителны. Петр».

Новое, насквозь лживое послание — опять с той же целью убедить князя, что над его головой нет угрозы: Остерман сообщает о намерении завтра отправиться в Ропшу для продолжения охоты. И далее: «Его императорское величество писанию вашей высококняжеской светлости весьма обрадовался, и купно с ее императорским высочеством любезно кланяются, а на особое писание ныне ваша светлость не изволите погневаться понеже учреждением охоты и других в дорогу потребных предуготовлений забавлены, а из Ропши, надеюсь, писать будут. Я, хотя весьма худ и слаб и нынешней ночи разными припадками страдал, однако ж еду».^[54]

Меншиков, похоже, поверил написанному и энергично готовился к торжественному освящению церкви в Ораниенбауме, на котором должны были присутствовать царь и вся правящая элита. Для торжеств был выписан из Москвы самый «басовитый» дьякон.

Между тем события неумолимо предрекали скорую гибель Меншикова. Слишком многие были заинтересованы в его падении.

На пути в Петергоф царь остановился на даче канцлера Г. И. Головкина. Здесь ему довелось выслушать жалобу канцлера на Меншикова.

Заметим, что еще в мае 1727 года у Меншикова с Головкиным существовали доверительные отношения и светлейший был настолько уверен в его преданности, что именем Екатерины назначил его первоприсутствующим Учрежденного суда по делу Толстого и Девиера. Вскоре, однако, Головкин стал врагом князя. Гавриил Иванович воспользовался случаем, чтобы пожаловаться на беспредельную жестокость Меншикова, назначившего бывшего генерал-прокурора Сената Ягужинского, пользовавшегося уважением Петра Великого, губернатором в далекую Астрахань. Ягужинский доводился зятем Головкину.

Решительно настроены против Меншикова были Долгорукие. «Князь Долгорукий, видя, что ему грозит та же участь, удвоил свои старания, чтобы, во-первых, отразить этот удар и, во-вторых, склонить канцлера, князя Голицына, генерал-адмирала, своих родных и друзей к тому, чтобы свергнуть иго, равно невыносимое». Согласно «Тестаменту» совершеннолетие императора наступит через четыре года, в течение которых, рассуждали вельможи, князь погубит «их всех безвозвратно... если они не оградят себя от его тирании сильными мерами».

По мнению Маньяна, князь А. Г. Долгорукий был инициатором и организатором заговора против Меншикова. Но такая роль недалекому князю была бы не под силу.

Любопытно, что среди перечисленных Маньяном заговорщиков отсутствует фамилия Остермана. Это свидетельствует о том, сколь скрытно умел действовать Андрей Иванович, всегда остававшийся в тени и никогда в напряженной обстановке не претендовавший на первые роли. Столь же скрытно он будет действовать в пользу Анны Иоанновны в событиях 1730 года, в осуждении Д. М. Голицына, при возведении на эшафот почти всего клана Долгоруких, гибели А. П. Волынского...

Впрочем, сам Маньян догадывался о том, что без Остермана все же не обошлось. Он рассуждал: «Так как невероятно, чтобы Остерман, приверженец Меншикова, не принимал участия в заговоре, то есть основание думать, что князь Меншиков не должен был полагаться, как он, по-видимому, делал, на привязанность и благодарность этого министра или этот последний рассуждал, что заговор против князя слишком могуч, для того, чтобы основывать свою личную безопасность».^[55]

То, что для Маньяна являлось догадкой, было бесспорной истиной для Мардефельда. «Я только недавно узнал весьма секретным и достоверным образом, — доносил Мардефельд 12 сентября, — что именно больше всего способствовало падению Меншикова, а именно: завидуя особому расположению императора к барону Остерману, князь намеревался

низвергнуть последнего. Так как он не мог найти ничего, за что придраться к Остерману, то употребил оружие для своих целей и обвинил его в том, что он препятствует императору в частом посещении церкви, что нация этим недовольна, ибо она не привыкла к такому образу жизни своего монарха и пр. Завязался спор, Меншиков угрожал Остерману ссылкой в Сибирь, на что барон якобы ответил, что он, барон, в состоянии заставить четвертовать князя, ибо он вполне заслуживает того». [56]

В этой информации есть сведения весьма сомнительные. Так, едва ли Остерман, человек крайне осторожный, мог напрямую угрожать Меншикову. Но не эта деталь придает ценность свидетельству Мардефельда, а его уверенность в том, что в решении судьбы Меншикова главная роль принадлежит Остерману.

Предчувствовал ли князь, что его дни сочтены, что надобно принимать срочные меры для обеспечения своей безопасности, нанести своим недругам превентивный удар? Сомнительно, чтобы он в полной мере ощутил нависшую над ним угрозу. Источники не запечатлели никаких ответных мер, предпринятых им в дни, предшествовавшие его падению. Несомненно лишь одно: на душе у князя было беспокойно. Он отступил от привычного распорядка дня: по вечерам перестал, как прежде, играть в карты или шахматы, предпочитал побыть в одиночестве.

Видимо, Меншиков рассчитывал на примирение с императором во время освящения часовни в Ораниенбауме, куда были приглашены все вельможи. С трудом удалось уговорить прибыть в Ораниенбаум и царя. Тот сначала согласился, но когда 3 сентября настало время отъезда императора из Петергофа в Ораниенбаум, царь послал курьера сказать, что не приедет.

Освящение часовни состоялось 3 сентября. На празднование прибыли многие важные персоны, но среди гостей не было, увы, главного лица, ради которого и были затеяны торжества. Не было и Остермана, видимо, завершавшего обработку своего воспитанника. Вряд ли пушечная пальба и «великая музыка» способны были поднять настроение князя.

Во время освящения часовни Меншиков допустил еще одну оплошность, которой не преминули воспользоваться его недруги: он сел в кресло, предназначавшееся для императора, что было истолковано как притязания на трон.

На следующий день, 4 сентября, Меншиков прибыл в Петергоф, чтобы встретиться с императором. Встреча, однако, не состоялась — чтобы избежать ее, Андрей Иванович ранним утром потащил своего воспитанника на охоту. Великая княжна Наталья Алексеевна, чтобы уклониться от встречи с Меншиковым, даже выпрыгнула в окно и уехала

вместе с братом. В Петергофе осталась одна Елизавета Петровна. Ей-то и излил свою горечь светлейший. Он жаловался цесаревне на неблагодарность императора: ведь именно его стараниями тот занял трон. Меншиков стал перечислять свои заслуги во благо Отечества и закончил свой разговор изъявлением желанья отправиться на Украину, чтобы там командовать войсками.^[57]

Пробыв несколько часов в Петергофе и не дождавшись возвращения царя с охоты, князь вместе с семейством отправился в Петербург. В этот же день Верховный тайный совет получил повеление императора, переадресованное для исполнения интенданту Петру Мошкову: «Летний и Зимний дома, где надлежит, починить и совсем убрать, чтоб к приходу его величества совсем были готовы, и спрошен он, Мошков, был, как те дома вскоре убраны быть могут. Мошков донес что дни в три убраны быть могут».^[58]

Император явно давал понять, что не желает жить во дворце своего нареченного тестя.

К 6 сентября все вещи императора и его сестры, находившиеся во дворце Меншикова, были перевезены в Летний дворец. 7 сентября в Петербург прибыл сам Петр с сестрой. Остановились они не во дворце Меншикова, а в Летнем дворце.

Меншиков впервые в жизни оказался в растерянности. Он не знал, где ему искать защиту. Вельмож, готовых протянуть ему руку помощи, рядом не было. Бывшие соратники, вместе с ним вручавшие корону Екатерине I, находились в ссылке или умерли. С влиятельными членами Верховного тайного совета, канцлером Головкиным и адмиралом Апраксиным, Меншиков был в ссоре. С Головкиным — из-за преследования Ягужинского; с Апраксиным — из-за отказа удовлетворить его просьбу об отставке. (Любопытные подробности о ссоре генералиссимуса с адмиралом сообщил Кампредон в депеше от 9 марта 1726 года: «Дня четыре тому назад адмирал Апраксин собрал у себя всех своих племянников и объявил им, что на его взгляд все начала покойного царя исчезли бесследно, что ему, адмиралу, не позволяют даже удалиться под конец дней своих на покой; между тем, прибавил он со слезами на глазах, у него уже слабеет память и хотя он, подчиняясь требованиям, вступит еще на корабль в нынешнем году, но это будет уже в последний раз».^[59]) 8 сентября Маньян извещал свое правительство, что якобы уже был подготовлен указ о ссылке в Сибирь 70-летнего Апраксина «вместе с несколькими другими лицами из высшего класса, которых подозревали в осуждении его (Меншикова. — Н.

П.) брачных планов». В депеше, отправленной 10 сентября, он же писал о том, что в бумагах Меншикова обнаружен проект, суть которого сводилась к тому, чтобы удалить из Совета Апраксина, Головкина и Остермана и назначить на их место генерала Г. П. Чернышева, нынешнего рижского губернатора, генерала М. Я. Волкова и «еще одного, носящего ту же фамилию и состоящего советником Военной коллегии Алексея Яковлевича».

В этой критической ситуации Александр Данилович не проявил свойственной ему решительности и напористости в борьбе с недругами. Его запоздалые действия скорее напоминают движения утопающего, хватающегося за соломинку. Так, он велел отправить письмо фельдмаршалу М. М. Голицыну, командовавшему украинской армией: «Извольте, ваше сиятельство, поспешать сюда, как возможно на почте, и когда изволите прибыть к перспективной дороге, тогда изволите к нам и к брату вашему князю Дмитрию Михайловичу Голицыну прислать с нарочным известие и назначить число, в которое намерены будете сюда прибыть, а с Ижоры опять же обоих нас паки уведомить, понеже весьма желаем, дабы ваше сиятельство прежде всех изволили видеться с нами».

В том, что Меншиков обратился за помощью к фельдмаршалу, нет ничего удивительного: после отказа великой княжны Натальи Алексеевны выйти замуж за его сына князю удалось подыскать другую знатную невесту — дочь фельдмаршала Голицына. Переговоры зашли так далеко, что уже был назначен день свадьбы.

Другое письмо светлейший отправил Зейкину — тому самому, которого еще Петр Великий прочил в воспитатели великого князя: «Господин Зейкин! Понеже его императорское величество изволил вспомнить ваши службы и весьма желает вас видеть, того ради изволите ехать сюда немедленно; ежели же за распугнем ехать сюда не похочете, извольте быть у Александра Львовича Нарышкина, а мы тебя весьма обнадеживаем, что мы вас не оставим, а паче прежнего в милости содержаны быть имеете».^[60]

Цель этого письма очевидна — князь, видимо, заподозрил двойную игру наставника императора Остермана и решил заменить его Зейкиным.

«Повседневные записки» зарегистрировали беседу Меншикова с Остерманом, состоявшуюся 5 сентября: «тайно ж разговаривал с тайным действительным советником вице-канцлером графом Остерманом». О предмете собеседования можно догадаться: речь, несомненно, шла об отношениях между князем и Остерманом и между князем и императором.

Поведение Меншикова в канун своего падения достойно удивления.

Оно дает основание полагать, что князь недооценивал меры опасности, нависшей над его головой, и был ослеплен собственным могуществом настолько, что не допускал мысли о наличии сил, способных его свергнуть. Он смотрел на происходившее как на очередную интригу, хотя и неприятную, но не настолько, чтобы с ней нельзя было справиться.

О том, что ход мыслей светлейшего был именно таков, свидетельствуют его последующие поступки: вместо того чтобы немедленно взять Остермана под стражу (пока это еще представлялось возможным), он вступает с ним в дискуссию, а затем отправляет письма Зейкину, рассчитывая заменить барона в должности главного наставника императора. Но даже если бы Зейкин ответил согласием на это предложение, у врагов светлейшего было вполне достаточно времени для того, чтобы расправиться с ним. Столь же безнадежным был вызов фельдмаршала М. М. Голицына: хотя он и пользовался уважением и любовью солдат и офицеров, но без украинской армии, которой он командовал, фельдмаршал вместе со свитой никакой силой не обладал.

Так Меншиков, будучи генералиссимусом, президентом Военной коллегии и шефом Ингерманландского полка, вместо того чтобы использовать административные рычаги и силу гвардии, предоставил своим противникам возможность перехватить инициативу. Сам же он пассивно ждал решения своей участи.

Надо полагать, что заговорщикам были хорошо известны решительность светлейшего, его умение сметать с пути всех, кто препятствовал его восхождению к вершинам власти. Заговорщики не отпустили князю ни одного дня. Их надежды тоже возлагались на гвардию. Миних предусмотрительно вывел из столицы основанный Меншиковым и верный ему Ингерманландский полк и тем лишил князя военной опоры.

7 сентября, в тот самый день, когда император прибыл в Петербург и когда Меншиков — на этот раз с большим запозданием — отправлял письма фельдмаршалу Голицыну и Зейкину, император (читай: Остерман) послал объявить гвардии, чтобы она слушалась только его приказаний, объявленных ей майорами князем Юсуповым и Салтыковым. Вечером того же дня две дочери Меншикова, невеста царя и ее сестра, прибыли в Летний дворец для того, чтобы поздравить Петра со счастливым приездом. Однако они были встречены так неласково, что вынуждены были тут же ретироваться.

В действиях Остермана нельзя не увидеть почерк самого Меншикова: став на путь открытой схватки, надлежит действовать быстро, решительно и беспощадно, не оставляя противнику времени для того, чтобы собраться

с силами и оказать сопротивление.

Судьба князя была решена на следующий день, в пятницу 8 сентября, когда к нему во дворец прибыл майор гвардии Семен Андреевич Салтыков с объявлением ареста — Меншикову запрещалось покидать пределы дворца. Это объявление сразило князя настолько, что с ним случился обморок. По другим сведениям, он вел себя спокойно, с достоинством и жаловался, как жестоко с ним поступают в благодарность за долгую и беспорочную службу.

Добрая и сострадательная княгиня Дарья Михайловна вместе с детьми и сестрой Варварой отправились во дворец умолять Петра о помиловании. Они дождались выхода императора из церкви, пали на колени и просили о пощаде. Сведения о том, как повел себя Петр, тоже противоречивы. Прусский посол Мардефельд доносил, что Петр поднял княгиню и произнес какие-то слова утешения. Австрийский же дипломат Караме сообщал по-другому: Петр прошел мимо просителей, велел передать Меншикову, чтобы тот более его не беспокоил.

Потерпев неудачу у Петра, княгиня с детьми отправилась с мольбами к Елизавете Петровне, Наталье Алексеевне и Остерману, но те тоже не вняли им. Обращает на себя внимание тот факт, что княгиня просила о пощаде не кого-либо из вельмож, а Остермана, не подозревая, что он как раз и является источником всех их бед. До конца не осознал истинной роли Остермана и сам Меншиков. Известно, что он отправил с дороги в ссылку письмо к Остерману с просьбой прислать к нему доктора (князь нуждался в медицинской помощи): очевидно, он был осведомлен о влиянии наставника на императора, но не о его тайном участии в своей собственной судьбе.

Пока же Меншиков обратился с пространственным письмом к императору. Он не признавал за собой никакой вины: «Никакого вымышленного перед вашим величеством погрешения в совести моей не нахожу, понеже все чинил я ради лучшей пользы вашего величества». Далее следовала просьба о всемилостивейшем прощении, освобождении от ареста и, наконец, «дабы ваше величество повелели для моей старости и болезни от всех дел меня уволить вовсе».^[61]

Прошение осталось без ответа — неписанные законы того времени не предусматривали пощады для поверженных в борьбе за власть. И разве сам светлейший забыл, как он остался глухим к просьбам родной сестры о помиловании ее супруга, Антона Девиера?

За арестом последовал указ, подписанный Петром II в Верховном тайном совете 8 сентября. Его составил Остерман:

«Понеже мы всемилостивейшее намерение взяли от сего времени сами

в Верховном тайном совете присутствовать и всем указам отправленным быть за подписанием собственных наших рук и Верховного тайного совета, того ради повелели, дабы никаких указов или писем, о каких бы делах оные ни были, которые от князя Меншикова или от кого иного партикулярно писались или отправлены будут, не слушать и по оным отнюдь не исполнять, под опасением нашего гнева, и о сем публиковать всенародно во всем государстве и в войске из Сената».^[62]

Указ 8 сентября оформил устное повеление о неисполнении распоряжений, исходивших от Меншикова. Но его значение этим не исчерпывается — указ косвенно отменял регентство и объявлял двенадцатилетнего отрока полновластным монархом. Однако указ имел не столько практическое, сколько теоретическое значение: он никак не отразился на поведении Петра, по-прежнему находившегося в плену стороннего влияния. Пустым оказалось и обещание юного императора присутствовать на заседаниях Верховного тайного совета.

На следующий день, 9 сентября, Верховный тайный совет в присутствии Петра определил судьбу Меншикова: было решено лишить князя всех чинов и орденов и отправить его в ссылку в принадлежащее ему имение Раннебург. Решение Остерман оформил указом, подписанным Петром...

На сборы опальному вельможе предоставили сутки. 10 сентября жители столицы наблюдали княжеский поезд из 42 повозок, нагруженных всяким добром и челядью, и четырех роскошных карет, в которых восседали князь и члены его семьи. Княжеские придворные ехали в десяти колясках, каждая из которых была запряжена парой лошадей. В общей сложности штат слуг состоял из 148 человек.^[63] Если бы участники кортежа не были одеты в траурные одежды, то можно было принять растянувшийся на сотни сажений поезд за парадный переезд знатного вельможи в другой дворец или в старую столицу.

Демонстративный выезд опального вельможи вызвал раздражение верховников. Вдогонку за поездом один за другим отправлялись курьеры с новыми повелениями: сначала отняли у драгун оружие, затем самих драгун, потом отобрали четыре ордена. Наконец, специальный курьер был отправлен для того, чтобы изъять у бывшей невесты кольцо, полученное ею от жениха во время помолвки.

В чем причина постигшей князя катастрофы? Вина за происшедшее во многом лежит на нем самом. Власть настолько вскружила голову светлейшему, что он вел себя и при Екатерине I, и особенно при Петре II

как некоронованный монарх, которому все должны повиноваться. Его отношение к другим вельможам, грубое, деспотичное, не терпящее возражений, вызывало у них раздражение и ропот, которые когда-то должны были закончиться взрывом. К этому следует добавить не отличавшееся деликатностью отношение князя к отроку-императору, а также роль Остермана, исподволь разжигавшего ненависть к князю.

Очевидно и другое — отрок в одиннадцати— или двенадцатилетнем возрасте не мог без внушения извне свалить Меншикова. В данном случае честолюбивые планы Андрея Ивановича совпадали с интересами императора и его сестры: все они тяготились грубой опекой князя. Князь смотрел на императора как на несмышленного ребенка, нуждавшегося в ежеминутном присмотре за его поведением. Он бесцеремонно подавлял волю Петра, хотя, по словам Маньяна, и опасался, что это могло породить «сопротивление желаниям князя».^[64] Не подозревал Меншиков о коварной роли наставника императора.

Сказанное подтверждает прусский посол Мардефельд: «Должно сознаться, что князь принял все меры к тому, чтобы ускорить свое падение, и легкомысленно отказывался от всего того, что ему советовали добрые люди для его охраны, но он следовал единственно своей страсти к деньгам и необузданному честолюбию. Ему должно было действовать заодно с Верховным тайным советом, поддерживать государственный строй, им самим заведенный, и этим приобрести и удержать за собой расположение императора и великой княжны Натальи Алексеевны. Но его действия были прямо противоположны всему этому: он присвоил себе роль правителя, прибрал к своим рукам все финансовое управление и располагал всеми деньгами, как военными, так и гражданскими, по своему усмотрению, как настоящий император.

Самому императору и великой княжне он досаждал самым чувствительным образом и отказывал обеим в самом необходимом, в том ложном мнении, что таким образом он их будет держать под своим присмотром».

Суждение Мардефельда вполне разделял Лефорт. Он выразил его короткой фразой в донесении от 23 августа: «Меншиков так себя поставил, что царь не может ни видеть, ни слышать его».^[65]

К падению Меншикова современники отнеслись по-разному. Совершенно очевидно, что все, кому он доставлял неприятности, выражали чувство нескрываемой радости, как, например, герцог Голштинский и его супруга Анна Петровна, покинувшие Россию по принуждению князя.

Находясь в Киле и получив известие об опале Меншикова, Анна Петровна саркастически писала своей сестре Елизавете: «Что изволите писать об князе, что его сослали, и у нас такая же печаль сделалась, как у вас».

Радовался и подвергавшийся преследованию Меншикова Феофан Прокопович. По случаю рождения Анной Петровной сына он отправил ей поздравительное письмо, в котором излил всю накопившуюся злобу на повергнутого князя: «Этот бездушный человек, эта язва, этот негодяй, которому нет подобного, вас, кровь Петрову, старался унижить до такой низкой доли, из которой сам рукою ваших родителей был возведен почти до царственного состояния, и вдобавок наглый человек показал пример неблагодарной души в такой же мере, в какой был благодетельствован. Этот колосс из пигмея, оставленный счастьем, которое довело его до опьянения, упал с великим шумом».

В другом послании Феофана — к приятелю-архиерею — можно почерпнуть сведения о причине его враждебности: «Молчание ваше извиняется нашим великим бедствием, претерпенным от тирании, которая, благодаря Бога, разрешилась в дым. Ярость помешанного человека, чем более возбуждала против него всеобщая ненависть и предускоряла его гибель, тем более и более со дня на день усиливала свое свирепство. А мое положение было так стеснено, что я думал, что все уже для меня кончено. Поэтому я не отвечал на твои письма и, казалось, находился уже в царстве молчания. Но Бог, воздвигающий мертвых, защитник наш Бог Иаковль, рассыпавши совесть нечестивым и сомкнувши уста зияющего на нас земного тартара, оживотворил нас по беспредельному своему милосердию».

Представляет интерес официальная версия ссылки Меншикова. Она изложена в письме самого Петра II герцогу Голштинскому, написанном, естественно, Остерманом: «Бессовестный и высокомерный князь Меншиков, обязанный блаженной памяти императору Петру I, супруге его и мне всем счастьем и несметными богатствами, почти превосходящими императорские сокровища, имел дерзость не оказывать должного уважения моей сестре и всем составляющим семейство мое и изъевлял к нам менее внимания и почтения, чем к своей дочери... Чтобы истребить вредные корни сего дерева, Верховный мой совет присудил лишить оногo изменника всех почестей (не подвергая тому жену и детей его), дабы память его исчезла, а незаконно приобретенные им богатства обратить опять в казну, из которой он их похитил». Петр справедливо предполагал, что это известие будет приятно «и вашему императорскому и королевскому высочеству, ибо собственная честь была оскорблена сим злым и

недостойным человеком... который под личиною чистосердечия скрывал обман и ухищрение».^[66]

В том, что герцог Голштинский и его супруга обрадовались падению Меншикова, нет ничего удивительного: у них накопилось немало обид на светлейшего. Удивляет другое: радость по случаю произошедшего выразил и датский король, которого падение Меншикова — противника голштинского герцога — по логике вещей должно было как раз огорчить. Однако, по неведомым автору причинам, король прислал на имя Петра II грамоту, рассмотренную Верховным тайным советом 17 ноября 1727 года. Здесь «поступок с князем Меншиковым» всячески восхвалялся. Что же, таков, надо полагать, был уровень королевской морали.

Чувством радости поделился и непосредственный подчиненный князя, советник Военной коллегии Егор Пашков, писавший своему приятелю: «Прошла и погибла суетная слава прегордого Голиафа, которого Бог сильною десницею сокрушил; все тому очень рады, и я, многогрешный, славя Святую Троицу, пребываю без всякого страха; у нас все благополучно и таких страхов теперь ни от кого нет, как было при князе Меншикове».^[67]

Пашков был не прав, когда писал, «что все тому очень рады». Падение Меншикова не вызывало восторга, например, у Голицыных, которые предполагали установить родственные отношения с Меншиковым. Во время аудиенции у царя М. М. Голицын осмелился высказаться в защиту Меншикова, подвергнувшись суровому наказанию без суда и следствия.^[68] Но это заявление заслуженного фельдмаршала вызвало такое раздражение императора, что он бесцеремонно вслух заявил за обеденным столом, что не желает, чтобы рядом с ним сидел Голицын.

Среди лиц, осуждавших жестокую расправу с Меншиковым, встречались и представители нетитулованного дворянства. 15 ноября 1728 года Верховный тайный совет рассматривал дело по обвинению капитан-поручика Казанцева, неосторожно поделившегося с канцеляристом Ярцевым и подканцеляристом Ундорским мыслями о том, что Меншикова отправили в ссылку напрасно, так как этим было «учинено Российскому государству бесчестье», и он непременно вернется, если случится бунт.

Канцелярист и подканцелярист тут же настроили донос. Казанцев «с двух пыток винился», но отделался сравнительно легким наказанием — ссылкой в Сибирь. Доносчики же получили вознаграждение — по 10 рублей каждый.^[69]

Глава пятая

Коронация

Коронация государя в жизни страны занимает важное место — торжественной и пышной церемонией она как бы завершает процесс его вступления на престол. Торжественность и пышность церемонии призваны подчеркнуть особое место в обществе монарха, которому, как сказано в Уставе воинском, «повиноваться сам Бог повелевает».

До Петра Великого коронация носила чисто церковный характер. Петр внес в эту процедуру светское начало. От московской старины остались лишь внешние черты: почетное место отводилось в церемонии духовным иерархам, от которых наследник получал благословение на царствование и регалии царской власти. Но наряду с церковным песнопением, напутствием архиерея и колокольным звоном всех церквей и монастырей старой столицы стала раздаваться пушечная и ружейная пальба, устраивались фейерверки и иллюминации, шествие через триумфальные ворота и т. д.

Коронация оказывала колоссальное воздействие не только на подданных, но и на самого монарха. Последнему внушалась мысль о неземном происхождении его власти; подданные же убеждались в величии человека, восседавшего на троне, в богоданном ему праве требовать беспрекословного повиновения как от простолудинов, так и от первых сановников государства.

По традиции коронация совершалась в Москве, в главной церкви страны — московском Успенском соборе. На некоторое время Москва превращалась в столицу государства — туда отправлялись не только монарх и его двор, но и сановники, генералитет, а иногда и центральные учреждения: Верховный тайный совет, Сенат и коллегии, дипломатический корпус.

Обычно поездка из новой столицы в старую совершалась по санному пути — преодолевать разлившиеся реки в весеннее половодье или трястись в каретах по летним ухабам либо по бездорожью в осеннюю слякоть считалось крайне утомительным.

Переезд из новой столицы в старую обходился казне, вельможам и особенно иностранным дипломатам недешево — вместе с придворными сановниками и дипломатами отправлялись в путь их супруги, множество слуг, гардероб, домашняя утварь, а у дипломатов ко всему этому

прибавлялись запасы иноземных вин и изысканная снедь. Чтобы представить, во что обошелся переезд из Петербурга в Москву испанскому послу, достаточно назвать сумму расходов на приобретение одних только лошадей: было закуплено 80 лошадей по 10 рублей за каждую, то есть издержано 800 рублей — сумма по тем временам немалая.

Подготовка к коронации — сложный и продолжительный процесс, в котором было задействовано множество сановников, правительственных учреждений, а также мастеровых людей различных специальностей: портные, сапожники, плотники, кузнецы, белошвей, шорники и пр.

К организации коронации Петра II были привлечены коллегия Иностранных дел, Камер-коллегия, Дворцовая канцелярия, Синод, Оружейная палата. За проведение церемонии отвечали два вельможи: президент Иностранной коллегии Гаврила Иванович Головкин и московский генерал-губернатор князь Иван Федорович Ромодановский, на плечи которого ложилась подготовка палат кремлевских дворцов для проживания монарха и его свиты, убранство Успенского собора, сооружение триумфальных ворот, ремонт и изготовление утвари, оборудование Грановитой палаты для приема императором гостей и т. д.

Коронацию намеревались осуществить в декабре 1727 года, а подготовка к ней началась с первых чисел октября. 3 октября Головкин отправил повеление Ромодановскому подготовить жилые помещения для императора и его многочисленного двора в двух вариантах: в Кремле и Преображенском, где раньше жил дед правящего государя Петр Великий. Предполагалось, что Петр II сам сделает выбор между этими двумя резиденциями.

В Преображенском было необходимо отремонтировать печи и окна. Сложнее обстояло дело с кремлевскими покоями. Головкин, надо полагать, не подозревал о том, с какими трудностями столкнутся исполнители его распоряжения об освобождении палаты на Потешном дворе, а также аптеки Оружейной палаты и приказа Большого дворца.

В ответном донесении Дворцовой канцелярии сообщалось, что помещение бывшей Оружейной аптеки и приказа Большого дворца освободить невозможно, так как в них хранятся старинные писцовые, переписные, межевые, окладные, приходные и расходные книги, а также дворцовая посуда. Все это «не токмо вскоре, но и во многие числа перевезти невозможно, да и куды перевезть мест не показано». Кроме того, перевозка золотой, серебряной и оловянной посуды из дворцовых палат в другие помещения может сопровождаться порчей или утратой дорогих изделий.

Канцлер признал свою оплошность. Донесения Дворцовой канцелярии он получил 21 октября, а уже 23 октября, проявив необыкновенную расторопность, отменил свое повеление: помещения приказа «Большого дворца с принадлежащими к тому приказу палатами, в которых обретаются книги», велено было не очищать.^[70]

14 октября Верховный тайный совет приказал генерал-лейтенанту и гвардии подполковнику И. И. Дмитриеву-Мамонову ехать в Москву для выполнения задания, определенного врученной ему инструкцией: изготовить новые мундиры на 63 человека из кавалер-гвардии, которым определено участвовать в коронационных торжествах. За образец надлежало взять экипировку гвардейцев, участвовавших в коронации Екатерины Алексеевны в 1724 году. Поручение, судя по чину Дмитриева-Мамонова, а также и по тому, что ему в помощь были назначены два гвардейских капитана, канцеляристы и солдаты, считалось важным.

Тем не менее генерал-лейтенант не спешил с отъездом. В Москву он прибыл на двенадцати подводках, со всякой кладью, необходимой для продолжительного пребывания в старой столице, и штатом помощников (для капитанов было определено по шесть подвод) только через месяц, 13 ноября. На следующий день Дмитриев-Мамонов отрапортовал, что приступил к изготовлению «доброй» экипировки, включавшей кафтан, штаны, шляпы с позументами и сапоги. Поскольку кавалергарды должны были участвовать в церемонии на лошадях, то надлежало изготовить шпоры, уздечки и рукавицы. Этот комплект обмундирования на одного кавалергарда обошелся казне в 80 рублей 70 копеек. Дороже обошлось снаряжение для лошади: перевязь, чепрак, перевес с лядункой стоили 90 рублей 74 копейки. Итого на одного кавалергарда с лошадью выходило 171 рубль 44 копейки, а на 63 человека — 10 800 рублей 72 копейки.

6 ноября Верховный тайный совет решил обновить гардероб нижних чинов, обслуживавших императорский двор. В архивном деле имеется две ведомости. Согласно первой, надлежало сшить мундиры 24 лакеям, 16 кучерам и фореиторам, 20 музыкантам, двум литаврщикам, двум валторнистам, шести арапам и четырем скороходам. Мундиры им должны быть «против того, как было сделано в 1724 году». Для 16 гайдуков придумали новую форму: «К гайдуцкой ливреи — чепи, а на шапках перья; а на сапогах личины серебряные употребить прежние». Весь этот блеск обошелся казне в 10 тысяч рублей.

Вторая ведомость под названием «Реестр служителям, которым надлежит делать мундир к коронации» вносит некоторую путаницу, поскольку в нее частично включены служители с таким же названием, как и

в первой ведомости, но имеются и новые: пять камер-пажей, 11 пажей, один кофейшенк, пять камер-лакеев, 15 лакеев, десять гайдуков, шесть арапов, два литавщика, шесть трубачей, четыре валторниста, концертмейстер, камер-музыкант и композитор, капельмейстер и 16 музыкантов и др. Всего 106 человек. Судя по тому, что на изготовление им мундиров дополнительно было ассигновано 9400 рублей, «Реестр» можно считать дополнительной ведомостью.^[71]

Экипировка гвардейцев и придворных служителей, а также благоустройство жилья для императора и его сестры составляли лишь малую толику забот устроителей коронации. С жильем для императора разобрались без труда. По мнению Ромодановского, лучшего варианта, чем Потешный двор, подобрать в Москве было невозможно, и Верховный тайный совет с этим согласился. Более сложным делом оказалось устройство триумфальных ворот. Их должны были соорудить на средства казны, купечества и Синода: Воскресенские в Китай-городе от Синода, в Белом городе от купечества и на Земляном валу от казны.

Сложность представляли не плотницкие работы, а именно украшение триумфальных ворот. Согласно повелению Верховного тайного совета, надлежало «убрать те ворота шпалерами и картинками с надписями». Список картин и надписей к ним должен был составить Синод.

В своем донесении Верховному тайному совету члены Синода проявили инициативу и указали, что конкретно надлежало предпринять «во славу коронации». Так был принят новый способ выражения поздравления коронованному императору, сохранявшийся и при последующих коронациях, — поднесение государю иконы. 27 ноября в Синод был вызван иконописец Андрей Меркульев, которому поручили написать образ святого апостола Петра «доброго и искусного художества». С этой задачей художник справился: 29 декабря он представил Синоду «образ Спасителя, показующий святому апостолу Петру приятие ключей Царствия небесного в осьми лицах».^[72] Кроме того, «поведено было самым лучшим в Санкт-Петербурге живописцам написать на бумаге ворота с масштабом, также и эмблемы, которые опробованы будут». Распорядились послать в Москву «знатного мастера живописца», который бы руководил московскими живописцами, а «также нарочитого архитекта по управлению столярного и плотничного делом».

Предложения исходили лично от Феофана Прокоповича. По его мнению, в коронации надлежало отразить общие понятия о государе. К числу этих понятий относились «честь высокая, власть верховная,

достойная наследия, и кто по кому наследием примет скипетр», то есть законность прав Петра II наследовать престол. «Другие показывающие добродетели, государю должны: мудрость, мужество, благочестие, милость, правосудие, бодрое о добре общем попечение и прочее».

Далее следовал перечень символов и эмблем с их описанием и надписями. В общей сложности только на казенных и купеческих воротах их насчитывалось более восьми десятков. Перечислять все нет смысла — описания эмблем и надписей к ним сформулированы тяжеловесным и малопонятным современному читателю языком. Их отличает явная гиперболизация добродетелей, присущих двенадцатилетнему отроку. Главная мысль — восторг подданных в связи с тем, что именно юный Петр Алексеевич, а не кто иной занял трон своего деда.

Приведем некоторые из перечисленных символов и сопровождающих их надписей:

Петр Второй на престоле по подобию Соломона, окруженного библейскими героями. Среди них отрок между пирамидами гробовыми, идущий и оплакивающий смерть родителя. Бог велит по виноград свой идти. Надпись: «Иди по виноград мой».

Отрок на престоле царском на облаках, из которых свет прямо на землю. На окрестные же страны являются громовые молнии и надпись: «Никто же о юности твоей да не родит».

Император, сидящий на престоле поклоняющейся ему России, скипетр к лобызанию преклоняет. Надписание: «Жезл правости, жезл царствия твоего» (Псалом 44).

Орел, выше всех птиц возлетающий. Надпись: «Рожден к высоте».

«Государь на высочайшем чести своей имеет делать правду».

Зрительная труба. Надпись: «Образ промысла и смотра царского».

В целом рисунки и надписи на триумфальных воротах, сооруженных Синодом, призваны внушить мысль о божественном происхождении царской власти. Вот еще несколько примеров надписей:

«Бога боится, царя чтит, яко тако есть воля Божия».

«Несть власть аще не от Бога. Сущия же власти от Бога учинены суть».

«Где прилично написать всенародное моление России о царе своем с надписанием: Боже, суд твой царской даждь и правду твою сыну церкви судить людям твоим в правду и нищим твоим в суде».

«Птенец орлий к солнцу возлетает». Надпись: «Такова родили родители».

«Геркулес, в колыбели змиев терзающий». Надпись: «Уже и в пеленах Геркулес».

Напомним, Петру II шел тринадцатый год. Увиденное и прочитанное им оставило в его сознании неизгладимый след. Можно с уверенностью утверждать, что он воспринял все эти льстивые и велеречивые эмблемы и надписи, в особенности в том, что касалось его прав на престол, с полной серьезностью.

Между тем подготовка к церемонии коронации продолжалась. Возникли трудности с балдахинном для трона императора. Вспомнили, что балдахин был сооружен для коронации Екатерины. Надлежало найти его и оценить степень его сохранности и возможность использования в коронации Петра II.

Обратились в Сенат и получили оттуда нелепый и неверный по существу ответ: балдахин по указу Верховного тайного совета отдан действительному тайному советнику В. Л. Долгорукому, у которого он якобы и пребывает. Более точные сведения сообщили в Синоде. Оказывается, в 1724 году балдахин был взят из Крестовой палаты в Грановитую, где обретается и ныне.

Балдахин осмотрел Дмитриев-Мамонов. Он пришел к выводу, что балдахин пригоден и для нынешней коронации, но «в четырех местах надлежит перешить имя его величества». Возник вопрос: как это сделать? Дмитриев-Мамонов считал, что вырезать старые литеры опасно, ибо можно испортить ткань, а лучше «те литеры вышить на особливом бархате и, вышив, на прежние литеры наложить». Предложение одобрили, Дмитриев-Мамонов пригласил московских мастеров, объяснил им задание, но те отказались его выполнять.^[73] Пришлось обратиться к услугам иноземного мастера, француза Яна Робора, руководившего изготовлением платья для гайдуков. Свою услугу француз, судя по записям в расходной книге, оценил крайне высоко. Сначала ему был выдан аванс в 100 рублей, затем последовали еще пять выплат на общую сумму в 1450 рублей.

В подготовку к коронации была включена чеканка памятных медалей. 1 ноября 1727 года Верховный тайный совет велел президенту Берг-коллегии Зыбину изготовить три вида золотых и серебряных медалей на общую сумму в 10 тысяч рублей: 200 медалей золотых достоинством в 12 червонных каждая, 2 тысячи — по одному червонному (также золотых) и 12 тысяч серебряных. Для изготовления медалей было решено использовать старые медали, «которые деланы были во время Швецкой войны для бывших баталий и взяты городов разных сортов весом на 4400 червонных, а серебра на 1200 рублей употребить». Справились, какие медали и на какую сумму были изготовлены по случаю коронации Екатерины I. Оказалось, что медалей по 12 червонных начеканили 177

штук на общую сумму в 2060 рублей; серебряных же, по 55 золотников, — на сумму в 12 160 рублей.

6 ноября Зыбин получил рисунок медали с многозначительной надписью по кругу: «От тебя с тобою и к славе твоей».

Выбитых медалей оказалось недостаточно. После коронации, 10 апреля 1728 года, велено было выбить дополнительно 58 золотых медалей достоинством от 50 до 3 червонных: шесть медалей по 50 червонных каждая, предназначенных для русских послов при иностранных дворах и иноземных послов при русском дворе, 24 медали достоинством по 20 червонных, 27 медалей достоинством в 12 червонных и одну медаль — три червонных.

Фактически таких медалей было выбито намного больше. Обнародованный указ предусматривал чеканку медалей в 50, 20, 12 и 3 червонных. Согласно же сохранившемуся в архиве Делу о коронации Петра II, медали были выбиты не четырех, а восьми сортов: появились медали четырех новых достоинств: в 8, 4, 2 и 1 червонных. Всего было выбито 651 золотая медаль и 4274 серебряных на общую сумму 8521 рубль 50 копеек.

По тому, какого достоинства медаль предназначалась тому или иному лицу, можно судить о том, какое место он занимал в иерархии тогдашнего русского общества. Списочный состав награждаемых — своеобразная Табель о рангах. Исключение составляли владельцы золотых медалей по 50 червонных, при пожаловании которыми руководствовались соображениями международного престижа.

Казалось бы, медали самого высокого достоинства должны были получить лица, принадлежавшие к царствующей фамилии: государыня-царица бабка императора Евдокия Федоровна, великая княгиня Наталья Алексеевна, цесаревна Анна Петровна, ее супруг герцог Голштинский и их новорожденный сын, а также три царевны: Анна и Екатерина Иоанновны и Елизавета Петровна. Но они, наравне с грузинским царем, были пожалованы медалями второго разряда достоинством в 20 червонных.

Следующий разряд медалей, достоинством в 12 червонных, предназначался для отправки иностранным дворам и генерал-поручикам. Высоко котировалось положение царского духовника, камер-фрейлины и фрейлин при особах царской фамилии — они были пожалованы медалями достоинством в 8 червонных. Двум академиком, как и медальерам, библиотекарю и граверу, полагались медали достоинством в 6 червонных. По 4 червонных медали получили пажи императорского двора, управители конюшен. Медали достоинством в 1 червонный предназначались для музыкантов, певчих, царицыных карлов и карлиц и прочих придворных

служителей не самого низкого положения.

Серебряные медали достоинством от четырех рублей до десяти копеек предназначались для унтер-офицеров, рядовых, кучеров, конюхов, истопников, поваров, скороходов, гайдуков и прочих служителей.

В церемонии коронации Петра II появилось одно новшество по сравнению с коронацией Екатерины I, к опыту проведения которой устроители обращались как к своего рода образцу. Участникам церемонии были розданы напечатанные в типографии пригласительные билеты.

За неделю до коронации, 18 февраля 1728 года, Петр Курбатов отправил директору типографии Федору Поликарпову письмо: «Извольте приказать надруковать (напечатать. — *Н. П.*) против присланных от вас двух образцов билеты каждого сорта по тысяче и прислать ко мне за вашей печатью и чтоб тех билетов никаким образом при друковании никому не было отдано».^[74] В тот же день Поликарпов ответил, что «друкование» билетов будет происходить в его присутствии, после чего он их немедленно отправит Курбатову.

И действительно, уже 20 февраля Поликарпов отправил Курбатову 2 тысячи билетов двух сортов. На билетах первого сорта имелся следующий текст: «С сим билетом входить в Грановитую палату и в церковь». Выше текста был изображен сидящий на ветке двуглавый орел. На билетах второго сорта писалось: «С сим билетом входить в церковь». Выше текста изображена ваза с цветами.

Владельцы билетов первого сорта приглашались не только на церемонию коронации в Успенском соборе, но и на торжественный обед в Грановитой палате. Те, кто получил такие билеты, принадлежали к придворной элите. Владельцы билетов второго сорта относились к менее сановным вельможам.

Все билеты были пронумерованы с указанием мест. Между прочим, не ясен ответ на такой вопрос: зачем понадобилось печатать 2 тысячи билетов, если в Успенском соборе могло поместиться лишь несколько сот человек, а в Грановитой палате, где присутствовавшие сидели за столами, — и того меньше? Тем более что помимо двух тысяч билетов, предназначавшихся для светских лиц, Синод повелел отпечатать 150 пригласительных билетов для духовенства. Использовано из них было чуть больше половины — 81 билет. Духовные лица получили право входа как в Успенский собор, так и в Грановитую палату.

В распоряжении историков имеется два списка лиц, приглашенных на коронационные торжества: в один из них включены гражданские чины, в другой — военные. В список гражданских чинов вошли сенаторы,

президенты коллегий, коллежские и конторские чиновники до ранга полковника. Среди приглашенных значится основатель исторической науки в России, один из создателей уральской металлургии, советник Монетной конторы Василий Никитич Татищев. Всего в этом списке — 43 персоны. Второй список открывают генерал-фельдмаршал князь Михаил Михайлович Голицын, граф Сапега и Яков Виллимович Брюс, а завершают 34 полковника. Всего — 126 имен, к которым надо прибавить 37 человек «из знатного шляхетства».

Среди лиц, включенных в этот список, числились и те, кто выполнял определенные обязанности в церемонии коронации: четыре «майора, которые были при метании монеты», шесть капитанов, находившихся «при балдахине», и одиннадцать офицеров, которым было поручено нести переносной балдахин. Итого списочный состав состоял из 217 человек. К нему надобно присоединить пять членов Верховного тайного совета, шесть членов Синода, несколько иностранных послов и 40 человек, которым пригласительные билеты по повелению Остермана должен был раздать оберцеремониймейстер Бибих «по своему в том благоискусству». Если учесть, что некоторым вельможам разрешили явиться на торжество вместе с супругами, то общая численность присутствовавших в Успенском соборе, вероятно, не превышала 500 человек.

Дата проведения коронации дважды переносилась на более поздние сроки.

Первоначально ее предполагали провести в декабре 1727 года. Однако 9 ноября Ромодановский донес Г. И. Головкину, что хотя «вороты строятся со всяким поспешением», но предвидится задержка «в картинах, каковым надлежит быть на тех воротах». По этой причине коронацию перенесли на 7 февраля 1728 года, о чем было велено «публиковать чрез офицеров с военною музыкою». Но и эту дату пришлось перенести — по причине болезни императора.

В итоге коронация состоялась 25 февраля 1728 года.

Петр выехал из Петербурга при пушечной пальбе 9 января 1728 года. Через два дня царь достиг Новгорода. Здесь ему была организована торжественная встреча, во время которой новгородский архиепископ Феофан Прокопович обратился к монарху с краткой речью: «Тебе же царь царей да подаст жити и царствовать на многие лета».

На пути из Новгорода в Тверь Петр, как уже было сказано, заболел. Две недели он провел в Твери, в постели, а затем путь был возобновлен. При подъезде к Москве император на некоторое время задержался, чтобы подготовиться к торжественному въезду.

Въезд императора в Москву состоялся 4 февраля. У Воскресенских синодальных триумфальных ворот его встречали весь Синод и прибывшие в Москву архиереи из ближних к старой столице городов (особым распоряжением канцлера Головкина архиереям из отдаленных от Москвы городов участвовать в праздничной церемонии не рекомендовалось). Все духовные лица были в полном церковном облачении. Особо выделялись студенты и учителя Славяно-греко-латинской академии, облаченные в специально пошитые для встречи императора белые камзолы и белые плащи: они были в париках, с венками на голове и держали в руках пальмовые ветви.

От лица всего духовенства императора приветствовал Феофан Прокопович. В речах, произнесенных при въезде Петра II в Москву и во время коронации в Успенском соборе, Феофан в полной мере проявил свой талант оратора-панегириста. Обращаясь к монарху-отроку, он призывал его, занимая престол, быть милостивым, правосудным, мудрым, сильным и радетьельным. «Благочестивейший и самодержавнейший император! — обращался он к двенадцатилетнему царю. — Сие толикое народа множество, и при нем пастырский чин, нас, верных подданных твоих и богомольцев подвигла и совокупила неизглаголанная радость, которую возбудил в нас слух пришествия твоего... Сия бо радость не безнадежная есть, но от долгаго чаянья и ожидания родилась в нас. Ожидати царствования твоего повелевало нам самое твое от утробы матерния происхождение, и тогожде чаяти велела отеческая к тебе Петра великаго любовь, и о добром воспитании твоём попечение... Тако лицезрением твоим суще мы обрадовани, не сумнимся, что получа того, котораго мы ожидали, увидим и таковаго, каковаго быти надеемся: милостива, правосудна, мудра, и сильна, и радетьельна...»^[75]

Однако едва ли этот призыв мог найти полное понимание у подростка и едва ли тот готов был в действительности руководствоваться им. В речи Феофана и в действиях собравшихся Петр должен был увидеть другое: народ с ликованием приветствовал своего царя, проповедник говорил о всеобщей радости и любви к нему. И юный Петр искренне считал, что является предметом обожания всего народа — таково было устойчивое представление о монархе.

Судя по тому, что Петр въехал в Москву 4 февраля и, следовательно, к этому времени уже был вполне здоров, коронация могла состояться не 25 февраля, а неделей-двумя раньше. Причина задержки была все та же — не все подготовительные работы были завершены: мелкие недоработки приходилось устранять буквально на ходу, за несколько дней до торжеств.

Так, мысль напечатать в типографии пригласительные билеты пришла в голову только 18 февраля, а 19 февраля были озабочены изготовлением золотых волооченых пуговиц для шести егерских платьев. 21 февраля затребовали для мундиров «золота сученого», а 22 февраля — сукна зеленого для пошивки кафтанов и красного на штаны. Сукно надобно было прислать «не умедля, понеже скоро поведено делать платье». Последняя по времени просьба, обращенная к Курбатову, датирована 23 февраля: у него просили прислать десять аршин «позумента золотого шириной в три перста для обшивания чехла на стол его императорского величества».^[76]

К 25 февраля все было готово. Осталось получить ответы на три вопроса: 1) «когда государь придет в церковь, до которого рангу надлежит мужеска и женска полу пускать?»; 2) «до которого рангу давать аудиенцию?» и 3) «взять чертеж местам, где иностранным министрам и при том знатным персонам и гетману стоять». К сожалению, ответы на эти вопросы в деле отсутствуют. Зато сохранилось последнее распоряжение, приведенное без подписи: «Повестить всем, чтоб збирались все в воскресенье в столовую палату по полуночи к 5 часу».

О том, как проходила сама церемония, подробно рассказал в своем донесении секретарь французского посольства Маньян. Приведем его описание.

«В воскресенье с 9 часов утра духовенство, так же как и почти все имевшие билеты, уже собрались в церкви и были размещены, каждый смотря по номеру своего билета. Место, приготовленное для вдовствующей царицы и принцесс крови, находилось по правую сторону трона, а для их статс-дам — на некотором расстоянии сзади.

Вокруг по стенам церкви были устроены галереи в виде амфитеатра; в одной из них, позади трона, направо от алтаря, находились генералы армии, президенты разных коллегий и другие лица такого же звания, не исполнявшие никаких обязанностей во время церемонии...

В другой части галереи, по левую руку, также за тронем, находились иностранные министры, провинциальные дворянские депутаты и несколько других лиц, не имеющих государственных должностей, которым тем не менее дали билет на эти места... Места по обеим сторонам церкви были заняты следующим образом: правая — супругами сенаторов, генералов армии и другими знатными дамами; супругам иностранных министров были розданы билеты на эти места, но так как в момент прибытия этих дам места их оказались заняты, они сели около своих супругов. Другое место — напротив, то есть по левую сторону алтаря, было наполнено придворными чинами и иными русскими дворянами; на высшем

месте здесь сидел гетман, или командир казачьих войск.

В 11 часов, как только царь вышел из внутренних покоев Кремля, чтобы отправиться в церковь, об этом возвестили звоном всех колоколов. Его царское величество, достигнув главного церковного входа, встречен был духовенством, проведшим его до трона, на который он взошел, имея по правую от себя руку своего обер-камергера, а по левую — барона Остермана; его царскому величеству предшествовали придворные чины, несшие регалии царя, которые были возложены вместе с подушками на стол, покрытый золотой и серебряной парчой.

Обер-камергер, генерал-адмирал, прочие члены Верховного совета, обер-штабмейстер и камергеры его царского величества последовали за государем на трон и расположились по сторонам его; фельдмаршал князь Голицын исполнял при этом должность обер-гофмаршала, имея в руке маршальский жезл, на вершине которого находился императорский золотой орел.

Трон был покрыт малиновым бархатом, под высоким балдахином из той же материи, отделанным золотыми галунами, шитьем и бахромой; в глубине трона было кресло, украшенное драгоценными камнями.

Царь, пробыв некоторое время восседающим на троне, встал, чтобы приблизиться к архиепископу Новгородскому (Феофану Прокоповичу. — *Н. П.*), который должен был отправлять службу в полном облачении; этот архиепископ и приступил тотчас же к церемонии, прочитав короткую молитву, по окончании которой он потребовал порфиру, которая была принесена со стола и возложена обер-камергером и бароном Остерманом на плечи его царского величества; архиепископ произнес затем еще молитву, вслед за которой он, приняв из рук одного из присутствующих корону, возложил ее на царскую главу и благословил; по совершении же этого его царское величество взял в руку скипетр, и в конце третьей молитвы отправлявший службу архиепископ вручил царю державу.

Тогда произведен был первый залп артиллерийских орудий и салют из мушкетов солдатами, выстроенными шпалерами на площади, начиная от церкви до Кремля.

Царь, возвратив скипетр и державу для отнесения их опять на стол, сошел потом с трона в порфире и с короной на голове, соблюдая при этом те же церемонии, как и при восхождении на трон; отсюда его величество проследовал затем в маленькую открытую часовню, расположенную невдалеке от алтаря, в которой этот государь слушал соборное богослужение.

Когда начали петь молитвы к причащению, его царское величество

вышел из занимаемого им места, принял миропомазание и приобщился в открытых в то время царских вратах.

Совершив это, его величество возвратился на свое обычное место, и тогда произведен был вторичный салют.

По окончании богослужения шествие возобновилось в том же порядке, как и по пути к собору, направившись от этого собора к другой маленькой церкви, которая оттуда совсем близко и в которую заходят, по старинному обычаю, цари, окончив церемонию миропомазания, чтобы воздать перед возвращением в Кремль благодарение Богу, и тогда был исполнен третий общий салют...»

Какое же впечатление произвела на отрока вся эта помпезная церемония? Этот вопрос представляет для нас большой интерес. К сожалению, дать на него точный ответ, опирающийся на показания источников, невозможно. А потому нам вместе с читателем придется мобилизовать воображение и постараться представить себе, как именно отразилось в сознании юного монарха все то, что происходило у него на глазах.

Колокольный звон всех городских церквей, пушечная и ружейная пальба свыше четырех тысяч солдат и офицеров на Ивановской площади Кремля, блеск новеньких мундиров конногвардейцев, а также вельмож, присутствовавших в Успенском соборе в парадном одеянии, благолепие духовенства должны были оставить в душе подростка неизгладимое впечатление. Перед ним склоняли головы, его благосклонного взгляда искали седовласые вельможи и израненные в сражениях генералы. Самовона звучали приветственные слова духовного пастыря Феофана Прокоповича: «Мы же, подданные твои всякого чина, яко самодержца и яко высочайшего государя слуги и яко отца отечества чада, когда поздравляем тебя толиким».

Эта мысль давно было усвоена юным Петром. Однако вряд ли нашло отклик обращение оратора к сердцу монарха, призыв действовать в угоду «славе своей и пользе народов», быть любимым подданными и страшным для супостатов, «даруя все дни твои мир, тишину и обилие плодов земных». Короче говоря, можно утверждать, что церемония коронации укрепила отрока в мысли о божественном происхождении его власти, в том, что он волен распоряжаться судьбами своих подданных. Но надетый на его главу царский венец и врученные ему скипетр и держава не могли изменить его, не заставили его задуматься над тем, как этой властью следует распорядиться, не привели его к мысли о том, что он вместе с атрибутикой власти монарха обретал не только право на неограниченную власть, но и

нелегкие обязанности. Последнее оказалось чуждо пониманию не только подростка, каким был Петр Алексеевич, но и тех зрелых дам, которым судьбой уготовано было править до и после него — разумею его предшественницу на троне Екатерину I, а также двух его преемниц — Анну Иоанновну и Елизавету Петровну, столь же мало заботившихся о судьбах государства и благополучии своих подданных.

И еще: высказываемые архиереем мысли о необходимости заботиться о тишине, пользе народа, благополучии государства носили абстрактный характер, в то время как знаки преклонения перед императором были столь очевидными, что оказывались доступными пониманию отрока и не требовали напряжения не привыкшего к мыслительной работе ума...

Согласно традиции, коронация сопровождалась пожалованиями. Значительное число их выпало на долю Долгоруких, особо приблизившихся к императору после падения Меншикова. При въезде в Москву фаворит императора Иван Долгорукий был пожалован высшим придворным чином обер-камергера и орденом Андрея Первозванного. Его отца, Алексея Григорьевича Долгорукого, а также Василия Лукича Долгорукого император назначил членами Верховного тайного совета.

В день коронации, 25 февраля, был обнародован указ, облегчавший податное бремя основной массы населения — крестьян: они освобождались от уплаты подушной подати за майскую треть (январь—май) текущего года. В этот же день были повышены в чинах Василий Владимирович Долгорукий и Иван Юрьевич Трубецкой — обоих Петр II пожаловал генерал-фельдмаршалами, а Миниха возвел в графское достоинство.^[77]

«Вечером царь прогуливался по улицам города и предместья, называющегося Немецкой слободой, где живут все иностранные министры, — сообщал в своем донесении Маньян, — дома были иллюминированы, и это будет продолжаться несколько дней сряду».

Казне коронационные торжества обошлись очень недешево. По ведомости, включавшей, впрочем, не все затраты, было потрачено 41 тысяча рублей, из которых было отпущено генерал-лейтенанту Дмитриеву-Мамонову «на строение на кавалер-гвардию нового мундира и других уборов» 11 тысяч рублей; советнику канцелярии Коллегии иностранных дел Петру Курбатову «на дело балдахина и прочих уборов и на придворных людей... нового мундира» 20 тысяч рублей; Берг-коллегии на чеканку золотых и серебряных медалей 10 тысяч рублей.^[78]

Как видим, в ведомость не вошли расходы на сооружение на средства

казны триумфальных ворот, на ремонт жилых помещений для императора и его сестры, на оборудование Успенского собора помостами и Грановитой палаты столами и прочим для торжественного приема гостей. Не учтены и расходы на переезд императора и его свиты, а также представительниц царствующего дома: Натальи Алексеевны, Елизаветы Петровны, Екатерины и Прасковьи Иоанновны. По решению Верховного тайного совета им было выделено по 20 подвод каждой. К транспортным расходам следует отнести и перевод коллегий из новой столицы в старую: по указу Верховного тайного совета в Петербурге остались конторы коллегий.

Все это стоило немалых денег, но определить их даже приблизительную сумму невозможно.

Глава шестая

Женское окружение императора: тетка, сестра и бабушка

В той или иной степени влияние на поведение юного царя и на формирование его характера оказывали члены его семьи. Так случилось, что это были исключительно женщины — его тетка цесаревна Елизавета Петровна, сестра Наталья и, в меньшей степени, бабушка Евдокия Федоровна.

Среди названных персон особо следует выделить имя Елизаветы Петровны. Отношения между теткой и племянником заслуживают внимания не столько с точки зрения их исторической значимости, сколько с бытовой и нравственной стороны, ярко иллюстрируя атмосферу, существовавшую при дворе того времени. Елизавета Петровна не пыталась удержать племянника ни от разгульных походов, ни от страсти к охоте. Более того, ее вполне устраивала беззаботная жизнь племянника, наполненная удовольствиями и развлечениями всякого рода: эта жизнь полностью соответствовала ее собственным вкусам. Если называть вещи своими именами, то цесаревна, бывшая на шесть лет старше своего племянника, стала его любовницей. Причем не она соблазнила царя, а наоборот, тот влюбился в нее и стал добиваться — и добился! — от нее взаимности.

К тому времени капризный двенадцатилетний отрок уже познал прелести общения со слабым полом. Вообще надо сказать, что Петр был не по годам развит физически. Высокий и хорошо сложенный, он выглядел намного старше своего возраста.

Первым своими впечатлениями о внешности будущего императора поделился французский дипломат Лави. В 1719 году, когда Петру было всего четыре года, он писал в своем донесении: это «один из самых красивых принцев, каких только можно встретить; он обладает чрезвычайной миловидностью, необыкновенной живостью и выказывает редкую в такие молодые годы страсть к военному искусству».

Прусский посланник Мардефельд тоже запечатлел внешний облик великого князя — правда, с чужих слов. В 1725 году он доносил о «прекрасных и замечательных внешних качествах» юного Петра Алексеевича.

«Собою он был очень красив и росту чрезвычайного по своим летам»,

— извещал свой двор в 1728–1729 годах испанский посол де Лириа. Другие наблюдатели отмечали лишь высокий рост Петра. Маньян в декабре 1728 года писал: «...надо по правде признать, что он так высок и фигура его настолько сложилась, как будто бы было ему теперь 16 или 18 лет, хотя ему идет лишь 14-й год». Ему вторил английский дипломат К. Рондо в ноябре 1729 года: «Он очень высок и силен для своих лет».^[79]

Отрок пал жертвой необыкновенной внешней привлекательности своей тетки. В Елизавету трудно было не влюбиться — все современники, в том числе и иностранные послы, единодушно отмечали ее редкую красоту. Она «чрезвычайно красива», — отмечал в 1722 году прусский посол Мардефельд. О «необыкновенной красоте» принцессы доносил своему двору год спустя испанский посол де Лириа: «Красота ее физическая — это чудо, грация ее неописанна».^[80] И несколькими годами позже: «Она такая красавица, каких я никогда не видывал. Цвет лица ее удивителен, глаза пламенные, рот совершенный, шея белейшая. Она высока ростом и чрезвычайно жива. Танцует хорошо и ездит верхом без малейшего страха».

Неизвестно, знал ли Петр, что в свое время императрица Екатерина I по совету Остермана обсуждала возможность соединить его с теткой брачными узами. Инициаторы этого плана намеревались погасить таким способом соперничество в окружении императрицы двух «партий», одна из которых ориентировалась на Елизавету, а другая — на великого князя.

В записке, поданной Екатерине, Остерман убеждал императрицу, что близкое родство не противоречит браку: «Вначале, при сотворении мира, сестры и братья посягали, и чрез то токмо человеческий род сплоснулся, следовательно такое между близкими родными супружество отнюдь общим натуральным и божественным фактам не противно, когда Бог сам оно, яко средство мир распространить, употреблял». Главное достоинство своего проекта Остерман видел в том, что его осуществление избавит страну от распрей между «партиями». По его мысли, этот брак должен был обеспечить стране и трону спокойствие, устранить возможность потрясений; кроме того, было бы обеспечено и благополучие самой Елизаветы.

Однако заманчивый проект Остермана решительно противоречил церковным канонам. Маньян в депеше от 27 ноября 1726 года сообщил о запросе Синоду, допустим ли брак между теткой и племянником, на что был получен ответ, что это равно воспрещается и «божественными, и человеческими законами». Отрицательный ответ, однако, не удовлетворил двор. Особые уполномоченные с ходатайством о разрешении на брак были

отправлены в Константинополь и Александрию, к тамошним греческим патриархам.

Когда стало ясно, что надежды на положительный ответ патриархов стали эфемерными, Екатерина занялась поисками других женихов для своей дочери. Из желающих претендовать на руку и сердце Елизаветы императрица избрала двоюродного брата герцога Голштинского (супруга ее старшей дочери Анны) епископа Любского Карла.

При этом двор проигнорировал новое предостережение Синода — о том, что, согласно догматам Православной церкви, брак «двух двоюродных братьев с двумя сестрами не может быть допущен». Шансы отпраздновать свадьбу были велики.

Жених прибыл в Петербург, был обласкан императрицей, награжден орденом Андрея Первозванного. Будущая теща удостоила своим присутствием устроенный женихом бал, продолжавшийся до семи утра. В декабре 1726 года Карл обратился к императрице с письмом, переведенным на русский тяжеловесным слогом, в котором высказал желание сочетаться браком с Елизаветой Петровной: «...Я с моей стороны не знал себе в свете вящего счастья желать, как чтоб и я удостоен быть мог от вашего императорского величества вторым голстинским сыном в вашу императорскую высокую фамилию воспряту быть... Якоже и я оставить не могу вашего императорского величества сим всепокорнейше просить ко мне высокую свою милость явить, высокопомянутую принцессу, дочь свою, ее императорское высочество мне в законную супругу матернею высочайшею милостию позволить и даровать». Далее следовало обязательство: «что я во всю свою жизнь готов буду за ваше императорское величество, императорскую фамилию и за интерес Российского государства и последнюю каплю крови радостно отдать».^[81]

Чувства и взаимную приязнь при заключении подобных браков, как правило, в расчет никто не принимал. Но в данном случае Елизавета Петровна воспылала к жениху самой нежной любовью. Уже был составлен брачный контракт, но тут случилось непредвиденное — жених скоропостижно скончался от оспы.

Невеста искренне оплакивала утрату. Смерть нареченного зятя серьезно огорчила и ее мать.

Екатерина во что бы то ни стало хотела иметь наследника. Надежды на потомство от хилого герцога Голштинского были слабыми — со времени свадьбы прошло более года, а никаких признаков беременности старшая дочь Екатерины Анна не обнаруживала. Промедление с замужеством Елизаветы тоже было сопряжено с угрозой лишиться потомства — дочь к

восемнадцати годам отличалась несколько излишней, не по годам, полнотой, и, по представлениям того времени, дальнейшее промедление с браком грозило сделать ее неспособной к рождению детей.^[82]

В мае 1727 года, после смерти императрицы Екатерины, Елизавета Петровна осталась круглой сиротой. Предоставленная самой себе, лишенная родительского попечения, она предалась разгулу и оказалась неразборчивой в выборе поклонников. Именно к лету 1727 года относится увлечение Петра II своей теткой.

Первые сведения на этот счет можно почерпнуть в депеше Лефорта от 14 июля: «Царь оказывает много привязанности к великой княжне Елизавете, что дает повод к спору между им и сестрою».^[83] 19 августа того же года другой дипломат Мардефельд доносил: «Елизавета Петровна пользуется глубоким уважением императора, ибо он до того свикся с ее приятным общением, что почти не может быть без нее. Уважение это, естественно, должно возрастать, ибо эта великая княжна обладает, кроме чрезвычайной красоты, такими душевными качествами, которые делают ее поклонниками всех».

Возможность общения с цесаревной Петр Алексеевич получил во время болезни Меншикова, когда надзор над ним со стороны самого князя и его семьи ослаб, и император получил возможность покидать дворец светлейшего и встречаться с лицами, не относившимися к его креатуре.

Веселая и раскованная, цесаревна увлекла племянника не одними своими женскими прелестями, но самим образом жизни. Она любила танцевать, любила охоту, верховую езду — все это пришлось по душе и Петру. В отличие от Меншикова Елизавета не лезла к нему с нравоучениями, не стремилась ограничить его волю, заставить его заниматься делами. Эту черту характера цесаревны подметил герцог де Лириа. «Принцесса Елизавета не думает ни о чем, кроме удовольствия, и не решается говорить царю ни о чем», — писал он в июне 1728 года.^[84]

9 сентября 1727 года, в канун ареста Меншикова, прусский посол Мардефельд докладывал своему правительству: «Император в Петергофе до того отличил великую княжну Елизавету Петровну, что начинает быть с нею неразлучным».^[85] 8 ноября того же года Маньян сообщал уже не о привязанности, а о настоящей страсти двенадцатилетнего Петра: «Страсть царя к принцессе Елизавете не удалось заглушить, как думали раньше, напротив, она дошла до того, что причиняет теперь действительно министерству очень сильное беспокойство. Царь до того отдался своей склонности с желанием своим, что немало, кажется, затруднены, каким

путем предупредить последствия подобной страсти, и хотя этому молодому государю всего двенадцать лет, тем не менее Остерман заметил, что большой риск оставлять его наедине с принцессой Елизаветой».

Верховный тайный совет даже решил, чтобы один из членов совета попеременно сопровождал царя. Однако роль соглядатаев оказалась не по душе Головкину и Апраксину. Они заявили Петру о своем намерении удалиться от двора, «если он не изменит вскоре своего отношения к принцессе Елизавете».^[86]

Угроза нисколько не охладила страсть Петра, что следует из депеш посланцев в следующем, 1728 году.

10 января де Лириа писал: «Больше всего царь доверяет принцессе Елизавете, своей тетке, я думаю, что его расположение к ней имеет весь характер любви». Два месяца спустя в очередной депеше он подтвердил свое наблюдение: «Любовь к принцессе Елизавете, своей тетке — любовь, которую он заявляет открыто, что не нравится великой княжне, которая, впрочем, ведет себя с величайшим благоразумием и осторожностью». Он же 10 мая: «Принцесса Елизавета сопровождает царя в его охоте, оставивши двух своих иностранных слуг и взявши с собою только одну русскую даму и двух русских служанок».^[87]

О том, что отношения между теткой и племянником отнюдь не носили платонический характер, было известно и французскому дипломату Маньяну. В октябре 1727 года в донесении своему правительству он описывал «нечто вроде страсти», которую царь питает к своей тетке: эта страсть «возникла от постоянной привычки видеться с принцессой, но третьего дня было решено, что принцесса должна покинуть царский дворец и поселиться на другой стороне реки». Принятые меры не помогли, и десять дней спустя Маньян убедился: страсть царя к Елизавете не удалось заглушить, как думали раньше, напротив, она дошла до того, что причиняет теперь действительно очень сильное беспокойство.^[88]

Пик любовных утех Петра с Елизаветой приходится на первую половину 1728 года. В январе этого года свое отношение к тетке племянник выразил щедрым подарком, пожаловав ей имение, приносящее доход в 30 тысяч рублей в год.

В июле наступило охлаждение, не оставшееся без внимания иностранных дипломатов. 16 августа де Лириа информировал мадридский двор: «Царь уже меньше интересуется принцессой Елизаветой, своей теткой: он не выражает ей прежнего внимания и реже входит в ее комнату».^[89]

Более подробен Маньян. В донесении от 13 сентября он писал: «Царь, видимо, относится теперь очень холодно к принцессе Елизавете». Наступившую холодность посол объяснял «не столько соображениями здешнего молодого государя о личном поведении этой принцессы, сколько его вниманием к своему любимцу князю Долгорукову, к которому, как говорят, эта принцесса была не равнодушна». Но, главное, царю доложили о «сближении» принцессы Елизаветы «с одним гренадером», которое зашло, «как некоторые полагают, должно быть, слишком далеко». На беду, гренадер заболел. «Несколько недель тому назад, — продолжает Маньян, — цесаревна отправилась пешком на богомолье в монастырь, за 60 верст отсюда, и единственным побуждением к такому путешествию было желание испросить для этого гренадера исцеления от недуга...» Принцессу сопровождал ее новый фаворит Бутурлин. По мнению «главных русских вельмож», подводил Маньян итог своим наблюдениям, положение Елизаветы при дворе «должно лишить друзей и сторонников этой принцессы всякой надежды, какую они могли возлагать на кредит ее у царя». ^[90]

Царя упорно настраивали против тетки князя Долгорукие. Естественно, это объяснялось не их заботой о нравственности юного монарха, но совсем другими соображениями, а именно горячим желанием главы клана князя Алексея Григорьевича и его сына Ивана женить Петра на Екатерине Долгорукой. Поведение Елизаветы Петровны давало Долгоруким хорошие козыри для этого.

О безнравственном поведении Елизаветы постоянно писал в своих донесениях испанский посол де Лириа — тот самый, который так восхищался ее внешностью. Вряд ли нравы мадридского двора отличались целомудрием, но распущенность юной красавицы вызывала у испанца все больше и больше негодования.

15 ноября он писал: «Принцесса Елизавета после царя теперь будет ближайшей преемницей короны, и от ее честолюбия можно бояться всего. Поэтому думают или выдать ее замуж, или погубить ее, по смерти царя заключив ее в монастырь. В необходимости последнего она убеждает ежедневно своим дурным поведением, и если вперед не будет вести себя лучше, все же кончит тем, что ее запрут в монастырь». ^[91] Далее негативные оценки нарастают. 29 ноября: «...Красота ее физическая — это чудо, грация ее неописанна, но она лжива, безнравственна и крайне честолюбива». 21 февраля 1729 года: «Принцесса Елизавета делает то же (предается удовольствиям и наслаждениям. — Н. П.) с такою

публичностью, что доходит до бесстыдства, что недалеко то время, когда с нею поступят как-нибудь решительно». 14 марта: «Поведение принцессы Елизаветы с каждым днем делается все хуже и хуже: она без стыда делает вещи, которые заставляют краснеть даже наименее скромных».

Однако даже развратное поведение тетки не погасило страсти к ней императора. Показательно, что во время церемоний помолвок Петра как с Марией Меншиковой, так и с Екатериной Долгорукой современники отмечали явное равнодушие царя к своим будущим супругам. Это можно рассматривать как косвенное свидетельство того, что в голове у жениха роились мысли совсем о другой женщине, а именно о горячо желанной тетушке.

В декабре 1728 года, то есть в то время, когда наблюдалось охлаждение в отношениях между Петром и Елизаветой, наставник императора А. И. Остерман заявлял, «что боится, чтобы царь снова не влюбился в Елизавету». Очевидно, основания для этих опасений имелись. Дабы не допустить возобновления, казалось бы, угасшей страсти, вельможи решили выдворить цесаревну за пределы России. С этой целью начались интенсивные переговоры между русским и польским дворами о выдаче Елизаветы Петровны замуж за Морица Саксонского. Однако эти переговоры внезапно прервались — надо полагать, по повелению императора.

Елизавета Петровна была настолько уверена в силе своих чар и привязанности к себе племянника, что позволяла себе весьма рискованные поступки. И речь идет не только о ее отношениях с другими мужчинами. Она, например, отсутствовала на праздновании годовщины со дня коронации императора. По мнению Маньяна, оказавшемуся, впрочем, ошибочным, при дворе «смотрят на это обстоятельство как на преддверие бури, грозящей этой принцессе». Бури, однако, не произошло.

Де Лириа повествует о праздновании дня рождения Елизаветы Петровны, состоявшегося 29 декабря. На нем обещал присутствовать император, но он уехал охотиться на медведей. «Принцесса Елизавета, — повествует де Лириа, — почувствовала себя бесконечно оскорбленной ревливой заботливостью, с которой Долгорукие стараются удалить от нее царя. И все знают, что эта их ревность даже противна самому монарху, который, несмотря на все, что они заставляют его делать, все-таки сохраняет к принцессе постоянную любовь».

В этой же депеше де Лириа сообщал о трогательной встрече императора с цесаревной: «Меня также уверяют, что однажды ночью царь был на свидании с принцессой Елизаветой, и оба вместе они долго плакали,

после чего монарх будто бы сказал своей тетке, чтобы она потерпела, что дела де изменятся. Все это вместе с холодностью, которую царь оказывает своей невесте (Екатерине Долгорукой. — *Н. П.*), заставляет меня думать, что в воздухе собирается гроза». ^[92]

Повторимся еще раз: основания говорить о благотворном влиянии Елизаветы Петровны на императора отсутствуют напрочь. Напротив, ей, как и племяннику, импонировала праздная, беззаботная, наполненная одними только удовольствиями жизнь. Не видно, чтобы цесаревна, которой в 1729 году исполнилось двадцать лет, проявляла интерес к политике, дворцовым интригам или сверх меры использовала близость к императору в корыстных целях.

Совсем в ином свете предстают отношения Петра с сестрой Натальей Алексеевной. Она была старше брата на 15 месяцев, но в их характерах и поведении просматриваются столь существенные различия, будто у них были разные родители или они росли и воспитывались в несхожих условиях. Петр был капризным, безалаберным и своевольным подростком, в то время как его сестра — разумной, не по возрасту рассудительной и уравновешенной девицей.

Впрочем, такого рода контрасты нельзя считать редким явлением. К несхожим натурам относятся, например, дочери Петра Великого, Анна и Елизавета. Обоих тоже воспитывали в одинаковых условиях, однако хорошо известно, сколь несхожими они оказались, достигнув зрелого возраста. Анна Петровна всего на год была старше сестры, но любознательность породила в ней тягу к самообразованию — она отличалась начитанностью, серьезным восприятием окружающего, благоразумием, в то время как ее младшая сестра Елизавета ограничилась приобретенным в детские годы и, избалованная всеобщим вниманием к своей на редкость привлекательной внешности, отличалась легкомыслием, неукротимой тягой к удовольствиям и наслаждениям. (Она, похоже, за всю жизнь не прочла ни одной книги, так как чтение считала вредным для здоровья — старшая сестра, по ее мнению, и скончалась в двадцатилетнем возрасте, потому что подорвала здоровье чтением книг.)

Историки не располагают сведениями ни об интересе великой княжны Натальи Алексеевны к чтению книг, ни о ее образованности. Ее имя стало мелькать в депешах иностранных послов с 1727 года, когда ее брат был провозглашен императором. Причем большинство донесений описывают состояние ее здоровья, и лишь немногие отмечали ее поступки и достоинства.

Лефорт доносил 12 июня 1727 года: «Нельзя довольно налюбоваться

на рассудительное поведение великой княжны. Она — Минерва (покровительница ремесел и искусств. — *Н. П.*) для царя».^[93] Наталья Алексеевна осуждала как увлечение брата теткой Елизаветой Петровной, так и его страсть к охоте. Но, как отмечал Лефорт в декабре того же года, и великая княжна, и действующий заодно с нею Остерман «потеряли всякое значение с своими увещеваниями. Великая княжна часто бывает огорчена поступками царя, следующего только прекрасным правилам Долгоруких».

Герцог де Лириа тоже заметил достоинства сестры царя. «Могу уверить вас, — делился своими впечатлениями посол с мадридским двором, — это (смерть великой княжны. — *Н. П.*) будет незаменимая потеря для России: ее ум, рассудительность, благородство, наконец, все качества ее души выше всякой похвалы. Иностранцы теряют в ней покровительницу, и особенно Остерман, к которому она всегда имела величайшее доверие».^[94] Легко заметить, что де Лириа вообще давал самые лестные отзывы о великой княжне. Впрочем, очевидно, что испанский посол сильно преувеличивал добродетели тринадцатилетней девочки.

В апреле 1728 года прусский посол Мардефельд дал о великой княжне отзыв, близкий к оценке Лефорта: «Многие говорят, что она, как разумная и дальновидная особа, так близко принимает к сердцу все уклонения от правильного воспитания ее брата, что в этом и состоит главная причина ее болезни».^[95]

Самыми обстоятельными сведениями об усилиях великой княжны раскрыть брату глаза на губительные для него последствия тесных контактов с Иваном Долгоруким располагал К. Рондо: «Царевна в самых горячих выражениях представила брату дурные последствия, которые следует ожидать для него самого и для всего народа русского, если он и впредь будет следовать советам молодого Долгорукого, поддерживающего и затевающего всякого рода разврат. Она прибавила, что и больна от горя, которое испытывает, видя, как его величество, пренебрегая делом, отдается разгулу». Уже после кончины Натальи Алексеевны, 3 декабря 1728 года, английский посол К. Рондо доносил, что брат, «чтобы утешить умирающую, обещал исполнить ее желание, но со смертью царевны он изменил слову, и князь (Долгорукий. — *Н. П.*) теперь в милости больше, чем когда-нибудь».^[96]

Надобно отметить, что дипломаты переоценивали степень влияния великой княжны на брата. Оно было значительным при Меншикове, когда отрок искал у нее совета, как у старшей сестры и самого близкого к нему человека. Но после того как Петр оказался покорен двумя страстями:

охотой и увлечением теткой, обе они (эти страсти) затмили влияние сестры, отодвинули ее на второй план. Теперь советы и увещания великой княжны либо принимались лишь для вида, либо напрочь игнорировались. Петр начал сторониться встреч с сестрою, чтобы не выслушивать очередную ее нотацию. Об этом говорил Остерман, лучше других осведомленный о подлинных отношениях между братом и сестрой. Так, в беседе с Лефортом Андрей Иванович прямо заявил, что великая княжна оказывала незначительное влияние на брата.^[97]

Об исчезновении близких отношений между братом и сестрой свидетельствует поведение Петра накануне кончины сестры. Это поведение характеризует императора далеко не с лучшей стороны. Наталья Алексеевна перед смертью пожелала проститься с братом, но он был на охоте. Пришлось посылать к нему одного за другим пятерых курьеров.

Но иностранные дипломаты не ошибались в том, что касалось симпатии, которую питала к ним сестра императора. Именно в ней они видели свою защитницу. А потому с особо пристальным вниманием они следили за состоянием здоровья великой княжны: все иноземные послы считали необходимым сообщать своим дворам о том, как протекала ее болезнь и как постепенно угасала надежда на ее выздоровление.

Используя извлечения из депеш, можно составить хронологию течения болезни великой княжны.

8 апреля 1728 года. Мардефельд: «Наталья Алексеевна нездорова, и она проводит большую часть времени в постели».

26 июля. Де Лириа: 23 июля — день рождения великой княжны. Она специально встала с постели, чтобы присутствовать на ужине, «хотя так слаба, что едва может держаться на ногах. Все медики думают, что у нее легочная чахотка и, я боюсь, проживет ли она еще несколько недель, хотя ей и дадут то средство, которое рекомендовал я, а именно молоко женщины».

26 июля. Лефорт: «У великой княжны остались следы бывшей у нее болезни, именно чахоточный кашель и худоба, заставляющая бояться за нее. Вот следы нездорового помещения в Кремле и прогулок, которые она принуждена была предпринять для доставления удовольствия своему брату».

9 августа. Де Лириа: «Великая княжна чувствует себя гораздо лучше с того времени, как ее лечит новый медик».

23 августа. Де Лириа: «Здоровье великой княжны улучшается. Вчера я имел честь быть с нею восприемником дочери одного контролера при столе его величества».

26 августа. К. Рондо: «Царевна Наталья Алексеевна была очень больною в Москве, она теряла фунта по два крови».

15 ноября. Де Лириа: «...великая княжна в отчаянном положении, почему его величество возвратился в город ныне же... Великая княжна умирает, и ее потеря незаменима: в моей жизни я не видал принцессы более совершенной».

29 ноября. Де Лириа: «С того времени, как великая княжна начала принимать женское молоко, здоровье ее не улучшается: надежды на выздоровление не предвидится».^[98]

Наталья Алексеевна скончалась 22 ноября (3 декабря по новому стилю) 1728 года. Это была действительно огромная потеря для Петра II, ибо в лице сестры он имел человека, который искренне любил его и желал ему добра. Но сам Петр этого, кажется, не понимал.

В архиве сохранился текст «придворного распоряжения касательно погребальной церемонии великой княжны Натальи Алексеевны». Из этого документа явствует, что похороны великой княжны должны были отличаться пышностью и торжественностью. В них принимал участие сам император.

В церемонии предполагалось участие двух шталмейстеров: один шел впереди процессии, другой ее замыкал. Основную часть процессии открывали 36 трубачей и три литаврщика. За ними следовали пажи великой княжны во главе с гофмейстером. Далее в санях везли гроб. Лошади были покрыты черными попонами, а сани — черным бархатом. За гробом следовали 48 лакеев в траурном одеянии с факелами, из коих 34 сопровождали гроб, а 16 — императора.

Перечисленные участники церемонии комплектовались из штата великой княжны. За ними следовали 13 карет, запряженных цугами, в которых восседали маршалы, кавалеры и гофдамы. За этими каретами ехали дамы, тоже в каретах; их число не указано.

За императором несли шлейф три камергера. Каждого сопровождали по два гайдука.^[99]

За день до погребения все кабаки должны были быть извещены о запрещении продавать в день похорон водку.

Погребение великой княжны сопровождалось инцидентом, свидетельствующим о живучести традиций местничества, отмененного еще в 1682 году. Несмотря на присутствие императора, многие так и не явились на похороны. Как пояснил К. Рондо, «...возникли большие споры по поводу мест в процессии и ее расположения, сановники никак не могли

согласиться между собою».^[100] «Большинство лиц уклонились от присутствия на похоронах, — сообщал Маньян, — их поведение так не понравилось царю, что он, как говорят, грозился даже припомнить некоторым из них».

Влияние на императора пыталась оказать еще одна его близкая родственница — родная бабка Евдокия Федоровна Лопухина.

Первая супруга Петра Великого испытала на себе всю жестокость нравов того времени. Она была насильно пострижена мужем в монастырь, ибо для Петра это был единственный возможный способ расторгнуть брак с нелюбимой им женщиной. Молодая, сильная, пышущая здоровьем красавица приняла новое имя — Елена и должна была заживо схоронить себя в монашеской келье. Всего она провела в разных монастырях около трех десятилетий.

Сначала ее содержали в Суздальском Покровском монастыре. В 1718 году, однако, она была привлечена к следствию по делу царевича Алексея, во время которого обнаружилось, что бывшая царица не соблюдала правил монашеского поведения и даже вступила в интимную связь с капитаном Степаном Глебовым. Были найдены написанные ею письма, адресованные капитану. Глебова подвергли жестокой казни — он был посажен на кол, а блудницу отправили в Старую Ладугу, где она содержалась под более строгим надзором. Затем из Старой Ладуги инокиню Елену перевели в Шлиссельбургскую крепость, где в сентябре 1725 года ее довелось мельком видеть камер-юнкеру Берхгольцу. «Обозрев внутреннее расположение крепости, приблизились мы к большой деревянной башне, — писал он, — в которой содержится царица Евдокия Федоровна. Не знаю, с намерением или нечаянно, она прогуливалась по двору. Увидев нас, она поклонилась и громко говорила, но слов ее за отдаленностью нельзя было расслышать».^[101]

Вступление на престол внука сразу же изменило ее положение. Евдокии Федоровне вернули свободу. Бывшая царица избрала местом своего пребывания Новодевичий монастырь в Москве.

Двор находился в Петербурге, а из Шлиссельбурга, где она содержалась, до столицы было, что называется, рукой подать. Однако Меншиков распорядился везти бывшую царицу в Москву, не завозя ее в Петербург, — он опасался, что озлобленная Евдокия будет мстить оставшимся в живых виновникам гибели ее сына царевича Алексея и ужесточения содержания ее самой в монастыре, а в число этих виновников, несомненно, входил и он сам. И действительно, царица-инокиня питала к Меншикову самую неугасимую ненависть. Как свидетельствовал прусский

посол барон Г. фон Мардефельд, царицу вообще «всегда считали за гордую и мстительную особу».

Опасения, однако, оказались напрасными: лучшие годы Евдокии Федоровны были позади, здоровье утрачено. В карете, державшей путь в Москву, сидела старуха, желание которой состояло лишь в том, чтобы остаток дней своих провести спокойно, без потрясений и участия в интригах, довольствуясь положением бабки императора и отказавшись от вмешательства в дела управления.

Сразу же надо отметить особенность в отношениях бабки с ее внуком и внучкой — вряд ли они могли питать друг к другу нежные и теплые родственные чувства. Петр и Наталья росли вдали от бабки, не испытывали ее ласки и заботливости, а бабка до времени даже не подозревала о их существовании. Притом она была значительно более заинтересована в установлении контактов с внуком и внучкой, от которых ожидала самых разных и прежде всего материальных благ: возвращения титула царицы, восстановления престижа. Петр же общества бабушки не искал и в ее участии в своей судьбе не нуждался.

Однако внешние приличия необходимо было соблюдать, а они требовали встречи родственников.

Узнав о падении Меншикова, бабка 21 сентября 1727 года отправила внуку письмо следующего содержания: «Державнейший император, любезнейший внук! Хотя давно желание мое было не токмо поздравить ваше величество с восприятием престола, но паче вас видеть, но понеже счастью моему по се число не сподобилась, понеже князь Меншиков не допустя до вашего величества, послал меня за караулом к Москве. А ныне уведомила, что за свои противности к вашему величеству отлучен от вас; и тако примаю смелость к вам писать и поздравить. Притом прошу: естли ваше величество к Москве вскоре быть не изволите, дабы повелели быть к себе, чтоб мне по горячности крови видеть вас и сестру вашу, мою любезную внуку, прежде кончины моей. Прощу меня не оставить, но прикажи уведомить, какое ваше изволение будет».^[102]

Но и освободившись от опеки Меншикова, царь не жаждал встречи с бабкой. Он хорошо знал о ее ненависти к детям Петра Великого от второго брака, и в частности к цесаревне Елизавете Петровне, в которую был страстно влюблен. Кроме того, бабка в первых же письмах стала донимать внука разного рода ходатайствами и просьбами, исполнение которых отвлекало юного царя от занятий, доставлявших удовольствие.

В желании поскорее увидеть внука и внучку царица проявляла немалую словесную изобретательность. «Дай, моя радость, мне себя видеть

в моих таких несносных печалях, — например, писала она, — как вы родились, не дали мне про вас слышать, нежели видеть вас»; или: «наипаче того прошу: дайте мне себя видеть и порадоватца вами, такими дорогими сокровищи»; «а наипаче того желаю, чтоб мне вас видеть вскоре по моей к вам природной горячести»; я «забуду от такой своей радости все предбудущие свои печали, как вас увижу»; «о вашем вселюбознейшем здоровье слышу, а вас не вижу и в том мне великая печаль»; «...чтоб мне вас видеть во всяком благополучии, и прошу вас также и молю всевышнего нашего Создателя, чтоб оное учинилось в недолгом времени, и мне истинно и веры не имеетца, чтоб мне вас видеть».

Внук отвечал бабке реже — разумеется, под диктовку наставника Остермана. Он также писал о своем горячем желании увидеться с нею, проявлял заботу о ее материальном благополучии и даже спрашивал, «в чем я могу услугу и любовь мою показать», но упорно сопротивлялся ее приезду в Петербург. 30 сентября в тон бабушкиных посланий Петр отвечал: «Я сам ничего так не желаю, как чтоб вас, дражайшую государыню бабушку, видеть, и надеюсь, что с Божию помощью еще нынешней зимы то учинится может». В следующем письме, отправленном 5 октября, внук уточнил обстоятельства будущей встречи: он сам «для коронации своей в Москву прибыть намерен».^[103]

Эта неопределенность бывшую царицу никак не устраивала. Она продолжала донимать внука мольбами о более скором свидании и, разумеется, в Северной столице — бабке не терпелось показаться столичной элите и полюбопытствовать, что представляло творение ненавистного ей покойного супруга.

Остерман не только сочинял письма бабке от имени своего царственного воспитанника, но и сам вступил с ней в переписку. Никогда ничего не делавший без ощутимой выгоды, барон и в данном случае рассчитывал извлечь пользу из контактов с царицей. Дело в том, что именно в это время до крайности обострился конфликт между ним и фаворитом императора Иваном Долгоруким. Над Андреем Ивановичем нависла угроза увольнения от должности воспитателя, и он искал поддержки всюду, где мог ее обрести, — в том числе и у царицы, которую он никогда не видел и о возможностях которой быть ему полезной не имел представления.

Первое письмо Евдокии Федоровне Остерман отправил 27 сентября 1727 года, то есть с тем же курьером, который вез письмо внука. В нем он заверил ее во «всеподданнейшей моей верности» как его императорскому величеству, так и в делах «которые к вашему величеству принадлежат». В

другом письме к царице он обещал «его императорскому величеству, моему всемилостивейшему государю, без всяких моих партикулярных прихотей и страстей прямые и верные мои услуги показать, так и ваше величество соизволит всемилостивейше благонадежны быть в моей вернейшей преданности к вашего величества высокой особе».

К переписке с царицей он привлек и свою супругу, которая тоже убеждала Евдокию Федоровну: «...муж мой его императорскому величеству и вашему величеству служит и служить будет».

В данном случае Андрей Иванович просчитался — на деле оказалось, что царица была лишена возможности оказать ему помощь, хотя и обещала «сколь силы моей будет, и я вам всегда доброхотствовать буду». Однако, как явствует из донесений иностранных дипломатов, «сил» у царицы осталось маловато — их хватило лишь для того, чтобы вернуть из ссылки оставшихся в живых осужденных по делу ее сына царевича Алексея и возвратить своим родственникам Лопухиным конфискованное у них имущество. Правда, в этом отношении она действовала очень решительно. «Старая царица выхлопотала возвращение прав собственности всем, принадлежащим к ее дому... — доносил Маньян, — это исполняется с такою точностью, что приводит почти в отчаяние множество знатных лиц, награжденных этим имуществом большей частью в благодарность за услуги». Очевидно, в этом вопросе Евдокия Федоровна опиралась на полную поддержку царя.

Но личные отношения все не складывались. «До сих пор все еще не могут установиться искренние отношения между бабушкой и императором и обеими великими княжнами, — доносил 19 февраля 1728 года Г. фон Мардефельд. — Старая царица все еще живет в монастыре, где она занимает три маленькие комнатки или, вернее, кельи. Император и великие княжны сделали ей только один церемонный визит, который ей совсем не пришелся по душе, а также не достигла она желанной цели тем, что, облачившись в старомосковское одеяние, заставила всех посетителей подойти к своей руке».

Личная встреча бабки и внука состоялась незадолго до коронации Петра II. Единственное ее описание, причем весьма скудное, принадлежит перу испанского посла де Лириа. «В понедельник, 1 марта 1728 года (по новому стилю. — *Н. П.*), бабка царя приехала во дворец видеть его царское величество, — доносил он. — Она имела терпение просидеть у него очень долго. Чтобы не дозволить ей говорить о делах, на все это время он пригласил быть с ним принцессу Елизавету, чтобы она была для того помехой. Но она все-таки много говорила ему о его поведении, как меня

уверяли, она советовала ему жениться, хотя даже на иностранке, что де будет все-таки лучше, чем вести эту жизнь, которую он ведет в настоящее время. Эти лекции или откровенность со стороны бабки не только дают надеяться, что его царское величество, чтобы избавиться от бабки, поспешит возвратиться в Петербург, но и утверждает меня в мнении, что она ни в каком случае не будет иметь влияния на дела управления». [\[104\]](#)

Маньян подтвердил догадку де Лириа. Упреки внуку «относительно его связей с принцессой Елизаветой и ходатайства за некоторых из его министров» вызвали раздражение юного царя. Недовольство поведением бабки усилилось в связи с эпизодом с подметным письмом в защиту сосланного Меншикова. В ходе розыска выяснили, что духовник царицы-бабки получил «тысячу ефимков за то, чтобы ввести Меншикова в милость царицы». «Здесь, видимо, недовольны старой царицей, — доносил Маньян, — за то, что она умолчала о сообщении, сделанном ей духовником».

Маньян сообщил еще об одной детали в поведении царицы, вызвавшей недовольство внука: «Страшная ненависть, приписываемая старой царице по отношению к обеим дочерям, рожденным от второго брака покойного царя его супругой, заставила предполагать, что она не замедлит устроить так, чтобы принцесса Елизавета вынуждена была вступить в монастырь». «Некоторые даже того мнения, — добавлял он, — что ее мщение пойдет еще дальше, и она постарается о том, чтобы этот второй брак Петра I был признан недействительным, как заключенный еще при жизни его первой супруги». Напомним, что император в это время пылал горячей страстью к Елизавете, и намерение бабки упрятать ее в монастырь глубоко задевало его чувство. Маньян писал, что кредит царицы пал после того, как она сделала внушение царю относительно царевны Елизаветы Петровны. [\[105\]](#)

Прусский посол Мардефельд, возможно, был прав, когда писал о тайной мечте старой царицы «разыгрывать роль правительницы». Однако такая роль была явно ей не по силам. Царица, писал Мардефельд, «не обладает ни малейшими качествами, необходимыми для этого»; к тому же ее «совершенно притупило тридцатилетнее строгое заключение». [\[106\]](#) У нее не доставало сил даже для того, чтобы участвовать в придворных интригах.

Слабое состояние здоровья Евдокии Федоровны отметил и де Лириа: 7 мая 1728 года ее «поразил в церкви апоплексический удар, который, впрочем, не имел роковых последствий» — через десять дней она поправилась. [\[107\]](#) Лефорт 1 августа 1729 доносил: «Бабка царя чувствует себя слабой и нездоровой от водяной. Состояние ее ухудшается от

показавшейся наружу воды. Говорят, что она находится в опасном положении». [\[108\]](#)

Внук, судя по наблюдению де Лириа, не имел желания часто встречаться с бабкой: Петр «хотя и почитает свою престарелую бабку, но виделся с нею только однажды именно потому, чтобы не дать ей повода говорить об управлении. Великая княжна тоже виделась с нею только один раз, и то взяла с собою принцессу Елизавету, чтобы иметь в ней поддержку, если бы та заговорила о политических и других делах, которые бы не способствовали взаимному удовольствию свидания».

Итак, Евдокия Федоровна, хотя и пользовалась внешним почетом, пребывала в фактической изоляции. В утешение внук мог облагодетельствовать ее материальными благами — в феврале 1728 года он назначил ей ежегодный пансион в 60 тысяч рублей, велел приготовить ей особое помещение при дворце с особым штатом, а также роскошную прислугу: пять карет с пятью цугами, 40 верховых лошадей, дворецкого, двух спальников, двух стремянных конюхов, а также кухмистра и поваров, «сколько пристойно». Он же пожаловал бабке два села, ранее принадлежавших Меншикову: Рождественское и Ивановское с двумя тысячами дворов. [\[109\]](#)

Видимо, Евдокия Федоровна смирилась с ролью сторонней наблюдательницы происходившего. В феврале 1728 года Мардефельд извещал прусский двор: «Бабушка заявила, что будет вести частную жизнь». [\[110\]](#) Она скончалась в 1731 году, пережив и внучку, и внука.

Обе эти смерти произвели на нее очень тягостное впечатление. Узнав о тяжелой болезни великой княжны Натальи Алексеевны, она покинула свои покои, что делала нечасто, и навестила ее. Царица «нашла ее настолько плохой, — писал Маньян, — что сочла нужным, нимало не медля, совершить над ней предсмертные церковные обряды».

После же смерти царя Петра Алексеевича, когда царица подошла к гробу с его телом, она и вовсе лишилась чувств.

Глава седьмая

Охотник на троне

Неуемная страсть Петра II к охоте и разгулам во многом объяснялась влиянием, которое оказывал на него князь Иван Алексеевич Долгорукий.

Иван Долгорукий принадлежал к тому кругу посредственных личностей, которые остались бы незамеченными историками, если бы волею случая не оказались бы в фаворе у царственных особ. Он не блистал ни талантами, ни образованностью, ни высокой нравственностью, ни чувством ответственности за свои поступки.

Родился Иван Долгорукий в 1708 году, то есть был старше Петра II на семь лет. Воспитывался он не в семье отца, Алексея Григорьевича Долгорукого, но дедом, известным дипломатом петровского времени, послом России в Варшаве Григорием Федоровичем Долгоруким, а затем сменившим его на этом посту князем Сергеем Григорьевичем Долгоруким. В Варшаве князь Иван жил до 1723 года. К пятнадцати годам он успел приглядеться к той легкомысленной жизни, которой жил двор польского двора Августа II, к широко распространенным там любовным интригам вельмож и придворных дам, к беззаботному времяпрепровождению, состоявшему из сплошных светских удовольствий. Эта жизнь пришлась ему по душе. Хотя его воспитателем был известный камералист и прожектер Генрих Фик, услугами которого широко пользовался Петр Великий при проведении административных реформ, он не сумел привить своему воспитаннику добродетелей. Иван с легкостью воспринял распущенность польского двора, принимал участие в разгульных похождениях, но оказался глух к восприятию рационалистических идей наставника.

Прибыв в Петербург, князь Иван при восшествии на престол Екатерины был определен гоф-юнкером при великом князе Петре Алексеевиче. У легкомысленного князя хватило ума усвоить элементарную мысль, что занимаемая им должность при будущем наследнике престола открывает перспективы для блестящей карьеры. Но для этого надобно было, чтобы наследник обратил на него внимание. Князь М. М. Щербатов, автор знаменитого памфлета «О повреждении нравов в России», запечатлел поступок Ивана, определивший его дальнейшую судьбу: «В единый день, нашед его (великого князя. — Н. П.) единого, Иван Долгорукий пал пред

ним на колени, изъяснил всю привязанность, какую весь род его к деду его, Петру Великому, имеет и к его крови, изъяснил ему, что он по крови, по рождению и по полу почитает его наследником Российского престола, прося, да утвердится в его усердии и преданности к нему». [\[111\]](#)

И сами эти слова, и театральная манера их произнесения произвели на отрока неизгладимое впечатление и врезались ему в память на всю его короткую жизнь. Великому князю, рано оставшемуся сиротой, вообще редко доводилось слышать ласковые слова и чувствовать чью-то заботу о себе. Он поверил в искренность чувств князя Ивана и привязался к старшему по возрасту и имевшему какой-то жизненный опыт и светское обхождение гоф-юнкеру. Великому князю импонировали и бесшабашность Ивана, и его веселый и беззаботный нрав, и изобретательность в развлечениях. Очень скоро между ними установились приятельские отношения.

Меншиков, зорко следивший за событиями при дворе великого князя, обнаружил тлетворное влияние Ивана Долгорукого и уговорил Екатерину принять радикальные меры к отлучению гоф-юнкера от двора. Ивана отправили продолжать службу в отдаленный армейский полк.

После кончины Екатерины I и воцарения Петра II князь Иван Алексеевич снова появляется при дворе. После же падения Меншикова он становится неофициальным наставником императора, насаждая при дворе нравы, которые ему довелось наблюдать в Варшаве. Иван Долгорукий был возведен в высший придворный чин обер-камергера, пожалован орденом Андрея Первозванного и чином капитана, а затем майора Преображенского полка.

Император находился в том самом возрасте, когда его голова должна была насыщаться знаниями, когда он должен был постепенно приобщаться к делам управления государством, проникаться заботами о жизни подданных. Но все эти понятия были чужды князю Ивану. Все современники, знавшие его, оставили о нем неблагоприятные отзывы и подчеркивали его дурное влияние на императора.

По словам Маньяна, «умственные способности этого временщика, говорят, посредственные и недостаточно живые, так что он мало способен сам по себе внушать царю великие мысли». Маньян объяснял это тем, что князь «не имеет ни достаточной опытности в делах, ни дарований». [\[112\]](#) Ограниченные способности фаворита отметил и саксонский дипломат Лефорт. «Фаворит не стоит на своих ногах, — доносил он в декабре 1729 года, — умом и суждениями его руководит Остерман». [\[113\]](#)

По словам Лефорта, царю внушалась мысль, «что знатные вельможи не нуждаются ни в образовании, ни в надзоре, ни в людях, которые бы могли его останавливать, но видно, что он предается страстям». Не подлежит сомнению, что подобные мысли мог внушить царю только Иван Долгорукий. Лефорт с полным на то основанием называл князя Ивана «молодым дуралеем». Но этот «дуралей» с многочисленными пороками стал кумиром для императора; последний привязался к нему настолько, что, по словам К. Рондо, царь с ним «проводит дни и ночи. Он (Долгорукий. — Н. П.) единственный неизменный участник всех очень частых разгульных походов императора».^[114]

Прусский посол Мардефельд 8 апреля 1728 года доносил: Иван Долгорукий как бы «обворожил молодого императора. И так как он способствовал всем его страстям и неразлучен с ним, то лишь один Господь Бог может уразуметь молодого государя».^[115] Испанский посол де Лириа, кстати, единственный из дипломатов, друживший с Иваном и ценивший его за получение от него интересовавшей его информации о планах правительства, тоже подтвердил оценку своих коллег: «Расположение царя к князю Ивану таково, что царь не может жить без него; когда на днях его ушибла лошадь, и он должен был лечь в постель, его царское величество спал в его комнате». Но даже де Лириа должен был признать: «Поведение князя Долгорукого, фаворита царя (меня уверяют), с некоторого времени так дурно, что я опасаюсь, что он мало-помалу потеряет благоволение его величества, которому он уже не служит с таким усердием, как прежде».^[116]

Главная забота князя Ивана, как он ее понимал, состояла в доставлении императору удовольствий всякого рода. На дела внутренней и внешней политики фаворит не оказывал существенного влияния. Правда, зачастую он не скупился на щедрые обещания дипломатам. Но иногда он давал обещания, отнюдь не намереваясь их выполнять; иногда же их исполнению ставил преграду вице-канцлер Остерман.

Так, например, Иван Долгорукий много раз с готовностью откликнулся на просьбу испанского посла де Лириа, которого поддерживали и другие дипломаты, относительно ускорения переезда двора из Москвы в Петербург. Фаворит обещал убедить царя в необходимости переезда, но не имел намерения выполнять обещание, поскольку переезд грозил утратой его собственного влияния на императора: ведь оно основывалось главным образом на поддерживаемой им страсти царя к охоте, а Подмосковье с ее богатыми охотничьими угодьями предоставляло для этого неизмеримо больше условий, чем окрестности Петербурга.

Именно Долгорукий пристрастил юного царя к ночным похождениям, разгулу и разврату. Лефорт в ноябре 1727 года доносил: «С некоторого времени он (Петр. — Н. П.) взял привычку ночь превращать в день: он целую ночь рыскает со своим камергером Долгоруким и ложится только в семь часов утра». Это же донесение Лефорт дополнил любопытной информацией: воспитатель царя Остерман проводил с царем душевспасительные разговоры и довел его до слез раскаяния. Однако выслушав внушение, царь «в этот вечер снова отправляется в санях таскаться по грязи... в продолжении двух дней он продолжал беспутствовать; говорят, он начинает пить».

Под влиянием фаворита царь уже с двенадцатилетнего возраста приобщился к любовным утехам с женщинами. В депеше от 27 ноября 1727 года Лефорт доносил: «Мне известна одна комната, смежная с бильярдом, где помощник главного воспитателя доставляет ему разные приятные свидания». В этой же депеше Лефорт писал: «Долгорукий не только поддерживает дурные наклонности царя, но и сам служит покорным оружием при исполнении поступков, недостойных монарха». В январе 1728 года де Лириа доносил, что хотя императору не исполнилось 13 лет, но он «уже дает знать, что может быть другом женского пола, и даже в высочайшей степени он уже имел свои любовные похождения».^[117]

Развратное поведение самого фаворита создавало ему репутацию насильника и соблазнителя слабого пола. Князь Щербатов запечатлел рассказы современников об Иване Долгоруком в своем знаменитом памфлете: «Князь Иван Алексеевич Долгоруков был молод, любил распутную жизнь и всеми страстями, к которым подвержены молодые люди, не имеющие причины обуздывать их, был обладателем. Пьянство, роскошь, любодеяние и насилие прежде бывшего поляка заступили». Щербатов привел один из эпизодов безнравственного поведения Ивана: он взял «на блудодеяния» супругу князя Н. Ю. Трубецкого, жил с нею «без всякой закрытости», истязал супруга и даже однажды намеревался выбросить его в окно, и исполнил бы свое желание, если бы за рогоносца не заступился Сергей Лопухин, родственник первой супруги Петра Великого. «Но любострастие его... — продолжал Щербатов, — многими не удовольствовало, согласие женщины на любодеяние уже часть его удовольствия отнимало, и он иногда приезжающих женщин... затаскивал к себе и насиловал».^[118]

Этот эпизод не был выдуман Щербатовым. Из депеши Маньяна, отправленной 1 сентября 1729 года, явствует, что любовная интрига

фаворита с княгиней Трубецкой, дочерью канцлера Головкина, женщиной очень красивой, но распутной, действительно имела место. Канцлер и князь А. М. Черкасский пытались воспрепятствовать интриге, но временщик стал интриговать против них и хлопотать о ссылке одного в Сибирь, а другого в Персию. Они обратились с жалобой к отцу фаворита, но князь Алексей Григорьевич «дал понять, что они могут подвергнуться царскому гневу».

Это не единственное любовное похождение Ивана Долгорукого, получившее огласку. Еще раньше, в январе 1729 года, Иван домогался близости от молодой супруги Нарышкина, отличавшейся красотой, но, по словам того же Маньяна, получил отпор.^[119]

Уроки дебошира, развратника и забулдыги пали на благодатную почву. Царь их быстро усвоил и следовал примеру наставника. Двор в это время находился в Москве, население которой еще не было знакомо с нормами поведения, распространенными на Западе. В старой столице придерживались старомосковских порядков. Здесь осуждение вызывала не только разгульная и развратная жизнь молодого монарха, но и вообще все его поступки, противоречившие традиционным представлениям о чинном и благостном поведении царя. Де Лириа доносил в Мадрид в феврале 1729 года: «...в Москве все ропщут на образ жизни царя, вина в этом окружающих его. Любящие отечество приходят в отчаяние, что государь каждое утро, едва одевшись, садится в сани и отправляется в подмосковную с князем Алексеем Долгоруким, отцом фаворита, и с дежурным камергером и остается там целый день, забавляется как ребенок и не занимается ничем, что нужно знать великому государю».^[120]

Чем старше становился император, тем он больше привязывался к князю Ивану и тем сильнее поддавался его дурному влиянию. И тем безобразнее становилось поведение фаворита. Об этом в феврале 1729 года доносил Лефорт: «Достоин удивления, что молодость царя проходит в пустяках; каждый день он участвует в Измайлове в детских играх: уже он не заботится быть человеком положительным, как будто ему и не нужно царствовать». В августе он же нелестно отозвался о фаворите: «Поведение фаворита каждый день делается беспорядочнее». К. Рондо в декабре того же года сообщал своему правительству: «Молодой князь пользуется большей милостью царя, чем когда-либо».^[121]

Под влиянием отца и сына Долгоруких царь пристрастился к еще одной забаве — охоте. Ей он стал отдаваться даже с большей страстью, чем прежним своим развлечениям. Коротко, но выразительно написал об этой

страсти царя — совсем не схожей с интересами его деда, — испанский посол де Лириа в январе 1728 года: «Царь не терпит ни моря, ни кораблей и страстно любит псовую охоту».

Первые сведения об интересе Петра к охоте относятся к лету 1727 года, когда советник курфюрста Саксонского и польского короля Лефорт доносил: «Кажется, что страсть царя к охоте увеличивается все более. Выдумывают разные средства, чтобы отвлечь его от этого, но страсть зашла так далеко, что он не в состоянии заниматься чем-либо другим». В депеше от 12 ноября Лефорт описал один из эпизодов этой страсти: «Сегодня по полудни царю захотелось верхом поохотиться за волком, посаженным в саду. Волк не умел отличать любимой собаки царя, схватил ее за уши и так потряс, что царь хотел спрыгнуть с лошади и спасти свою собаку, но его удержали и тот час дали об этом знать Остерману, который и прибежал».

Этот эпизод, надо полагать, попал на страницы донесения Лефорта случайно. Во всяком случае, интерес саксонского дипломата к царской охоте не идет ни в какое сравнение с обстоятельностью, с которой регистрировал выезды царя на охоту испанский посол де Лириа. Отчасти это объясняется тем, что ему удалось установить доверительные отношения с фаворитом императора Иваном Долгоруким, от которого он и получал самые достоверные сведения о жизни двора. Кроме того, де Лириа вообще пользовался благосклонностью Петра II, которую заслужил тем, что во время коронационных торжеств устроил самую богатую иллюминацию дома, где проживал. Испанский посол не поскупился и на расходы на роскошный ужин, который также вызвал признательность царя. (Всего на иллюминацию и ужин посол издержал колоссальную по тем временам сумму — 6979 рублей 28 копеек.^[122]) Де Лириа знал, какими услугами и подарками можно завоевать расположение юного императора. Он подарил царю двух борзых собак, которых нарочно выписал из Англии. «Его величество был так доволен, как будто я подарил ему величайшую драгоценность», — писал посол в своих записках. На новый, 1728 год он поднес императору еще один подарок — хорошее ружье, которое, как отмечал герцог, царю «очень понравилось», настолько, что «когда я приехал во дворец с поздравлением, то он приказал мне остаться обедать с ним: милость, которую он не оказывал ни одному иностранному послу». Особую радость императору доставил и подарок испанского короля, приславшего 20 лошадей.

Расположение двора к де Лириа вызывало зависть у французского дипломата Маньяна, доносившего в марте 1728 года: «Герцогу Лириа были здесь оказаны заметные отличия, он единственный из иностранных

министров был приглашен на танцы двумя принцессами: сестрой и теткой». И далее: «Герцог Лириа тем более чувствителен к этой милости и к удовольствию, которое выражал царь, ужиная у него».^[123]

При составлении перечня охотничьих вылазок Петра II за основу взяты сведения, заимствованные из депеш испанского посла. Они дополнены донесениями других дипломатов. Современному читателю может показаться излишним столь пристальное внимание к охотничьим забавам царя. Но эта сторона его деятельности представляет определенный интерес. В частности, знакомство с перечнем выездов царя на охоту позволяет читателю самому подумать над тем, оставалось ли у монарха время для того, чтобы овладевать знаниями и приобщаться к управлению государством. Ведь император еще 21 июня 1727 года, прибыв в Верховный тайный совет, обещал «исполнить должность доброго императора», то есть заботиться о благосостоянии подданных, упорядочении управления страной, развитии экономики, культуры, распространении просвещения, сохранении престижа России в международных делах, достигнутого в годы царствования его деда. Обо всем этом юный монарх тут же забыл и не вспоминал до самого конца дней своих. Более того, предавшись охоте, Петр перестал даже учиться.

Итак, де Лириа прибыл в Москву в конце 1727 года. Сведения о царской охоте он начал сообщать с весны 1728 года.

12 апреля 1728 года: «Погода теперь стоит теплая, нет ни снега, ни морозов. Этот государь каждый день ездит на охоту в окрестности города».

15 апреля (Маньян): «Царь заболел, думали, оспой, но это была простуда — следствие охоты в дурную погоду».

19 апреля: «Царь совершенно поправился от незначительной болезни, которую он имел прошлую неделю, и продолжает каждый день ездить на охоту».

26 апреля: «Царь все лето проведет в развлечении охотой, для каковой цели приготовлены различные дачи, в которых он будет жить попеременно».

10 мая: «Принцесса Елизавета сопровождает царя в его охоте».

21 июня: «Этот монарх еще не возвратился в город, но надеюсь, что возвратится на этих днях».

5 августа: «Чтобы ослабить в царе необузданную страсть, которую он имеет к охоте, и в то же время дать ему некоторое понятие о том, что такое войско, думают устроить маневры в окрестностях города, впрочем, этого еще не решили».

23 августа: «Завтра царь приедет с охоты в эту столицу».

11 сентября (К. Рондо): «Царь скоро уедет на охоту к Смоленску и пробудет там месяца два».

1 ноября: «Этот государь еще не возвратился с охоты и, говорят, не возвратится, пока погода не помешает этому развлечению».

15 ноября: «...сам монарх ни о чем больше не думает, как только об охоте».

29 ноября: «Этот монарх нимало не бережет своего здоровья: в своем нежном возрасте он постоянно подвергает себя суровостям холода, не воображая даже, что он может же наконец от этого заболеть».

Зима 1728/29 года была необыкновенно холодной. В депеше от 17 января де Лириа извещал: «Только и видишь по улицам, что обмороженные носы и щеки». Вероятно, по этой причине Петр не выезжал на охоту. Во всяком случае сведений об этом нет в депешах за декабрь 1728-го и январь 1729 года.

7 февраля 1729 года: «Идут приготовления к скорому отъезду царя, который, уверяют, пробудет вне столицы месяца три».

14 февраля: «...царь отправился за 50 миль для охоты на три или четыре месяца».

4 марта (Лефорт): «Царь отправился на охоту в одно из имений А. Г. Долгорукого, расположенного в 70 верстах».

28 марта: «Царь здоров, но ведет беспокойную жизнь на охоте, на которую выезжает каждый день, не обращая внимания на погоду, которая еще довольно сурова».

18 апреля: «Вчера царь слег в постель по причине лихорадки, а ныне он чувствует себя лучше, и думают, что на следующей неделе обычным образом он выедет на охоту».

28 апреля (из депеши английского консула Уорда): «Завтра царь отправится на охоту в Ростов, Ярославль, Вологду».

9 мая: «6-го числа текущего месяца его царское величество отправился на охоту в окрестности и не возвратится в город в продолжении трех недель».

10 мая (Маньян): «Предполагают, что царь уедет на медвежью охоту верст за 60–80 от столицы».

30 мая: «Шесть дней тому назад царь уехал на охоту».

6 июня: «Ждали, что царь вернется в столицу к Троице, но он не приехал, несмотря на ужасные дожди и холод».

20 июня: «Царя ждут завтра, но я не мог узнать, почему он возвращается так скоро, как никто не ожидал».

27 июня: «Царь возвратился в город 23-го числа не по иной причине,

как потому что довольно поднявшиеся хлеба не дозволяют больше охотиться».

18 июля: «Царь вчера уехал на охоту за две мили от города и, говорят, скоро воротится».

1 августа: «Здесьний государь все развлекается охотой».

8 августа: «Царь все еще наслаждается охотой и, говорят, что в конце месяца он поедет для этого за четыреста верст от этого города». (Правда, посол не может считать эти сведения достоверными.)

8 сентября (К. Рондо): Царь «7 сентября выехал в Хотино, в 80-ти милях от Москвы по украинской дороге». Намерен охотиться до 12 октября.

17 сентября (Рондо): «Его величество до того увлекается охотой, что находится теперь в 135 милях от Москвы и не приехал вчера сюда ко дню своего рождения».

17 октября (Лефорт): «Царь находится в 180 верстах от Москвы на охоте на куропаток».

7 ноября: «Ждут возвращения царя на следующей неделе, к чему его побудит начавшееся дурное время: вот уже четвертый день идет снег, хотя и не много».

21 ноября: «Вчера царь воротился с охоты».

29 декабря (Рондо): «Его императорское величество, пользуясь прекрасным здоровьем, ежедневно развлекается охотой».

2 января 1730 года: «Царское величество утром этого дня уехал на медведей и возвратится в город только на следующий день».

16 января: «Здесьний государь здоров и три дня тому назад отправился за 15 миль от города на охоту, с которой возвратился нынешнюю ночь».^[124]

Это был последний в жизни царя выезд на охоту, во время которого он заболел оспой. От нее Петр и скончался.

Из сведений, извлеченных из донесений иностранных дипломатов, невозможно вычислить, какое количество дней император провел на охоте. Во-первых, нет гарантий, что дипломаты полностью запечатлели в своих депешах охотничьи выезды Петра. Во-вторых, в их депешах нет точных данных, когда царь выехал на охоту и когда с нее возвратился. Однако в распоряжении историков имеются данные за 1728–1729 годы, заимствованные П.В.Долгоруковым из бумаг своего деда. По его сведениям, с февраля 1728-го по ноябрь 1729 года, то есть за 21 месяц, Петр II провел на охоте минимум 243 дня — то есть восемь месяцев. «Минимум», потому что в список не были включены однодневные выезды и выезды кратковременные, продолжавшиеся два-три дня. Если же учесть и

их, то можно с уверенностью заявить, что не менее половины своего царствования император провел на охоте. К этому следует добавить дни подготовки к выезду на охоту, заботу о псарне и птицах. Имеются сведения и о добытых трофеях: по словам саксонского дипломата Лефорта, было затравлено четыре тысячи зайцев, 50 лисиц, пять рысей, три медведя и множество дичи.

Не всегда охота проходила гладко. Не обходилось без неприятных последствий: иногда после охоты царь простужался, иногда охота была сопряжена со смертельной опасностью, в частности во время охоты на медведей. Однажды поднятый из берлоги разъяренный зверь едва не задрал царственного охотника. 22 ноября 1729 года Лефорт доносил: «Во время охоты царь два раза подвергался опасности, угрожавшей жизни; однажды огромный медведь так близко подошел к нему, что не случись бы тут охотника, выстрелившего по нему, он бы бросился на царя». ^[125]

О страсти царя к охоте свидетельствуют не только иностранные наблюдатели, но и сам император. В 1729 году он подписал «Роспись охоты царской». В отличие от своего прадеда царя Алексея Михайловича, понимавшего толк в охоте и лично составившего наставление об обретеннии ловчих птиц и уходе за ними, Петр не был автором «Росписи». Этот труд, составленный конечно же не им самим, а канцелярскими служителями, представляет сметы расходов на содержание людей, собак и птиц, причастных к охоте. Если прадед Петра II руководствовался пословицей: «Время делу, потехе час», и охота в бюджете его времени занимала малую толику, то у правнука охота превратилась едва ли не в единственное занятие, поглощавшее львиную долю времени.

Забаву императора обслуживал значительный штат людей во главе с егермейстером в ранге полковничьего чина Михайлом Селивановым, получавшим годовое жалованье в размере 395 рублей 55 копеек. В его подчинении находились, если так можно выразиться, две команды, одна из которых занималась охотой на зверей, другая — на птиц. В составе первой команды числились самые высокооплачиваемые специалисты: пять русских егерей, одному из которых платили ПО рублей в год, а остальным четверем — по 90 рублей. Годовое жалованье двум курляндским егерям составляло по 120 рублей каждому. Двум валторнистам платили по 90 рублей каждому, а доезжачему — 80 рублей.

Расходы на содержание остального штата состояли из денежного и натурального жалованья. Ответственному за содержание псарни Андрею Рыкулову платили 12 рублей, 10 четвертей муки, четверть крупы, шесть пудов мяса и пуд соли. Жалованье 31 охотника равнялось 10–12 рублям,

натуральная его часть была такой же, как у заведовавшего псарней, за исключением мяса. Всем им положено было выдавать по два мундира на год: один парадный из зеленого сукна, другой для полевой охоты. Семи наварщикам платили по 6 рублей, натуральная часть жалованья была такой же, как и у охотников, но в их экипировку входил только мундир из сермяжного сукна.

Среди персонала, входившего в команду, занимавшуюся птичьей охотой, самым высокооплачиваемым был орловщик. Ему было определено жалованье в 15 рублей, 15 четвертей муки, четверть крупы, шесть пудов мяса и пуд соли. Остальные 45 человек, занятых птичьей охотой, были разделены на три отряда по 15 человек в каждом — кречетников, сокольников и ястребников. Размер денежного и хлебного жалованья и экипировка были такими же, как у охотников.

Автор специального исследования о царской охоте Н. И. Кутепов считал, что чины птичьей охоты Семеновского потешного двора «не входили в состав той царской охоты, среди которой юный царь проводил почти все дни своего пребывания в Москве, охоты, проживавшей в селе Измайловское. Семеновские охотники, кажется, никогда не потешали этого императора, а занимались лишь выноскою доставляемых на потешный двор ловчих птиц да сопровождением последних в чужие края в подарки иностранным владельцам».^[126]

Итого при охоте находилось 113 человек, им платили жалованья деньгами 2545 рублей 55 копеек, а также муки 998 четвертей, крупы 99 четвертей, мяса 590 пудов, соли 107 пудов.^[127]

Птиц, собак, лошадей, а также верблюдов надо было кормить. Роспись не сообщает сведений о расходах на приобретение продуктов и фуража (их скорее всего поставляло дворцовое хозяйство), но ограничивается сообщением количества мяса, муки, соли и прочего. Так, птицам надлежало выдавать по пуду говяжьего мяса в день, а собакам — по два пуда. Кроме того, борзым и гончим собакам положено выдавать две тысячи четвертей овсяной муки, 72 четверти шкварок (остатки из вытопленного сала) и 40 пудов соли. Конюшня охотничьего хозяйства насчитывала 224 лошади, за семь месяцев на их корм предполагалось издержать 1588 четвертей овса и 35 280 пудов сена.

Выезд на охоту, или, как тогда говорили, в «поход», представлял зрелище, привлекавшее внимание москвичей. В нем участвовало девять верблюдов, каждый из которых был навьючен двумя четвериками зерна на месяц; соли каждому верблюду полагалось по полпуда на год, сена — по 2

пуда 20 фунтов.

В походе участвовало восемь крытых фурманов, нагруженных 12 солдатскими палатками для охотников, кречетников, сокольников и ястребников, а также два намета, предназначенных для собак и птиц. В зимние месяцы охотничий кортеж состоял из 52 саней, трех ненагруженных телег и др. [\[128\]](#)

Но горе было населению округи, если там в летние месяцы появлялся император в сопровождении охотничьей свиты, лошадей и своры собак. В сентябре 1729 года царь, например, выехал на охоту с 620 собаками. Можно представить себе, насколько безжалостно вытаптывались посевы!

Саксонский посланник Лефорт отметил и охлаждение императора к охоте в ноябре 1729 года. Чем это было вызвано, неизвестно: быть может, на пятнадцатом году жизни Петр вспомнил о том, что кроме охоты императору пристойно заниматься и более важными делами; быть может, он попросту пресытился охотой и кочевой жизнью настолько, что она ему опостылела.

В депеше, отправленной 21 ноября, Лефорт сообщил о любопытном эпизоде, произошедшем в Туле: «Дней шесть тому назад, когда царь сидел за столом, а льстецы хвалили его охотнические подвиги, между прочим истребление 4000 зайцев, он громко отвечал: “Это похвально, но я захватил еще лучшую добычу, ибо привожу четырех двуногих собак”. С этими словами он вышел из-за стола». Присутствовавшие были поражены этой загадочной фразой, но разгадать ее не смогли. Кого император подразумевал под «двуногими собаками», так и осталось тайной.

В той же депеше Лефорт сообщал даже об «отвращении», которое Петр II начал испытывать к охоте. «Это отвращение, — писал саксонский посланник, — дошло до такой степени, что третьего дня при въезде сюда он раздал всем желающим большую часть своих собак, посылая охоту ко всем чертям и употребляя бранные слова, относящиеся к подстрекателям». [\[129\]](#)

Факт раздачи собак подтверждает и вполне объективный источник — ведомость, кому и сколько их было роздано. Согласно этой росписи, больше всех получил отец фаворита Алексей Григорьевич Долгорукий: 50 гончих русских, восемь французских. За ним следовали Василий Волынский, которому было подарено 16 гончих, и князь М. М. Голицын — он получил 12 гончих. Остальные одиннадцать получателей довольствовались от одной до шести-семи собак. Всего было роздано 124 собаки; осталось же: борзых три, гончих 12, французских гончих 42, так называемых «крававых» четыре и такс девять. Всего получается 70 собак.

[130]

(Правда, численность розданных и оставленных собак вызывает сомнение. Дело в том, что 16 октября 1729 года тот же Лефорт сообщал, что свора императора во время охоты в районе Тулы состояла из 200 гончих собак и 420 борзых, большинство из которых было роздано желающим. Установить, какие сведения нужно считать более достоверными, не удалось.)

Но и после раздачи собак увлечение охотой у императора не прошло. В декабре император развлекался охотой ежедневно, а в январе 1730 года выезжал на охоту дважды: один раз уехал на сутки охотиться на медведей в окрестностях Москвы, а в другой раз — на три дня за 15 миль от старой столицы. Выходит, страсть к охоте Петр Алексеевич так и не преодолел. Что ж, недаром говорят: охота пуще неволи.

*

Составить точное представление о личности Петра II затруднительно, ибо неведомо, какие пороки или добродетели взяли бы верх, достигни он взрослого возраста, — деспотичность или добродетельность, милосердие или жестокость, праздность или трудолюбие, инертность или любознательность и тяга к знаниям. Напомним, что его дед, Петр Великий, в детстве вообще не получил никакого образования; его воспитателем была улица, однако став взрослым, он вошел в историю как крупнейший государственный деятель России и достиг благодаря тяге к знаниям громадных успехов в кораблестроении, артиллерийском деле, навигации, законотворчестве и др. Петр II предстает перед нами не зрелым человеком со своими независимыми убеждениями, но подростком, от которого бесполезно ожидать самостоятельных воззрений и тем более поступков, не навязанных извне. В соперничестве за влияние на царя победу одержали Долгорукие.

Три фактора оказывали решающее влияние на характер Петра II. Причем два из них действовали в диаметрально противоположных направлениях. Меншиков, сестра императора великая княжна Наталья Алексеевна, а отчасти и царица-бабка в той или иной степени пытались привить Петру свойства, соответствовавшие его сану: образованность, рассудительность, солидность в поведении, чувство долга перед подданными. Совсем в ином направлении действовали Долгорукие, которые заслуживают самого сурового осуждения за то, что прививали

отроку не добродетели, а пороки.

Особое место в формировании личности императора занимает А. И. Остерман. С одной стороны, он пытался воспитать Петра, а с другой — способствовал становлению и развитию как раз тех свойств его характера, с которыми со временем ему же довелось безуспешно бороться.

Несомненно, именно Остерман составил указ, подписанный Петром II 6 сентября 1727 года, в котором объявлялось о намерении царя присутствовать на заседаниях Верховного тайного совета. В соответствии с ним надлежало считать действительными только те указы, которые были лично подписаны царем. Это заявление означало, что отрок освобождает себя от опеки Верховного тайного совета и тем самым становится полноправным, самодержавным императором. Эта акция явилась важной вехой в формировании характера Петра: она укрепила веру ребенка в свою вседозволенность, в свое право повелевать и требовать неукоснительного исполнения повелений всеми подданными.

Но не прошло и месяца, как объявленное обязательство подписывать указы наскучило Петру. 3 октября он отменил его: «Хотя велено исполнять указы, подписанные нашей рукою, теперь дозволяется выполнять подписанные тайным советником Василием Степановым». [\[131\]](#)

Джинна выпустили из бутылки. В сознании царя окончательно укрепилась мысль, что никто ему не смеет перечить, что его желания должны немедленно исполняться, что он вправе игнорировать советы старших.

В сложившейся ситуации попустительство Долгоруких, готовых не только удовлетворять страсть императора к охоте, но и разжигать ее, оказалось более привлекательным, чем скучное овладение знаниями.

Слабые попытки вернуть царя к учебе не могли иметь успеха. Наставник не готов был ради этого рисковать собственной карьерой, а Петр, вкусив прелести самодержца, отвергал всякие поползновения на свои прерогативы.

Испытание властью способен выдержать далеко не всякий взрослый человек, а тем более подросток, чьи прихоти немедленно и с подобострастием исполнялись. А ведь в том возрасте, в котором находился Петр, такая вседозволенность неизбежно способствовала развитию дурных наклонностей: деспотизма, жестокости, эгоизма и т. д. Мысль о безграничной власти рано внедрилась в его сознание и, как и следовало ожидать, не пошла ему на пользу. Петр не знал и не мог знать, как распорядиться ею. Всевластие и вседозволенность реализовывались в капризах и прихотях, в нежелании прислушиваться к советам старших.

Было бы опрометчиво и легкомысленно высказывать категорические суждения о том, каким стал бы император, если бы он не скончался в 1730 году от случайной болезни. И все же скудные свидетельства современников склоняют к мысли о том, что Петр II готов был подражать не деду, а отцу, а отчасти и своей предшественнице на троне, супруге Петра Великого Екатерине Алексеевне, использовавшей трон лишь для удовлетворения личных удовольствий. Так, из нескольких высказываний Петра II следует, что он не любил Петербург, равно как не любил моря, и обещал «не гулять по морю так, без всякой цели, наподобие царя, его деда». Не беремся судить, отражают ли эти высказывания собственное мнение юного царя или внушены ему Долгорукими.

В июне 1727 года австрийский посол граф Рабутин с сожалением отмечал: «Иногда юный монарх намекает на то, что он властелин». Показателен эпизод, произошедший летом того же года, когда в Петербург прибыл фельдмаршал князь М. М. Голицын. Фельдмаршал пожелал побывать у государя, однако, как сообщает Лефорт, император, питавший неприязнь к Голицыну, дабы не встречаться с ним, удалился в сад и велел караульным никого туда не пускать. Голицын удалился ни с чем, а когда на следующий день он сел рядом с царем за обеденным столом, то Петр заявил, что присутствие старого фельдмаршала ему неприятно. В другой раз юный монарх проявил бестактность к своему наставнику. Во время бала Остерман сделал императору какое-то замечание, но тот отреагировал крайне грубо.

Почти сразу же после того, как Петр был провозглашен императором, он уже вполне сознавал, что является самым важным лицом в государстве. В донесении от 30 мая 1727 года Маньян отметил первый эпизод такого рода: во время похорон Екатерины Петр «припомнил, что герцог Голштинский занял место впереди него при церемонии погребения его предка (Петра I. — *Н. П.*). И этот молодой монарх пожелал по своему прибытию в церковь удалить великую княжну, сестру свою, из того ряда, в котором она находилась позади двух принцесс, и поставить рядом с собою». Тот же Маньян в июле 1727 года писал о «непреклонности, обнаруживаемой молодым монархом в проявлении своей воли»; эта непреклонность обещала в будущем породить в нем «сопротивление воле князя», то есть его тогдашнего опекуна Меншикова.^[132] Как уже знает читатель, эти опасения не были напрасными.

Прусский посол Мардефельд в июне 1727 года также доносил об опасениях Меншикова на этот счет. Светлейший жаловался на то, что монарх «не принимает никаких советов и действует по своей собственной

воле и своего доверенного друга Долгорукого». В донесении от 12 июля 1727 года австрийский посол Рабутин писал: «Развлечения берут верх; часы учения не определены точно, время проходит без пользы, и государь все более и более привыкает к своенравию». В этот же день отправил донесение Мардефельд: «Между тем, монарх повелевает и делает, что хочет, всегда занятый беготнею, враг возражений, царь утомил свой двор».

Чем дальше, тем больше Петр проявлял самостоятельность. Похоже, не было дипломата в Петербурге и Москве, который бы не извещал об этом свой двор. Секретарь австрийского посольства Гогенгольц 1 апреля 1728 года доносил Карлу VI: «Прежде можно было противодействовать всему этому, теперь же нельзя и думать об этом, потому что государь знает свою неограниченную власть и не желает исправляться. Он действует исключительно по своему усмотрению, следуя лишь советам своих фаворитов». Это наблюдение подтвердил граф Вратислав, сменивший скончавшегося Рабутина: «Государь хорошо знает, что располагает полною властью и свободою, и не пропускает случая воспользоваться этим по своему усмотрению». Вратислав отметил в 1729 году еще две важные черты характера Петра II — умение скрывать свои мысли и притворяться: «Искусство притворяться составляет преобладающую черту характера императора. Его настоящих мыслей никто не знает». Близкие к этим черты природы императора еще раньше, в 1728 году, отметил английский дипломат К. Рондо: «Крайнее непостоянство царя в своих симпатиях: сегодня хочет одного, завтра — совсем противоположного». В этом нет ничего удивительного. Скрытность отрока являлась ответной реакцией на давление извне, на различные, зачастую противоположные влияния, между которыми он вынужден был лавировать. С автором процитированного донесения можно поспорить лишь в том отношении, что частая смена настроения «крайне неудобна для министров, лишенных возможности держаться какой бы то ни было определенной системы». Смена настроений Петра если и вызывала неудобство для «министров», то не на государственном, а на бытовом уровне.

В донесениях иностранных дипломатов часто сообщается, что Петр «действует исключительно по своему усмотрению»; что он «делает, что хочет; что никто не смеет ни говорить ему ни о чем, ни советовать». Сфера интересов императора ограничивалась охотой и женщинами, и он оживлялся только тогда, когда заходила речь о породах собак, об охотничьих трофеях, о сноровке егерей или о любовных утехах. «Царь только и участвует в разговорах о собаках, лошадях, охоте; слушает всякий вздор, хочет жить в сельском уединении; о чем-нибудь другом и знать не

хочет», — доносил Лефорту 14 ноября 1839 года.^[133]

Гадать о том, сумел бы Петр преодолеть эти страсти и стать добродетельным государем, бессмысленно, хотя некоторые признаки его исправления, правда слабые, все же имеются. Так, как мы помним, он велел раздать приближенным свою псарню — однако это не помешало ему по-прежнему убивать время на охоте. В последние недели жизни царь, по свидетельству Братислава, увлекся музыкой, стал прилежно упражняться на виолончели и после нескольких уроков мог исполнять два менуэта. Но и страсть к музыке, если бы она даже стала устойчивой, не дает оснований усмотреть в ней задатки государственного деятеля.

Какие-то акции государственного характера Петр II все же принимал. Но и их трудно занести ему в актив. Важнейшим следствием пребывания Петра II на престоле можно признать длительное пребывание двора в Москве. После коронации юный император не торопился возвращаться в Северную столицу. В связи с этим возникла опасность того, что Петербург лишится статуса столицы империи и придет в упадок. На перенесении столицы обратно в Москву настаивали вельможи, чьи имения были расположены в центре Европейской России. Они испытывали большие неудобства от того, что Петр Великий объявил Петербург столицей страны. В Москве были лучше климат, почва; новая же столица, как известно, была подвержена наводнениям.

Но сам Петр в этом вопросе отнюдь не руководствовался государственным интересом. Москва и окрестности привлекали его прежде всего обилием дичи всякого рода и возможностью удовлетворить свою страсть к охоте.

Еще об одном эпизоде, свидетельствующем хоть о каком-то интересе императора к государственным делам, упомянул Маньян. Правда, эпизод этот носит частный характер: летом 1729 года царь устроил смотр для двух гвардейских полков. Солдаты выполняли команды так дурно, что Петр, «разгневавшись, удалился внезапно, не ожидая конца смотра».

Сказанное выше позволяет сделать несколько выводов. Важнейший из них следующий. Петр II вкусил силу власти гораздо раньше, чем у него появилась возможность понять, как следует распоряжаться этой властью. В этом, как это ни покажется парадоксальным, виноват прежде всего Остерман. Это он внушил Петру мысль свалить Меншикова, то есть совершить акцию, равнозначную дворцовому перевороту. Падение же Меншикова означало, что не осталось ни одного человека, способного хоть как-то влиять на императора-отрока. Еще больше укрепила у отрока мысль о вседозволенности коронация. Правда, вседозволенность эта не успела

реализоваться в акциях государственного значения и ограничивалась поступками, относящимися к бытовой сфере жизни двора.

Ну а в дальнейшем вина за то, что ублажались любые капризы отрока, в том числе не свойственные его юному возрасту, целиком и полностью лежит на сыне и отце Долгоруких. Впрочем, они, по большому счету, лишь продолжили то, что начал Меншиков. Его затея с помолвкой императора, которому не исполнилось и двенадцати лет, должна была превратить малолетнего главу государства в фактическую марионетку в его руках. У Меншикова это не получилось. Не получилось, как мы увидим, и у Долгоруких.

Глава восьмая

Вторая несостоявшаяся женитьба

С падением Меншикова Петр II освободился от жесткой опеки светлейшего. Но обрести независимость от взрослых, самостоятельность в поступках и суждениях он, разумеется, не мог. Его воспитателем оставался А. И. Остерман, но и влияние Остермана на императора с каждым днем ослабевало в пользу фаворита Ивана Долгорукого, а затем его отца князя Алексея Григорьевича.

Как мы уже говорили, влияние Долгоруких совершенно не походило на влияние Меншикова. Самородку Меншикову алчность и беспредельное честолюбие не мешали быть государственным деятелем, вполне понимавшим необходимость дать наследнику трона должное воспитание и образование. У ограниченного князя Алексея, напротив, интерес к судьбе императора не простирался далее использования своего влияния для личной корысти. Влияние Долгоруких опиралось лишь на удовлетворение капризов своенравного отрока и поощрение его нездоровых наклонностей.

«Князь Алексей, — делился своим впечатлением с испанским двором де Лириа, — человек недалёковидный, и его глупость простирается до того, что он завидует царской милости к сыну и желает его падения, чтобы в милость царя попал другой (его сын. — 77. 77.)». Ссоры отца с сыном, видимо, носили перманентный характер — за размолвкой наступало перемирие, сменявшееся новой вспышкой неприязни. Процитированный выше текст заимствован из депеши де Лириа, датированной 21 июня 1729 года. Французский посол Маньян отправил донесение в феврале следующего года и тоже отметил ссору между отцом и сыном Долгорукими: царский любимец «поссорился недавно с своим отцом». Яблоком раздора оказался Остерман. «Князь Иван Долгорукий, фаворит царя... есть враг Остермана, а отец его, князь Алексей, слепой друг барона и думает, что нет другого человека в мире такого умника, как Остерман». Между тем князь Иван находился в крайней вражде с Остерманом: обе стороны «покаялись не успокоиться до тех пор, пока один из них не будет уничтожен» — такие намерения, согласно донесению Лефорта, они высказывали еще в октябре 1727 года.

Хотя интеллектуальный потенциал Долгоруких резко отличался от потенциала Меншикова, они добивались одинаковой цели — выдать замуж

одну из своих дочерей за императора. Но условия, которыми они располагали для достижения этой цели, существенно отличались. Формально Александр Данилович стоял как бы в стороне от матримониальных дел царствующей династии — они были определены «Тестаментом» Екатерины I, обязывавшей наследника престола жениться на одной из дочерей Меншикова. Следовательно, Меншиков всего лишь выполнял волю скончавшейся императрицы, объявленную 7 мая 1727 года.

Перед Алексеем Долгоруким стояла более сложная задача — ему самому надлежало уговорить императора жениться на одной из своих дочерей. Более того, Алексею Долгорукому надлежало добиваться одобрения этого брака со стороны вельмож, что оказалось непосильной задачей. Тем более что князь действовал прямолинейно и грубо, чем вызывал зависть и ненависть правящей элиты. 8 мая 1729 года Маньян доносил: «Начинают слышаться жалобы на высокомерных Долгоруких, которые удаляют всех, кто приглянулся царю». ^[134] Задача усложнялась еще и тем, что император взрослел, проявлял больше строптивости и самостоятельности; следовательно, требовалось больше усилий и времени, чтобы достичь желаемого результата.

При этом перед Долгорукими стояла еще одна непростая задача — погасить страсть будущего зятя к своей тетке. Эта страсть достигла апогея к 1729 году. Охота, выезды царя за пределы старой столицы должны были, по замыслу князя, лишить императора свиданий с цесаревной. На эту цель охотничьих экспедиций Петра II обратил внимание де Лириа: «Все негодуют на князя Алексея Долгорукого, отца фаворита, который под предлогом развлечь его царское величество и удалить его от случаев видеть принцессу Елизавету каждый день выдумывает для него новые и новые выезды».

В народе же носились слухи о том, что князь Алексей Долгорукий, обладавший необыкновенно многочисленной псарней, пытается «заразить» царя страстью к охоте и собакам: «Долгорукие и государя приучили к ним до того, что он сам мешает в корыте собакам». ^[135]

О том, как постепенно вызревало и реализовывалось у князя Алексея Григорьевича намерение женить царя на одной из своих дочерей, можно судить по донесениям иностранных дипломатов. Трудно сказать, подсказал ли Долгорукому кто-либо эту мысль, или он самостоятельно двигался по дорожке, проторенной Меншиковым. Во всяком случае в 1727 году у него этого намерения еще как будто не было, или по крайней мере источники его не подтверждают. Лефор, например, в октябре этого года ограничился

лишь констатацией факта наличия у князя Алексея двух дочерей, но не обмолвился ни единым словом о намерении его использовать их в качестве невест: «У князя Алексея есть очень хорошенькие дочери, которые бы могли иметь свои виды на царя». Как увидим ниже, «виды на царя» возникли не у дочерей, а у их отца.

Первое прямое свидетельство на этот счет обнаруживается в депеше де Лириа, отправленной 29 ноября 1728 года: «Отец фаворита думает женить царя на своей дочери, а тщеславие фаворита (князя Ивана Долгорукого. — А. К.) доходит до того, что он задумывает жениться на принцессе Елизавете».^[136] Похожими сведениями располагал еще один дипломат — саксонский резидент Лефорт, извещавший свой двор 2 декабря 1728 года о том, что фавор Долгоруких, «по моему мнению, кончится тем, что царь захочет когда-либо осчастливить их своим родством, по крайней мере, отец любимца старается, чтобы выбор непременно пал на одну из его дочерей. В этом отношении отец и любимец не совсем согласны, как случается и во многих других случаях. Отцу хотелось, чтобы монарх предпочел младшую дочь, а сыну — старшую, чему сочувствуют все, к ней же и царь имеет более расположения».^[137]

С конца 1729 года разговоры о женитьбе Петра на несколько месяцев затихли. В марте их возобновил французский дипломат Маньян, извещавший Версаль: «...жена, две дочери и сыновья князя Долгорукого, отца фаворита, последовали с царем на охоту, куда отправился его царское величество. Это многих заставило призадуматься. Мысль Долгорукого женить царя на одной из своих дочерей известна всем. Но теперь всем представляется, что надлежащим случаем он хочет воспользоваться для решительного сговора». Далее Маньян пророчествует о судьбе Долгоруких в случае осуществления замысла: «Если князь Долгорукий сделает эту глупость (второй том глупости Меншикова), он рискует ускорить гибель своего дома, против которого раздражены все здешние. Царь еще очень молод, и всего можно бояться от его благоволения к князьям Долгоруким, отцу и сыну. Если этот брак состоится, Россия возвратится к своему прежнему варварству».^[138] Ожидаемый сговор, однако, не состоялся — возможно, из-за сопротивления самого Петра. Князю потребовалось более полугода, чтобы уговорить императора совершить решающий шаг.

В июле 1729 года Лефорт извещал: А. Г. Долгорукий «употребляет все усилия... выставить своих дочерей, на которых, однако же, царь до сих пор не обращает никакого внимания».

Иностранные дипломаты в марте — ноябре 1729 года были

единодушны в оценке трагических последствий этого брака для самих Долгоруких в случае, если бы осуществился замысел князя Алексея Григорьевича. В их донесениях имеются многочисленные свидетельства равнодушия жениха к своей предполагаемой невесте. Князь Алексей Григорьевич же всеми силами стремился изолировать Петра от стороннего влияния.

Напомним, что ограничить связи Петра с внешним миром пытался и Меншиков, поселивший нареченного зятя в своем дворце и отдавший его под надзор своей семьи. Алексей Долгорукий той же цели пытался достичь за счет страсти императора к охоте. Леса и поля Подмосковья казались ему самым удобным местом изоляции царя. Первый такой выезд Петра на охоту в сопровождении семьи Алексея Долгорукого зафиксировал Маньян в марте 1729 года. С этого времени они стали постоянными. Де Лириа сообщал в октябре: Долгорукий «таскает своих дочерей во все экскурсии с царем, и там царь по вечерам привык играть с ними в карты». ^[139] Но и в июле Петр, согласно депеше Лефорта, не обращал никакого внимания ни на одну из дочерей Долгорукого. «Князь Алексей Долгорукий, — доносил Лефорт в октябре, — сделавшийся вторым Меншиковым, старается не допускать кого бы то ни было говорить с царем, тем менее заслужить его доверие; носятся слухи, что царь скоро женится на младшей дочери Долгорукого, она начинает ему нравиться, тем более что отец устраивает так, что он постоянно около нее». ^[140]

В депеше, отправленной неделю спустя, дипломат сообщал уже о полном равнодушии царя к ожидавшемуся браку. В то же время «все Долгорукие с ужасом и страхом ожидают этого брака в той уверенности, что настанет день, когда им всем придется поплатиться за эту безумную ставку. Одним словом, этот брак никому не нравится». Даже министру иностранных дел Франции была ясна опасность, которой могут подвергнуться Долгорукие: министр де Морвиль делился своими мыслями с послом: «Всегда можно будет удивляться тому, что пример князя Меншикова не сделал Долгоруковых более умеренными в своих планах и намерениях».

К середине октября, видимо, была достигнута договоренность о помолвке. Косвенным доказательством этого явилось сообщение Лефорта о том, что клан Долгоруких озабочен приобретением нарядов и драгоценностей к ним.

Опасения за судьбу Долгоруких разделял де Лириа, высказав их в более решительной форме: «Эти Долгорукие идут по стопам Меншикова и

со временем будут иметь тот же конец. Их ненавидят все, они не хотят расположить к себе никого, и теперь они женят царя, можно сказать силою, злоупотребляя его нежным возрастом; но достигни его величество 15 или 16 лет, его верные министры разъяснят ему сущность дела: тогда он же не замедлит раскаяться в своей женитьбе, и Долгорукие погибнут, а царица наверное кончит монастырем». [\[141\]](#)

Затруднительно сказать, что из себя представляла старшая из сестер Долгоруких Екатерина, на которой остановил свой выбор император. Затруднительно потому, что историки располагают противоположными отзывами относительно ее внешности и характера, высказанными разными лицами в разное время.

Первый по времени отзыв о дочерях А. Г. Долгорукого, сделанный, правда, с чужих слов, принадлежит Маньяну. Он писал в октябре 1727 года: у князя есть «две дочери одних лет с здешним государем, как говорят, обладающих замечательной красотой, усиленную еще внутренними достоинствами». В этой же депеше имеется глухое упоминание о намерениях князя Алексея: «Благодаря заботам отца, они успели привлечь внимание царя, у которого изгладилось нечто вроде страсти, питаемой им к принцессе Елизавете». [\[142\]](#)

Оценка дочерей явно исходила из стана Долгоруких. В ней желаемое выдавалось за действительное. Мысль о страсти царя к дочерям князя А. Г. Долгорукого, якобы погасившей его же страсть к цесаревне Елизавете, была пущена в обиход самим Долгоруким. Но это было ложью: император никогда не питал страсть к его дочерям. Напротив, как раз в это время изо дня в день нарастала его любовь к цесаревне.

Три других свидетельства о внешности невесты принадлежат очевидцам. Маньян в декабре 1728 года доносил: «Выбор (императора. — Н. П.) может пасть на одну из сестер фаворита, «из которых та и другая одинаково хороши, приблизительно одного возраста между 16 и 18 годами и достаточно красивы, чтобы понравиться молодому царю». В апреле 1729 года Лефорт отзывался о Екатерине без всяких похвал, как о личности, ничем не примечательной: «Она ни красива, ни любезна, и царь, кажется, к ней очень равнодушен». К. Рондо высказал мнение о Екатерине уже после того, как она была объявлена невестой царя: «Она очень хороша собою и одарена многими прекрасными качествами; уверяют, что она с особенным уважением относится к иностранцам». [\[143\]](#)

Кто из современников был ближе к истине, не столь важно, ибо независимо от того, имела избранница ординарную внешность или была

красавицей, Петр относился к ней с полным равнодушием, а быть может, даже с некоторой долей ненависти. Это подтверждают те же иностранные наблюдатели. Лефорт сообщил о показательном эпизоде, случившемся скорее всего до объявления Екатерины Долгорукой невестой: «Однажды, когда царю в игре попал фант, а заранее было условлено, что тот, чей фант вынется, должен будет поцеловать одну из Долгоруких, царь, видя, что это выпало на его долю, встал, сел на лошадь и уехал и до сих пор не возвращается». В другой депеше Лефорт сообщал о бале, устроенном 5 декабря в покоях невесты. Здесь был сервирован смешанный стол. Петр с невестой открыли бал. О поведении жениха Лефорт пишет в следующих выражениях: «Если отношения жениха и невесты наедине не лучше, нежели при всех, признаюсь, их будущее счастье незавидно. На балу я не видел не только, что царь был любезно внимателен к своей невесте, даже и не говорил с нею... Я не замечал никакой разницы между отношением царя к своей невесте и княжной Меншиковой. Не знаю, правда ли, но, на мой взгляд, ни он, ни она не желают брака; княжна, говорят, влюблена в другого, но в кого — неизвестно; одним словом, я никогда не видал таких холодных отношений; мне известно, что царь понужден был отправляться к своей невесте». Эта депеша была отправлена 8 декабря, а 19 декабря Лефорт сообщал иные сведения о визитах царя к невесте: «С тех пор, как Петр объявил себя женихом, то есть в течение месяца, он только дважды побывал у своей невесты».^[144]

Известно, что сам Петр отнюдь не жаждал жениться так рано. Он то говорил, что намеревается обрести супругу, когда ему исполнится 25 лет, то называл условием своего вступления в брак достижение совершеннолетия. В августе 1729 года в беседе с бабкой Евдокией Федоровной он заявил, что «не чувствует никакого расположения к браку».^[145]

Между тем князь А. Г. Долгорукий предпринимал невероятные усилия, чтобы склонить императора к браку. 8 сентября 1729 года он вместе с императором и членами своей семьи отправился на охоту. Это была одна из самых продолжительных охотничьих вылазок Петра — участники ее возвратились лишь два месяца спустя. О причине, по которой царь не возвращался в столицу, пишет де Лириа: князь Алексей Долгорукий, сообщал он в донесении от 24 октября, «ревнует его ко всем и боится, что если царь поговорит с кем-нибудь, он потеряет к нему расположение. Кроме того, его задушевное желание и его единственная мысль — это женить царя на одной из своих дочерей... Таким образом оказывается, что брак — дело решенное и думаю, наверное, что его царское величество

возвратится в столицу уже женатым». Испанский посол ошибся в одном — император возвратился в столицу холостяком. Но князю Алексею действительно удалось добиться своего — через десять дней после своего возвращения в столицу, 19 ноября 1729 года, Петр созвал Верховный тайный совет, вельмож и генералитет и объявил о своем желании жениться на старшей дочери князя Алексея. 24 ноября, в день именин невесты, все высшие чины империи и послы иностранных государств поздравляли ее уже как невесту государя. Из-за города прибыла и Елизавета Петровна «и тот час отправилась поцеловать руку своей будущей государыни».

На 30 ноября было назначено обручение. «Эта новость, — извещал свой двор де Лириа, — весьма поразила многих, даже тех, которые живут в круговороте министерства и двора, потому что хотя и предполагали, что это может случиться, но не думали, что это может состояться так скоро».^[146] Лихорадочная поспешность князя Алексея понятна — всякое промедление грозило возможными осложнениями.

Помолвка состоялась в назначенный день. К трем часам в Лефортовский дворец прибыли члены царствующей фамилии, военные и гражданские сановники и дипломатический корпус, отец невесты и ближайшие его родственники.

Обер-камергер Иван Долгорукий отправился за невестой в придворных каретах. Впереди кареты с невестой шли четыре пажа, за ними следовали скороходы, гайдуки и лакеи, верхом ехали шталмейстер, придворные фурьеры и гренадеры-гвардейцы. В других каретах сидели родственники и дамы, составлявшие штат невесты.

Когда невеста прибыла во дворец, императорская фамилия во главе с вдовствующей царицей-бабкой вышла ей навстречу. Затем под звуки труб и цимбал в зал вошел жених в сопровождении Долгоруких и других знатных персон. Он сел в кресло, музыка замолкла, и обер-камергер повел невесту под балдахин, куда подошел и Петр II. Архиепископ Феофан Прокопович совершил торжественное обручение. О его окончании известили пушечные выстрелы, присутствовавшие поздравляли помолвленных, допущенных к их рукам.

Леди Рондо сообщила своей подруге о казусе, произошедшем во время целования руки. Петр держал правую руку невесты, давал ее целовать. Когда к невесте приблизился ее прежний возлюбленный, пишет леди Рондо, она вдруг встала, отняла свою руку у императора и дала ее поцеловать тому, кого любила, чем привела в смущение жениха. (Этим возлюбленным был граф Мелезим, чиновник свиты австрийского посла графа Братислава.)

Из зала государь повел невесту и всех присутствовавших смотреть фейерверк и иллюминацию, после чего состоялся бал, по окончании которого невеста отправилась домой в Головинский дворец с соблюдением такой же церемонии, с какой прибыла на помолвку.^[147]

Отныне невесту стали величать великой княжной и высочеством. Были произнесены речи от имени духовенства, гражданских чинов. От имени родственников невесты знаменательную речь произнес князь Василий Владимирович Долгорукий, пользовавшийся репутацией честного человека, осмеливавшегося говорить правду, не всегда приятную слушателю. Кстати, В. В. Долгорукий был противником этого брака, ссылаясь на разницу в годах жениха и невесты.

К. Рондо, имевший склонность к портретным зарисовкам русских вельмож, дал высокую оценку нравственным свойствам В. В. Долгорукого: это был «человек разумный, вежливый, любезный, потому пользующийся расположением всего низшего дворянства и офицеров армии, в которой он, можно сказать, воспитался. Он великодушен, смел, держится откровенно, говорит свободно, даже горяч, за что и поплатился недешево за слишком свободное обсуждение поступков государевых в деле покойного царевича Алексея Петровича. Он впал в немилость, потерял имущество и положение и сослан был в Соликамск, в Сибирской губернии. По смерти царя милостью покойной императрицы возвращен из ссылки, получил обратно свои имения и начальство над армией, но уже вскоре за вольные суждения об отношении царицы к одному из ее фаворитов отправлен главнокомандующим войсками, расположенными в Персии».^[148]

В передаче Маньяна речь, произнесенная Долгоруким во время церемонии сговора, звучала так. «Вчера я был твоим дядей, — обращался князь к княжне Екатерине, — а сегодня ты моя верховная повелительница, и я всегда буду твоим верным слугой. Позволь же мне поэтому подать тебе один совет: не смотри на своего августейшего супруга как на супруга только, но скорее всего как на своего верховного владыку и заботься лишь о том, что может быть ему приятно. Семья твоя, правда, многочисленна, но благодаря Бога, у нее нет недостатка ни в богатстве, ни в должностях; таким образом, если станут у тебя ходатайствовать об оказании кому-либо милостей, заяви себя склоняющейся не столько в сторону имени, сколько в сторону бедности, то есть в сторону тех, кого заслуги и добродетель делают достойными милостей; тогда ты найдешь истинный смысл жить вечно счастливой, что я и желаю тебе».^[149]

Речь, как видим, вполне соответствовала характеристике В. В.

Долгорукого, данной К. Рондо, — она проникновенна и одновременно пронизана духом государственности, принадлежит по-настоящему государственному мужу, дававшему племяннице совет быть милосердной и ответственной перед подданными. Это позволяет выделить оратора из клана Долгоруких — в большинстве своем людей столь же мелочных, сколь и алчных. Еще до помолвки, в феврале 1729 года, де Лириа доносил о ропоте против Долгоруких: «Все очень недовольны чрезмерною властью дома Долгоруких, которые управляют всем с крайним произволом. Фаворит (князь Иван Долгорукий. — *Н. П.*), уверенный в царской к нему любви, не следует за его величеством с должным рвением, но большую часть времени проводит в собственных удовольствиях».^[150] «Начинают слышаться жалобы на высокомерие Долгоруких, которые удаляют всех, кто приглянулся царю, как, например, молодой камергер Бутурлин (зять фельдмаршала)», — доносил Маньян 2 мая 1729 года.

К. Рондо извещал 20 мая 1729 года о вызывающей роскоши, в которой живет фаворит: она «постоянно возбуждает удивление простонародья, но какую услугу такая расточительность может оказать его государю — представить себе не могу». Маньян подтверждает суждения своих коллег: Долгорукие, осыпанные милостями, «не щадят ничего, чтобы извлечь всевозможные выгоды из своего положения».^[151]

Особенное раздражение вызывала ненасытная жадность будущего тестя царя — князь Алексей исхлопотал у императора дорогой подарок в 12 тысяч крепостных дворов, то есть около 50 тысяч душ мужского пола. Из кремлевских кладовых тесть тащил в свой дом дорогую посуду, драгоценности.

О протесте против этого брака представителей правящей элиты было известно, в том числе и будущему тестю императора. Показательно в этом плане поведение Александра Львовича Нарышкина, племянника Петра Великого, открыто осуждавшего праздное времяпрепровождение Петра II и увлечение им забавами, недостойными императора. За вольные разговоры Нарышкин отделался легким испугом — выдворением из Москвы в одну из подмосковных деревень. Но и там он не угомонился.

Некий дворянин Козлов уговаривал Александра Львовича ехать к императору на поклонение, но тот упорствовал и наговорил еще больше дерзостей: «Что мне ему с чего поклоняться? Я и почитать его не хочу; я сам таков же, как и он, и думая на царстве сидеть, как он, отец мой государством правил, дай мне вытти из этой нужды, я знаю что сделать». Об этом разговоре стало известно властям.

За подобные речи положена была дыба. Но император проявил милосердие к смельчаку, и тот был сослан в 1729 году в дальнюю деревню.

Во время помолвки А. Г. Долгорукий опасался открытого взрыва. На всякий случай он позаботился об обеспечении своей безопасности. У всех выходов из дворца были расположены войска, в зале поставлены гренадеры с заряженными ружьями. Однако обошлось без эксцессов.^[152]

До желаемого финала Алексею Григорьевичу оставалось сделать лишь один шаг — свадьба была назначена на январь 1730 года. Приходилось набраться терпения в ожидании радостного дня, когда он станет тестем императора. Впрочем, забот не убавилось и в эти томительные дни, но это были приятные хлопоты: например, срочно реставрировались кремлевские палаты, в которых предполагалось совершить торжество. На их роскошное убранство не жалели денег. И лишь у двоих ожидаемые торжества не вызывали никакой радости — у жениха и невесты. Петр, как мы поняли, не питал нежных чувств к будущей супруге; Екатерина же Долгорукая была страстно влюблена в графа Мелезима, так что отец принес чувство дочери в жертву собственным честолюбивым замыслам.^[153] Недалекий князь Алексей не разглядел того, что заметил иностранный наблюдатель и что не сулило счастливой семейной жизни: «Царь не имеет к ней (невесте. — *Н. П.*) ни капли любви и относится к ней весьма равнодушно; кроме того, он начинает ненавидеть дом Долгоруких и сохраняет еще тень любви только к фавориту. Ему еще не достаёт решимости, лишь только он обнаружит ее, погибли оба (фаворит и невеста. — *Н. П.*), и здесь произойдут новые и ужасные перемены».

Возникает вопрос: почему же Петр, очевидно не любивший своей невесты, вопреки собственному желанию, все же согласился выполнять волю Долгоруких? Этот вопрос должен был волновать современников, но ответить на него попытался лишь один из них — герцог де Лириа.

В депеше, отправленной в Мадрид 19 декабря 1729 года, испанский посол писал, что царь «со дня обручения видел ее (невесту. — *Н. П.*) только еще один раз, а когда он с нею, он весьма скуп на изъявление к ней знаков внимания. Это показывает, что брак совершается не по любви, а по насилию, просто потому, что царь не имел достаточно силы воли воспротивиться постоянным преследованиям Долгоруких».^[154]

С этим утверждением испанского посла трудно полностью согласиться. Достаточно сравнить обстоятельства заключения брачного союза с Марией Меншиковой и Екатериной Долгорукой, чтобы убедиться в том, что дело не в наличии или отсутствии силы воли императора — и

тогда и теперь Петр II еще не был самостоятелен в своих действиях и являлся марионеткой в руках взрослых. Когда свергали Меншикова, император опирался на советы сестры, мощную поддержку поднаторевшего в интригах Остермана и Верховного тайного совета. В конце 1729 года ситуация у подножия трона существенно изменилась. Сестры Натальи Алексеевны не было в живых, закулисных дел мастер Остерман не пользовался прежним влиянием на императора и по привычке сторонился участия в рискованных затеях, в Верховном тайном совете верховодили Долгорукие. Короче, Петр пребывал в одиночестве, в его распоряжении не было сил, на которые он мог опереться, чтобы противиться Долгоруким. Правда, оппозиция Долгоруким существовала, в обществе их ненавидели, но ропот против них носил неорганизованный характер и поэтому не представлял серьезной угрозы для князя Алексея Григорьевича и других членов его семейства.

Свадьба была назначена на воскресенье 23 января. Однако Долгоруких, как и Меншикова, постигла неудача. Но если летом 1727 года болезнь свалила нареченного тестя императора, из-за чего и расстроилась свадьба, то теперь накануне свадьбы заболел сам Петр.

Царь частенько подвергался простудным заболеваниям, и, как считали, виной тому был беспорядочный образ жизни отрока. Так, серьезный недуг постиг его в августе 1729 года. «Опасались за его жизнь, — свидетельствовал Манштейн, — так как горячка, в которую он впал, была очень сильна. Однако на этот раз он избежал смерти. Недруги любимца (Ивана Долгорукого. — *Н. П.*) тотчас же отнесли на его ответственность эту болезнь, уверяя императора, что его заставляют делать слишком много движений и от недостатка в отдыхе силы его слабеют, оттого, если он не переменит своего образа жизни, здоровье его окончательно расстроится».

[\[155\]](#)

На этот раз болезнь императора оказалась более серьезной. 22 января вечером, накануне намеченного бракосочетания, царь отправился к невесте. Однако уже в покоях княжны он внезапно почувствовал сильную головную боль и боль в пояснице и вынужден был покинуть невесту. В связи с недомоганием свадьбу перенесли на неделю.

На следующий день врачи обнаружили небольшую сыпь на ступнях ног, что дало им основание установить диагноз — Петр заболел оспой. 24 января состояние больного ухудшилось, высокая температура вызвала сильное головокружение. На следующий день больному стало легче, на груди выступила сыпь, и он впервые спал в течение 12 часов подряд, чего ему ранее не удавалось. Появились надежды на выздоровление. Однако они

не оправдались — царю стало хуже.

Маньян получил сведения «из хорошего источника, что первая мысль у отца невесты была уговорить царя обвенчаться больным в постели, чтобы, будучи таким путем провозглашена и признана царицей, Долгорукова имела право захватить себе правительственную власть как царица в случае смерти своего супруга».

Алексей Григорьевич отправил гонцов к своим родственникам, чтобы те съезжались в Головинский дворец, где он проживал, для обсуждения сложившейся кризисной ситуации и определения плана действий. На семейном совете присутствовали князь Василий Владимирович, гостивший у княгини Вяземской в ее подмосковном имении и специально приехавший в Москву, и его брат Михаил. Другую, более многочисленную группу клана Долгоруких составляли князь Алексей Григорьевич, два его брата Иван и Сергей, сын Алексея Иван, а также Василий Лукич Долгорукий.

— Император болен, — заявил Алексей Григорьевич съехавшимся родственникам, — и худа надежда, чтоб жив был, надобно выбирать наследника.

Князь Василий Лукич спросил: «Кого вы в наследники выбирать думаете?»

Алексей Долгорукий многозначительно поднял руку вверх и, указав пальцем, произнес:

— Вот она!

Наверху жила невеста царя Екатерина.

Князь Сергей Григорьевич подал мысль о составлении завещания, причем выразил ее в форме вопроса:

— Нельзя ли написать духовную, будто его императорское величество учинил ее наследницей?

Предложение встретило решительное возражение фельдмаршала Василия Владимировича:

— Неслыханное дело вы затеваете, чтоб обрученной невесте быть российского престола наследницей! Кто захочет ей подданным быть? Не только посторонние, но и я, и прочие нашей фамилии — никто в подданстве у ней быть не захочет. Княжна Екатерина с государем не венчалась.

Князь Алексей возразил:

— Хоть не венчалась, но обручалась.

Однако этот аргумент не убедил фельдмаршала.

— Венчание иное, а обручение иное, — заметил он и добавил: — Да если бы она за государем и в супружестве была, то и тогда бы во учинении

ее наследницей не без сомнения было.

Алексей и Сергей Григорьевич заявили, что если приложить старание, то успех обеспечен.

— Мы уговорим графа Головкина и князя Дмитрия Михайловича Голицына, а если они заспорят, то мы будем их бить. Ты (обратились они к фельдмаршалу) в Преображенском полку подполковник, а князь Иван — майор, и в Семеновском полку спорить о том будет некому.

Фельдмаршал Василий Владимирович, зная настроение гвардейцев, настаивал на своем.

— Что вы, ребячье, врете. Как тому может сделаться? И как я полку объявлю? Услышав от меня об этом, не только будут меня бранить, но и убьют.

Участвовать в затее и ее обсуждении фельдмаршал не пожелал и вместе с братом Михаилом покинул семейный совет.

Оставшиеся решили довести дело до конца. Василий Лукич взял лист бумаги, перо и чернильницу и стал сочинять духовную, но, не закончив ее, заявил:

— Моей руки письмо худо, кто бы получше написал?

За дело взялся князь Сергей Григорьевич и под диктовку Василия Лукича и Алексея Григорьевича написал два экземпляра духовной.

На заключительном этапе составления подложного завещания вступил Иван Алексеевич. Он вытащил из кармана лист бумаги и произнес:

— Вот смотрите письмо государевой и моей руки: письмо руки моей, слово в слово, как государево письмо; я умею под руку государеву подписывать; потому что я с государем в шутку писывал.

После этого он сначала написал на отдельной бумаге слова «Петр» и после того, как присутствующие убедились, что почерк Ивана схож с почерком царя, подписался под духовной.

В то время как в Головинском дворце изготавливалась подложная духовная, в Лефортовском дворце агонизировал царь. Последние слова, произнесенные им в бреду, оказались пророческими:

— Запрягайте сани, хочу ехать к сестре.

Сестра его Наталья Алексеевна, как известно, скончалась еще в 1728 году.

Петр умер во втором часу ночи с 18 на 19 января, то есть в тот самый день, когда должна была совершиться свадьба. Ему исполнилось всего 14 лет и три месяца.

Была ли причиной его смерти только болезнь? Или можно согласиться с мнением современников, обвинявших в случившемся Долгоруких?

Представляется, что значительная доля вины за смерть царя действительно лежит на Иване Долгоруком и его отце Алексее Григорьевиче. У первого царь прошел школу разгула и разврата, второй поощрял неумную страсть к охоте, когда ребенок носился по полям в весеннее половодье, осеннюю слякоть и зимнюю стужу. Все это подорвало его здоровье.

Физические данные Петра II, отмеченные современниками, давали основание полагать, что император вырастет рослым мужчиной с крепким телосложением. Однако если такого «рослого не по своим летам» ребенка изнурять чрезмерным напряжением физических сил, если позволять ему предаваться разгулу в ночные часы, лишать нормального сна и отдыха, то силы неокрепшего организма подвергнутся слишком суровому испытанию и, в конце концов, ограничат сопротивляемость болезням.

На первые роли в Верховном тайном совете после смерти Петра II выдвинулся князь Дмитрий Михайлович Голицын, род которого традиционно соперничал с родом князей Долгоруких. Князь Дмитрий Михайлович настойчиво продвигал в наследницы курляндскую герцогиню Анну Иоанновну (овдовевшую дочь сводного брата Петра I Иоанна Алексеевича). Стремление же князя Алексея Григорьевича возвести на трон свою дочь Екатерину даже в роду Долгоруких не получило всеобщей поддержки. В такой ситуации А. Г. Долгорукий не осмелился даже заикнуться о существовании «духовной» Петра II. От греха подальше князь Алексей ее сжег, так что содержание подложной духовной осталось неизвестным.

Как все знают, Анна Иоанновна получила корону ценой подписания «кондиций», ограничивавших ее власть в пользу Верховного тайного совета: она лишалась права объявлять войну и заключать мир, вводить новые налоги, лишать дворян имений, жаловать в чины выше полковника, командовать гвардейскими полками. Согласно «кондициям», в стране вместо абсолютной устанавливалась ограниченная монархия. Однако дворяне — не только проживающие в Москве, но и прибывшие из провинции на предстоящие свадебные торжества, — активно выступили против «затейки» «верховников» и ограничения самодержавия. Они считали «кондиции» попыткой установить в России режим, в котором вся полнота власти должна принадлежать двум аристократическим фамилиям — Долгоруким и Голицыным.

Анна Иоанновна подписала «кондиции» в столице Курляндии Митаве 28 января 1730 года. 15 февраля состоялся ее торжественный въезд в Москву, а десять дней спустя, опираясь на поддержку широких кругов дворянства и пользуясь тайными советами Остермана, она разорвала

подписанные ею «кондиции» и объявила себя самодержавной императрицей. Решающая роль в этой акции принадлежала гвардейцам. Офицеры, находившиеся в зале дворца, кричали:

— Не хотим, чтобы государыне предписывались законы, она должна быть такой же самодержицей, как были ее предки!

Гвардейские офицеры не ограничились выражением своего желания. В ответ на просьбу «верховников» утихомириться они заявили императрице о своей готовности приступить к расправе с противниками самодержавия.

— Государыня, мы верные подданные вашего величества: мы верно служили прежним великим государям и сложим свои головы на службе вашего величества; но мы не можем терпеть, чтоб вас притесняли. Прикажите, государыня, и мы сложим к вашим ногам головы ваших злодеев.

В итоге Анна Иоанновна, женщина жестокая, мстительная, мало образованная, совершенно не подготовленная к управлению огромной империей, стала самодержицей. Неограниченную власть она использовала для личных утех и расправы с теми, кто вручил ей корону. Страной фактически правили три немца: Остерман, Бирон и Миних. В руках первого находилась внутренняя и внешняя политика, второй являлся фаворитом императрицы, безропотно выполнявшей любую его прихоть и позволявшей ему бесконтрольно грабить казну; третьему была отдана на откуп армия, которой он бездарно командовал в двух войнах. За царствованием Анны Иоанновны в исторической литературе прочно закрепилось название бироновщины; впрочем, с еще большим основанием оно могло бы называться остермановщиной. [\[156\]](#)

В манифесте, обнародованном 14 апреля 1730 года, были предъявлены обвинения трем представителям Долгоруких: Алексею Григорьевичу, его сыну Ивану и Василию Лукичу, сопровождавшему Анну Иоанновну во время ее переезда из Митавы в Москву.

Ни отца, ни сына не обвиняли ни в попытке объявить наследницей престола невесту покойного императора, ни в причастности к «затейке» «верховников». Речь шла о их роли в событиях предыдущего царствования. Манифест ставил в вину отцу и сыну то, что они, пользуясь фавором покойного императора, стали «всеми образы тщится и не допускать, чтоб в Москве его величество жил, где б всегда правительству государственному присматривано». Вместо этого Долгорукие под предлогом забав и увеселений отъезжали от Москвы «в дальние и разные места, отлучали его величество от доброго и честного обхождения и уподобились Меншикову, на дочери своей в супружество готовили». Другая вина отца и сына

состояла в разжигании у отрока страсти к охоте, чем его «здравию вред учинили». Наконец, манифест обвинил обоих Долгоруких в казнокрадстве — они из казны взяли «многий наш скарб, состоящий в драгих вещах»; впоследствии этот скарб был у них изъят. Вина же Василия Лукича состояла в том, что он по поручению Верховного тайного совета вручил Анне Иоанновне «кондиции» и во время путешествия из Митавы в Москву, а также во Всесвятском и столице лишил ее общения с подданными и всячески притеснял.

Наказание обвиняемым не отличалось суровостью: князь Алексей вместе с супругой, сыновьями и дочерьми и братом Сергеем с семьей должны были жить в дальних деревнях с запрещением выезда из них. Ссылке в дальние деревни подлежал и «безбожно нас обманывавший» князь Василий Лукич. К остальным Долгоруким манифест проявил еще большую снисходительность: братьев Алексея Григорьевича Ивана и Александра он определил воеводами в дальние города, предварительно лишив их орденов. Опала не распространялась на фельдмаршала В. В. Долгорукого — за ним осталась должность президента Военной коллегии.

Дальнейшая участь князя Алексея и его семьи действительно напоминает судьбу Меншикова и дает основание считать, что в том и другом случае автором сценария выступал один и тот же человек — А. И. Остерман. Как только А. Г. Долгорукий отправился из Москвы, вдогонку за кортежем ссыльных был отправлен курьер с указом, существенно ужесточившим меру наказания — семья отправлялась в ссылку в Березов — тот самый город, в котором провел свои последние дни А. Д. Меншиков. Предлогом для этого стало обвинение в медленном продвижении к месту ссылки — семья князя Алексея делала продолжительные остановки в находившихся по пути имениях, развлекаясь охотой.

В отличие от Меншикова, смиренно покорившегося судьбе и терпеливо переносившего невзгоды ссыльного, Долгорукие жили в Березове в постоянных ссорах и взаимных обвинениях. Зачинщиком ссор был князь Алексей, а после его смерти в 1734 году — младший сын Николай и нареченная невеста царя — Екатерина. Сибирский губернатор доносил Кабинету министров о том, что Иван и Николай Долгорукие «живут не смиренно и между собой чинят драки, також и живущих при них служителей бьют жесточайшим боем».

Остерман получил донесение 2 октября 1735 года и отреагировал на него мгновенно, отправил в тот же день указ с повелением жить ссыльным «кротко» и угрозой «развесть в разные места и содержать под крепким караулом».

Виновником окончательной гибели Долгоруких стал бесшабашный фаворит Петра II слабовольный и опустившийся князь Иван. В ссылку он отправился вместе с супругой Натальей, питавшей к нему самую нежную любовь до конца дней своих (накануне ссылки Иван Долгорукий женился на красавице Наталье Борисовне Шереметьевой, дочери знаменитого фельдмаршала Бориса Петровича Шереметьева). В ссылке Иван Алексеевич бражничал, а напившись, непристойными словами отзывался об Анне Иоанновне, виновнице всех их бед. Об этом стало известно императрице, началось следствие. Под пыткой князь Иван рассказал о совете в Головинском дворце и составлении подложного завещания. Впрочем, особой новостью для императрицы рассказанное им не стало: о событиях, произошедших в Головинском дворце в ночь с 29 на 30 января, Анне Иоанновне стало известно еще в 1730 году от князя Василия Лукича Долгорукого.

Тогда ни императрица, ни Остерман, ни Бирон еще не чувствовали себя достаточно прочно, а потому не осмелились учинить жестокую расправу над потомками Рюриковичей и Гедиминовичей. К середине же 30-х годов опасность относительно судьбы трона давно исчезла, и императрица вместе с немецким окружением решила на расправу с теми, кто никакой угрозы для ее режима уже не представлял и кому она была обязана короной. Сначала, в 1737 году, был пожизненно заточен в Шлиссельбургскую крепость немощный старик князь Дмитрий Голицын, а в 1739 году в Новгороде подверглись жестокой казни Долгорукие: Иван Алексеевич был колесован, после чего ему отсекли голову, князьям Василию Лукичу, Сергею и Ивану Григорьевичам отсекли головы. Князей Василия Владимировича и Михаила Владимировича велено было отправить в ссылку в разные места и держать их до смерти «под крепким караулом неисходно».

Эта расправа являлась не чем иным, как мезтью. Мезтью императрицы за попытку ограничить ее власть, Бирона — за попытку Верховного тайного совета отказать ему в праве приезда в Россию, Остермана — за пренебрежительное отношение к себе спесивых аристократов. Так Анна Иоанновна «отблагодарила» своих благодетелей, вручивших ей корону.

Глава девятая

Россия при Петре II

Отсутствие специальных исследований, освещающих историю России в царствование Петра II (если не считать безнадежно устаревшей монографии К. Арсеньева, опубликованной в 1839 году), неудивительно. В это трехлетнее царствование не произошло ничего такого, что привлекло бы внимание историков: ни военных конфликтов, ни социальных потрясений, ни запоминающихся событий в экономической и культурной жизни общества.

В основном, рассказывая о том, что происходило тогда в стране, приходится довольствоваться двумя видами источников — депешами и записками иностранных наблюдателей и Полным собранием законов Российской империи. Но оба вида источников имеют серьезные изъяны: первые отличаются поверхностностью содержания, ограниченным кругом событий и явлений, которые они освещают, отсутствием конкретного материала, подтверждающего наблюдения авторов; второй сообщает лишь о намерениях правительства, но умалчивает о том, в какой мере и как эти намерения претворялись в жизнь. Единственным критерием выполнения норм, устанавливаемых законами, является их периодическая повторяемость: если публикуются указы одинакового содержания, значит, предшествующие указы оказались неисполненными.

Чтобы устранить отмеченные выше изъяны законодательных актов, надлежит окунуться в море архивных документов и извлечь из некоторых из них крупницы интересующих историка сведений. Но далеко не во всех случаях затраченное время и силы окупаются достигнутыми результатами. В частности, когда речь заходит об изучении короткого отрезка времени, то историк чаще всего имеет дело с рутинной повседневной жизни, серой и однообразной, реже—с процессами либо берущими начало в этом историческом отрезке, но завершающимися уже в другую эпоху, либо, наоборот, с процессами, начатыми в предшествующие десятилетия.

Говоря об источниках иностранного происхождения, отражающих эпоху Петра II, надобно отметить, что они дают диаметрально противоположные оценки состояния России того времени. Отрицательные оценки, как правило, исходили от дипломатов, а хвалебные — от авторов исторических записок.

Из окна кареты, проезжавшей по улицам столицы, или из окон дома, где проживал дипломат, многого не разглядишь. К тому же послов и резидентов больше всего интересовала жизнь двора, соперничество «партий» и вельмож за влияние на императора. Свои впечатления о представителях правящей элиты они переносили на оценку положения всей страны. И еще одна оговорка: подчеркивая неупорядоченность дел в России, дипломаты питали надежду на то, что их собственные дворы оценят испытываемые ими трудности при исполнении служебных обязанностей.

И все же наблюдения иностранных дипломатов заслуживают внимания. Несмотря на все сказанное, в них можно обнаружить зерно истины.

Начнем с донесений австрийских дипломатов, внимательно наблюдавших за состоянием дел в России. Две эти страны находились в союзе, и потому правящим кругам Австрии было далеко не безразлично, в каком состоянии находились вооруженные силы и финансы России. Посол Рабутин летом 1727 года доносил об упадке в России флота и войск. Сменивший Рабутина граф Вратислав неоднократно убеждал русских вельмож в необходимости содержать в надлежащем состоянии флот, сухопутное войско и крепости. Вельможи с ним соглашались, обещали, «что все будет сделано, но упадок в этом отношении, — доносил Рабутин в Вену, — бросается в глаза».

Австрийский дипломат Гогенгольц писал в 1729 году о плачевном состоянии России: «Нет никакого единства в управлении делами, отсюда выходит неурядица. Никто не доверяет другому, не желает взять на себя ответственность. Благодаря этому все в застое». Еще более резкое суждение высказал Вратислав: «Никто не имеет инициативы, Верховный тайный совет собирается весьма редко. Дела остановлены. Судопроизводство, администрация, все присутственные места находятся в хаотическом состоянии. Никто не думает о том, как бы помочь этому злу». В декабре 1729 года он даже стал сомневаться, следует ли сохранять с Россией союзнические отношения: «Стоит ли связываться с краем, где войско ослабевает, дисциплина исчезает, финансы в расстройстве, и люди, стоящие в центре, оказываются совершенно неспособными к управлению делами?» К тому же «здесь нет никакого постоянства. Каждый день все изменяется и идет вверх дном».^[157]

Ничего положительного не обнаружил в России и саксонский резидент Лефорт. В январе 1728 года он писал: «Рассудительные люди уверяют, что неурядица, беспорядок и разврат возьмут верх... Я полагаю, что все

погибнет от бездействия. Стыдно смотреть, как все делается». Будучи в ожидании коронации императора, резидент доносил: «Здесь везде царствует глубокая тишина. Молодой монарх предаётся своим удовольствиям и часто проводит целые ночи Бог знает где... Когда я обращаю внимание на настоящее управление государством, мне кажется, что царствование Петра Великого было не что иное, как сон. Все живут здесь в такой беспечности, что человеческий разум не может постигнуть, как такая огромная машина держится без всякой помощи, каждый старается избавиться от забот, никто не хочет взять что-либо на себя».

В депеше от 25 ноября 1728 года Лефорт сравнивает Россию с кораблем, плывущим без кормчего: «Стараясь понять состояние этого государства, найдем, что его положение с каждым днем делается непонятнее; можно было бы сравнить его с плывущим кораблем; буря готова разразиться, а кормчий и все матросы опьянели или заснули. То же самое представляет и это государство: огромное судно, брошенное на произвол судьбы, несется, и никто не подумает о будущем». В этой же депеше саксонский резидент сообщал о катастрофическом состоянии финансов: «Флот сокращен, однако же ни гражданские, ни военные чины не получают жалованья; большое число полков имеют требовать жалованье больше, чем на год, что же касается до высших чинов гражданских и военных, то им не выдано жалованье от 8 до 10 лет». В другой депеше, отправленной в октябре 1729 года: «Непостижимо, как может держаться этот государственный строй; все в бездействии и каждый имеет в виду только свои выгоды».^[158]

Не менее мрачным представлялось положение России английскому, испанскому и прусскому дипломатам. К. Рондо доносил в Лондон в 1722 году: «Ваше превосходительство не может себе представить, как здесь жалуются на ход дел. Никакой определенной системы управления нет, никаких жалоб не слушают, поэтому очень многие разорятся».^[159]

Испанский посол де Лириа 16 ноября 1728 года извещал короля: «Что касается здешнего управления, все идет дурно, царь не занимается делами, да и не думает заниматься; денег никому не платят и, Бог знает, до чего дойдут финансы его царского величества, каждый ворует сколько может».

Прусский посол Мардефельд ухитрился охарактеризовать обстановку в России в депеше от 27 ноября 1727 года тремя словами: «Все коснеет, страждет».^[160]

В отличие от дипломатов, единодушных в негативной оценке происходившего в России, авторы записок столь же единодушно отмечали

благополучие страны. Один из них, полковник Манштейн, в «Записках о России» так отзывался о времени царствования Петра II: «Русские старого времени находили в нем государя по душе оттого, что он, выехав из Петербурга, перевел их в Москву. Вся Россия до сих пор считает его царствование самым счастливым временем из последних ста лет. Государство находилось в мире со всеми соседями; служить в войсках никого не принуждали, так что каждый мог спокойно наслаждаться своим добром и даже умножать его. За исключением некоторых вельмож, завистливо смотревших на могущество Долгоруких, вся нация была довольна; радость отражалась на всех лицах; государственная казна обогащалась, и Москва начинала поправляться от разорения, причиненного ей пристрастием Петра I к Петербургу...» Впрочем, Манштейн указывал и на негативные стороны царствования: «Только армия и флот приходили в упадок и погибли бы, вероятно, если бы царствование это продолжалось в этом виде еще несколько лет». [\[161\]](#)

Неизвестно, какими соображениями руководствовался Манштейн, когда сочинял панегирик Петру II, и откуда он извлек сведения о высоком мнении русских относительно своего императора. Можно сказать лишь, что его отзыв об этом царствовании далек от истины. Многие русские осуждали поведение Петра II. Вряд ли всеобщей была радость от того, что столицей империи вновь стала Москва, хотя части дворянства это, несомненно, пришлось по душе. Слабость центральной администрации, позволявшая местным властям чинить безнаказанный произвол и насилие, также никак нельзя отнести к заслугам правительства юного монарха. Правда, та же слабость центральной власти заставляла мириться с несвоевременной уплатой подушной подати, но за это пришлось расплачиваться налогоплательщикам в следующее царствование. Сомнительна и справедливость утверждения Манштейна, что никого якобы не принуждали служить в войске, — такой порядок не усиливал, а ослаблял армию. Единственно, в чем был прав Манштейн, так это в том, что за время, в течение которого Петр II занимал трон, «царствовали мир и тишина». Но Петр II царствовал всего три года — а в любом царствовании можно обнаружить три года более или менее мирной жизни. К тому же Манштейн не являлся современником Петра II. Как отметил историк А. Брикнер, он прибыл в Россию не ранее 1736 года; следовательно, его суждения исходили не из личных наблюдений, а из информации третьих лиц.

И тем не менее оценку Манштейна, как это ни странно, воспринял знаменитый историк С. М. Соловьев. Быть может, это объясняется тем, что

к 1870 году, когда он писал 19-й том своей «Истории России», многие источники еще не были известны.

Еще больше похвалы в адрес царствования Петра II можно обнаружить в сочинении анонимного автора, написанном на чешском языке и вышедшем под названием «Краткий очерк состояния Русского государства при императоре Петре Втором». Вот некоторые оценки анонима: «Военная часть устроена очень хорошо и во многом по немецкому образу; полки в хорошем и полном составе, солдаты довольно хорошо обучены фрунтовой службе и по строгости и выдержке значительно превосходят солдат других наций... Крепости содержатся в хорошем оборонительном состоянии, и вторжение неприятеля всегда может быть успешно отражено».

Высокую оценку аноним дал и военно-морскому флоту, состоявшему, по его сведениям, «из 30 военных кораблей, 12 фрегатов и нескольких сот галер». «Люди здесь, — продолжает аноним, — в короткое время настолько привыкли как к морскому, так и сухопутному военному делу, что по случаю нужды их можно употреблять на все, и при хорошей команде на них, по моему мнению, можно вполне положиться». Восторг настолько затмил глаза автора, что он не заметил противоречия между цитированным текстом и фразой, начертанной абзацем выше, где он заявил: «Такая сила, если бы можно было достаточно положиться на иностранных офицеров и матросов, могла бы считаться весьма значительной».

По мнению анонима, «по отношению к земледелию страна довольно хорошо обработана, и даже среди самых больших лесов, по крайней мере от Петербурга до наших стран, не так легко отыскать свободную землю, которую жители не употребили бы в свою пользу». Автор при этом забыл, что «хорошо обработанная земля» давала самый низкий в Европе урожай.

В дальнейшем тексте «Краткого очерка» помещаются некоторые бытовые подробности из жизни русских, причем автор уклоняется от какой-либо их оценки: «Относительно образа жизни можно сказать, что они живут вместе, и даже мужчины, женщины и дети, как они Богом созданы, ходят в одни и те же здесь очень распространенные бани, причем в особенности должно заметить, что, выходя из самого сильного жара бани, они не только летом, но и зимою, бросаются в холодную воду реки или пруда, близ которых бани обыкновенно строятся, или же бросаются ниц и трут себя снегом». «На пищу и напитки они мало тратятся, так как русский не так легко пригласит на званый обед». «В женских монастырях весело живут, так как здесь находят возможность тайком проводить к себе мужчин, которые, впрочем, по народной молве, иногда дорого за это поплачивались,

пропадая без вести».^[162]

Итак, перед нами два вида свидетельств с диаметрально противоположной оценкой состояния России при Петре II. Если принять на веру оценки иностранных дипломатов, то надо признать, что страна находилась в столь катастрофическом положении, что должна была вот-вот рухнуть под обломками социальных конфликтов и беззастенчивого грабежа казны чиновниками и вельможами различного ранга. Напротив, если руководствоваться суждениями авторов процитированных записок, то получается, что Россия в царствование Петра II благоденствовала, находясь, как никогда, в цветущем состоянии, без пороков, которые так красочно описывали дипломаты.

Думается, оба вида свидетельств нуждаются в существенных коррективах, ибо в России отсутствовали реальные признаки как развала страны, так и всеобщего процветания.

Дипломаты были бесспорно правы, когда сообщали в своих депешах о слабости и беспомощности центральной власти, не способной пресекать казнокрадство и произвол чиновников всех уровней. Косвенным подтверждением этому может служить то обстоятельство, что за почти трехлетнее царствование Петра II к ответственности был привлечен единственный человек, совершивший множество преступлений, — адмирал Змаевич. 9 декабря 1727 года его судили за типичное для того времени преступление — казнокрадство. Адмирал проявил завидную изобретательность в способах присвоения казенного добра. Заведую галерной верфью и галерной гаванью, он использовал строительный материал для собственных потреб, включал в список служителей, получавших жалованье, фиктивные фамилии, и положенное им жалованье клал в свой карман, использовал находившуюся в его распоряжении команду для личных нужд. Суд приговорил Змаевича и помогавшего ему майора Пасынкова к смертной казни. Однако адмирал был помилован императором и понес сравнительно легкое наказание: его понизили чином на один ранг, из адмирала в вице-адмиралы, и отправили в Астрахань командиром тамошнего порта.

Другим примером слабости администрации может служить история с выборами (или, скорее, назначением) депутатов в комиссию по составлению нового Уложения. 14 июля 1728 года состоялся указ Сената о высылке в Москву «из офицеров и из дворян способных людей» из каждой губернии по пять человек «для пополнения прежнего Уложения».^[163] Депутаты должны были прибыть в старую столицу 1 сентября того же года.

В сентябре появились депутаты только от Московской губернии. Что касается остальных губерний, то сенатский указ, изданный вследствие именного, состоявшегося в Верховном тайном совете, о высылке депутатов, в конце концов оказался невыполненным. Автор специального исследования о законодательных комиссиях В. Н. Латкин привел примеры того, как указ претворялся в жизнь на местах. [\[164\]](#)

Новгородская губернская канцелярия донесла в сентябре 1728 года, что за избранным депутатом помещиком Иваном Скобельцыным трижды в уезд посылали солдат, но он оказался «ослушен и в Новгород не приехал». Тогда губернская канцелярия послала за ним подьячего и трех солдат с повелением, что если он ослушается и на этот раз, то взять его и привести под караулом в Новгород. Ослушнику пригрозили конфискацией всего движимого и недвижимого имущества и запретом крестьянам ему повиноваться. Наконец, 20 сентября Скобельцына спровадили в Москву, куда он добирался пять недель и прибыл 27 октября. Аналогичным образом вел себя и другой депутат от Новгородской губернии помещик Ушаков. Он тоже скрывался от посыльных, и те вместо депутата привезли в Москву двух его дворовых людей. 9 октября Псковская канцелярия донесла о смерти Ушакова. Вместо него был избран дворянин Квашнин-Самарин, но оказалось, что он находится на службе, и тогда 10 октября в Москву отправили помещика Лаврентьева. От Тверской провинции был избран депутатом старицкий помещик Дмитрий Сытин, но его долгое время не могли отыскать, и тогда в январе 1729 года избрали вместо него ржевского помещика Феодосия Толстого.

Воеводы Севской, Орловской провинций, города Курска и Старого Оскола долгое время вообще не реагировали на сенатский указ, несмотря на то, что в их адрес Белгородская провинциальная канцелярия отправила по восемь указов.

Воеводы Шацкой и Тамбовской провинций тоже не проявили усердия в выполнении сенатского указа. Четыре указа, отправленные в их адрес из Воронежской губернской канцелярии, никак не подействовали, и они выполнили его лишь после того, как были оштрафованы по 50 рублей каждый. Депутаты, однако, прибыли в Москву с большим опозданием — в конце декабря 1728 года.

По данным на 11 декабря 1728 года в Москву прибыло 38 депутатов, представлявших отнюдь не цвет провинциального дворянства: это были либо люди уже престарелые, либо помещики, влачившие жалкое существование и владевшие одним-двумя или пятью дворами и не располагавшие средствами, чтобы к положенным казной на свое

содержание 50 копеек в день прибавить некую сумму из собственных доходов.

Капитан Ширяев, 43 лет, в Муромском уезде Московской губернии владел одним двором; стольник Степан Левшин, 70 лет, владел в уезде 12 дворами, а дворянин Иван Спешнев, 70 лет, в Волховском уезде владел двумя дворами; за дворянином Потапом Лединским, 56 лет, в Волоколамском уезде числилось два двора; 64-летний дворянин Наум Барак в Яранском уезде Казанской губернии владел семью дворами. Исключение составлял депутат от Смоленской губернии, владевший 500 душами крепостных.

Контингент депутатов, надо полагать, выглядел не респектабельно и по экипировке, не говоря уже о их неспособности ориентироваться в юридических тонкостях законотворчества. Следов своей деятельности депутаты не оставили, проведя год-полтора в старой столице в безделье.

16 мая 1729 года последовал указ Верховного тайного совета с повелением отправить находившихся в Москве депутатов по домам, а вместо них выбрать новых. «А к губернаторам послать наши указы, чтоб на их место выбрали других знатных и добрых людей, которые к тому делу были достойны, из каждой губернии по 2 человека».

На этот раз Верховный тайный совет, наученный неудачей, предъявлял губернаторам более жесткие требования. Во-первых, перед отправкой депутатов надлежало прислать в Москву сведения о них; во-вторых, и это самое главное, «с теми людьми в Москве быть самим им, губернаторам, или товарищам их, чтобы могли сами ответствовать».^[165] Теперь уже депутаты не избирались, а назначались. Срок их прибытия в Москву определялся 1 сентября 1730 года. К этому времени Петра II не было в живых, на престоле сидела Анна Иоанновна, и дело застопорилось — сведения о том, были ли назначены новые депутаты, отсутствуют.

Как видим, в правительственном механизме наличествовали слабости и перебои. Но главное наблюдение состоит в том, что дворянство, как сословие, находилось на начальной стадии своего формирования, поскольку не сознавало выгод, которые могло извлечь из активного участия в законодательной комиссии. При выборе в комиссию по составлению нового уложения дворяне руководствовались тем же обычаем, которым пользовались сельская и посадская общины при рекрутских наборах: в рекруты прежде всего отбирали пьяниц, лодырей, то есть нетягспособных членов общины. Равным образом, провинциальное дворянство считало для себя обузой пребывание в комиссии; в нее отправляли не лучших представителей, а беззащитную мелкоту.

К деятельности правительства Петр II по существу не имел никакого отношения. Тем не менее политика правительства заслуживает рассмотрения. Осуществлялась она в нескольких направлениях.

Во-первых, продолжалось то, что было начато в предшествующие царствования; во-вторых, правительство по собственной инициативе принимало новые меры. Приходилось заниматься и обычной, рутинной работой. Правительственная телега двигалась по накатанной колее, удовлетворяя повседневные нужды государства. При Петре II, как и при Петре I, издавались указы, направленные на пресечение бегства крестьян и рекрутов, а также разбойных отрядов, рыскавших по стране, по сбору подушной подати и образовавшихся по ней доимок. Эти обязанности государственного механизма относились к постоянным и неизменным. Но иногда у правительства возникали временные заботы, обусловленные экстраординарными обстоятельствами, нарушавшими обычный ритм жизни. К ним относятся указы о борьбе с эпидемиями и эпизоотиями, с налетами саранчи, с непослушанием крестьян и др.

Выполнение всех этих обязанностей, как правило, не требовало ни от воевод, ни от губернаторов, ни, наконец, от Верховного тайного совета ни изобретательности, ни напряжения умственных сил — все руководствовалось стереотипами, изложенными в регламентах, инструкциях и наставлениях, до мелочей указывавших, как надо поступать в том или ином случае. Такого рода деятельность ложится на плечи бюрократии, активность которой монарх может лишь стимулировать установлением жесткого контроля, поощрением добросовестных чиновников и наказанием нерадивых. Петра II можно отнести к числу номинальных государей, не выполнявших своих обязанностей отчасти по малолетству, но главным образом вследствие непреодолимого тяготения к праздности, нежелания вникать в дела и овладевать искусством управления государством.

Бюрократия без особого напряжения выполняла обязанности, возложенные на нее предшествовавшими царствованиями; продолжались (или порой завершались) дела, начатые ранее. К числу последних относится посольство Саввы Лукича Рагузинского, отправленного в Китай еще в 1725 году Екатериной I и возвратившегося в Москву в 1729 году при Петре II.

Столь длительное выполнение посольством своей миссии объясняется двумя причинами: протяженностью пути от Петербурга до Пекина и несговорчивостью китайских представителей, то соглашавшихся с предложениями русской стороны, то отклонявших их. Кроме того, Савва

Лукич вынужден был совершать продолжительные остановки в Тобольске и Иркутске для приискания ведомостей о беглецах, о границах и прочем. «Что мог собрать, то взял с собою», — доносил он из Иркутска в мае 1726 года. Однако «за худым управлением прежних губернаторов» удалось добыть крайне ограниченные сведения. Особенно удручающее впечатление производило отсутствие сколько-нибудь удовлетворительных карт. Имевшаяся карта обозначала границу лишь по реке Аргуни, а сухопутная граница между двумя странами на протяжении тысяч верст оказалась необозначенной.

Серб по национальности, Владиславич Рагузинский верно служил интересам России с самого начала XVIII столетия. Перед ним было поставлено три задачи: восстановить прерванную китайской стороной караванную торговлю с Россией; добиться «разграничения земель» («А наиглавнейшая с китайской стороны претензия и домогательство чинится в разграничении земель»); и, наконец, добиваться возвращения из Китая в Россию беглецов.

В Китае послу довелось испытать чисто восточное обхождение: подозрительность, двуличие, любезности, чередовавшиеся с угрозами. «Я более жил за честным караулом, чем вольным послом, — доносил Владиславич. — Как можно видеть из всех их поступков, они войны сильно боятся, но от гордости и лукавства не отступают, а такого непостоянства от рождения моего я ни в каком народе не видал». В Пекине посольство испытало немало лишений: то двор посла был окружен караулом, никого не выпускавшим за его пределы, то посольству чинили препятствия в снабжении водой и приобретении продовольствия, то грозили выпроводить из Пекина в Россию в зимнюю стужу, что грозило неминуемой гибелью.

Заслуга Владиславича состояла в том, что он не поддавался провокациям и угрозам, проявил мужество, стойкость и гибкость в переговорах, которые завершились подписанием 20 августа 1727 года на реке Буре выгодного для России договора. «Могу ваше императорское величество поздравить, — доносил он Петру II, — с подтверждением дружбы и обновлением вечного мира с Китайскою империей с установлением торговли и разведением границы в немалой пользе для Российской империи и неизреченной радости пограничных обывателей...»

Владиславич добился успеха отчасти благодаря подкупу высокопоставленного чиновника, входившего в состав китайской делегации. Подкуп в те времена широко применялся в дипломатической практике. Это позволило нашему посланнику своевременно узнавать о всех планах и намерениях китайской стороны, предпринимать ответные меры и

готовить контрдоводы.

В Москве высоко оценили заслуги Саввы Лукича Рагузинского. Он был возведен в чин тайного советника и пожалован орденом Святого Александра Невского.^[166]

Еще больше времени заняло исполнение другого поручения, связанного с Сибирью. Петр Великий незадолго до своей кончины велел капитану Витусу Берингу возглавить экспедицию в Сибирь для выяснения, соединена ли Азия с Америкой материком или между ними существует водное пространство. Экспедиция, получившая название Первой Камчатской, оказалась успешной. Она продолжалась пять лет, в течение которых Россия пережила четыре царствования: Петра Великого, Екатерины I, Петра II. Возвратилась экспедиция при Анне Иоанновне. Впрочем, никто из царствующих особ, кроме Петра I, никакого отношения к Первой Камчатской экспедиции не имел.

Важные начинания во внутренней политике, предпринятые при Екатерине I, были продолжены при Петре II. Речь идет о преодолении хозяйственного кризиса, обусловленного неурожаем трех лет подряд, охватившими значительную территорию страны. Одним из средств экономии расходов в бюджете страны считалось сокращение штатов коллегий, слияние некоторых из них, а также упразднение ряда центральных учреждений. Кроме того, были созданы две комиссии: Комиссия о коммерции во главе с А. И. Остерманом должна была изыскать средства для поощрения развития торговли; другая комиссия, возглавлявшаяся Д. М. Голицыным, должна была решить вопрос о судьбе подушной подати: оставить ее в неизменном виде или перейти к другой системе обложения, при которой подати платили только работоспособные мужчины, а старики, дети и увечные от нее были освобождены.

Сложность возложенных на комиссии задач была неравнозначной, как неравнозначными оказались достигнутые ими результаты. Указ Сената от 10 июня 1727 года велел вызвать в Санкт-Петербург купцов и потребовать от них заявлений о том, какие тяготы препятствуют процветанию торговли, чтобы Комиссия о коммерции могла рассмотреть их и решить, какие жалобы удовлетворить, а какие — нет. Сенатский же указ от 19 июня того же года потребовал от областной администрации сложной и кропотливой работы по выявлению количества душ, выбывших после первой ревизии, внесенных в ревизские сказки по два и три раза. Надлежало выяснить, сколько среди налогоплательщиков увечных, дряхлых и т. д. Чтобы ответить на предложенные Сенатом вопросы, надобно было провести вторую ревизию. Эту трудоемкую работу провести не удалось, а потому

существование комиссии Голицына оказалось бесплодным. Что касается Комиссии о коммерции, то ей удалось добиться от Сената нескольких указов, способствовавших росту торговой и промышленной активности купечества.

Указ от 26 сентября 1727 года освобождал рудоискателей и лиц, намеревавшихся построить заводы в Сибири для обработки руд, от необходимости испрашивать на то разрешение в правительственных учреждениях Петербурга и Екатеринбурга. В этот же день был обнародован именной указ, повелевавший «табачный торг отворить в вольную продажу». Отмена казенной монополии на торговлю табаком сопровождалась отменой табачных откупов.^[167] Для поощрения отечественного кораблестроения и укомплектования команд торговых кораблей русскими матросами освобождались от уплаты пошлин и акцизов те иноземные товары, которые доставлялись в Петербург на кораблях, сооруженных в России или укомплектованных на 2/3 русскими матросами.^[168]

Самая значительная акция Комиссии о коммерции состояла в опубликовании в 1729 году Вексельного устава, который действовал более ста лет. Он предназначался «для пользы и лучшего распорядка в купечестве», а также для того, чтобы сократить излишние расходы и снизить опасность в пути от воров и разбойников. Суть этого устава состояла в изменении порядка расплаты при совершении сделок купли-продажи: вместо наличных денег, перевозка которых доставляла множество неудобств, расплачивались векселями — ценными бумагами.^[169]

Продолжались начатые при Екатерине I перемены в структуре административного аппарата. Как и при императрице, мотивировка осталась такой же: либо за ненадобностью, либо ради сокращения расходов. Первым сразу же после кончины Екатерины был упразднен Кабинет ее императорского величества. Вслед за этим упразднили Главный магистрат. В указе от 18 августа читаем: «Понеже городские магистраты позволено подчинить губернаторам, того ради указали мы в С.-Петербурге Главному магистрату не быть».^[170] Далее последовали ликвидация московских контор в коллегиях, упразднение должности обер-секретаря в Синоде и ликвидация в Москве синодальной конторы. Упразднялись также Коллегия экономии и Преображенский приказ, занимавшийся расследованием политических преступлений.

Самой важной «ликвидаторской» акцией Верховного тайного совета стало упразднение Малороссийской коллегии, то есть установленного

Петром Великим порядка управления Украиной. Указ восстанавливал гетманство на том основании, что содержание Малороссийской коллегии требовало значительных расходов. К тому же деятельность президента этой коллегии Вельяминова вызывала множество жалоб на произвол и мздоимство.

Петр II объявил: «В Малой России ко удовольствию тамошнего народа постановить гетмана и прочую генеральную старшину во всем по содержанию пунктов, на которых сей народ в подданство Российской империи вступил».^[171]

Для реализации этого указа в тогдашнюю столицу Малороссии Глухов был отправлен Наумов. Ему была вручена секретная инструкция, из содержания которой следовало, что он должен был настоять на избрании гетманом Даниила Апостола: «Сие избрание написано для лица, а в самом деле его императорского величества соизволение быть гетманом миргородскому полковнику Данилу Апостолу». Если же «старшина и народ малороссийский», паче чаяния, пожелает избрать в гетманы кого-либо другого, а не Апостола, «того учинить не допустить и то обрание под каким пристойным претекстом остановить». Прибыв в Глухов, Наумов объявил, что быть «в Малороссии гетману по-прежнему, кого они выберут из малороссийского народа вольными голосами по прежнему обыкновению».^[172] Гетманом единогласно был избран Даниил Апостол.

Продолжалась унаследованная от петровского времени практика принудительных мобилизаций дворянских недорослей для обучения. Июньский указ 1727 года предложил Герольдмейстерской конторе прислать в Адмиралтейскую коллегию недорослей в возрасте от 12 до 17 лет для обучения навигационным наукам. Заслуживает упоминания и продолжение строительства начатого еще в 1719 году Ладожского канала.^[173]

Среди правительственных мер сравнительно не много было новых, то есть таких, которые не опирались на прецеденты из прежнего царствования. Помимо Вексельного устава, о котором сказано выше, отметим июльский указ 1727 года об устройстве тракта между Петербургом и Архангельском. Надобность в этом тракте возникла в связи с отменой ограничений в торговле с Западной Европой через Архангельск. Тракт в обход Москвы укорачивал путь на 150 верст и должен был способствовать развитию торговли и ускорению почтовой связи между двумя городами.

Попытка учесть изменения в структуре областной администрации после кончины Петра Великого была предпринята в «Наказе губернаторам и воеводам и их товарищам», опубликованном 12 сентября 1729 года.

Надобность в появлении нового «Наказа» объяснялась тем, что необходимо было сосредоточить в руках губернаторов и воевод дела, которые ранее исполнялись ликвидированными ныне учреждениями, а также унифицировать обязанности губернаторов и воевод, ранее определенные наказами каждому из них. Практически этот наказ вводил порядки, существовавшие в областной администрации допетровских времен.

«Наказ» состоял из 52 статей, из которых только первая дословно повторяла текст первой статьи воеводского наказа 1719 года. Она обязывала каждого губернатора и воеводу быть «государю верным, справедливым и верным слугой, пользу его и благополучие всяким образом исполнять и шкоды и убытки и опасности отвращать». Эта статья перекликается с статьей 49-й (являвшейся новой), в которой было сказано об обязанности губернатора и воеводы блюсти интересы подданных: «Губернаторам и воеводам с товарищи как городским жителям, так и уездным людям обид и налог отнюдь не чинить, и никакими нападками и утеснениями не иметь; а ежели в том по челобитью изобличены будут, то за то штрафованы будут по прежним состоявшимся о том указам».

Судить, опираясь на источники, об усердии губернаторов и воевод в выполнении обеих статей нет возможности. Но можно с уверенностью сказать, что обе статьи губернаторы и воеводы могли выполнять только при наличии должного контроля за их деятельностью со стороны центральной власти, располагавшей средствами для привлечения нарушителей к ответственности, пресечения произвола губернаторов и воевод. При слабой власти выполнение обязанностей, указанных в обеих статьях, всецело зависело от нравственности губернаторов и воевод. Однако известно, что последние никогда не могли устоять перед соблазном поживиться за счет казны и подвластного им населения.

Остальные статьи «Наказа» требовали от губернаторов и воевод исполнения рутинных обязанностей, возложенных на них предшествующим законодательством. Надлежало следить за тем, чтобы «челобитчики в делах своих правосудное решение без волокиты получили и далее положенных сроков по указам продолжения не имели», чтобы губернаторы и воеводы заботились о «скором искоренении воров и разбойников» и скором решении дел об арестованных, «чтоб, ведя скорый розыск и экзекуции, имели страх и унимали других», следили за своевременным сбором подушных денег, выявлением беглых и др. ^[174]

Ряд указов был направлен на смягчение нравов и запрещение публичной демонстрации жестокостей.

Указ 10 июля 1727 года повелевал уничтожить в столице столбы на

площадях, на которых водружались головы казненных. Обычай был признан варварским, заимствованным с Востока. Другой указ, обнародованный в том же 1727 году, запрещал публичные казни на площадях двух столиц — Петербурга и Москвы — и требовал их осуществления за городской чертой в специально отведенных для этого местах. Если первый указ бесповоротно порвал со средневековым прошлым, то второй был нарушен просвещенной императрицей Екатериной II, предавшей в Москве в 1775 году публичной казни Емельяна Пугачева.

31 июля 1727 года был обнародован указ, запрещавший архимандритам и игуменам хлопотать о монастырских делах в присутственных местах. Этот указ был направлен на повышение престижа монастырского начальства: подобные хлопоты, говорилось в нем, наносят духовному чину «поношение», а монастырям приносят разорение. Заниматься делами такого рода должны стряпчие.

Заслуживает внимания еще одно новшество — перевод Вотчинной коллегии из Петербурга в Москву. Указ был принят правительством в ответ на неоднократные просьбы дворян, жаловавшихся на разорительные для себя поездки в Петербург, в округе которого практически отсутствовало помещичье землевладение, сосредоточенное в центральных районах страны.

В заключение стоит отметить, что все перечисленные указы (за исключением принятия Вексельного устава и «Наказа» губернаторам и воеводам и их товарищам) были обнародованы до падения Меншикова. Из этого явствует, что Меншиков, несмотря на болезнь и хлопоты, связанные с реализацией матримониальных планов, находил время для законодательной инициативы — в отличие от его преемников в окружении императора-отрока.

Список сокращений

Осмнадцатый век — Семнадцатый век. Кн. 2. М., 1869.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

РА — Русский архив.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.

Основные даты жизни императора Петра II

- 1715, 12 октября* — рождение.
- 22 октября* — смерть матери Петра, Шарлотты Христины Софьи.
- 1718, 26 июля* — смерть отца, царевича Алексея Петровича.
- 1725, 28 января* — смерть императора Петра I. На престол, в нарушение прав Петра II, восходит императрица Екатерина I.
- 1727, 6 мая* — смерть императрицы Екатерины I.
- 7 мая* — Петр II провозглашен императором.
- 25 мая* — обручение (помолвка) Петра со старшей дочерью Меншикова Марией Александровной.
- 6–8 сентября* — падение Меншикова; расторжение первой помолвки.
- 1728, 25 февраля* — коронация.
- 12 сентября* — опубликован «Наказ губернаторам и воеводам».
- 22 ноября* — смерть старшей сестры Натальи Алексеевны.
- 1729, 16 мая* — опубликован Вексельный устав.
- 30 ноября* — обручение (помолвка) Петра со старшей дочерью князя А. Г. Долгорукого Екатериной Алексеевной.
- 1730, 2 января* — начало болезни.
- Ночь с 18 на 19 января* — смерть.

Приложения

**Петр II в документах и свидетельствах
современников**

Приложение 1

Обучение, коронация, семейная переписка Петра II (по материалам российского государственного архива древних актов)^[175]

1. Обучение и воспитание Петра II

[Указ Петра I учителю (в семье Нарышкиных) Ивану Зейкену о начале обучения великого князя Петра Алексеевича] (автограф). 1722 г.

Господину Зейкену.

Понеже время пришло научать внука нашего, того ради, ведая ваше искусство в таком деле и добрую вашу совесть, определяем вас к тому. Которое дело начни з Богом к осени, а именно в [о]ктябре или в первых ноября конечно.

Петр.

От ... в 17 де[нь] мая 1722.

[Ответ Зейкена]

Всепресветлейший державнейший император и самодержец всероссийский Петр Великий, отец отечества, государь всемилостивейший!

Указом Вашего Императорского величества поведено мне быть в служении великого князя, и по моей рабской повинности должен Вашему Императорскому величеству во всем всеподданнейше повиноваться. Только уважая мою к толикому делу негодность, принужден всеподданнейше донести, што за моею старостию и дряхлостию оное бремя понести не могу, к тому же в науках и в языках недостаточен, такова искусства не имею, штоб высокое Вашего Императорского величества изволение мог достоительно исправить, и в том ваш государский гнев на себя наведу. Для того, припав к ногам Вашего Императорского величества, раболепно прошу, дабы по своей богоподражательской милости изволил меня, последнего раба своего от оной службы отставить.

Вашего Императорского величества вечный нижайший раб.

[Письмо Зейкена А. В. Макарову]

Государь мой.

С раболепною покорностью признаю Его Императорского величества

государя нашего всемилостивейшего высокою милость в том, што изволил меня, последнего сиротину, назначить в служение великому князю, но я, уважая свою к толикому делу негодность, зело боюся, што по Его Императорского величества всемилостивейшему изволению и чаянию, оное бремя не снесу, тут надобна бодрость неусыпная и искусство повсеместное, а я не што ни подумаю, всего мне недостает к исправлению моей в таком служении должности, в науках таким высоким лицам пристойных я не достаточен, в языках недоволен, в придворных поступках весьма не заобычен, к тому же я человек чужестранный, беспомощный, сиротливый и многими напастями настраченный, а се уже и стар и дряхл и так по всему предвижу, што мне с такое дело не станет. Правда што я должен и рад бы слепо повиноваться высокому Его Императорского величества государя нашего всемилостивейшего указу, да совесть моя заставляет меня донести мои к этому делу недостатки и покорно просить вашего, государь мой, в том предстательства, дабы мне в моем недоумении не припасть гневу. Пожалуйте, государь мой, по... (нрзб.) меня на сие мое просительное доношение желанным ответством, за што я вам, государю моему, вечно и верно служить обещаюся.

Ваш государя моего нижайший слуга Иван Зейкан.

[Письмо Зейкена А. Л. Нарышкину?]

Пожалуйте государь мой, помилосердствуйте обо мне, слуге своем, извольте исходатайствовать, чтоб мне положенное бремя миновать, ей ей! Ни ума, ни силы у меня не столько нет, чтоб мне оное снести.

[Письмо А. В. Макарова А. Л. Нарышкину]

Государь мой милостивой Александр Львович!

Хотя я всеми мерами трудился, чтоб господина Зейкана известное бремя миновало, однако ж ничто успело, и изволили ныне Его величество написать к нему своеручное письмо, которое послано с Павлом Ивановичем, где написано, чтоб он то дело начинал кончая с ноября месяца. И хотя я при том доносил, что вы уволены до декабря, и чтоб с вами ему ехать, на что изволил сказать последнее, что де и так время немало, а х тому де могут еще писать... доносить... за которым отъездом не имею, что токмо прошу милостивого прощения.

И остався ваш, моего милостивого государя, покорный слуга и раб, А. Макаров.

От Коломны, мая в 17 день 1722.

[Указ Петра I И. Зейкену]

Указ господину Зейкеру.

Определяю вас учителем к нашему внуку. И когда сей указ получишь,

вступи в дело сие немедленно!

Петр.

В 10 ноября 1723.

[Указ Петра I А. В. Макарову]

Указ секретарю Макарову.

<...> сие объяви Александру Нарышкину, понеже пред [сего] указ писменной дан Зейкену, дабы быть ему учителем у внука нашего, но он его не отпускает, притворяя удобовозможные подлоги, и понеже я не привык жить с такими, которые не слушают, да смирно, того ради и скажи и объяви и сие письмо оставь у него, что ежели вышеписанной Зейкин по данному письменному указу не учинит, или начнет в чем прекословить, или чтоб ни будь не ко исполнению сего, то я не над Зейкиным, но над ним то учиню, что доведетца прислушником чинить, ибо все сие от него происходит, и шток конечно сегодня или завтра в свое дело действительно вступил.

Петр.

В 8 де[нь] генваря 1724.

(РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–8)

[Расписание занятий Петра II, составленное в Верховном тайном совете]

Предложение о разделении часов, которья Его Императорское величество к своим наукам и забавам употребить изволит.

Понеже часы к наукам и забавам всегда переменятца имеют, того ради в разделении оных надлежит наипаче смотреть пред... (нрзб.) И тако ежели Его Императорское величество обыкнет порядочно о 9-м или 10-м часу почивать ложитца, то может паки о 7-м и 8-м часу вставать.

И понеже... благословенно быть не может, что не с Богом начато, произведено и совершено бывает, то б первое и наиважное было, чтоб Его Императорское величество коль скоро встанет, прежде всего чинить имел, чтоб к Богу обратился и умиленною молитвою себя ему наиприлежнейше препоручил. По совершении молитвы может Его Императорское величество или Евангелистов, Апостола или иную какую божественную книгу к своему обучению читать, или читать повелеть; а имянно таким образом, что в один день евангелисты, в другой день апостольские... а в третей — иная какая божественная книга, например Житие святых отцов, или ему подобное чтение быть могут.

(Примечание на копии 1760 года: сей пункт в белом предложении выпущен <...> С сего очерченного пункта сообщена копия членам Священнейшего Синода, июля 17-го 1727-го, а именно отослано к архиерею Ростовскому: РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 1 об.)

Что надлежит до церкви и молитвы, о том Его Императорскому величеству донесено будет впредь.

Потом отдохновленного, можно науки предвосприять, а имянно сим порядком:

В понедельник.

От 9-го до 10 часу читать историю и в кратце главнейшие случаи прежних времен, премены и приращение и умаление разных государств, притчины тому, а особливо добродетели правителей древних с воспоследованною потом пользою и славою представлять.

И таким образом можно во время полугода пройти ассирийскую, персическую, греческую и римскую монархию до самых новых времен, и можно к тому пользоваться, яко автором первой части исторических дел Яганом Гибнером, а для приисквания так называемым Билдеролом.

От 10 до 11 часа может Его Императорское величество отдохнуть или по изволению в своих покоях забавлятьца.

От 11 до 12-го часа продолжить древнюю историю.

От 12 до 2 часа оставляетца на кушанье и покой Его Императорского величества.

По полудни: от 2 до 3 часа можно на танцование и соизволяетца при том на концерт употребить.

От 3 до 4-го часа географию отчасти по глобусу, отчасти по ланткартам показывать, и к тому употреблять краткое описание Тибнерова.

От 4-го до 5-го часа паки на забаву Его Императорского величества определяетца, и можно гуляньем позабавитца.

От 5-го до 6-го часа инде где покоитца, и от 6-го до 7-го прежняя забавы продолжать.

Во вторник.

От 9-го до 10-го часа для отмены против прежняго дня новую историю трактовать и во оной по приводу господина Пуффендорфа новое деяние каждого. А особливо пограничных государств представлять. И в протчем известие о правительствующей фамилии каждого государства интересе, о форме правительства, силе и слабости помалу подавать.

От 10-го до 11-го часа останетца на покой. От 11-го до 12-го часа продолжать новую историю.

По полудни.

От 2-го до 3-го часа забавлятьца игрою, названною...

От 3-го до 4-го математические операции и географию учить.

От 4-го до 5-го часа можно забавлятьца стрельбою в мишень.

От 5-го до 6-го немного отдохнуть.

От 6-го до 7-го часа одну забаву из прежних продолжать.

В среду.

До полудни будет Его Императорское величество присудствовать в Тайном совете и больше того ничего иного чинить не будет.

По полудни:

От 2-го до 3-го часа обучатца бильярдом.

От 3-го до 4-го часа продолжать древнюю историю.

От 4-го до 5-го часа забавлятца ловлею на острове.

От 5-го до 6-го часа можно покоитца, а от 6-го до 7-го часа продолжать прежнюю забаву.

В четверток.

От 9-го до 10-го часу — географию.

От 10-го до 11-го — отдыхать.

От 11-го до 12-го — паки географию.

От 2-го до 3-го часа танцевать.

От 3-го до 4-го часа новую историю

От 4-го до 5-го часа концерт музыкальной.

От 5-го до 6-го продолжить музыку и отдыхать.

От 6-го до 7-го то же или гулять ездить.

В пятницу.

Пред полуднем присудствует Его Императорское величество паки в Тайном совете.

По полудни:

От 2-го до 3-го часа волантеншпиль или бильярд.

От 3-го до 4-го часа протчие математические части и искусства из механики, оптики и протчее.

От 4-го до 5-го часа на лошадях гулять ездить.

От 5-го до 6-го часа отдыхать.

От 6-го до 7-го часа продолжать одну из протчих забав сегодни.

В субботу.

До полудни можно по изволению то, что из географии и математике во всю неделю учено, твердить.

По полудни от всех разделенных часов свобода.

Вышереченным образом можно всю первую половину года поступать.

В другую половину года отмену учинить и другие дела начать.

Х каждой науке надлежит собственное краткое описание сочинить, которое к обучению Его Императорского величества особливо учреждено быть может.

Ежели Его Императорское величество в вечеру о седмом или в пол-

осмаго часу кушать изволит, то может после ужина, пока час к почеванию придет, паки из божественной книги что-нибудь читать повелеть, и потом совершить молитвы во имя Божие на покой идти.

Александр Меншиков
Генерал-адмирал граф Апраксин
Канцлер граф Головкин
Князь Дмитрий Голицын.

[Поправки, внесенные, по-видимому, самим Петром II]:

В понедельник по полудни от второго до 3 часу учиться, а потом солдат учить.

По полудни во вторник и четверток с сабаки на поле.

По полудни в среду солдат обучать.

По полудни в пятницу со птицы ездить.

По полудни в субботу музыкою и танцованием.

По полудни в воскресенье в Летнем доме и в тамошние огороды.

Петр.

(Ф. 2. Оп.1. Д. 26. Л. 2–5)

Письмо Христиана Гольдбаха барону А. И. Остерману

Высокоблагородный барон, милостивый государь!

По требованию вашего превосходительства у меня мнения о будущем воспитании Его Императорского величества требовали, то не мог я оставить по милостивому вашему превосходительства повелению моего мнения о том не объявляя, когда я пред несколькими неделями уведомился, что Его Императорское величество отчасти в языках, отчасти в науках выучил, и для того толь наивяще в состоянии обретаюся рассуждать, к чему Его величество впредь с доброю пользою показывать можно.

Колико Его величество в латинском, немецком и французском языках обучился, о том вашему превосходительству не известно, а что касается до наук и занятий, и то уже в присутствии вашего превосходительства оказалось, что Его величество к тому некоторые начала, но без надлежащего порядка и довольственного понятия положил, так что сей недостаток чрез Его величества будущее прилежание и старание поправлен быть имеет.

И для того здешний господин президент Академии наук некоторым профессорам приказал в кратце выбрать из наук самое нужное ради государя, а имянно: из гистории и правоучения, с главнейшими правилами математики, все это легким способом изъяснить, чему ваше превосходительство чаятельно уже и опытов несколько видели, а понеже оное краткое описание на французском и немецком языках сочинено, то

уповать можно, что сие Его величеству как к обучению наук самих, так и обоих языков особливо способствовать будет.

Но сколь похвальны ни был б сей приложенной труд и доброе намерение, однако успеху никакого иметь не будет, и наилучшия молодые лета Его Императорского величества во... (нрзб.) пройдут, если не изобретется способ склонить Его величество, дабы ежедневно по несколько часов на обучение употреблял, а в оное время искать особливо случая вкоренить Его величеству приятную любовь к его подданным, и отеческое попечение о благополучии государственном, отвращая при том его с надлежащею осторожностью от всего, что великому монарху не пристойно быть может.

И как сие мое намерение Его Императорскому величеству не неприятно, а всем верным его подданным весьма радостно быть может, то не сомневаюсь, чтоб ваше превосходительство в сильном о том представлении вашем Его величеству не получили желаемого успеха.

Еще же предаю на благоразсуждение вашего превосходительства, не надлежит ли в каждую неделю записку часам, которые Его величество на обучение наук, языков или экзерциций употребил, подавать Еосударственному Верховному совету. Сие Его Императорское величество побудет к вящему впредь наблюдению оных часов, а я напротив того, освобождусь отчета пред вашим превосходительством и Верховным советом.

Между тем не могу я оставить, чтоб вашему превосходительству не принести всепокорного благодарения моего за явленную вами ежедневно ко мне милость, прося о подавании и впредь благосклонных ко мне наставлений ваших, коим навсегда со всякою преданностью подвергаюсь и пребуду с глубочайшим почтением до конца моей жизни.

Вашего превосходительства покорно послушнейший слуга Христиан Еольдбах.

В Санктпетербурге б июля 1727 году.

(РГАДА. Ф. 156. Он. 1. Д. 198. Л. 20–21 об.)

2. Дело о подготовке коронации Петра II

Сия записка учинена в Верховном Тайном совете, при собрании генерала, адмирала, канцлера и вице-канцлера и действительного тайного советника князя Еолицына. Сентября 29 1727-го.

Коронации Его Императорского величества быть нынешнею зимою в

Москве в генваре месяце.

А каким образом той коронации быть, о том сочинить проект в Иностранной коллегии.

О той коронации публиковать в народ, и той публикации проект сочинить в Иностранной коллегии.

Ради той коронации в Москву сколько изволит послать баталионов гвардии.

Також не соизволит ли в Москву отпустить отсюда ради той коронации корет и лошадей.

В Москве где Его величество покои имеет, а дворец велеть описать.

Делать... на золотыя и серебряные монеты х коронации.

Октября 2 числа. В Верховном Тайном совете при собрании в СПб.

Подписан указ о строении домов государевых в Москве и в Преображенском.

Изволили смотреть все короны, а при том разсуждали: корону зделать новую.

Державе быть яблоку большому, которое есть на скипетре, сняв с него орла и подвыся немного крест; или зделать новое яблоко золотое, прежних меньше, а того, которое на скипетре, побольше.

Там же.

Божию милостию Мы, Петр Второй (титул)

Нашей Камор-коллегии.

Указали мы <...> для коронования нашего в Берг-коллегии зделать золотых и серебряных медалей на 10 тысяч рублей разных сортов, а на дело тех медалей взять из Соляной конторы из старых медалей, которые зделаны были во время Шведкой войны для бывших баталей и взятъя городов разных сортов весом на 4400 червонных. А серебра на 1200 рублей употребить <...>.

1727 ноября в 7 де[нь].

(РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34746. Л. 49)

Мнение обер-церемониймейстера барона фон Габихсталя о церемонии коронации Петра II

Понеже Российское государство весьма неспоримо самодержавнейшее есть во всей Европе, и Его Императорское величество свою императорскую честь и самодержавную власть токмо от единого Бога всемогущего признавает, того ради весьма разсуждать надлежит, сам ли Его Императорское величество при будущем торжестве императорские регалии — яко корону, скипетр и епанчу на себя возложит и принять изволит, или Его Императорскому величеству от кого иного поданы быть имеют.

При короновании Ея Императорского величества государыни императрицы <...> в том затруднения не было, понеже оное коронование по всемилостивейшей воли Ея супруга Петра Великого, славы достойнейшего бессмертная памяти действовалося; еже все всякому... сходно было, что Его Императорское величество на коронуемую свою супругу императорскую корону возложил, скипетр подал и императорскою епанчею одевал.

Однако же при будущем короновании Его Императорского величества весьма другое обстоятельство имеетца. И по моему малейшему мне в указ мнению весьма здраво рассудить надлежит, не соизволит ли по примерам самодержавного королевства Дацкого, так же как и при помазании Карлуса XII швецкого поступлено было, поступить.

<...> Таким образом из сих примеров ясно видитца, как крепко от самодержавных королей в том присматривано было, и они с королевскими регалиями к показанию приходили, корону если возлагали и снимали, скипетр принимали и полагали, а королевскую епанчу всегда на себе имели.

Ежели сей... всемилостивейше за благо приметца, и Его Императорское величество из своего дому в Соборную церковь во всем императорскому уборе итить изволит, то должно ему итить под императорским балдахином, и оной балдахин несть знатнейших чинов особам, а императорскую епанчу несть знатнейшим в государстве. Украшены в соборной церкви могут быть такие же, как при коронации императрицыной, токмо что один престол поставлен будет.

Прочей же порядок процессии такожде может быть по прежнему, кроме того, что касаетца до посещения Вознесенского монастыря, о чем я никакого мнения не представляю.

Я такожде не известен, кому должность обер-маршала и прочия знатные чины поручить, также и еще ли церимониальный посох и прочие торжественные знаки в сохранении содержатца, и кому при мне помощником, яко при церимониймейстере быть надлежит, и не надлежит ли для сего торжества иметь конференции, дабы во оной о всяком колико до такого церимониала касаетца, неотменно определено было.

В С.-Петербурхе, в 5 де[нь] декабря 1727 год.

Габихсталь.

(РГАДА.Ф. 1239. Оп.3. № 34746. Л. 196–199)

«Эмблемы и символы к воротам триумфальным на коронацию императорского величества Петра Второго по рассуждению Феофана, архиепископа Новгородского»

По моему рассуждению, символы и эмблемы, то есть тайнообразующия вещей подобия, которые к императорской коронации приличествуют, двоевидные быть имеют.

Первыя — славу коронации изъявляющия, в которых образуются честь высокая, власть верховная, достойное наследие и кто и кому наследие приемлет скипетр и проч.

Другая — показующие добродетели государю должны: мудрость, мужество, благочестие, милость, правосудие, бодрое и доброе общем попечение и проч.

И потому обоего вида здесь эмблемы символы приисканы предлагаются: да еще и двоякие: одни большие, которые писать на больших средних картинах, а другие меньшие, которые писать по картинам меньшим, по сторонам. И все тако располагаем.

Символы и эмблемы первыя, славу коронации изъявляющия.

Большия.

1. Петр Второй на престоле по подобию Соломона, сиянию свыше над головою его сходящую. Надписание: «...Соломон на престоле, Господин во царя вместо Давида, отца своего, и угодися и покорися ему весь И[зра]иль» (Паралипоменон, гл. 29).

2. Иисус Навин, перед ... стоящий молящийся: да постпешит ему Бог в управлении Из[раиля]; и при ... стоит облаченный, из него же свет на Иисуса. Надпись: «Яко же бех с Моисеем, такожде буду с тобою» (Иисус Нав., гл.1).

3. Иосиф брат меньший большей братии своей ... а пред ними во облаце виденного сна образ: снопы братние снопу Иосифову кланяющиеся; предписание: «Ваши снопы окрест стояще, кланяшесе моему снопу» (Бытия, гл. 37).

4. Иосия отрок на престоле, предстоящу народу скипетром повелевает. Надписание: «Осми лет бе Иосия егда царствовати нача, и ходи в путех Давида, отца своего» (2 Паралипоменон, гл. 34).

5. Гедеон, пред Богом немощь свою исповедая, отрицаетца от владения народа; но Бог его укрепляет ответом, каковый в надписании «Аз буду с тобою» (Судии, гл. 6).

6. Государь, горе смотря и моляся и показуя державу и скипетро, исповедует, аки бы себе тяжкие; свыше же является Дух Святыи в виде голубини; подписание: «Дух истины наставит на всякую истину (Иоанн, гл. 16).

7. Отрок между пирамидами гробовыми ходит и сетует, образующий Петра государя, смертию родителей огорчен. Человек же велелепный,

образующий Бога, велит ему во виноград свой идти, который означитца регалиями и орлом; надписание: «Иди во виноград мой».

8. Отрок на престоле царском на облаках, ис которых свет прямо на землю на окрестныя же страны и является... Надписание: «Никто же о юности твоей да [не] нерадит» (Тимоф., гл. 4).

9. Отрок на руке своей держит большой глобус, и с стороны рука и с облака руку его поддерживает. Надписание: «Десница Господня сотвори силу» (Псалом 117).

10. Император, сидящий на престоле, поклоняющийся ему России скипетр к лобызанию преклоняет, что прилично к Гистории Артаксеркса и Эсфири. Надписание: «Жезл правости, жезл царствия твоего».

11. По одну сторону Руссия с народом, аки молящиеся Христу о Петре Втором, к коронации производимом, который при ней стоит; по другую же сторону Христос, показуя на регалия, на столе лежащая, повелевает совершить намеренное. Надписание: «Воздадете Цесарева Цесарева».

12. Император, аки бы малолетствие свое пред Богом исповедующий, и от короны отрицающийся, в лице молящагося горе смотрит; Ангелы же показывают ему столп свыше нисходящий и грома испускающий, еже есть заступление Божие. Надписание: «Столп крепости от лица вражия» (Псалом 66).

13. Промысл Божий (в лице тому приличному) с небесных облаках снисходящ и на персах своих держимую скрижаль (на которой имя Петра I под короной написано), подъемля покрывало объявляет: «Чиму знаменуетца прежнее Божее определение о царствовании государя нашего», низу же Россия с царствиями и княжениями своими (в лицах приличных), поклоняютца. Надписание: «Еже совещает Бог, кто разорит, и руку его высокую кто отвратит» (Исайя, гл.14); или сие: «Яко же глаголах, тако и будет; и яко же совещал, тако и установится» (тамо же).

14. Россия, проводя Петра к регалиям, для восприятия короны видит на облацех ветхого денми царя, земное царствие определяющаго, каковый описуется у Даниила в главе 7; и молится ему: «Ангелы молитвенныя, в сем надписании: даждь державу твою отроку твоему» (Псалом 55).

(РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 246. Л. 1–7)

«Времена, в которые надлежит Императорскому Величеству снимать и налагать корону»

Во время Святыя литургии стоя на месте своем, государь трижды снимает с себя корону, и налагает, а имянно:

Когда читается Св. Евангелие, снемлет с главы государевой тот, чие то дело; и по чтении приносится ко государю и целует то государю, и тогда на

главу его налагает корону.

Когда бывает великий выход на Херувимской песни, снемлет корону, а по выходе налагает.

Когда возглашает архиерей слова Христова «Приимлите, ядите» — снемлет корону, и даже по «Достойну» налагает.

При конце же киноника будет же ис алтаря донесено... что время миропомазания приспело, и тогда поиде государь, ведомый от определенных к тому к царским дверям, и тамо станет на уготовленном месте и снимлет с него корону, и бывает и миропомазание: помазует государя архиерей на всех частях тела его, в чиновнике показанных.

По сем два архиереи вводят государя во алтарь не затворя царских дверей, и тамо государь причащается святых таин диаконским образом и приемлет антифор, и запивает теплотою, и умывает руки. И вышед из алтаря и приемлет на главу свою корону. И отводится на прежнее свое место.

(Там же. Л. 372–372 об.)

Указ Его Императорского величества императора и самодержца Всероссийского из Государственной коллегии Иностранных дел в Военную коллегию

Его Императорское величество указал Военной коллегии из Конторы в Москве публиковать чрез офицеров с военного музыкою, что коронавание Его Императорского величества имеет быть в предбудущее воскресенье, то есть 25-го дня сего февраля, и Военной коллегии в Конторе учинить по сему Его Императорского величества указу, а учинить сию публикацию сего февраля 20 дня.

У подлинной подписано тако: канцлер граф Головкин.

Февраля в 19 де[нь]. 1728-го.

Слушано в Верховном Тайном совете 16 дня февраля.

(Там же. Д. 34746. Л. 309)

Донесение директора московской типографии Ф. П. Поликарпова-Орлова П. В. Курбатову о публикации пригласительных билетов на коронацию

Благодетель мой, милостивый господин Петр Васильевич!

По письму от вашей милости присланному, тысячу билетов и других то ж число напечатав, послал я со справщиком Стефаном Гембитским за моею печатью. Прикажи, мой государь, во оных кому расписаться, ради приказной розрядной очистки. В прочем же пребываю вашей милости слуга усердный,

...

Поликарпов, директор. В 20 февраля 1728 году.
(Там же. Л. 319)

3. Семейная переписка Петра II

**Рождественское поздравление Петру I от внуков, Петра и Натальи.
1717 год**

Вседержавнейший царь государь Петр Алексеевич, а наш премногомилостивейший государь дедушка! Здравия вашего царского пресветлого величества да содержит и умножит ваш вышний Бог многосотню, чего от сердца желаем.

Поздравляем мы вашему царскому пресветлому величеству пресветлым днем рождения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа и желаем вашему величеству со всею высокою вашею пресветлаю фамилию от того истинного источника сего душевного и телесного блага, о сем благословения да обдарит он ваше величество желанным благополучием и да даст оный вашему царскому пресветлому величеству того торжественного дня в добром здравии радостно препроводить.

А о себе вашему царскому пресветлому величеству всего всепокорне доносим, что мы милостею всещедрого Бога в добром здравии обретаемся и о вашем царском пресветлом величестве здравии такожде слышать всеусердно желаем.

И да просим мы у вышняго Бога, дабы нам ваше царское пресветлое величество в Санктпитебурхе радостно в скорости видеть и милостивые ваши руце целовать.

И еще просим вашего царского пресветлого величества, дабы нас всеусердно покорных ваших утробных не оставлял от любви вашего премногомилостивейшего величества.

Засим ваше царское пресветлое величество предаем в защищение всемогущего Бога, а нас вашу высокую царскую милость, и пребываем,

...

Вашего царского пресветлого величества прелюбезнейшего нашего государя дедушки Послушный внук *Послушная внучка*

В Санктпитебурхе
декабря дня 1717 года.

(РГАДА. Ф. 4. Д. 28. Л. 2–2 об. Отпуск)

Письма герцогини Голштинской цесаревны Анны Петровны Петру II

№ 1

Всемиловейший государь!

Я уповаю, что Ваше Императорское величество сие писание по окончании ныне текущего года милостиво получить изволите, и как я от сердца делаю, дабы ваше величество оной щастливо препроводил, так и ваше величество мне милостиво изволит, когда не токмо Ваше величество тем поздравлять я смелость восприемлю, но и Всевышняго примерно призывать, чтоб Ваше величество в наступающем новом годе и еще много следующих в постоянном здравии и всяком высоком благоповедении всегда содержать и многим удовольствием благословить изволил. Мне ничего на свете приятнее онаго быть может; и при сем я не без сумненной надежды обретаюсь, что Ваше величество мне свою прежднюю дражайшую склонность милостиво предоставит, яко же я никогда не престану с вернейшим преданством всегда пребывать.

Вашего Императорского величества

Послушно-преданная верная тетка и служница Анна.

Киль, ноября 26 дня 1727 года.

№ 2

Всемиловейший государь,

Из высокопочтеннейшего Вашего Императорского величества письма от декабря 23 дня я с чувствованным удовольствием усмотрела, что Ваше Императорское величество мое откровенным сердцем учиненное поздравление к предбудущей Вашего величества коронации в Москве милостиво принять изволили. И как сие мне ко особливою радости служит, тако и я оставить

не хотела, чтоб оное Вашему Императорскому величеству чрез сие не объявить и мое учиненное поздравление паки повторить, при том же себя и его королевское высочество супруга моего в милость Вашего Императорского величества вам прилежно рекомендовать. В прочем, ожидая вскоре приятную ведомость о щастливом Вашего Императорского величества приезде к Москве и тамо отправленной коронации, с вернейшим преданством до скончания жизни моей пребываю.

Вашего Императорского величества послушная, преданная, верная тетка и служница, Анна.

Киль, генваря 22-го числа 1728 году.

№ 3

Всемиловейший государь.

Понеже всемогущий Бог меня сего числа по полудни от бремени моего милостиво свободить и меня, купно с его королевским высочеством любезнейшим моим супругом, благообразным принцем обрадовать изволил, того ради не могла оставить Ваше Императорское величество о том служебно объявить, и онаго моего принца в высокую Вашего Императорского величества милость наипрележно рекомендовать, с покорнейшим прошением, чтоб Ваше Императорское величество сему новорожденному моему сыну соизволил быть крестным отцом, и притом от сердца моего желаю скоро радостную ведомость о щастливо оконченной Вашего Императорского величества коронации получить. В прочем, Вашего Императорского величества здравии отдаю в сохранение и милость Божию и с всепокорнейшим преданством пребываю,

Вашего Императорского величества послушно-преданная тетка и служница, Анна.

Киль, февраля 10 1728 году.

(РГАДА. Ф. 142. Оп. 1. Д. 608)

Переписка Петра II с бабушкой, бывшей царицей Евдокией Федоровной (монахиней Еленой). 1727–1728 годы

№ 1

Письмо Петра II бабке монахине Елене

Дорогая и любезная государыня бабушка!

Понеже мы уведомились о бывшем вашем содержании, и о нынешнем вашем прибытии к Москве, того ради не... оставим чрез сие сами к вам, моя... бабушка, писать и по вашему нам весьма желательному здравии уведомиться. [А мы от всего нашего сердца желаем от всемогущего Бога постоянного и многолетнего здоровья и просим вас дорогая государыня бабушка].^[176] И для

того прошу вас, государыня дорогая бабушка, не оставить меня в празнейших писаниях о своем многолетнем здравии, которое я желаю от Господа Бога, дабы во многие лета постоянно содержано было. Только де, любезнейшая государыня бабушка, прошу ко мне отписать, в чем я вам могу услугу мочь или чем послужить ежели верно исполнять [обещаюсь] не примену, яко же я непременно пребуду, дорогая и любезнейшая моя бабушка.

Из Санкт-Петербурга сентября 27 дня 1727 году. Отправлено в Москву

того ж числа с порутчиком Голенищевым.

№ 2

Записка, посланная монахиней Еленой, без даты.

Предположительно, сентябрь 1727 года

Внук мой дорогой император Петр Алексеевич, здравствуй и с сестрой своей царевной Натальей Алексеевной. Пожалуй, мой батюшко, дай мне себя видеть, докамест я жива. Чтоб мне на вас наглядетца. *Засем бабка ваша монахиня Елена благословение подаю* [Здесь и далее курсивом выделен текст, написанный автором собственноручно.].

(РГАДА. Ф. 142. Оп. 1. Д. 602. Л. 5)

№ 3

Письмо монахини Елены Петру II

Державнейший император, любезнейший внук!

Хотя давно желание мое было не токмо поздравить ваше величество с восприятием престола, но паче вас видеть, но понеже счастья моему по се число не сподобилось, понеже князь Меншиков, не допусая до вашего величества послал меня за караулом к Москве, а ныне уведомилась, что за свои противности к вашему величеству отлучен от вас, и тако примаю смелость к вам писать и поздравить, при том прошу, если ваше величество к Москве вскоре быть не изволите, дабы мне повелели быть к себе, чтобы мне по горячности крови видеть вас и сестру вашу, мою любезную внуку, прежде кончины моей. Прошу меня не оставить, но прикажи уведомить, какое ваше изволение будет.

Вашего императорского величества *бабка ваша благословение посылает.*

Сентября 21-го 1727 году.

(Ф. 142. Оп. 1. Д. 603. Л. 30—30об.)

№ 4.

Письмо Петра II монахине Елене

Дражайшая и любезнейшая государыня бабушка!

Я надеюсь, что в сих днях чрез нарочного отправленное мое писание исправно до дорогих ваших рук дошло. Потом получил

я весьма приятнейшее мне от вас вселюбезнейшей государыни бабушки два письма, одно чрез канцлера графа Головкина, другое чрез князя Алексея Григорьевича Долгорукова, за которые премного благодарствую и от всего моего сердца о добром вашем здравии обрадовался.

Я сам ничего так не желал, как чтоб вас, дражайшая государыня бабушка, видеть. И надеюсь, что с Божией помощью еще нынешней зимы

то учинится может.

А между тем прошу о своем многолетнем здравии не оставлять ко мне прямо отписать, и изволите быть благонадежны, что во всем и всегда пребуду, верный ваш внук, Петр.

Из Санкт-Петербурга 30 сентября 1727 года.

Отправлено того ж числа с человеком князя Алексея Григорьевича Долгорукова с Ефимом Тышковым в Москву нарочно.

(Ф. 142.Он. 1. Д. 603. Л. 2–2 об. Отпуск)

№ 5

Письмо Петра II монахини Елене

Дражайшая и вселюбезная государыня бабушка!

Любезнейшее ваше дражайшей государыни бабушки письмо от 25 сентября получил я исправно и за оное по премногу благодарствую.

Мое желание, дабы вас, драгоценнейшую государыню бабушку видеть не меньше есть как ваше, и я надеюсь, что Богу соизволющу оное нынешней зимы исполнитца, понеже я для коронации своей в Москву прибыть намерен, а меж тем желаю вам, дражайшей государыни бабушке, от Господа Бога долголетнего здравия и прося вашего благословения, пребываю верный ваш внук, Петр.

Из Санкт-Петербурга, октября 5 дня 1727 году.

Отправлено того ж числа через господина канцлера приписных его в Москву.

(Ф. 142.Он. 1. Д. 603. Л. 3. Отпуск)

№ 6

Письмо Петра II монахини Елене

Дражайшая и вселюбезная государыня бабушка!

Хотя я недавно к вам, дражайшая государыня бабушка и писал, однако ж желая ведать о желаемом добром здравии, и через сего нарочного пишу, и вас, государыню дражайшую бабушку, прошу о своем состоянии прямо и подлинно отписать, а я указал ныне вам, дражайшая государыня бабушка, некоторую сумму на случающиеся нужды поднести, которой донесет обергофмейстер мой Остерман.

И пребываю, дражайшая государыня бабушка, верной ваш внук, Петр.

Из Санкт-Петербурга октября 8 дня 1727 году.

Отправлен октября ж с капитаном-порутчиком гвардии Федором Лавровым в Москву.

(Ф. 142.Он. 1. Д. 603. Л. 4. Отпуск)

№ 7

Письмо монахини Елены Петру II

Дражайший и любезнейший мой внук, император Петр Алексеевич, здравствуй и с сестрой своей царевной Натальей Алексеевной. Благодарна, светоч мой, за ваше ко мне писание... Наипаче желаю того, чтоб мне вас вскорости видеть. *Будет над вами милость Божия и мое благословение.*

Из Москвы. Октября 8 де[нь] 1727 году.

(Ф. 142. Оп.1. Д. 602. Л. 31)

№ 8

Письмо монахини Елены Петру II

Дорогой и любезнейший мой внук <...>.

А я еще жива; за приятнейшее твое ко мне письмо весьма благодарствую, чего и впредь прошу, дайте мне себя видеть и порадоватца вами, таким дорогими сокровищи. *Буди под вами милость Божия и мое благословение*, а я желаю вашей услуги, что мне вас видеть.

Из Москвы октября 9 дня 1727 году.

(Ф. 142. Оп.1. Д. 602. Л. 32)

Приложение 2

Дело антона девиера. Петр II и Меншиков

1. Дело Антона Девиера. 1727 год

1727 апреля в 28 де[нь] в 9 часу по полуночи по высокому Ея Императорского величества указу в Санкт Петербургскую крепость изволили прибыть господа министры: тайной действительной советник князь Голицын, генерал лейтенант Дмитриев-Мамонов, генерал лейтенант Княжево-Юсупов, генерал-маеор Волков, брегадир и обер-камендант Фаминцын.

И по заседании в той крепости в доме обер-комендантском господин тайной действительной советник и канцлер граф Головкин объявил указ за подписанием собственные Ея Императорского величества руки о следовании и розыске Антоном Девиером з двумя приложениями и письмо рейхсмаршала генерала фельдмаршала и ковалера светлейшего князя Меншикова.

И по выслушании того Ея Императорского величества указу учинена присяга следующим образом:

Я, нижеимянованной, обещаю всемогущему Богу, что мне по указу Ея Императорского величества, каков объявлен сего числа в порученном мне ныне деле поступать по совести, правдиво, никому не маня ниже посягая на кого. И то дело в крепкой тайности содержать, и об нем ни с кем нигде не разговаривать, и никаким образом никому не сообщать кроме самой Ея Императорского величества, и в протчем во всем так поступать, как честному и верному Ея Императорского величества служителю надлежит в чем. Да поможет мне Господь Бог всемогущий.

Апреля в 28 де[нь] 1727.

Канцлер князь Головкин

Князь Дмитрий Голицын

Иван Дмитриев-Мамонов

Князь Григорей Юсупов

Алексей Волков

Брегадир Фаминцын

Секретарь Максим Щеглов. Секретарь Григорей Тоглов. Маяя 3-го дня 727 году. Секретарь Иван Венюков. Маяя 3 дня 1727.

Указ тайному действительному советнику и канцлеру граф-Головкину, тайному действительному советнику князю Голицыну, генералу-лейтенанту Дмитриеву-Мамонову, генералу-лейтенанту Княжево-Юсупову, генералу-меору Волкову, бригадиру и обер-каменданту Фаминцыну.

Понеже Антон Дивиер явился подозрителен в прежних предерзостях, но и кроме того, во время нашей по воле Бога прежестоккой болезни многим грозил и напоминал з жестокостию, чтоб все его боялись, того ради вам повелеваем по приложенным при сем мемориям и в протчих его злых советах и намерениях им Девиером розыскивать и кого по тому делу при... следовать же и розыскивать и нам о всем репортовать обстоятельно.

Екатерина.

Понеже объявил нам их высочества государыни цесаревны, что сего месяца 16 числа во время нашей по воле Божией болезни параксизмус, все доброжелательные наши подданные были в великой печали, а Антон Девиер, будучи в то время в доме нашем, не токмо был в печали, но и веселился: 1)... Софью Карлусовну вертел вместо танцов и говорил ей — «не надобно плакать»; 2) в другой палате сам сел на кровать и посадил с собою его высочество великого князя и нечто ему на ухо шептал, в тот час государыня цесаревна Анна Петровна, в безмерной быв печали и стояв в той палате у стола плакала; и в такой печальный случай он, Девиер, не встав против ея высочества и не отдав должного рабского респекта, но из злой своей предерзости говорил ее высочеству, сидя на той кровати: «о чем печалися, выпей рюмку вина»; 3) когда выходили в тою полату государыня цесаревна Елисабет Петровна в печали и в слезах, и пред ея высочеством по рабской своей должности не встал и респекта не отдавал и смеялся он в некоторых персонах; 4) его высочество великий князь объявил, что он Девиер в то время посадил его высочество с собою на кровать, говорил ему: «поедем со мною в коляске, будет тебе лутче и воля, а матери твоей уже не быть живой», и притом ему высочеству напомнил, что его высочеству зговорил женится, а они за него будут волочится, а его высочество будет ревновать; 5) ея высочество великая княжна объявила, что в то время рейхсмаршал генерал-фельдмаршал светлейший князь Меншиков, видя ево Девиеровы такие злые поступки, ея высочеству говорил, чтоб они никого не слушали, но были б всегда при матушке с ним, светлейшим князем вместе, а о протчих ево Девиеровых в то время бывших злых поступках их высочества за такую тогда предельною печалию припомнить не могут, а были при том многие персоны, которые по присяжной своей должности и по совести, когда спрошены будут, объявят о всех ево Девиеровых непотребных словах и злых поступках, кто что видел

и слышал. А куды он Девиер его высочество великого князя хотел увести и что с ним делал и в какой силе вышеупомянутые злые слова говорил, и где и с кем и когда был в совете, и какое злое имел намерение, о всем может объявить при допросе и при розыске.

Екатерина.

Показания неизвестного лица

Понеже я неоднократно видал в таких случаях, когда Ея Императорское величество изволит от сна восстать, тогда Антон Девиер возьмет девушек и спрашивает обо всем, чего было ему делать не надлежало, и один раз я его в бани застал с некоторою девушкою, а с которою, он сам скажет, и говорил ему, зачем он в баню с девушкою запирается и что он с тою девушкою делает, то он меня просил, чтоб я Ея Императорскому величеству не доносил, и сказал мне, что он спрашивал все, что без его у Ея Императорского величества делается.

Письмо А. Д. Меншикова к Г. И. Головкину, сопровождающее вышеуказанные документы

Сиятельный граф, государственный канцлер, мой особый благодетель!

При сей прилагается Ея Императорского величества указ за собственною Ея величества рукою и пункты, по которым надлежит Антона Девиера допросить. Того ради ваше сиятельство дозволите собрать всех к тому определенных членов и тот Ея величества указ и пункты объявить, и чтоб все не вступая в дело присягали, дабы поступать правдиво и никому не ... и о том деле ни с кем нигде не разговаривать и не объявлять кроме Ея величества; и завтра по утру его допросить, и что он скажет, о том донести Ея Императорскому величеству, а розыску над ним не чинить. А ... учредить изволите в крепости и секретаря и канцеляристов взять хотя из гарнизонных, или кого изволите, понеже то дело и так продолжалось. В протчем остаюсь вашего сиятельства желательный и к службе ... Александр Меншиков.

Протокол допроса А. Девиера от 28 апреля 1727 года

И того ж числа по прочтении присяги вышеписанные господа министры и генералитет заседали; и по заседании вышереченный Антон Девиер по нижеписанным пунктам допрашиван.

Вопрос:

Сего апреля 16 числа во время по воли Божьей Ея Императорскому величеству жестокой болезни параксизмус все доброжелательные Ея Императорскому величеству подданные были в великой печали, а ты, в то время будучи в доме Ея Императорского величества, не токмо был в

печали, но и веселился чему?

Ответ:

Сего апреля 16 числа в бытность в доме Ея Императорского величества в покоях, где девицы едят, попросил он у лакея пить, а помнитца, зовут ево Алексеем, а он назвал ево Егором, и тому не один он, но и протчии разсмеялись.

Вопрос:

Плачущуюся Софью Карлусовну вертел ты вместо танцов и говорил ей — «не надобно плакать» — для чего?

Ответ:

Плачущуюся Софью Карлусовну вертел ли он вместо танцов или нет — не помнит, а такие слова, что «не надобно плакать», помнитца, говорил, утешая.

Вопрос:

В другой палате ты сам сел на кровать и посадил с собою его высочество великого князя и нечто ему на ухо шептал — что?

Ответ:

В палате при его высочестве великом князе на кровати сидел, на ухо с его высочеством смеялся вышеписанному ж смеху о лакее; а кроме вышеписанного чтоб к противности Ея Императорскому величеству не говорил.

Вопрос:

В тот час государыня цесаревна Анна Петровна в безмерной быв печали и стоя в той палате у стола плакала и в такой печальной случай ты, не встав против ея высочества и не отдав должного рабского респекта, но из злой своей предрзости, говорил ея высочеству, сидя на той кравате: «о чем печалился, выпей рюмку вина».

Ответ:

С великим князем между тем временем изволила государыня цесаревна в тое палату притти, и он хотел вставать, и она не ему одному, но и всем, которые в той палате были, вставать не приказала и изволила сесть кушать. И он говорил — полно государыня печалитца, пожалуй мне рюмку вина своево, и я выпью, понеже она государыня в тот час изволила сама кушать вино.

[Вопрос]:

Когда выходила в тою полату государыня цесаревна Елисабет Петровна в печали и слезах, и перед ея высочеством по рабской своей должности не вставал, и респекта не отдавал и смеялся он некоторым персонам, а для чего так учинил и о которых персонах?

[Ответ]:

Еосударыня цесаревна Елисабет Петровна в полату приходит неоднократно изволила, и он по должности своей решпект отдавал; и более вышеписанного смеху, как у него в первом пункте показано, не было; а о других персонах чтоб он о ком смеялся, того не помнит.

[Вопрос]:

Его высочество великий князь объявил, что ты в то время посадя его высочество с собою на кровать говорил ему: «поедем со мною в коляске, будет тебе лутче и воля, а матери твоей уже не быть живой». Куды ты ево высочество хотел везти и для чего, и чем лутчим ево обнадеживал?

[Ответ]:

В то время никогда как он с ево высочеством сидел на кровати, таких слов его высочеству — «поедем со мною в коляске, будет тебе лутче и воля, а матери твоей уже не быть живой» — не говаривал, а его высочество никуды в коляске везти не хотел, и ничем его высочество не обнадеживал, а ежели б он сие делал, то б не показано было с ним никакой милости.

[Вопрос]:

Притом его высочеству напоминал, что его высочество зговорил женитца, а вы за него будете волочитца, а его высочество будет ревновать, с какой притчины ты такие слова говорил?

[Ответ]:

При том его высочеству, что его высочество зговорил женитца, а он будет за него волочитца, а его высочество будет ревновать, таких слов не говаривал; а прежде того времени говаривал его высочеству часто, чтоб он изволил учиться, а как надел кавалерию, худо учится, а еще как зговорит женитца, станет ходить за невестою и будет ревновать, а учитца не станет, а более того не говаривал, а как он такие слова говорил, при том был учитель Зекин, а говорил он такие слова к его высочеству пользе, чтоб придать охоту к учению ево.

[Вопрос]:

При том же времени чинил ты и протчие злые поступки, о которых их высочества за такую их предельною печалию припомнить не могут, а могут доказать при том бывшие многие персоны.

[Ответ]:

При том же времени никогда никаких противных поступок и предерзостей, которые касались противу высокой чести к интересу Ея Императорского величества и высокой Ея величества фамилии и государству, он не чинил.

[Вопрос]:

Когда Ея Императорское величество изволила от сна восставать, тогда неоднократно ты брал девушек и спрашивал обо всем, чего было тебе делать не надлежало, ково ты спрашивал, о чем и для чего?

[Ответ]:

В таких случаях, когда Ея Императорское величество изволило от сна восставать, тогда девушек он о здравии Ея Императорского величества, как изволила почивать и встать, спрашивал, а о противных ни о каких делах их не спрашивал, и от них не выведывал.

[Вопрос]:

При том же один раз некоторая персона застала тебя в бане с некоторою девушкою, и говорил тебе, зачем ты в бане з девушкою запираешься и что с тою девушкою делаешь; и ты того персону просил, чтоб он Ея Императорскому величеству не доносил, и сказал ты той персоне, что ты спрашивал за все, что без тебя у Ея Императорского величества делаетца; скажи, о чем именно спрашивал и для чего?

Ответ:

Не доносил, просил ли и он тою персону, что он спрашивал ее все что без него у Ея Императорского величества делаетца, говорил ли того, не помнит, а случилось ему, что он з девушками и с мужеским полом в бане сиживал и разговаривал.

(Из черновиков показаний:

1727 года апреля 29 дня придворная девица Катерина объявила, что ее с Девиером в бани его светлость достал, а разговаривала с ним партикулярные собственные слова, а касающихся слов о обхождении при дворе он у ней не спрашивал, и она ему не сказывала; и между разговоров упоминалась она, что Ея Императорское величество против других ее не наградила, и ... времени о награждении просить, да его светлости объявила, что их поят, а в которые времена, на то не объявила: РЕАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 242. Л. 6.)

[Вопрос]:

Ты ж явился подозрителен и в других превеликих предерзостях, а особливо во время Ея Императорского величества престокой болезни многим грозил и напоминал з жестокостию, чтоб все тебя боялись: кому грозил и чем и для чего?

[Ответ]:

Во время Ея Императорского величества болезни он никому ничем не граживал, и никакою жестокостию, чтоб ево все боя лись, не напоминал.

[Вопрос]:

О вышеписанных всех прoderзостях кому ты сообщал и с кем

советывал, или от кого тебе какие советы и побуждения к тому были — надлежит тебе сказать самую правду, никого не тая.

[Ответ]:

Никому ни о чем не сообщал, и ни с кем не советывал, и он ни от кого советов и никакого побуждения не имел.

[Вопрос]:

Все ль ты сказал сущую правду и не утаил ли чего.

[Ответ]:

Да ... о котором он в первом пункте показывал, ... сказал: учинилось о том таким образом, что князь Никиту Трубецкого ... шута товарища его Егорки, а когда он Дивиер у меня попросил пить и назвал его Егоркой, и он Трубецкой на то слово оворотился к нему, где он сидел с великим князем, и тому как он так и прочие смеялись при том, и великой князь смеялся, и он его высочеству донес, «изволите видеть, что Трубецкой тово не любит», и шепнул его высочеству на ухо, что же он еще к тому ревнив.

А. Дивиер. <...>

Апреля в 28 де[нь], по окончании допроса Антона Дивиера, господина учрежденной суд ездил ко двору Ея Императорского величества и по тому допросу Ея Императорскому величеству докладывали таким образом, что он, Антон Дивиер в допросе своем сказал против допросных пунктов: 1. Которые слова не весьма важные, оные отчасти сказал он, что говорил, только противно какой разум, а о других сказал, говорил ли и было ли так или нет, того не помнит, а что и помнит, и то другим образом, а не так как в допросных писано. 2. А которые дела и слова важные, а особливо что принадлежат до великого князя как в 2-м пункте написано, сказал, что того весьма не чинил. Нежели де он сие делал, то б не показано было с ним никакова милосердия. И против того Ея Императорское величество изволила сказать: что Ея величеству о том его высочество великий князь сам доносил самую истину и Ея Императорское величество на том утверждаетца, и сама изволила его Антона присмотреть в его противных поступках; изволит знать многих, которые с ним сообщники были. И понеже оное все чинено от них было к великому возмущению, того ради изволила повелеть ему Антону Дивиэру объявить последнее, чтоб он по христианской присяжной должности объявил всех, которые с ним сообщники в известных причинах и делах и х кому он ездил и советывал и когда; понеже де надобно то собрание все сыскать и искоренить ради государственной пользы и тишины; а ежели де не объявит, то его опятать.

Канцлер граф Еоловкин

Князь Дмитрий Еолицын

Иван Дмитриев-Мамонов
Князь Еригорей Юсупов
Алексей Волков
Брегадир Фаминцын.

Апреля в 29 де[нь] в 9 часу по полуночи учрежденной суд собрался.

И при том от брегадира и обер-коменданта Фаминицына объявлен указ за собственною Ея Императорского величества рукою следующей:

Указ государственному канцлеру действительному советнику и кавалеру графу Еоловкину с товарищами:

Объявить Антону Девизру последнее по христианской и присяжной должности, чтоб он всех объявил, которые с ним сообщники в известных причинных делах, и х кому он ездил и советывал и когда, понеже сам я многих из них знаю; ежели же он всех не объявит, то следовать розыскам немедленно.

Апреля 28 де[нь] 1727 году.

Екатерина.

Письмо А. Д. Меншикова Г. И. Головкину о допросе по просьбе комиссии цесаревен об «алмазных вещах»

Сиятельный граф, государственный канцлер тайный действительный советник и присудствующие господа!

Просим ваши сиятельства и превосходительства, чтоб я доложил их высочествам государыням цесаревнам и его королевскому высочеству про алмазные вещи, и я о том их высочествам докладывал, и ... государыни цесаревны изволили сами объявить, что от него Дивиера о алмазах никаких слов не слышали...

Протокол допроса Дивиера

И того ж числа Антон Дивиер привезен в застенок и при дыбе ... расспрашиван: и говорил прежние свои речи, что он зла никакова к интересу Ея Императорского величества не умышлял и никаких сообщников у себя о злом каком умысле к интересу Ея Императорского величества и государству не имеет и ни х кому для советов о каком злом умысле не ездил и ни от кого о том такова злаго ... суждения не слышал.

А потом он Антон Дивиер пытан, а с пытки утверждался в прежних своих речах, что он зла никакова к интересу Ея Императорского величества и государства не умышлял <...>. Потом спрашиван, не ездил ли он куды для каких советов, и он Антон сказал, что ездил он дважды к Ивану Ивановичу Бутурлину и говорил с ним о свадьбе великого князя, а более того никуды не ездил.

Было ему двадцать пять ударов.

Присланной Ея Императорского величества указ ему Антону Дивиеру объявлен, чтоб он по христианской должности о всех объявил, которые с ним сообщники в известных причинных делах и к кому он ездил и советовал и когда.

И он Дивиер перед розыском сказал, что он ни о чем противной Ея Императорскому величеству <...> не говаривал <...> токмо де по приезде ево ис Курляндии спрашивал его королевское высочество, слышал ли он о зговоре великого князя; на что он ему сказал, что слышал; и против тово королевское высочество спросил: «Как де ты думаешь, не будет ли противно интересу Ея Императорского величества»; на что он его высочеству сказал, что и мне де кажется то ж, и о том же говорил с Иваном Ивановичем Бутурлиным, и положили о том доносить Ея Императорскому величеству, и на то искали времени, а с пытки пополнил, что прибежал он к Ивану Ивановичу Бутурлину дважды и говорили с ним о том же деле, а другова ничего с ним, ни с кем противного не говаривал.

По приказу Ея Императорского величества генерала и кавалера Бутурлина против вышеписанных спросить. <...>

Апреля 29 де[нь] генерал и кавалер господин Бутурлин сказал: по приезде ево из Москвы Антон Дивиер приезжал к нему по два раза и говорил: светлейший де князь сватует свою дочь за великого князя, как бы де то удержать, чтобы не было какой опасности высокому интересу Ея Императорского величества, а особливо де опасно того, когда светлейший князь с великим князем будет за одно, чтоб тое персону, которая в Шлютебурге,^[177] не взяли сюда; и Ея величества государыне императрице какой худобы не было. И чтоб для того как можно удерживали, и чтоб он, господин генерал Бутурлин, вкупе с адмиралом и графом ... шли к Ея Императорскому величеству и о том предлагали, на что он ему ответствовал, что всем вместе нельзя, а станет один говорить, когда будет время; при том же говорил королевскому высочеству зделалось было в генералиссимусы, да не знаю, как помешали, и не хуже б было для Ея Императорского величества, чтоб он был генералиссимусом, между тем же приезжал и в третий раз, токмо ничего не говорил и при нем были другие персоны.

Показания Дивиера от 30 мая

<...> Как он приехал ис Курляндии ... несколько времени изволил по него просить его королевского высочества графа Бондия, и велел его спросить, ведает ли он про сватовство великого князя? И он ему сказал, что он отчасти о том слышал, а правда ль то или нет, не ведает. И он граф Бондий сказал, чтоб он с его высочеством повидался, и после того спустя

несколько времени виделся с его высочеством в Зимнем ли дворце или в его доме, того не помнит, и его высочество стал ему о том же говорить, ведает ли он про то сватовство, и он ему сказал то ж, что и графу Бондию; потом он изволил говорить, хорошо ли то будет и будет ли интерес Ея Императорскому величеству в том, о том де надобно Ея Императорскому величеству донести по обстоятельствам.

Толстой де у меня был и сказывал мне, что де надобно государыне о том донести обо всем, какую де впредь осторожность Ея Императорскому величеству надлежит в том иметь, понеже де светлейший князь смел, у него де только в команде и Военная коллегия, а ежели то сделаетца, то времени может в силу притти, и тогда де попросит у Ея Императорского величества, чтоб из Шлютельбурха бывшую царицу взять; а она де старого обычая человек, может все переменить по старому; понеже она нраву гневного, к тому ж может быть захочет, чтоб обиду зделать Ея Императорскому величеству и детям ее. И о том де сказывал мне Толстой. И сам де я признавая, что нехорошо, что надобно о том сказать Ея величеству, как она изволит, чтоб ведала. Потом он Дивиер на то сказал, то де не худо, надобно знать государыне о том, и просил ево, как он время найдет, чтоб о том донес Ея величеству. И он ему сказал, как найду время, доложу Ея величеству, и стал его высочеству говорить, для чего он сам не доложит Ея величеству.

Его высочество сказал: «Я сказал жене, что дал Ея величеству знать, токмо изволила умолчать, потом положили, как случай кому будет доложить».

А. Дивиер:

После праздника Пасхи приезжал к нему Петр Андреевич Толстой после обеда [на] родины. И он перекрестился и сказал, что де тебе зделалось, что ты отроду у меня не бывал, и стал говорить, я де генерально проведал, что жена твоя родила и для того я приехал; потом стал говорить: «мне де крайняя нужда пришла тебя просить». И он ему сказал — о чем? И он Толстой говорил, сын де мой в предрезность впал, и государыня гневна. И он на то ему молвил, я де также слышал, что безделицу зделал; потом стал говорить, как де мне прити к государыне, милости просить, и он сказал, ты де знаешь время по утру или ввечеру, вели доложить о себе и попроси милости, притом просил ево, чтоб он ему в том поспособствовал, и он ему сказал, ежели он при том будет готов просить и после того стал ему говорить: «говорил ли тебе королевское высочество что-нибудь?» И он сказал, не что он мне говорил, и стал он Толстой ему Дивиеру говорить, видел ли он, что делаетца сватовство великого князя на дочери светлейшего

князя, и он Дивиер ему сказал: отчасти о том он ведает, токмо его светлость обходитца с великим князем ласково. Потом стал говорить, надобно де о том донестъ Ея величеству со обстоятельством, что впредь может статца. Светлейший князь и так велик в милости; ежели то зделаетца по воли Ея величества, не будет ли государыня после ис того какая противность, понеже тогда он захочет добра больше великому князю, к тому же он и так чести любив, потом зделает и может статца, что великого князя наследником и бабушку ево велит сюды привести; а она де правду особливаго жестокосердия, захочет выместить злобу. И дела, которые были блаженные памяти при государе опровергнуть; и для тово подобно Ея Императорскому величеству со обстоятельством доложить, как она о том соизволит, только бы о том известна была во всем, и хотя он сам донестъ, тако ж и ево просил, ежели он время сыщет, чтоб и он доложил; а мнитца то, чтоб Ея Императорское величество для своего интереса короновать изволила принсес цесаревну Елисавет Петровну и Анну Петровну или обеих вместе, и когда де так зделаетца, то Ея величеству благонадежнее будет, что дети ея родные; а потом как великий князь здесь научитца, тогда можно ево за море послать погулять и для обучения посмотреть другие государства, как и протчие европейские принцы посылаютца, чтоб между тем могла утвердитца здесь каранация их высочеству; также помнитца ему, что он Толстой ему говорил, что Иван Иванович Бутурлин о том ведает и хочет Ея величеству о том донестъ. А больше того ... с ним Толстым другия о чем слова, того не помнит, а как припомнит, объявит без утайки.

Потом Иван Иванович Бутурлин прислал к нему от себя во дворе человека, которого он в лицо знает, а имени и прозвания не знает <...> а когда <...> приехал, и стал ему говорить, был ли де у тебя Толстой? И он ему сказал, что был <...> Потом он Бутурлин ему сказал: я де о том знаю, надо бы Ея Императорскому величеству донестъ, и он Дивиер сказал, надобно донестъ, кому случай будет, только не хуже б что из них кому человеком двум или трем, при том же говорил з жалобою на светлейшего князя что отнял у него команду и хотел о том государыне доносить. <...>

Потом он Дивиер ему говорил: для чего они к Ея величеству не ходят, и он Иван Иванович сказал: нас де не пускают, и он ему сказал: напрасно де затеаете, сами ленитесь и не ходите, а говорите, что не пускают; при том же спрашивал ево о болезни Ея величества, что есть ли легче, и он ему сказал, слава Богу, кажется есть полехче. Однако де чаю, цесаревна Анна Петровна плачет, и он сказал: как де не плакать, матушка родная. И он Иван Иванович говорил: она де на отца походит и умна, и он Дивиер на то сказал, то правда, она и умильна собою ... и умна, а и государыня Елисавет

Петровна изрядная, только де сердитее; и говорил ему: ежели б де в моей воли было, я б желал, чтоб цесаревну Анну Петровну государыня изволила сделать наследницею, а Иван Иванович сказал, то б де не худо было, и я б де желал, ежели б государыне не было б противно. Також помнитца ему, что Иван Иванович хотел говорить о вышеписанном ... же и с адмиралом.

Также у него были разговоры раза два, три или четыре с Александром Антоновичем Нарышкиным о сватовстве великого князя, и он Нарышкин сказывал ему: я де о том говорил раза три и четыре его королевскому высочеству и государыне цесаревне, чтоб донести Ея величеству <...> дабы до того не допустить чтоб не ... светлейший князь; и он ему Нарышкину сказал, чтоб чаще говорил королевскому высочеству, и он ему сказал: я де и так часто говорю; также помнитца ему, что Нарышкин хотел о том же говорить Федору Матвеевичу.

О том же деле, а именно о сватанье, знает князь Иван Долгорукий, и говорил ему Антону неоднократно, чтоб до того сватовства не допустить, понеже светлейший князь силен, а потом и больше усилитца; я де говорил его королевскому высочеству и государыне цесаревне и еще буду говорить, чтоб Ея величеству донести <...> и сам де я его высочеству буду говорить, чтоб Ея величеству, и государыня цесаревна изволили говорить фелтмаршалку графу Сопеге, чтоб он о том же деле сам или через сына своего донес Ея Императорскому величеству.

На Святой неделе или после ездил он в одной коляске с Алексеем Васильевичем Макаровым к графу Сопеге и говорил с ним о том сватанье, а не помнит он Антон, зачал он или Макаров; и говорил он Макаров: светлейший же князь и паче усилитца, и так де он на нас сердит, а потом паче сердит будет.

Дивиер.

По окончании вышеписанного допроса Антон Дивиер в догонку сказал:

<...> Когда на Литейном дворе лили мартыры, тогда был он у графа Сопеги, и Григорей Скорняков-Писарев, подошед к нему, говорил: говорил ли тебе Петр Андреевич Толстой — надобно де того не проронить, и государыне донести, и он ему на то сказал: когда де время будет, тогда доложить Ея величеству; и сказал ему — поди от меня прочь.

Помнитца ему, что ... того дня как государыня больна была, изволил ему говорить королевское высочество: светлейший де князь на свою пользу что-нибудь сделает; а ежели, от чего Боже сохрани, государыни не станет, сожелею де того, что при себе ничего не изволила сделать, а не худо было б для всякого случая что-нибудь теперь изволила сделать.

В то же ж государынину болезнь за два дни или за день Иван Иванович Бутурлин говорил ему <...> будто сказывал ему Григорей Писарев: светлейший де князь что-нибудь сделал на свою пользу, велел де он привести к себе больных князь Дмитрия Михайловича и Остермана и цесарскаго посланника; недаром же он их к себе привез, зная что для своей пользы, и те слова сказывал он его королевскому высочеству.

Дивиер.

[Допрос Т. Скорнякова-Писарева]

Вопрос:

Антон Дивиер сказал на тебя, что говорил ты с ним о некоторых важных делах; о каких важных делах и где и в котором времени ты с ним говорил?

Ответ:

С Антоном Дивиером ни о каких важных делах нигде некоторое время не говаривал. А как были в доме у графа Сопеги, в то время говорил он Дивиер ему, чтоб донести Ея Императорскому величеству ныне, а после де времени не будет и вас не допустят, а про что доносить, того ему не сказал; и для чего времени не будет — не сказывал же, и он его не спрашивал, а х чему тот разговор и от кого он его ль Писарева сперва или от его Антона зачался, того не помнит для того, что был тогда шумен, а думал он, что де он есть о том, что за несколько дней пред тем сказывал ему Иван Иванович Бутурлин, что приезжал он Дивиер к нему и говорил ему, что де светлейший князь дочь свою прочит за великого князя, и говорил де он мне, чтоб о том донести Ея Императорскому величеству. И он Писарев ему Ивану Ивановичу говорил, надобно о том Ея Императорскому величеству донести. А более того <...> никаких противных слов против персоны Ея Императорского величества и государству не говаривал.

Вопрос:

Он же Дивиер роспросом показал, в государынину болезнь дня за два или за день Иван Иванович говорил ему, что ты ему сказывал: светлейший де князь что-нибудь сделал на свою пользу, велел де привезти к себе больных князь Дмитрия Михайловича и Остермана и цесарскаго посланника <...>?

Ответ:

С Иваном де Ивановичем дни за два ни за день болезни государыниной никогда таких слов <...> не говаривал, а имел с ним разговоры как государыня больна была <...>, такие что светлейший князь в день тезоименитства Ея Императорского величества приказал учинить фейверк бомбардирскою ротою, которого планы для опробации нарисовал

два-три на пример, с Васильем Корчминым. Принесли к светлейшему князю, и он взял и отдал полковнику Витверсу, и велел ему нарисовать своим манером, и как тот Витверс нарисованной план отдал светлейший князь Василью Корчмину, а он Писарев при том не был, и как он к Корчмину приехал, и он ему тот план показал, на котором плане нарисовано: столпы и на столбе корона, и к тому столбу привязана веревка с якорем и прикреплен тот якорь в землю, а при том столбе нарисован молодой человек с глобусом и цыркулем, а другою рукою держит за тот канат, которой привязан к столбу, при котором литеры <...> А в толковании написано: <...> показывает великий князь, у которого глобус и цыркуль в руке, то есть нынешняя информация, и другою рукою держит за канат для предбудущего подаяния. И он Писарев, увидя ту фигуру, спросил Василья Корчмина, кто при том был, и он ему сказал, что при том были, как светлейший князь ему тое фигуру отдавал, барон Остерман, Алексей Васильевич Макаров, генерал-маеор Волков. И от Писарева взяв ту фигуру, ездил к Алексею Васильевичу Макарову и ему показывал, и он ему велел ехать к светлейшему князю, и он приехал и его светлости тое фигуру показывал и предлагал, что та фигура не хороша, и дабы ее переменить. И он светлейший князь сказал, переменить ее невозможно, я де показывал ее государыне, и он Писарев ее светлость спросил то ли б той фигуре государыне объявляли, и он сказал, что не объявляли, вить де того толко писать я не велел и где де ты его взял? И он его светлости сказал, что он взял у Василья Корчмина. И его светлость послал по него Корчмина и спрашивал его, где он тот толк взял, и он ему сказал: я де тот толк взял у Витверя, и он Писарев при той его светлости говорил, что та фигура дурна, и бес толкования многие растолкуют, и светлейший князь велел им обоим ехать к барону Остерману и спросить, велит ли он тое фигуру переменить или той быть, и он Остерман сказал, как они ему с Корчминым растолковали, — и мне де кажетца нехороша. И они те слова сказали светлейшему князю и светлейший князь взял от них с Корчминым тое фигуру и велел нарисовать другую, которая нарисована и сожжена, и с того времени имел он подозрение, что светлейший князь тою фигурою являет наследником великого князя, а как услышал от Ивана Ивановича, что и дочь свою он прочит за него великого князя, то он говорил с Иваном Ивановичем, что мы все крест целовали государыне, и кого она изволит учинить наследником, тому и быть, и тужили о том, что государыня очень больна была, а более того не говорили.

[Из допроса А. Девиера]

Антон Дивиер мая в 2 де[нь] вдогонку сказал:

Когда говаривал с ним Иван Иванович Бутурлин о деле сватовства великого князя, как у него ... сего в допросе показано... и тогда оной Бутурлин упоминал, что светлейший князь будет велик, хотя б де по воле государыни императрицы тому быть, в том Ея величества воля; токмо де светлейший князь не думает того, чтоб князь Дмитрий Михайлович Голицын и брат ево князь Михаила Михайлович и князь Борис Иванович Куракин и их фамилия допустили ево, чтоб он властвовал над ними; напрасно де светлейший князь думает, что они ему друзья, и говорил тогда, когда б сие уже сделаетца, ему скажут де: «полно де, миленкой, и так ты нами властвовал, поди прочь». А ежели бы то учинилось по воли Ея величества, то б князь Борис Иванович тот час прикатится сюда. Правда, светлейший де князь не знает, с кем знаетца, хотя князь Дмитрий Михайлович ... льстит не думая, бы что он ему верен токмо для своего интересу, к тому ж говорил мог бы он от государыни пожалован быть, ежели б он просил, однако ж мне не надобно. И понеже давно служу, и при государе блаженные памяти показывал великую службу, когда была ссора у Его величества с сестрою царевною Софьею Алексеевною, и ныне служить готов, токмо б искать государственной пользы. И он Антон ему сказал, что очень то хорошева дела, и всем так надобно делать, и он Иван Иванович говорил, что де хорошева что — светлейший князь что хочет, то и делает, и меня де мужика старово обидел, команду отдал младшему, к тому ж и адъютанта отнял у меня; чего ради он так делает — знатно для своего интересу, а надеюсь де, что государыня о сем неизвестна, буду Ея величеству жаловатца; и ему стану говорить, откуда он такую власть взял, разве за то, что я много ему добра зделал, о чем он светлейший князь довольно ведает, а теперь забыто, так-та он знает, кто ему добро делает.

О Зейкине мнитца ему, что он знает о сватовстве великого князя, понеже господа Нарышкины зело его любят, и для того веритца ему, что Нарышкины как ему Зейкину сказывали, понеже он между протчими дискурсы спрашивал ево, правда ль то, что светлейший князь сватает дочь свою за великого князя, и тогда помнитца ему Антону, что он говорил, хорошо ли и то помятуецца, что сие говорено было во дворце, где кофе пьют.

А. Дивиер.

По указу Ея Императорского величества, присланному во учрежденный суд из сего маия 5 дня, велено по делу Антона Дивиера, в чем он Антон и протчие по тому делу приличившиеся до сего числа по следованию явились, учинить об них экстракты, и подписав из воинских и статских регламентов приличные артикулы и учиня сентенцию, доложить

Ея Императорскому величеству, кончая в б день сего месяца по утру; а буде кто еще из оных же, которые уже приличились следованием не окончано, и то за краткостию времени оставить, и ежели о некоторых тому ж делу вновь что показано, а они не допрашиваны, тех допрашивать впредь, и по тому Ея Императорского величества указу во учрежденном суде учинена следующая Сентенция:

Понеже по присланному во учрежденной суд Ея Императорского величества за подписанием собственные Ея величества рукою апреля 26 дня указу и по приложенным мемориям на Антона Дивиера показано, и как по ево так и прочих по тому делу приличившихся допросам и очным ставкам явились вины Антона Дивиера:

1. В указе Ея Императорского величества написано, что явился он Антон в превеликих предрозостях, но и кроме того во время Ея Императорского величества по воле Божией прежестоккой болезни многим грозил и напоминал з жестокостию, чтоб все ево боялись.

2. Объявили Ея Императорскому величеству их высочества государыни цесаревны, что апреля 16 числа во время Ея величества по воли Божией жестокой болезни параксизмуса все доброжелательные Их величества подданные были в превеликой печали; а оной Дивиер в то время будучи в доме Их величества, не токмо был в печали, но и веселился, и плачущую Софью Карлусовну вертел вместо танцов, и говорил ей «не надобно плакать».

3. В другой палате как он Дивиер сидел с великим князем на кровати, в тот час ея высочество государыня цесаревна Анна Петровна, в безмерной быв печали и стояв в той палате у стола, и плакала, и в такой печальной случай он Дивиер не встав ея высочества и не отдав должного рабского решпекта, но из злой своей предрозости ея высочеству говорил, сидя на той кровати: «о чем печалисса, выпей рюмку вина!»

4. Когда выходила в тое палату ея высочество государыня цесаревна Елисавет Петровна в печали и слезах, и пред ея высочеством по рабской своей должности не вставал и решпекта не отдал и смеялся о некоторых персонах.

5. Будучи в доме Ея Императорского величества, в палате, сам сел на кровать и посадил с собой великого князя и нечто ему на ухо шептал, о чем его высочество великий князь объявил, что он Дивиер, в то время посадя его высочество с собой на кровать, говорил ему: «Поедем со мною в коляске, будет де тебе лутче и воля, а матери де твоей уже не живой», и при том его высочеству напоминал, что его высочество зговорил женитца, а они за него будут волочитца, а его высочество будет ревновать.

6. Будучи в доме Ея Императорского величества, ездил в разные времена, а именно, к графу Петру Толстому, к генералу Ивану Бутурлину, к Александру Нарышкину, и в прочие дома, в которых будучи, разговор имел о сватанье его высочества великого князя на дочери светлейшего князя, и с помянутым графом Толстым, з генералом Бутурлиным, з Нарышкиным, з Григорьем Писаревым, с князь Иваном Долгоруким говорили, чтоб тому противитца, а не допускать.

7. Как у него Девиера был в доме помянутой граф Толстой, говорил ему Толстому: «Что де вы молчите, светлейший князь овладел всем Верховным Тайным советом — лутче б де было, коли б ево Девиера в Верховный Тайный совет определили».

8. Говорили генералу Бутурлину — ежели в ево Девиеровой воле было, он бы желал чтоб Ея Императорское величество изволила учинить ... государыню цесаревну Анну Петровну.

9. Будучи в доме Нарышкина, имел он разговоры о сватанье великого князя, и притом он Девиер оному Нарышкину сказывал, будто светлейший князь на него Нарышкина сердит, а ежели не зделаетца зговор великого князя, и государыня будет к нему милостивее, то и пуще будет сердит, и на него будет злобитца, и тем привел он ево Нарышкина к ево преступлению.

10. Он же Девиер сказывал князю Ивану Долгорукому, что во время самой жестокой болезни Ея Императорского величества рейхсмаршал и генерал-фельдмаршал светлейший князь, действительный тайный советник князь Дмитрий Голицын, действительный тайный советник барон Остерман, цесарской министр Рабутин бутто сочинили трактат или духовную для Ея Импера торского величества, по которой, чтоб быть наследником великому князю, а светлейшему князю регентом, о чем неоднократно подтверждал оному князю Долгорукому, чтоб о том донес его королевскому высочеству, а на очной ставке, будучи со оным Долгоруким, в том оной Девиер признался и сказал, что он о том ни от кого не слышал, а вымыслил то собой. И тако он Антон верность и должность свою к Ея Императорскому величеству и к его высочеству высокой фамилии весьма преступил.

Граф Петр Толстой.

1. Ездил к Антону Девиеру и имел разговоры о сватанье великого князя.

2. Без воли Ея Императорского величества желал и говорил, дабы быть наследницею ея высочеству государыни цесаревне Елисавет Петровне; а как великий князь научитца, тогда де можно ево в чюжие край послать погулять и для обучения, посмотреть другие государства, чтоб между тем

могла утвердитца государыня цесаревна в наследстве.

3. Он же говорил, ежели де бабка великого князя взята, станет мстить ему грубость ево к ней блаженные памяти государя императора, дела опровергать будет, да для того, что он Толстой по указу привез царевича Алексея Петровича из чужих краев в Россию, и при том деле был у розысков; того ради опасался, чтоб то дело ему не припамятовано было впредь.

4. Имел разговоры о наследстве з генералом Бутурлиным, з генералом лейтенантом Ушаковым, з генералом маэором Скорняковым-Писаревым, с Антоном Девиером, и в допросе сказал, что тот разговор начался еще с Богоявления дни прежде жестокой болезни Ея Императорского величества, и тако говорил он о том безо всякой законной причины; и понеже он член Тайного Верховного совета, то надлежало ему говорить с теми персонами, с которыми поведено б было от Ея Императорского величества, а не с такими, до которых сие не принадлежит, и о том он весьма противно поступил указом Ея Императорского величества о наследстве опубликованным и противу должности и присяги своей.

Генерал Бутурлин.

1. Антон Девиер неоднократно ему говорил о сватовстве великого князя, чтоб до того не допустить, и так светлейший князь силу великую имеет, а как великий князь будет силен, чтоб не привели из Шлютельбурха, надобно де вам всем доносить Ея Императорскому величеству. И такие непристойные слова от Антона принимал: Ея величеству когда придет в свое здравие улуча время доносить хоть ему ж, генералу Бутурлину; Антон Девиер сказывал, что от графа Толстова слышал, а имянно о сватанье великого князя. Надобно де о том донести Ея величеству с обстоятельством, что впредь может статца, что светлейший князь и так велик в милости, ежели то зделаетца, по воли Ея величества, не будет ли государыне после того какая противность, понеже де он светлейший князь тогда захочет добра больше великому князю, к тому ж он и так чести любит. Потом зделает и может статца, что великого князя наследником, и бабушку ево велит сюды привести. А она де нрава особого, жестокосердная, захочет выместить злобу, и дела, которые были блаженные памяти при государе, опровергнуть. И для того надо б Ея величеству о том донести с обстоятельством, а мнитца де ему то, чтоб Ея Императорское величество для своего интересу короновать изволила при себе цесаревну Елисавет Петровну и Анну Петровну или обеих вместе; а когда де так зделаетца, то Ея Императорскому величеству благонадежнее будет, что дети ее родные, а потом как великий князь научитца, тогда можно за море ево

послать погулять и для обучения посмотреть другие государства, как и прочие европейские принцы посылаютца; чтоб между тем могла утвердитца здесь каранация их высочеству, и хотя он генерал Бутурлин допросом своим показал, что такие слова Девиер ему сказывал, токмо таким образом он генерал Бутурлин не упомнит, и потому видно, что о тех делах ему генералу Бутурлину говорено, понеже и граф Толстой сказал, чтоб Ея Императорское величество изволила учинить наследницею дочь свою государыню цесаревну Елисавету Петровну, с ним генералом говаривал.

3. Он же Антон Девиер говорил ему генералу: ежели б де в моей воли было, то б он желал, чтоб Ея Императорское величество изволила зделать наследницею цесаревну Елисавет Петровну, и он генерал сказал ему, то б де хорошо, и он желал, ежели государыне не противно.

4. Он же генерал слышел от Еригорья Писарева, чтоб де Ея Императорское величество изволила учинить наследницею из государынь цесаревен которую изволит, а хотя б де и короновала.

5. Еоворил он с Еригорьем Писаревым, что светлейший князь дочь свою прочит за великого князя, и чтоб о том донести Ея Императорскому величеству.

Еригорей Писарев.

1. В бытность в доме у графа Сопеги говорил с Девиером, чтоб донести Ея Императорскому величеству о сватанье великого князя, а после де времени не будет, и вас не допустят.

2. Сказывал он Писарев генералу Бутурлину: ныне де светлейший князь зделал в свою пользу, велел привести к себе больных князя Еолицына, Остермана и цесарского посланника, и недаром де он светлейший князь их к себе привез, и знатно де для своей пользы; и в допросе в том заперся, а генерал Бутурлин сказал, что такие слова ему говорил.

3. Во время Ея Императорского величества болезни з генералом Бутурлиным и з графом Толстым и с генералом лейтенантом Ушаковым о наследстве говорил, и хотя имянно кому быть наследником не поминал, но ездил для тех разговоров по дворам.

4. В допросе сказал, о наследстве стали думать, услышав о болезни Ея Императорского величества, к тому ж придало ему Писареву и то, что феверомною фигурую светлейший князь являл наследником великого князя, и с той причины и мыслить стал и при том сказал, что той их стороне противно, и что о фигуре доносил он в надлежащем месте, и то хотя учинил о том порядочно, но то худо, что разглашал с противностию в

других местах, где не надлежало, и ведая, что уже та фигура была переменена.

Князь Иван Долгорукой.

1. Имел разговор и согласие неоднократно с Антоном Девиером и с протчими о сватовстве великого князя, чтоб до того не допустить.

2. Он же Долгорукой королевскому высочеству и государыне цесаревне говорил, чтоб их высочество изволили говорить фелтмаршалу графу Сопеге, дабы он сам или через сына своего донес о том сватовстве Ея Императорскому величеству, в чем он Долгорукой по допросу своему сам признался, чего было ему быв при дворе их высочеств чинить было не надлежало.

Александр Нарышкин.

Имел по многие времена с Антоном Девиером разговоры о сватанье великого князя, будто по какой причине, что на него светлейший князь сердит, и за то искал, чтоб то сватанье отвратить, и хотел Ея величеству донести, а не донес.

Генерал-лейтенант Ушаков.

В тот самый день как Ея Императорское величество зело была больна, слышел от генерал-мазора Скорнякова-Писарева, как он говорил о наследствии российского престола и о таких словах, которые кроме самой Ея Императорского величества ни от кого не надлежит; где надлежит — не доносил.

И понеже они знают все указы и регламенты, которые ... о таких важных делах, а наипаче о наследствии не токмо с кем советовать, но и самому с собою рассуждать и толковать и кольми же паче дерзать, определя наследника монархии по своей воле, кто кому угоден, а не по высокой воле Ея Императорского величества, и в том они весьма поступали противно блаженные памяти государя императора учиненному указом Ея Императорского величества 1726 года, подтвержденному регламенту о наследствии и изъяснению «Правды воли монаршей» в определении наследника державы своей, в которых указах и уставе и изъяснении напечатано имянно, дабы определение наследника было всегда в воле правительствующаго государя, кому оной похочет и определит наследство. И дабы все как духовные и мирския без изъятия оной устав пред Богом и ... утвердили, на таком основании, что всяк кто сему будет противен или инако как толковать станет, за изменника почтен, смертной казни и церковной клятве подлежать будет, також ежели кто услышит, что о наследии державы Ея Императорского величества кто будет противно вышепомянутому уставу из духовного и мирского главного правления

изъяснению и запрещению каким-нибудь образом рассуждать или толковать в разговоре или в компаниях, чтоб такая безо всякой опасности объявляли, которыми указами рассуждение о наследстве монархии Российской весьма от воли подданные Ея Императорского величества отнято под смертную казнию и церковного клятвою, а оставлено в единой воле монаршеской, яко же и в заглавии о правде воли монаршей, которая по вышепомянутому указу Ея Императорского величества вновь напечатана и опубликована и для всенародного ведения по церквам читаетца, напечатано о полной власти и в свободной воли родителя самодержавных во определении наследников своих. И по всему явно, что Их Императорских величеств избрание и определение их наследника в своей токмо свободной воле оставить изволили, того ради подданные Ея величества весьма не должны не токмо по своей воле кого представлять советом, или рассуждением, ниже о том мыслить; разве бы Ея Императорского величества по всемилостивейшему снисхождению сама кому о том комиссию дать или от кого совету требовать изволила. Инако же каждой, кто б на таковое дело отважился, мог нарушителем вышеписанных регламентов и указов и высокой воли Ея Императорского величества быть, как ныне от Антона Девиера, от графа Толстого, от генерала Бутурлина, от генерала маёра Писарева чинилось. Что же принадлежит до сватанья великого князя, и ежели то чинено и чинитца по высокой воле Ея Императорского величества и по желанию, то те персоны, которые тцилися домогаться не допускать до того, весьма погрешили, как против высокой воли Ея величества, так и в оскорблении его высочества великого князя. А не меньше того и в разговорах о таком важном деле, которое особливо высокой воле Ея Императорского величества принадлежит; понеже все вышеписанные злые умыслы и разговоры чинены были от них по их партикулярным страстям, а не по доброжелательству к Ея Императорскому величеству, хотя они допросами показывали, якобы то для интересу Ея величества чинитца, но то вымышлено у них только для прикрытия их партикулярной злобы, как по допросам их показано имянно. А особливо граф Толстой сказал, что боялся великого князя, а протчие сказали, что боялись светлейшего князя. И понеже ради такой своей собственной безопасности не удержались они от такова зла, которое впредь могло произойти к великой опасности Ея Императорского величества высокой фамилии и государству. Которое их злое намерение хотя помощью Божию и Ея Императорского величества счастием в самое действие ими не произошло, но по воинским артикулам такое зло, которое ко оскорблению величества чинитца равному наказанию подвержено, как в толковании на артикул девятой на десять напечатано, а

имянно: равное наказание чинитца над тем, которого преступление хотя к действию не приведено, но токмо ево воля и хотение к тому было. И понеже они чрез такие поступки верность и присяжную должность к Ея Императорскому величеству и его высочеству высокой фамилии и ко всему государству весьма оставили, того ради яко недоброжелательные Ея Императорского величества и его высочества высокой фамилии и всего общего добра, мира и тишины ненавидящие, наказаны быть имеют, а имянно:

Антон Девиера и графа Толстого, яко пущих в том преступников, казнить смертию;

Генерала Бутурлина лишить чинов и данных деревень и жить ему в ево дальних деревнях;

Генерала мазора Григорья Скорнякова-Писарева лишить чинов и чести и учиня ... послать в ссылку, а данные деревни и дворы у него взять;

Князя Ивана Долгорукова отлучить от двора и, унизя чином, написать в полевые полки;

Александра Нарышкина лишить чина и жить ему в деревне без выезду;

Андрея Ушакова, хотя таких слов от него и не было, но слыша от Писарева, не донес, где надлежит, и ради такова подозрения здесь ему не быть, а определить его к команде, куда надлежит.

А в протчем всеподданнейше предаем на высокославное милосердие Ея Императорского величества.

Маия 6 дня 1727 года.

Канцлер граф Головкин

Князь Дмитрий Голицын

Иван Дмитриев-Мамонов

Князь Григорей Юсупов

Алексей Волков

Брегадир Фаминцын.

Указ Суду

По учиненной сентенции над Антоном Девиером с товарищи указали мы учинить следующее: Антона Девиера и Толстова от смертной казни свободить, а лишить их чина и чести и данных деревень; и послать Антона Девиера в Сибирь, а Толстова в Соловецкой монастырь. Генерала Бутурлина, лиша чинов, послать в дальние ево деревни, а деревню у него не отнимать. Генерала мазора Скорнякова-Писарева, лишив чина и чести и учиня наказание бив кнутом, послать в ссылку, а данные деревни и дворы у него взять; князь Ивана Долгорукова отлучить от двора и, унизя чином,

написать в полевые полки; Александра Нарышкина лишить чина и жить ему в деревне без выезду; Андрея Ушакова определить в команде, куда надлежит.

Маия 6 дня 1727 году.

Екатерина.

[Из протокола суда от 6 мая 1727 года]

<...> Потом ... слушав вышеозначенной сентенции и подписав своими руками, ездили все собрание во дворец для доклада <...> Ея Императорскому величеству. <...> На что дан им Ея Императорского величества указ за подписанием собственные Ея Императорского величества руки.

<...> Да при том же присутствующие объявили Ея Императорского величества имянной указ, что Ея Императорское величество указала Антону Девиеру при сыске учинить наказание, бить кнутом, а Петра Толстова послать в ссылку и з сыном ево Иваном, тако ж у оных Девиера и Толстова данные им дворы на Ея Императорское величество взять так, как и деревни, и о вышеписанном о всем сочинить приговор.

(РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 159. Ч. 5. Л. 1 — 128 об.)

2. Дело о сочинении в Святейшем Синоде формы для ектении с именем первой невесты Петра II Марии Александровны Меншиковой. 1727, мая 27

№ 1

Ясновельможный господин,
Господин светлейший князь
Александр Данилович,
государственный генералиссимус
и военный кавалер,
особливый милостивый
и снисходительный патрон!

Изволил ваша светлость прислать нашему недостоинству о ектениях сочиненную форму, которую мы здесь чрез посланного от вашей светлости отъютанта господина Максимовича получа сего мая 26 числа в четвертом часу пополудни, и по моему мнению написано изрядно; обаче же по приказу вашей светлости посоветовав с другими, пришел до вашей светлости неукоснительно. По премногу благодарствую за присланной указ о дворе Щукина, понеже немалую имеем в том нужду; в протчем остаюсь

вашей светлости и всего дому вашего молитвенник.

Смиренный Георгий,
архиепископ Ростовский.

Мая 26 дня 1727-го

Санкт-Петербург

№ 2

Ясновельможный господин,
господин светлейший

Князь Александр Данилович <...>

Присланную от вашей светлости о ектениях форму обще с прочими Святейшаго Синода членами сего дня мы смотрели. И понеже в ней по воспоменовании Императорского величества и сестры и обручницы его оставя прочую Его величества фамилию, в среди не включены палата и воинство, которые ниже суть фамилии императорской. Того ради общим советом сочинили мы на приказ иную форму, которую и с вашей при сем посылаем для совершеннаго утверждения. Благоволите апробовать [и] нас уведомить, дабы по церквам и по епархиям разослать неукоснительно. < ... >

Маия 27 дня 1727 году.

№ 3

Форма церковному возношению Ектения первая литургии

О благочестивейшем Самодержавнейшем великом Государе нашем императоре Петре Алексеевиче Всеа России и о сестре его благочестивейшей государыне нашей Наталии Алексеевне и о обрученной Невесте Его благоверной государыне Марии Александровне Господу помолимся.

<...>

На многолетия при отпусе:

Многодетны, благочестивейшего и самодержавнейшего великого государя нашего императора Петра Алексеевича всеа России, сестру его Благочестивейшую государыню нашу Наталию Алексеевну, и обрученную Невесту его благоверную государыню Марию Александровну, и благочестивейшую государыню царевну Елисавет Петровну, и благородные царевны и великие княжны, Святейший Правительствующий Синод и прочая.

<...>

Печатано в Санктпетербургской типографии 1727 года июня

1 дня.

№ 4

[Архиепископ Георгий Ростовский — А. Д. Меншикову]

[Записка] Попремногу благодарствую Вашу светлость за указ о дворе, мне пожалованном; только того указа в Дворцовой канцелярии кому подать — того не сыщем; понеже главной их судия сказывают в походе, того ради покорно прошу оному судье тамо о том приказать, дабы поведенное исполнили без продолжения.

<...> Сего мая 28 дня письмо вашей светлости, в котором упомянуто о получении формы о ектениях, чтоб те формы печатать и разослать по епархиям и церквам, я получил, которое при собрании Синодальной мною и объявлено и оную форму в типографии печатать велено. <...> И ежели во оной что вашей светлости сумнительно, благоволите, государь, нас о том уведомить немедленно, дабы в печатании оных форм не учинить никакой остановки.<...>

Смиренный Георгий,
архиепископ Ростовский.
1727, мая 29. Санкт-Петербург

[Приписка] По снисходительной вашей светлости к нам милости указ о Щукине дворе в Главной дворцовой канцелярии господа секретари приняли, но токмо отдачи нам не учинили. О чем с покорностию прошу вашу светлость, чтоб оное по указу поведено было исполнить.

3. Письма А. Д. Меншикова Петру II

№ 1

Всемиловитейший император и государь!

Понеже от четыредесятилетней моей службы предкам Вашего величества и о бывших во все то время непрестанных воинских и протчих трудов по воле Божией пред сколькими годами мне приключившаяся и до сего времени продолжающаяся болезнь ныне в такое состояние меня привела, что мне единое только остается, чтоб душу мою поручать Содетелю Богу. А Вашему Императорскому величеству чрез сие последней мой долг отдать и при том всеподданнейше просить о следующем. Что Ваше Императорское величество по природному Вашему великодушию изволит всемиловитейшее памятовать, какое прилежание имел я о Вашем воспитании и произведении на престол Империи Российской, о том я не сомневаюсь, но от сердца соболезнаю, что предел Всевышняго не допускает меня намерения моего к подлежащему Вашему величеству услужению, которого Ваше нынешнее состояние требует в действие

произвестъ. Того ради не так прискорбно мне мое разлучение с Вашим величеством и с Вашею императорскою фамилиею и с моим сирым домом и со всем светом, как печально то, что вижу Ваше Императорское величество не в совершенных еще летех, хотя благость Божия Ваше величество благословила многими природными добродетелями, однакож достоинство императорское требует великой крепкой помощи и наставления, понеже промысл Божий, который возвел Вас на престол императорской, предуготовляет Вам равные подвиги, в каких прославил деда вашего блаженные памяти государя императора, особливо как Ваше Императорское величество сами изволите видеть, что восприяли Вы сию машину недостроенную, которая к совершенству своему многова прилежания и неусыпных трудов требует, и хотя я вижу, что Ваше Императорское величество по природному своему целомудрию всю свою склонность ко трудолюбию имеете, не упоминая о добродетелях, которые достоинство императорское изображают, понеже оные, Ваше величество, от Бога суть; однако ж как Ваше величество отчасти из генеральной истории известны, что все премудрые монархи в государственном управлении употребляли верных и добрых советников, а в своих отроческих летех искусных и премудрых учителей, и понеже Ваше величество кроме Письма Святаго из моего состояния видеть и памятовать можете, х какому концу приходит жизнь наша, и что по исходе отсюда ничто нас не предваряет, и не последует, кроме одних дел наших, с которыми нам пред величество Божие явитца подобает, того ради я по моей должности и по известной Вашему величеству к Вам и Вашей фамилии верности и истинному усердию, во-первых, всепокорно прошу, дабы Ваше величество так себя во всем управляли, чтоб все Ваши поступки и подвиги изобразовали достоинство императорское, и которыми б могли Вы на каждой день умножать к себе благодать Божию. И тако благословит вас Бог и здесь благополучного и долговременною державою; а потом и вечнаго сподобит царствия. Но до сего пути, всемилостивейший государь, инако дойти невозможно, как чрез учение и наставление, так чрез помощь верных советников. Того ради самим Богом Ваше величество прошу всемилостивейше исполнить сие мое последнее прошение, а имянно: Первое, пока изволите притти в совершенный возраст, чтоб изволили во всем поступать по совету [ея высочества государыни сестры вашей]^[178] и по завещанию блаженные памяти Ея Императорского величества всемилостивейшей государыни бабки вашей, быть послушным обергофмейстеру господину барону Остерману и господам министрам и ничего без их совету не чинить. Второе, Вашего величества собственной интерес и

польза всего государства того требуют, дабы были Вы государь правосудной, того ради весьма остерегатца Вам надлежит от таких персон, которые похотят Вам тайным образом наговаривать, что к противностям или на кого напрасно клеветать того ради, ежели кто таким образом что Вам доносить будет, тотчас извольте сказывать господам министрам, дабы такое зло престеречь, и Вам себя от таких персон в безопасность привести, понеже когда чрез такой поступок Ваше величество [во всем государстве] от подданных своих любовь к себе умножите, то себя от многих бедств, которые от того [претерпели] происходили и предки ваши претерпели, освободите. Сие Вам доношу по совести по горячности моей. Третье, паче всего прошу Вашего величества, дабы изволили беречь здравия Вашего, для того как везде, так и в протчих забавах, умеренно и осторожно поступать, понеже на здравии Вашем зависит благополучие всего отечества. Четвертое, а понеже Ваше величество сами известны, какое усердное попечение имел я о Вашем воспитании, в Вашем младенчестве и каким отчаянным образом служил Вашему величеству в восприятии престола российского, что Божиим благословением Вы и получили, того ради самим Богом прошу Вашего величества всеподданнейше, дабы изволили оные мои верные и Вашему величеству тако ж и прежние к предкам Вашим и ко всему государству службы иметь в Вашей памяти и содержать в милости оставшую по мне мою сирую фамилию, и при том милостивым быть к Вашей обрученной невесте, дочери моей, и по учиненному пред Богом обещанию в подобное время вступить с нею в законное супружество. И на их к Вашему величеству всеподданнейшие прошения милостиво призирать, в чем я несумненную имею надежду и во всем поручаю их по Бозе в превысокую милость Вашего величества, и как Ваше величество ко мне были милостивы, в той же милости и их содержать извольте. Я уже вскоре имею надежду предстать пред величество Божие, того ради наконец всепокорно прошу о милостивом прощении и желаю от всего сердца, да благословит Всевышний Ваше величество и Вашу императорскую фамилию милостивым благословением, да содержит Вас всегда в своей деснице, в которую и дух мой, а себя в Ваше всемилостивейшее воспоминание вручаю, и сердечною любовью целую Вашу императорскую дражайшую десницу.

Вашего императорского величества
всеподданнейший раб.

(РГАДА.Ф. 11. Д. 63. Л. 3–3 об.)

№ 2

Всемилоостивейший государь!

Всенижайше Ваше величество самим Богом прошу:

1. Изволите как в учении, так и в забавах и везде себя кротко содержать и сие все умеренно употреблять; и хотя надеюсь, что сие мое всенижайшее прошение Вашему величеству за противно покажется, однако ж впредь воспоследует к лутчему Вашего величества здравию и благополучию.

2. Поколе изволите вступить в совершенной возраст, изволите во всем поступать по велению блаженные и вечnodостойные памяти Ея Императорского величества вашей вселюбезной государыни бабки, и быть послушны обер-гофмейстеру его превосходительству господину барону Остерману, и их сиятельствам господам министрам.

3. Понеже иные персоны имеют Ваше величество тайно поговаривать, и тем могут склонить от доброго начинания в другую сторону, того ради ежели паче чаяния кто будет Вашему величеству что тайно доносить, то тогда без опущения времени изволите объявлять господам министрам, и без их совета ничего не делать; сие все Вашему величеству доношу по моей верности и горячности.

4. Понеже от слабости здравия моего имею опасность в жизни моей, того ради Ваше величество всенижайше слезно прошу, дабы изволили всемилостивейше иметь в Вашей памяти мое об Вашем величестве усердие и попечение во время вашего малолетства, и каким отчаянным образом служил я Вашему величеству в восприятии престола Российского; и за такие мои верные службы после меня жену мою и детей и дом мой изволите содержать в своей императорской превысочайшей милости.

5. Нареченную свою невесту, дочь мою, изволите милостиво призирать и в подобное время по данному своему пред Богом обещанию себе в супружество принять; в протчем во всем уповаю на превысочайшее Вашего величества ко мне и ко всему дому моему милосердие, что оной как при мне, так и после меня содержан будет в Вашей императорской неременной милости, и в том надеянии пад к стопам Вашего величества, мой нижайший отдаю поклон и остаюсь,

Вашего величества всенижайший верный раб.

Приложение 3

Описи гардероба, имущества и охотничьего хозяйства Петра II

№ 1

Опись личного имущества Петра II, составленная в 1766 году для пересылки из Московской Дворцовой конторы в Петербургскую

Молитвенник письменный — 1.

Книга о покаянии и исповеди — 1.

Хрисмологион о пророчестве Даниилове, письменная же — 1.

Евангелие с толкованием на французском диалекте — 2.

Литургия Иоанна Златоустаго на греческом и латынском диалектах —

1.

Новой Завет на тех же диалектах — 1.

4 пары колчанов, в том числе 3 пояса наборных луковых и стрельных, на них бляшек — кружков серебряных 101.

1 колчан желтой сафьянной простой.

Перевязь барабанщичья, обшита лентою голубою, крюк и пряшка, запряжник и наконечник серебряные.

Лядунка пороховая триковая синяя, накрывка и пояс наложены золотым позументом, пряшка и запряжник медные золоченые.

Сумочка сафьянная красная по зеленому бархату, шита золотом и пояс шитой же, пряшка серебряная.

Другая сумочка, шита по алому бархату, при ней тесьма шелковая зеленая, наконечники медные луженые.

Третья сумочка шита на красной коже и по зеленому бархату золотом.

Сумка кожаная черная, шита серебром, на ней 3 бляхи медные вызолоченные, пряшка и запряжник и наконечник медные позолочены, тесьма шелковая, тканая серебром, во оной сумке 3 фурмы железные, что пули лить.

Сумка с поясом, на котором пряшка серебряная.

Лядунка пистолетная, шита по зеленому бархату золотом, при ней тесьма шелковая, малиновая.

2 лядунки кожаные, 1 красная, а другая черная, наклеены одна по вишневому бархату с простыми красными и зелеными и черными камушками и 3 бурмицкими зернами, при ней тесьма золотая тканая с

варворкою, начищены зелеными камушками, другая наклеена по красному бархату з зелеными и красными камушками с мелким жемчугом, при ней тесьма плетеная золотая з двумя варворками и с кистями, начищена по концам с красными корольками и мелким жемчугом.

Ремень почтовой, обшит бархатом алым с тремя пряшками медными.

Пояс шелковой зеленой с пряшкой медною.

Натруска ящеровая обложена серебром без закладки, при ней тесьма зеленая шелковая.

Ножей охотничьих:

Нож и вилки булатные, черные яшмовые с оправою серебряною, ножны серебряные золоченые с камнем и снурком серебряным.

Нож булатной, черен яшмовой белой, с насечкой золотой, ножны кожаные с оправой серебряною с чернью, местами вызолочены.

Нож булатной, черен рыбей, с оправою серебряною, ножны оправлены серебром с чернью, местами вызолочены.

8 ножен ножевых разных калибров, оправлены серебром с чернью и вызолочены.

7 рогов охотничьих разных раковинных, в том числе у одного рога лента серебряная мерою 2 аршина с четвертью з золотом.

2 рога пороховые буйловые.

Рог буйловой круглой, обложен свех серебром чеканным.

Рожок черепаховой плоский, обложен серебром глатким.

Рожок буйловой плоской, обложен серебром.

Рожок пороховой простой, обложен медью и вызолочен, з двумя пряшками.

Рог пороховой же сайдачей, оправлен железом, посеребрен.

Рог охотничий белой костяной резной, обложен в 3 местах серебром и с кольцом серебряным, при нем тесьма вишневая шелковая, на концах начищена серебром.

Рог охотничий костяной белой гладкой, обложен в 3 местах серебром чеканным и вызолочен, кольцо серебряное и вызолочено.

Рожок пороховой роговой резной.

2 шишака с висюльками, в том числе один насечен золотом.

8 штук латных булатных с насечкою золотою.

2 панцырные булатные штуки с оправою серебряною.

2 пары нарукавников булатных, в том числе 1 с насечкою золотою.

1 пара перчаток булатных.

4 кольчуги булатных.

1 щит булатной с насечкою золотою на середине.

3 рубашки кольчужные.

8 латных разных штук.

1 седло старинное русское на луках, оправа медная вызолочена, с половинчетыми жемчюгами 68-ми зернами.

1 портрет государя императора Петра Великого, писан на желтом атласе.

1 портрет государыни императрицы Екатерины Алексеевны, сидящей в креслах, на обороте надпись, писан во Франции.

1 патент дацкаго короля князю Василью Долгорукову на квалерский орден Слона.

1 скипетр китайской серебряный и вызолоченной с финифтью, с разными каменьями.

1 ящик ореховой, в нем 10 чарок каменных, в середине обложены золотом.

2 стопочки яшмовые, в том числе одна резная на деревянном подносе.

1 скляночка яшмовая.

7 чарочек четверугольных и круглых яшмовых белых.

3 чарки яшмовые большие с ручками.

1 чарка яшмовая ж, резная с фигурами.

1 блюдечко яшмовое белое.

2 кувшинца яшмовые.

1 чарка яшмовая с ручкою в ящичке бумажном.

2 персоны яшмовые вместе. А чьи — неизвестно, в оправе предметальной вызолоченной.

12 штук ширм китайских с разными фигурами. И с личинками разными из дерева и костей новья.

2 модели полатные китайские лаковые. Внизу выдвигаемые ящички.

8 раковин больших и малых разных сортов.

1 раковина чешуйчатая на подносе китайском.

12 перстней золотых.

1 коробочка китайская в ней чернил 8 штук.

1 ящик дубовой. В нем 3 ящичка китайской работы с чернилами китайскими ж.

1 портшес. Внутри обшит бархатом, и выложен позументом, а подзор з бахромою золотою; и в 1762 году поправлен для Его Императорского величества государя цесаревича и великого князя.

13 китайских дощечек. Что называютца библии, вздвижными крышками и на крышках картины такая ж. *(Оные, от протчих вещей положе особо, прислать в Санкт-Петербург же.)* [Курсивом выделена

вставка 1760-х годов.]

1 библия китайская.

(РГАДА. Ф. 2139. Оп. 3. № 41451)

№ 2

Опись о гардеробе Его Императорского величества Петра Второго, платье и прочее

1. Пара платья, кафтан бархатной алой, травчет тисненой с парчевыми серебряными обшлагами, подбит штофом белым травчетым, с пергаментом и с обшивными пуговицами сереб-

ряными, ко оному кавтану и камзол серебряной парчевой з бахромою серебряною, с обшивными пуговицами, в спине подложен тавтою белою, ко оной же паре — штаны бархатные черные, с шлифами черными же и с прясками стальными черными.

2. Кафтан алой бархатной травчетой тисненой с обшлагами серебряными глазетовыми, камзол серебряной гласетовой, на кафтане и на камзоле подишпан обложен трацелем белым, а камзол подложен белою тафтою; штанов не имеетца.

3. Кафтан бархатной пунцовой, обшлага серебряные, парчевые, камзол той же парчи, на кавтане и на камзоле подишпан, пуговицы обшивные серебряные, кафтан подложен мором серебряным белым, камзол подложен свистуном белым; штанов не имеетца.

4. Кафтан бархатной малиновой, тисненой травчатой, обшлага парчевые малиновые, з золотыми травами, камзол той же парчи, на кафтане и на камзоле подишпан золотой, пуговицы обшивные золотые, кафтан подложен малиновым гарнитуром, а камзол свистуном белым; штанов не имеетца.

5. Кафтан бархатной черной, обшлага серебряные, петли с бургаментом и пуговицы обшивные серебряные, камзол той же парчи с бахромою серебряною, кафтан подложен мором серебряным, камзол свистуном белым, штаны черные бархатные з бургаментом и с пуговицы и с шлифами серебряными.

6. Кафтан бархатной черной, подложен тафтою черною.

7. Кафтан синей бархатной, с обшлагами алыми торцынелевыми, подложен торцынелем алым, ко оному кафтану камзол алой, торцынелевой, подложен белою тафтою, на кафтане и на камзоле подишпан и пуговицы обшивные серебряные, штаны синие бархатные шиты серебром, пуговицы обшивные и шлифы серебряные.

8. Кафтан парчевой, серебрен по алой земле, обшлага парчевые серебряные по зеленой земле, камзол той же парчи, пуговицы обшивные

серебряные, кафтан подложен бархатом зеленым, камзол — свистуном; штанов не имеетца.

9. Кафтан и камзол парчевые серебряные по зеленой земле, на камзоле бахрома серебряная с канителью, пуговицы обшивные серебряные, подложены гарнитурою белою, петли з бургаментом.

10. Кафтан, камзол и штаны аксамитовые, серебряные, сканья, на камзоле бахрома серебряная с канителью, на кафтане и на камзоле пуговиц не имеетца, петли с пургаментом, кафтан подложен мором серебряным, белый камзол гарнитуром белым.

11. Кафтан, камзол и штаны моровые жаркие и с пуговицами такими ж, кафтан подложен тафтою двоеличною, а камзол белою тафтою.

12. Кафтан и штаны грезетовые, шелковые малиновой з белым, петли з бургаментом и пуговицы обшивные, и шлифы серебряные, ко оному кафтану и камзол моровой серебряной, с алым шелком, пуговицы обшивныя серебряные, кафтан подложен пунцовою, а камзол белою тафтою.

13. Кафтан голубой суконной, обшлага гарнитуровые, камзол гарнитуровой малиновой, шиты серебром, пуговицы обшивныя серебряныя, кафтан и камзол подложены гарнитуром малиновым, штаны голубые, шиты серебром, пуговицы обшивные, и шлифы серебряные, в некоторых местах штаны поедены молью.

14. Кафтан и камзол алыя суконныя, вышиты серебром, со звездю кавалерскою подложены гарнитуром белым, пуговицы обшивные серебряные, штаны такая ж суконныя, и шиты серебром же, пуговицы обшивные, шлифы серебряные.

15. Звезда кавалерская серебряная белая.

16. Кафтан, камзол темнозеленой суконной, шиты серебром, пуговицы обшивные серебряные, подложены тафтою буравчатого зеленою, штаны зеленые суконныя ж, и шиты серебром же, пуговицы обшивные и шлифы серебряныя ж, в некоторых местах штаны поедены молью.

17. Кафтан, камзол и штаны суконныя темнозеленыя, кафтан со швецкими обшлагами и воротником, шиты золотом, пуговицы обшивные золотые, кафтан подложен тафтою булавчатого зеленою, а камзол тафтою булавчатого белою.

18. Кафтан и камзол суконныя зеленые, шиты золотом, пуговицы обшивные золотые, кафтан подложен тафтою зеленою булавчатого, штаны бархатныя черныя, на камзоле поедено в одном месте молью.

19. Кафтан и штаны из штофу шерстяного аглинского, рукава разрезныя, клапаны косые, петли с бургаментом, пуговицы обшивные, и

шлифы серебряные, кафтан подложен зеленою тафтою, ко оному кафтану камзол зеленой тафтяной, выкладен в узор прорезным позументом серебряным, пуговицы обшивные серебряные, подложен тафтою белою, на кафтане одна небольшая скважина, и пуговиц нет, а штаны ветхи.

20. Три пары строевых зеленых суконных з золотым позументом с медными пуговицами золочеными, в том числе 2 кафтана подложены тафтою зеленою, а третей бархатом зеленым. камзолы подложены тафтою белою, у одного кафтана пуговиц не имеетца, а штаны со шлифами золотыми, у одних штанов пряжек не имеетца <...>[Далее следует описание еще 16 подобных костюмов.]

37. Епанча холодная с рукавами, суконная, оное сукно с одну сторону красное, с другую голубое, полы подложены бархатом зеленым, пуговицы гарусные красные, изъедены молью.

38. Черная епанча круглая суконная изъедена молью.

39. Штаны драгетовые каришневые, с ыскрою, и с пуговицами такими ж, шлифы золотыя, пряжки пресметальные.

40. Штаны лосиные, с медными пуговицами.

41. Шлафорок штофной, по белой земле золотые травы, с цветами и широкими рукавами, подложен тафтою двулишневою.

42. Шлафорок штофной голубой с белым, с розрезными рукавами, с пуговицами обшивными, таким же штофом, подложены тафтою желтою.

43. Бешмет стеганой, на бумаге атласной красной, с травочками маленькими золотыми, по борту позумент золотой с шлифами золотыми и с кистями, подложен двулишневою тафтою, пуговицы обшивныя, золотыя.

44. Бешмет стеганой персицкой алой с травками, по борту позумент золотой с шлифами золотыми и с кистями, подложен двулишневою тафтою, пуговицы обшивныя, золотыя.

45. Бешмет стеганой алой атласной, по борту позумент и шлифы серебряные, с пуговицами обшивными серебряными, без подкладки.

46. Душегрейка атласная алая с рукавами, с завясками, ленточными, подложены голанским полотном, в некоторых местах от моли скважины. <...>.

48. Душегрейка пунцовая тарцынелевая без рукав, на бельем сибирском меху. <...>.

52. Картус суконной лаковой, с пуговицами серебряными обшивными, на рысьем меху, полы и козырь подложены бархатом малиновым, изъедены молью.

53. Шляпа пуховая, шита на обе стороны золотом.

54. Шляпа пуховая с подишпаном золотым и красным плюмажем.

55. Три шляпы пуховые ветхия с золотым позументом. <...>.
58. Шляпа пуховая с плюмажем белым.
59. Шляпа маскарадная пуховая з золотым позументом, ветхая. <...>.
61. Портупея шпажная оленья, шита золотом с пуговицами, пряшка пресметальная красная, подложена олениной.
62. Портупея кортишная оленья, шита серебром, подложена тафтою белую с крючком пресметальным белым.
63. Шпага, ефес серебрян, французской работы чеканной, крючок и наконечник серебряные ж вызолочены.
64. Трость заморская с набалдашником золотым, темлячок плетен золотой с кисточками с канительными ветхой.
65. Трость черепаховая без набалдашника. <...>.
67. Пара рукавиц бархатные черные на лисьем меху, мех поеден молью.
68. Пара рукавиц оленьих, с обшлагами, на бобровом меху, мех поеден молью.
69. 2 пары перчаток костровых, изъедены молью.
70. 21 пара перчаток лайковых белых, 2 сорочки галанского полотна мужские, 14 полотенец простова полотна, 3 пары галанского полотна.
- 71.5 пар рукавиц козловых черных, с варгами шерстяными, варги по краям обшиты тафтою разными цветами. <...>.
73. Щиблеты драгетовые серые с пуговицами такими ж, подложены белой холстиной, изъедены молью.
74. 7 пар чулок разных цветов шелковая, стрелки серебряные и золотые. <...>[Далее следует описание 32 пар чулок — шелковых, бумажных оленьих и др.].
82. Рожок роговой, обложен свинцом.
83. 2 лапиры ломаные.
84. 2 шишака бархатные стеганые, один малиновой, другой зеленой з бляхами железными.
85. Шишак атласной красной стеганой шит серебром и золотом.
86. Пара пистолетов старинные з бляшечками серебряными, на которых пяти бляшечек нет.
87. Две ложки от винтовок изломанные, с одним замком, з бляшечками серебряными.
88. Стремена медные.
89. Узда тканая шелковая з бляхами железными и медными, вызолоченными бес поводов.
90. Пахви такие ж с такими ж бляхами.

Капитан Иван Гурьев.

(РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 41433. Л. 24—32)

№ 3

Перечень охотничьего штата и хозяйства Петра II (30 марта 1730 года)

При охоте Его Императорского величества егермейстер Михайло Селиванов в ранге полковничьем, жалованья ему в год 518 рублей 55 копеек.

Егери: Яков Иванов — 110 рублей; Константин Петров, Илья Дмитриев, Федор Степанов, Исай Арманов — по 90 рублей.

Валторнисты: Лукьян Григорьев, Федор Савин — по 90 рублей.

Курляндских егерей: Иоан Петр Баер, Иахим Генрик Фик — по 120 рублей.

Доезжачей: Ганс Андреян Гебгарт — 80 рублей.

За псаря Андрей Рыкунов [12 руб., 10 четвертей муки, 1 четверть крупы, 6 пуд масла, 1 пуд соли].^[179]

Охотники: *[далее список]* итого: 31 человек [по 12 или 10 руб., 10 четв. муки, 1 четв. круп, 6 пудов мяса, 1 пуд соли]. Оным надлежит мундир на каждой год сукна зеленого с подбоем стомедным, да другой для полевой осенней езды из сермяжных сукон.

Наварщики: *[список]* итого 7 человек [по 6 руб., 10 четв. муки, 1 четв. круп, 6 пудов мяса, 1 пуд соли]. Оным мундир надлежит ис сермяжных сукон.

Птичей охоты:

Орловщик: Костентин Юрьев, мундир ему против охотников [по 15 руб., 15 четв. муки, 1 четв. круп, 6 пудов мяса, 1 пуд соли].

Кречетники: *[список]* итого 15 человек [по 10 руб., 10 четв. муки, 1 четв. крупы, 1 пуд соли], мундир им против охотников.

Сокольники: *[список]* итого 15 человек [жалованье и мундир такие же].

Помытчик Иван Ильин, сторож Степан Федоров [по 8 руб., 10 четвертей муки, 4 четверти круп, 6 пудов мяса, 1 пуд соли].

Кузнец Семен Корнев [жалованье как у охотников]. Оным надлежит мундир ис сермяжных сукон.

Конюхи: *[список]* итого 6 человек [по 6 руб., 6 четвертей муки, 3 пуда масла, 1 пуд соли, мундир такой же].

Коновал Яган Юрьев, 100 рублей.

Столяр, плотник.

К верблюдам 4 человека *[список]*.

Каблучешник [по 5 руб., остальное как конюхам].

Колоколешник [то же].

Итого при охоте:

Егермейстер 1.

разных чинов егерей и охотников 13 человек, а жалованья им в год денежного 2545 рублей 55 копеек, хлеба муки 998 четвертей, круп 99 четвертей, мяса 590 пудов, соли 107 пудов.

Ведение, коликое число при охоте Его Императорского величества надлежит содержать лошадей и протчих припасов

Птицам на корм в день мяса говяжьего по пуду, собакам по два пуда, итого по 3 пуда в день отправлять мясом, а когда в поход — давать деньгами по московской цене.

Борзым и гончим собакам на корм на 9 месяцев овсяной муки 2000 четвертей, отправлять мукою.

Для кормления собак борзых и гончих соли в год по 40 пудов.

Егерям и охотникам кречетникам, сокольникам, ястребникам и фурман вотчикам, которые будут у верблюдов, вместо фуражу за овес и за сено отправлять деньгами от Елавной дворцовой канцелярии по их веденью, сколько имеетца быть в походе.

А которые останутца в Измайлове лошади, и им выдавать сеном овсом натурою.

Да для походов 12 верблюдов, оным фуражу овса каждому верблюду по 2 четверика на месяц, итого на 7 месяцев овса 21 четверть.

Им же соли каждому верблюду на месяц по полупуду, а в год по 6 пуд <...>.

Сена каждому верблюду на месяц по 22 пуда, по 20 фунтов.

Оленям и сайгам, зубрам и кабанам муки аржаной, ячменю, овса, по требованию, понеже оному хлебу числа положить невозможно, потому что сколько зверей прибудет, ведения о том не имеетца.

Для походу 8 фурманов с колесы окованными и с кровлями

<...>

Охотникам, сокольникам, кречетникам, ястребникам 12 полоток солдатских.

Птицам и собакам борзым и гончим два намета простые, чтоб поведено было выдать полоткам и намет, а не деньгами.

50 саней обшивных с оглобли з дугами, с вожжами <...>.

3 телеги простых с колесами <...>.

Охотникам и протчим служителям седел в 2 года 91 седло с войлоки и с крышки <...>.

На разные припасы денег в год 500 рублей, а имянно:

К охоте на делание рогов медных и на пайку серебра и на починку волчьих и рысьих и заячьих тенет веревок и ниток на подковку охотничьих и фурманских лошадей и окованья колес железа и уголья.

Птицам на каблучки яловичные, на обножи олени, на долгики сыромятные, на рукавицы лосиные, кожи на ушки к каблучкам, сафьянов, на колокольцы птицам же меди и на пайку серебра вервей в споровче полковых тулумбас, на ловлю птиц и на починку оных сетей ниток.

Для починки шор кож яловичных и сыромятных.

Для починки всяких штупоров и полотничной всякой инструмент и на делание рогатин медвежьих железа и стали.

На делание гончим собакам железных смычков и ремней из сыромятных кож.

Для мази фурманов дехть и на лекарство больных собак.

На делание верблюжьих 12 седел войлока, холста, веревок.

Охотничьим лошадям на лекарство и на починку полаток.

Таков подлинной штат, подписан собственной Его Императорского величества рукою тако: «По сему быть. Петр».

Михаила Селиванов.

Ведение, что ныне имеетца птиц, зверей, лошадей и верблюдов

Кречетов — 44.

Кречатых чеглоков — 12.

Соколов — 4.

Соколий чеглик — 1.

Ястребов — 4.

Болобанов — 2.

Орлов — 5.

Итого — 72.

Лошадей — 174.

Верблюдов — 16.

В зверинце зверей:

Лосей — 3.

Оленей серых — 44.

Оленей белых олонекских — 19.

Зубрей — 7.

Коз — 25.

Кабанов — 9.

Дикообразов — 4.

Итого — 111.

Во остатках собак:

- Князю Алексею Григорьевичю — 50, французских — 8.
- Князю Михайлу Михайловичю — 12.
- Князю Михайлу Михайловичю младшему — 4.
- Князю Алексею Дмитриевичю — 4.
- Михаилу Афанасьевичю Матюшкину — 2.
- Князь Владимиру Петровичу Долгорукому — 3.
- Князь Якову Долгорукову — 7.
- Степану Лопухину — 3.
- Василью Волынскому — 16.
- Борису Неронову — 3.
- Ивану Кокошкину — 6.
- Итого 124. В остатке гончих русских 12, французских — 42.

Борзые:

- Князю Михайлу Михайловичю — 3.
- Князю Михайлу Михайловичю младшему — 2.
- Князь Алексею Григорьевичю — 6.
- Князь Ивану Андреевичю — 2.
- Князь Николаю Алексеевичю — 1.
- Князь Алексею Дмитриевичю — 2.
- Михаиле Афанасьевичю Матюшкину — 2.
- Князь Якову Долгорукову — 6.
- Василью Федоровичу Салтыкову — 1.
- Семену Лопухину — 2.
- Князь Александру Долгорукому — 2.
- Борису Неронову — 2.
- Ивану Колычеву — 4.
- Василью Волынскому — 5.
- Егору Николаеву — 1.
- Володимеру Шереметеву — 1.
- Александру Колычеву — 1.
- Никите Павлову — 2.
- Итого — 47.

В остатках борзых егермейстерских — 3.

Ведение, коликое число при птичей охоте имеетца:

- Тулумбасов, а имянно: серебряных — 2, медных позолоченых — 3.
- Староманерных кафтанов прежних сокольников — 11.
- Да ис старого Семеновского прислано рогатин — 7.
- Нагубников медвежьих медных — 4.

А ныне налицо имеетца при охоте:

Фузей — 7.

Стуцеров — 2.

3 пары пистолетов.

Рогатин — 2.

Марта 23, 1730 года. Егермейстер Селиверстов.

(РГАДА. Ф. 1239.Он. 3. № 35641)

Приложение 4

Мемуары, письма, донесения послов

1. Донесения английских дипломатических представителей в России Т. Уорда и К. Рондо министру иностранных дел лорду Таундсенду (1728–1730)^[180]

1728 г., августа 7.

<...> Царевна эта (Наталья Алексеевна) в начале правления своего брата имела при дворе большое значение, как любимица государева, но она взяла на себя слишком много, стараясь удержать брата от беспорядочной жизни. Нежные упреки ее показались императору тягостными, и она потеряла значительную долю своего влияния на него.

Теперь в большом почете царевна Елизавета Петровна, сестра покойной герцогини голштинской. Она очень красива и, кажется, любит все, что государю по нраву: танцы и охоту. Охота — господствующая страсть царя (о некоторых других страстях его упоминать неудобно). Пока Елизавета Петровна, по-видимому, в государственные дела не мешается, вполне отдаваясь веселью, всюду неотлучно следуя за молодым государем.

Но особенно расположением Его величества в настоящее время пользуется князь Долгорукий, молодой человек лет двадцати. С ним государь проводит дни и ночи, он единственный неизменный участник всех — очень частых — разгульных походов императора. Вы легко поймете, что таким образом Долгорукие теперь влиятельнее Еолицыных (между этими родами всегда был разлад), хотя и Еолицыны пока хорошо поставлены при дворе.

Его величество море не любит, поэтому мало вероятия, чтобы он вернулся в Петербург. Если так, великие замыслы его деда вскоре обратятся в ничто. Уже работы в Кроншлоте почти прекратились; они, по крайней мере, ведутся очень лениво.

В Кроншлоте снаряжаются три небольших фрегата для перевозки из Киля тела усопшей герцогини голштинской. Его привезут сюда, и, по слухам, государь с царевной Елизаветой Петровной приедут из Москвы, чтобы присутствовать при похоронах.

Барон Остерман, благодаря своей лицемерной скромности и болезненности, пока в большой милости. Говорят, будто царевны Наталья

Алексеевна и Елизавета Петровна очень расположены к нему. Все, кого я здесь ни видал, высокого мнения о его способностях. О том, насколько такое мнение справедливо, вы всего лучше можете судить по тому, как он держится. Барон страдает частыми припадками рвоты, которые, полагают, сведут его в могилу. Но многие думают, что болезнь является у него по требованию: когда в Совете разбирается какое-нибудь щекотливое дело, барон уверен в ее услугах.

Герцог де Лириа вполне предан удовольствиям, потому трудно предположить, чтобы он вел большие дела, разве подле него есть незаметный делец.

Граф Вратислав подчиняется барону Остерману. О чем он ведет переговоры — мне еще узнать не удалось. Все иностранные уполномоченные, все учреждения теперь с дворами в Москве, и ничего разведать нельзя, кроме того, что слышишь от лиц ничего или почти ничего не знающих.

<...> Передать грамоты с выражением соболезнования поручено Бибикову, который прежде, когда Ягужинский был генерал-прокурором, исполнял обязанности его помощника. Они должны выехать на днях.

Здесь втайне повторяют слухи, будто Его величество в Москве заболел. Болезнь эта, вероятно, является последствием беспорядочной жизни, которой молодой монарх, по-видимому, предается со всем пылом юности и бесконтрольной власти.

Остаюсь и проч.

...

Томас Уорд.

С.-Петербург, 26 августа 1728 г. (6 сентября н. ст.).

С тех пор Его Царское величество издал в Москве приказ, под страхом смертной казни воспрещающий русским подданным и иностранным купцам отправлять оттуда какие бы то ни было о нем известия, воспрещающий сообщать хотя бы даже о том, пребывает ли он в Москве или выехал из нее. Из этого вы усмотрите, насколько нам трудно узнать что-нибудь о событиях в этом городе. Однако, насколько удастся судить из частных разговоров с лицами, приезжающими оттуда, все утверждают, что настоящее местопребывание государю по сердцу, что пока возвращение его сюда вряд ли ожидать возможно. Напротив, недавно, когда барон Остерман попробовал было склонить его к возвращению в Петербург, Его величество отвечал: «что мне делать в местности, где кроме болот да воды ничего не видать».

Царевна Наталья Алексеевна была очень больна в Москве. Она теряла

фунта по два крови в день. Двое из ее врачей впали в немилость за то, что прописали лекарство, которое третий нашел для нее непригодным. Впрочем теперь она, слышно, поправляется. Говорят также о назначении петербургским губернатором одного из Долгоруких на место графа Миниха.

Шведский посланник в Москве, барон Цедеркрейц, отменил сделанное было распоряжение о высылке ему отсюда разных вещей, из чего заключаю, что он вскоре прибудет в Петербург на возвратном пути в Стокгольм. Он был в числе приглашенных к царю после коронации, но Его величество не допустил его поцеловать свою руку, хотя герцог де Лириа и многие другие представители иностранных дворов перед ним удостоились этой чести. Барон до того оскорбился, что немедленно вышел из царских покоев.

Сентября 11 дня 1728 г.

<...> Ходят слухи, будто Его величество вскоре отправится на охоту к Смоленску и пробудет там месяца два. Сюда из Москвы прибыла графиня Салтыкова. Она выходит замуж за здешнего губернатора, графа Миниха. Это вдова графа Салтыкова, бывшего царского представителя при многих иностранных дворах, — женщина очень умная, большая любимица царевны Елизаветы Петровны, при которой состояла воспитательницей. Если мне удастся познакомиться с ней, надеюсь узнать от нее, как теперь стоит при дворе барон Остерман и какими путями он держится. Это — полагать надо — ему очень не легко, так как Его величество крайне непостоянен в своих склонностях: сегодня хочет одного, завтра — совсем противоположного, что крайне неудобно для его министров, лишенных возможности держаться какой бы то ни было определенной системы.

Сюда из Москвы на днях прислан указ возвратить прежним собственникам (или наследникам их) имущества, отобранные у них за участие в заговоре царевича. Этот указ очень тяжело отзовется на нескольких знатных семьях, получивших упомянутое имущество. Особенно пострадают получившие участки в этом городе <...>.

Сентября 19 дня 1728 г.

<...> Правительство не в состоянии обеспечивать свои войска, [\[181\]](#) и провиант для них приходится отправлять из Астрахани и Казани, что, ввиду дальнего расстояния, чрезвычайно затруднительно. Барон уверяет, будто Россия с удовольствием откажется от этих завоеваний, если возможно будет уступить их с честью.

Всеми делами занимается исключительно барон Остерман, и он сумел сделать себя настолько необходимым, что без него русский двор не может

ступить и шагу. Когда ему не угодно явиться в заседание Совета, он сказывается больным, а раз барона Остермана нет — оба Долгорукие, адмирал Апраксин, граф Еоловкин и князь Еолицын в затруднении: они посидят немного, выпьют по стаканчику и принуждены разойтись. Затем ухаживают за бароном, чтобы разогнать дурное расположение его духа, и он таким образом заставляя их соглашаться с собою во всем, что пожелает. Полагают, однако, что это так продолжаться не будет: некоторые замечают, что недаром барон Шафиров — человек даровитый — возвращен из ссылки (хотя под условием не вмешиваться в дела государственные). Он же, вследствие замужества одной из своих дочерей, сродни Долгоруким и часто видится с молодым князем, любимцем государя. Такие частые свидания, полагают, происходят недаром. Тут де не без того, чтобы Шафиров не подумывал о свержении барона Остермана, которого царь, пожалуй, и ценит, но с которым чувствует себя связанным, видя в нем что-то вроде наставника, а такие отношения юным монархам не всегда по сердцу.

Ваше превосходительство не можете себе представить, как здесь жалуются на ход дел. Никакой определенной системы управления нет, никаких жалоб не слушают, потому очень многие разоряются. Царь думает исключительно о развлечениях и охоте, а сановники — о том, как бы сгубить один другого. Граф Вратислав убедил было министров устроить под Москвой лагерь на 10 000 человек, дабы Его величество обучался военному делу. Совет графа им понравился, но заботы о содержании такого лагеря заставили их переменить решение. Другие прибавляют, будто устройство лагеря не состоялось ввиду жалкого состояния солдатских мундиров, которые показать совестно. Как, однако, ни разорена Россия, она пока еще в состоянии защищаться против соседей. «Пусть, — проговорился однажды Ягужинский в нетрезвом виде барону Цедеркрейцу, — шведы потерпят еще года два-три, тогда они, пожалуй, в состоянии будут снова напасть на Россию, а пока, напади они — проиграют».

С.-Петербург, 23 ноября 1728 г.

<...> Меня уверяли, будто любимец царский, молодой князь Долгорукий, впал в немилость и государь уже несколько дней не допускает его к себе. Рассказывают, будто царевна Наталья Алексеевна (страдающая чахоткой) нашла, с помощью барона Остермана, возможность удалить этого молодого человека. Царевна в самых горячих выражениях представила брату дурные последствия, которых следует ожидать и для него самого, и для всего народа русского, если он и впредь будет следовать советам молодого Долгорукого, поддерживающего и затевающего всякого

рода разврат. Она прибавила, что и больна от горя, которое испытывает, видя, как Его величество, пренебрегая делом, отдается разгулу. По какому расчету барон поддерживает эти нравоучения царевны, я узнать не мог, но меня уверяли, что со времени удаления Долгорукого он самовластнее, чем когда-нибудь. Состоя в милости, молодой князь посвящен был во все государственные тайны, которые, вероятно, и сообщал отцу и дяде. Они же в свою очередь все передавали Шафирову. Теперь же барон не обязан говорить ни о чем, кроме того, что считает нужным высказать. Удаление молодого Долгорукого вызовет гибель всего именитого рода Долгоруковых и возвысит Голицыных <...>.

1729 г., апреля 28.

Царь выехал отсюда в прошлую пятницу в небольшое, ему лично принадлежащее село Коломенское, расположенное в пяти милях от Москвы. Завтра же предполагал проследовать далее в Ростов, Ярославль и Вологду. Думают, что он не возвратится до конца июня. Единственная цель этой поездки — охота. Его величеству сопутствуют очень немногие лица и притом никто из министров. Зато с ним едет его любимец Долгорукий, который состоит при нем как бы главным образом для развлечения.

Ваше превосходительство со следующей почтой (или почтою позже) получите письмо, посвященное характеристике русского двора.

1729 г., августа 1.

<...> Здесь ничего или почти ничего достойного внимания не происходит. Генерал Миних выехал отсюда прошлое воскресенье для осмотра и приведения в порядок укреплений Выборга и Кексгольма, чтобы защитить их от всякой опасности со стороны Швеции, так поздно признавшей за царем титул императора.

Из Москвы пришло приказание окончить постройки, возведение которых решено было при покойном царе. Это дало многим повод предположить, не намерен ли двор перебраться сюда, но я не разделяю их мнения и полагаю, что, издав такое приказание, министры желают только оградить себя на случай, если бы со временем стали доискиваться, почему указы покойного государя остались без исполнения во время несовершеннолетия настоящего царя. Тогда министрам легко будет оправдаться, указав на изданное распоряжение и сложив вину в небрежении царскими велениями на лиц, обязанных строиться <...>.

Москва, 30 сентября 1729 г.

Фаворит князь Долгорукий некоторое время был в немилости, одни говорят вследствие угроз князю Трубецкому, другие уверяют, будто его думали сослать в Сибирь, чтобы помешать любовной интриге его с

княгиню Трубецкой, наконец, некоторые с большим основанием полагают, что немилость князя вызвана замыслом его жениться на великой княжне Елизавете Петровне, к выполнению которого он и приступил через Анну Крамерн. Об этом, говорят, сообщил Верховному совету отец князя, опасаясь, как бы не заподозрили и его участия в этом деле. Враги старика, впрочем, и теперь полагают, что он хотел прислушаться к мнению членов Совета, узнать, как бы они приняли такое сватовство. Все это, однако, городские толки, и до истины я еще не добрался. Верно только, что Анна Крамерн, бывшая до сих пор любимицею великой княгини, удалена от нее, а молодой князь пользуется большей милостью царя, чем когда-либо. Если, однако, он не будет очень осмотрителен, его вскоре заменит младший брат, любимец отца, который и теперь спит постоянно в одной спальне с государем, как прежде спал фаворит.

Его величество в день своего рождения, 12 октября, в Москве не был, да его и ожидают сюда не ранее, как по первому снегу, которого, пожалуй, придется подождать еще дней десять. Празднование этого дня поручено было Остерману, оно ограничилось обедом и пушечной стрельбой.

Здесь никаких политических событий, достойных вашего внимания, не происходит. Живем по-старому: делается только крайне необходимое, но больше — ничего.

Москва, 3 ноября 1729 г.

<...> Военные дела за последнее время пришли здесь в упущение, и мне говорили, будто русское правительство намерено учредить новую военную коллегия, а во главе ее поставить фельдмаршала князя Долгорукого. Он без сомнения один из лучших царских генералов и старик деятельный. Тем не менее трудно ему будет устранить злоупотребления, вкравшиеся в армию по смерти покойного царя.

12 октября вода на всех улицах Петербурга поднялась на 3–4 фута, причинив большие убытки купцам. Опасаюсь, как бы частые наводнения не разрушили когда-нибудь этот город. Если когда-нибудь царь и вознамерится вновь переселиться туда, наводнения всегда будут служить старорусской партии предлогом отклонять Его величество от выполнения этого намерения: они найдут неудобной для государя жизнь в местности, где он постоянно подвергается какой-либо опасности.

По поводу брака государева каждый день приходят новые вести: невестой его многие называют вторую дочь князя Долгорукого, но граф Еоловкин, барон Остерман и вся старорусская партия гораздо охотнее встретили бы брак его с дочерью герцога Мекленбургского, проживающей здесь вместе с матерью. С тех пор как возникли эти беспрестанные толки о

женитьбе государя, многие — вследствие стараний графа Братислава — стали поговаривать также, что в случае, если бы Его величество пожелал вступить в супружество с эрцгерцогиней, император согласится отдать за него одну из своих дочерей. Сомневаюсь, однако, чтобы такой брак мог состояться ввиду отвращения русских к католицизму.

Слышал я также, будто здешний двор не совсем доволен венским двором. Холодность эта — по одним слухам — вызвана крайней строгостью императора по отношению к герцогу Мекленбургскому, состоящему в столь близком родстве с царским домом. Другие причину ее видят скорее в нерасположении барона Остермана к графу Братиславу. Мне передавали, будто и самый венский двор не вполне доволен поведением графа, и даже более доверяет проживающему здесь резиденту своему, Гохгульсту, что и вызвало некоторые столкновения между этими представителями императора.

Москва, 20 ноября 1729 г.

<...> 9 ноября Его Царское величество возвратился сюда с охоты в полном здравии. Он очень высок и силен для своих лет. Вчера государь, собрав Верховный совет, объявил, что женится на старшей дочери князя Долгорукого, которой около 18 лет. Она очень хороша собой и одарена многими прекрасными качествами. Уверяют, что она всегда с особенным уважением относилась к иностранцам. Это великое событие, вероятно, вызовет при дворе большие перемены, а может быть, и падение барона Остермана, который всегда противился такому браку.

Сюда, слышно, ожидают посольства от богдыхана китайского с поздравлением царю по случаю его восшествия на престол. Дней через десять отсюда выезжает кто-то для встречи его на сибирской границе. Так как это первое посольство, пребывающее сюда из Пекина, здесь прием его возбуждает много соображений. Хотя русские и ведут большую торговлю с Китаем и отправляли в Китай несколько торжественных посольств, китайцы не присылали в Москву ни одного уполномоченного. Зато, правда, не раз китайские комиссары приезжали в Тобольск к сибирскому губернатору для переговоров по торговым делам <...>.

Москва, 1 декабря 1729 г.

При дворе ряд празднеств с самого 20 ноября, когда, как я имел честь писать вашему превосходительству, государь объявил своим министрам о намерении своем вступить в брак со старшей дочерью князя Долгорукого, Екатериной. 23-го оберцеремониймейстер, барон де Арбисталь, посетил всех представителей иностранных дворов с извещением о решении, принятом Его величеством, давая им понять, что поздравления их приняты

будут благосклонно. На следующий же день все иностранные уполномоченные действительно явились к царю и были приняты им очень ласково, хотя он и не отвечал на их приветственные речи. Из государевых апартаментов они прошли к княжне, некоторые из них титуловали ее «императорским высочеством», она же принимала их с большим достоинством, выслушивала их поздравления, но не отвечала, так же как и царь, хотя очень хорошо понимает и говорит по-французски. Вечером при дворе были большой бал и роскошный ужин.

30-го, в день св. Андрея Первозванного, происходило торжественное обручение: государь целовал крест в присутствии всех иностранных представителей и генералитета, само же бракосочетание может совершиться не ранее двенадцатого января (?), так как теперь у русских пост, а до окончания его браки не допускаются. Свадьба, говорят, состоится немедленно по истечении этого срока.

Если дозволено судить по проявлению счастья и довольства на лицах, выбор государя принят подданными его с большой радостью. Все единогласно рассыпаются в похвалах княжне. Приветствие датского посланника княжне особенно пришлось по сердцу старорусской партии, но отнюдь не сторонникам герцога голштинского. Оно не длинно, потому беру на себя смелость препроводить его в копии вашему превосходительству:

«С сердцем полным истинной, искренней радости, пришел я поздравить вас по поводу избрания преславной и всесовершенной особы Его величеством себе в супруги. Здравствуйте, государыня, будьте счастливы и даруйте российскому престолу столько наследников, чтобы никогда иноземный род не мог иметь на него никаких притязаний».

Москва, 29 декабря 1729 г.

<...> Чем более присматриваюсь к настоящему положению дел в России, тем более утверждаюсь во мнении, что в интересах его королевского величества было бы при данных обстоятельствах облечь меня определенным званием, дабы я мог иметь честь принести царю поздравление по случаю его бракосочетания, а также — следить за всем, что здесь предпримет венский двор. Может показаться, что я таким образом как бы ходатайствую за себя. Потому, пожалуйста, не откажитесь уверить лорда, что я не способен из личных выгод предложить ничего, что бы впоследствии могло оказаться неблагоприятным для Его величества.

Два дня тому назад я слышал, будто князь Меншиков скончался в Сибири 15-го минувшего октября. В тот же день царский фаворит, князь Иван Алексеевич Долгорукий, торжественно обручен с графиней Шереметевой, дочерью покойного фельдмаршала.

Погода стоит до того холодная, что лес, из которого построены дома, трескается с шумом, напоминающим пушечную пальбу.

Москва, 12 января 1730 г.

<...> С прошлого четверга Его Царское величество заболел и опасаются, как бы у него не открылась оспа. Ходят даже слухи, будто она уже и обозначилась. Сердечно желаю ему выздороветь для блага России.

Счел нужным с возможной поспешностью сообщить вашему превосходительству об этом событии: оно может разрешиться здесь последствиями чрезвычайной важности.

Буду тревожить ваше превосходительство письмами каждую почту впредь до совершенного восстановления здоровья царя.

С глубочайшим почтением и т. д. Т. Уорд.

P. S. Я уверен, что на случай смерти Его величества семья Долгоруких приняла все меры к устранению голштинской партии от престола, а также к тому, чтобы он достался княжне — обрученной царю. ^[182]

Москва, 19 января 1730 г.

<...> Позвольте уведомить ваше превосходительство, что Его Царское величество скончался 8 января между двенадцатью и часом утра. Перед самой кончиной его Алексей Еригорьевич Долгорукий, отец невесты государевой, предложил повенчать его с дочерью, но бракосочетанию этому воспротивился барон Остерман, сказав, что необходимо подумать о наследнике, по вероятиям более угодном народу. К мнению барона присоединились фельдмаршал князь Долгорукий, фельдмаршал князь Еолицын и многие другие лица. После долгих препирательств вспомнили о старой императрице Евдокии Федоровне, но она отказалась от престола ввиду преклонных лет. Тогда решено было собраться сегодня в пять часов утра в Кремль (так называется городской дворец). Не успели съехаться, как член Верховного совета, князь Дмитрий Михайлович Еолицын в длинной речи, выразив печаль по утрате, понесенной со смертью Его величества, прибавил, что, по его мнению, наиболее правильно было бы передать престол Анне Иоанновне, герцогине курляндской, второй дочери царя Иоанна, старшего брата Петра I. Весь Верховный совет присоединился к этому предложению и немедленно сообщил о своем решении генералитету, собравшемуся в передней комнате, приказав ему в то же время возвестить о совершившемся избрании солдатам и народу, что и было исполнено. Пока, кажется, будто все вполне довольны.

Слышно, что важнейшие представители русской знати озабочены изменением существующей формы правления. Уверяют даже, будто составлены статьи, ограничивающие власть императрицы, и ей

предлагается подписать их, с предварением, что в случае отказа престол передан будет другому лицу. Василий Лукич Долгорукий, Михаил Михайлович Еолицын (брат фельдмаршала) и генерал-майор Леонтьев отправились в Митаву известить герцогиню об избрании и просить ее о скорейшем прибытии, дабы воспрепятствовать всяким интригам, которые бы могли быть направлены против нее.

Это великое событие, конечно, разрушило все надежды голштинской партии, которая пыталась возвести на престол сына герцога или великую княжну Елизавету Петровну. Думали также о старшей сестре ныне воцарившейся императрицы — герцогине Мекленбургской, и она, вероятно, была бы преемницею покойного царя, но русские не любят ее супруга.

Полагаю, союзники его королевского высочества могут быть уверены, что теперь император, в случае если бы он не согласился присоединиться к севильскому договору, на 30 тысяч человек, обещанных трактатом 1726 года, рассчитывать не может.

10-го в Москву торжественно въезжал посол шаха Тамхасиба. Еще не знаю, чего он будет домогаться, но, принимая в соображение мирный договор, недавно заключенный царским двором с султаном Эшрефом, удивлен оказанными ему почестями <...>.

Вероятно вскоре в состоянии буду прислать вашему превосходительству точное донесение о всех переменах, которые вызовет кончина царя. Они, надеюсь, к нашему ущербу клониться не будут, так как новая государыня всегда любила Великобританию и, проживая здесь, держала возле себя нескольких англичан.

2. Письма леди Рондо, жены английского посланника [\[183\]](#)

№ 1

Москва, апрель, 1729.

Мадам,

следуя Вашим указаниям, я без предисловий опишу свое путешествие из Петербурга сюда. Мы выехали пятого марта на санях. Сани похожи на деревянную колыбель и обиты кожей. Вы ложитесь на постель, устланную и покрытую мехами, в санях помещается лишь один человек, что очень неудобно, так как не с кем поговорить. Мы ехали днем и ночью и прибыли сюда девятого. Вы скажете, что я слишком бегло описываю путешествие, но что мне рассказывать? Нашим пристанищем всякий раз служила одна

маленькая задымленная комната, где мы останавливались поменять лошадей и поесть то, что взяли с собой. Люди изо всех сил стремятся услужить, но видишь, что человеческая природа столь унижена, встречаешь таких жалких и несчастных бедняг, что они, кажется, лишь по виду напоминают человеческие существа. Если бы не эти хижины, расположенные друг от друга на расстоянии, нужном для смены лошадей, можно было бы подумать, что проезжаешь через безлюдный край, где не видно ни города, ни дома, а одни лишь густые леса, которые, будучи покрыты снегом, выглядели довольно романтично, и мне часто мерещилось, что снег на пнях и кустах образует всевозможные фигуры; я видела медведей, волков, даже кавалеров среди ветвей деревьев.

Я еще недостаточно осмотрелась в том городе, где сейчас нахожусь, чтобы как-либо описать его. Император показывается редко, не устраивает приемов и, похоже, интересуется одной лишь охотой. Боясь оказаться оттесненным, главный фаворит императора князь Долгорукий подогревает в нем это увлечение. С тех пор как около шести месяцев тому назад сей юный монарх потерял свою единственную сестру (обладавшую необычайным умом), он оказался под безраздельным влиянием этого молодого вельможи, в котором, как я слышу, нет ничего выдающегося, кроме его титула.

№ 2

Москва, 20 декабря 1729.

Мадам,

Вы, кажется, не избавитесь от моей назойливости, хотя заставили меня столь долго напрасно ждать от Вас хотя бы строчки. Со времени моего последнего письма здесь произошли удивительные перемены. Юный монарх (как предполагают, по наущению своего фаворита) объявил о своем решении жениться на хорошенькой княгине Долгорукой, о которой я упоминала в том письме. Какое жестокое разочарование для двоих людей, сердца которых были всецело отданы друг другу! Но в этой стране монарху не отказывают. Два дня тому назад состоялась церемония публичного объявления об этом, или, как русские его называют, «сговор». За день до этого княжну привезли в дом одного вельможи близ дворца, где она должна оставаться до свадьбы. Все люди света были приглашены, и общество расположилось на скамьях в большом зале: государственные сановники и русская знать по одну сторону, иностранные министры и знатные иностранцы — по другую. В дальнем конце зала был балдахин и под ним два кресла; перед креслами — алтарь, на котором лежала Библия. По обе стороны алтаря расположилось многочисленное духовенство. Когда все

разместились, император вошел в зал и несколько минут говорил с некоторыми из присутствовавших. Княжну привезли в одной из его карет из дома, где она пребывала; с нею в этой карете ехали ее мать и сестра. Ее брат как обер-камергер следовал в карете перед ними, а позади — большой поезд императорских карет.

Брат проводил княжну до дверей зала, где ее встретил царственный суженый, сопровождал ее к одному из кресел, а в другое сел сам. Хорошенькая жертва (ибо я княжну считаю таковой) была одета в платье из серебряной ткани с жестким лифом; волосы ее были завиты, уложены четырьмя длинными локонами и убраны множеством драгоценных камней, на голове — маленькая корона; очень длинный шлейф ее платья не несли. Она выглядела спокойной, но была очень грустна и бледна. Посидев какое-то время, они поднялись и подошли к алтарю, где он объявил, что берет ее в супруги; затем отдал ей свое кольцо, а она ему — свое, и он укрепил свой портрет на запястье ее правой руки; затем они поцеловали Библию, архиепископ Новгородский прочел краткую молитву, и император поцеловал ее. Когда они снова сели, он назначил кавалеров и дам ко двору невесты и пожелал, чтобы они сразу приступили к своим обязанностям. Они подошли поцеловать ей руку; жених, держа в своей ее правую руку, подавал ее каждому подходившему, поскольку все совершили эту церемонию. Наконец, к всеобщему удивлению, подошел несчастный покинутый обожатель. До этого она все время сидела, не поднимая глаз; но тут вздрогнула и, вырвав руку из руки императора, подала ее подошедшему для поцелуя. На лице ее в это время отразилась тысяча различных чувств. Юный монарх вспыхнул, но подошли другие засвидетельствовать свое почтение, а друзья молодого человека вывели его из зала, посадили в сани и как можно скорее увезли из города. Поступок этот был в высшей степени опрометчив и безрассуден, и я осмелюсь сказать, неожидан для княжны.

Юный монарх открыл с нею бал, который скоро закончился к ее, насколько я могу судить, большому облегчению, ибо все ее спокойствие улетучилось после этой опрометчивой выходки и на лице ее теперь не отражалось ничего, кроме страха и смятения.

По окончании бала ее препроводили в тот же дом, но теперь она ехала в собственной карете императора с императорской короной наверху, причем одна, в сопровождении гвардии.

Но Вы станете упрекать меня, если я не опишу императора. Он очень высокий и крупный для своего возраста: ведь ему только что исполнилось пятнадцать. У него белая кожа, но он очень загорел на охоте; черты лица его хороши, но взгляд тяжел, и, хотя император юн и красив, в нем нет

ничего привлекательного или приятного. Он был одет в платье из светлой ткани, отделанное серебром. На его невесту смотрят теперь как на императрицу, но все же, я полагаю, если бы можно было заглянуть ей в сердце, то стало бы ясно, что все это величие не облегчает страданий от разбитой любви. И действительно, только низкие души способны ради власти отречься от любви и дружбы.

№ 3

Москва, февраль 1730 г.

Мадам, очень любезно с Вашей стороны проявить беспокойство обо мне, и я избавила бы Вас от него скорее, если бы разрешили отправлять почту. Я отправляю это письмо с курьером, которого снаряжает министр, так как не знаю, дойдет ли письмо почтой, хотя сейчас, кажется, все вошло в обычную колею. Когда я писала последний раз, весь свет (имею в виду здешний свет) готовился к пышной свадьбе; она, назначенная на 19 января, приближалась. 6 января ежегодно устраивается торжественная церемония, которую русские называют «освящение воды» и которая воспроизводит обряд крещения нашего Спасителя Св. Иоанном. По обычаю, государь находится во главе войск, которые выстраиваются в этот день на льду. Несчастливая хорошенькая избранница императора должна была в тот день показаться народу. Она проехала мимо моего дома с гвардией и свитой — такой пышной, какую только можно себе представить. Она сидела одна в открытых санях, одетая так же, как на церемонии обручения, а император (в соответствии с обычаем этой страны) стоял позади ее саней. Не припомню другого столь холодного дня, и я с ужасом думала о том, что нужно ехать на обед ко двору, куда все были приглашены и собирались для встречи юных государя и государыни при возвращении. Они пробыли среди войск на льду четыре часа. Как только они вошли в зал, император пожаловался на головную боль. Сначала причиной сочли воздействие холода, но после нескольких повторных жалоб призвали его доктора, который сказал, что император должен лечь в постель, так как он очень болен. Поэтому все разошлись. Княжна весь день была задумчива и осталась такою же при этом случае. Она попрощалась со своими знакомыми, как и принимала их, с серьезной любезностью (если можно так выразиться). На следующий день у императора появилась оспа, а 19-го, в день, назначенный для его женитьбы, около трех часов утра он умер. Я полагаю, большинство людей в городе бодрствовали в ту ночь; мы по крайней мере не спали, поскольку еще с вечера стало известно, как он плох, и никто не мог сказать, каковы будут последствия, так как были возможны большие разногласия относительно престолонаследия.

Около девяти утра императрицей была провозглашена вдовствующая герцогиня Курляндская. Она — вторая дочь царя Ивана, старшего брата Петра I. Этот царь Иван оставил трех дочерей. Старшая замужем за герцогом Мекленбургским, и когда его изгнали из его владений, она вернулась сюда, где и находится со своей единственной дочерью. Вторая была замужем за покойным герцогом Курляндским, который прожил не более шести недель после своей женитьбы; она остается вдовой. Третья — до сих пор здесь, не замужем. Так как род Петра I по мужской линии пресекся, обратились к наследницам его старшего брата. Причиной, по которой обошли старшую сестру, явилось то, что у нее есть супруг, к тому же беспокойный. Новая императрица находится в Курляндии, но скоро ее ожидают здесь. Я думаю, Ваше доброе сердце обеспокоено судьбой юной бедняжки, которую разлучили с любимым человеком, а теперь она лишена даже слабой награды — величия. Мне говорят, что она переносит это героически. Она говорит, что скорбит о потере как подданная империи, но как частное лицо радуется, поскольку кончина императора избавила ее от больших мук, чем могли бы выдумать величайший деспот или самая изобретательная жестокость. К своей будущей судьбе она вполне безразлична. Ей представляется, что, преодолев свое увлечение, она с легкостью вынесет все телесные страдания.

Джентльмен, видевшийся с нею, сообщил мне следующее о своем разговоре с княжной. Он сказал, что нашел ее совершенно покинутой, при ней были только горничная и лакей, которые ходили за нею с детства; когда мой собеседник выразил свое возмущение этим, она сказала: «Сэр, вы не знаете нашей страны». К тому, что я уже описала, она добавила, что ее молодость и невинность, а также всем известная доброта новой императрицы вселяют в нее надежду, что она не подвергнется никакому публичному оскорблению, а бедность для нее ничего не значит, ибо ее душа занята единственным предметом, с которым ей будет приятна любая уединенная жизнь. Заметив, что под словами «единственный предмет» она подразумевала прежнего возлюбленного, княжна поспешно добавила, что запретила себе думать о нем с той минуты, когда эти мысли стали преступными для нее, но что теперь она имела в виду свою семью, действия которой, как она чувствовала, осудят. Она же не в состоянии преодолеть в себе естественную привязанность, хотя они принесли ее в жертву тому, что теперь их погубит.

№ 4

Москва, 1730.

<...> Вокруг этого города на расстоянии трех, четырех, пяти миль

много монастырей; они очень старые, но некрасивые. Некоторым придает великолепие лишь то, что их шпили и башни снаружи позолочены. Должно быть, это стоило очень дорого, и в часовнях монастырей обычно хранятся большие богатства. Я посетила настоятеля одного из монастырей, который очень любезно угощал нас кофе, чаем, сладостями. Наконец он сказал, что должен попотчевать нас по обычаю своей страны, и тогда стол уставили горохом, бобами, репой, морковью и пр. — все в сыром виде, подали также медовый напиток, пиво, водку; короче, месье аббат оказался веселым добродушным человеком, и мы очень приятно провели день. Милях в трех оттуда расположен женский монастырь для высокопоставленных особ, где сейчас находится вдовствующая императрица, как ее теперь называют, но я имею в виду первую супругу Петра I. Как только ее внук взошел на престол, она покинула тот монастырь, где столь долго прожила в заточении, и переехала в этот, где как вдовствующая государыня имеет настоящий двор. Она и все монашки выходят, когда хотят, но в своих одеяниях.

Зовут ее Евдокия, она из дворянского рода Лопухиных. Царь женился на ней, будучи очень молодым, и имел от нее сына, который впоследствии был казнен, но оставил после себя сына и дочь. Через несколько лет после женитьбы царь охладил к ней и притворился, что ревнует ее; по подозрению в измене она была заточена; все ее ближайшие родственники и несколько ее придворных были схвачены и, по обычаю этой страны, допрошены под пыткой. Ни один из них не показал в пользу этого обвинения, хотя им за это было обещано прощение. Эти допросы длились несколько месяцев, за какое время около четырнадцати ее ближайших родственников были казнены.

Ее заточили в отдаленный монастырь, не позволяя видеться ни с кем, кроме того, кто приносил еду, которую ей приходилось готовить самой, так как у нее не было служанки даже для самой черной работы, и лишь одна келья — для нее. Как раз перед женитьбой царя на императрице Екатерине был слух, что она умерла; так считали до тех пор, пока ее внук не взошел на престол. Тогда она появилась при дворе, хотя жить там не стала, а удалилась в этот монастырь, где имеет двор и содержание как вдовствующая государыня, хотя и не желает снять своих монашеских одежд. Каких только бед и лишений не перенесла эта несчастная государыня. И, конечно, самым тяжелым стала смерть молодого монарха, ее внука, ибо эта внезапная потеря постигла ее в то время, когда, казалось, самые большие тяготы, выпавшие на ее долю, уже миновали.

№ 5

Москва, 1731.

<...> Евосят, этой зимой двор переедет в Петербург; если так, мои дела заставят меня последовать за двором. Вы очень дотошны в Ваших вопросах, а я могу сообщить Вам лишь очень немного для удовлетворения Вашего любопытства, поскольку, ввиду моего нынешнего состояния, не посещала никаких общественных мест.

Все семейство Долгоруких, в том числе и бедная «императрица на час», сослано. Их сослали в то самое место, где живут дети Меншикова. Так что две дамы, которые одна за другой были невестами молодого царя, имеют возможность встретиться в ссылке. Не правда ли, хорошенький сюжет для трагедии? Говорят, детей Меншикова возвращают из ссылки, и та же охрана, что сопровождает туда Долгоруких, будет сопровождать обратно Меншиковых. Если это правда, то это великодушный поступок, так как их отец был столь непримиримым врагом нынешней царицы, что даже лично оскорблял ее своим поведением и высказываниями.

Вас, вероятно, удивляет, что ссылают женщин и детей. Но здесь, когда подвергается опале глава семьи, вся семья так же попадает в опалу. Имущество, принадлежащее им, отбирается, и они из знатности опускаются до условий самого низшего круга простолюдинов; и если замечают [в свете] отсутствие тех, кого привыкли встречать в обществе, никто не справляется о них. Иногда мы слышим, что они разорились, но никогда не упоминают о тех, кто попал в немилость. Если, благодаря везению, им возвращают благосклонность, их обласкивают, как всегда, но никогда не вспоминают о прошлом.

3. Донесения испанского посла Якова Стюарта, графа Бервик, герцога де Лириа ^[184]

Из Нарвы я выехал 21 ноября [1727 года] утром и, проехав две ночи и день, наконец прибыл в Петербург 23-го числа в полдень. От Нарвы до сего столичного города считается 142 версты.

На другой день, 24 ноября, я уведомил о своем приезде министров царских и иностранных дворов, а поелику я принял титул только полномочного министра, то и обязан был сделать первый визит четырем министрам, которые были во главе правления, а именно: государственному канцлеру графу Головкину, генерал-адмиралу Апраксину, вице-канцлеру и гофмейстеру царскому барону Остерману и князю Дмитрию Голицыну.

На первой аудиенции у Его величества был я 31 декабря. Речь говорил я на кастильском языке, а отвечал на нее, от имени царя, барон Остерман

по-русски.

По окончании чего, оберцеремониймейстер привез меня на аудиенцию к великой княжне, сестре Его величества. Тут речь произнес я на французском языке, а барон Остерман, стоявший при ней с левой стороны, отвечал мне, по ее повелению, на том же языке.

После сего представился я принцессе Елисавете и говорил ей речь также по-французски, а ее высочество приказала своей штатс-даме графине Салтыковой отвечать мне, что она и исполнила на французском языке.

На другой день послал я просить позволения представиться герцогине Мекленбургской и герцогине Параскевии, дочерям царя Иоанна, старшего брата Петра I, но они не могли исполнить моей просьбы, потому что отъезжали того же дня в Москву.

Вот письмо, которое отправил я 10 января 1728 года к маркизу де ла Паз.

«Полагаю, что королю, нашему государю, весьма нужно знать в подробности систему правления Русской земли, которая подвергается величайшей опасности, если Бог не отвратит сего, упасть опять в прежнее свое состояние.

Со времени низвержения князя Меншикова барон Остерман, гофмейстер царский и вице-канцлер, считался первым министром, но, будучи иностранцем, он не смеет ничего делать по собственному своему убеждению и сносится во всем с тремя другими членами регентства, поступая с величайшей осторожностью и скрытностью. Хотя государю не исполнилось еще 13 лет, но, как он был объявлен совершеннолетним, то никто не смел говорить ему ни о чем, ни подавать ему советов. Один только Остерман имеет над ним некоторую власть, но и его замечания уже не уважаются. Уже заметно, что он будет в высшей степени любопытен, и завелись у него любовные шашни. Не подивитесь, милостивый государь, его успехам в таком возрасте, ибо вопреки холоду здешнего климата молодежь, как мужчины, так и женщины, развивается гораздо ранее, чем у нас, и мужчины вступают в брак даже одиннадцати лет от роду. Царь не терпит ни моря, ни кораблей, а страстно любит охоту. Здесь в Петербурге негде охотиться, но в Москве очень можно, почему никто не сомневается, что, переехав туда, он едва ли возвратится, и причины, для сего приводимые, кажутся мне неосновательными.

Главная причина, для которой покойная царица и Петр I основали здесь свою резиденцию, была та, чтобы иметь всегда в глазах рождающуюся морскую силу, которая была для них величайшим наслаждением, и для того, чтобы держать в почтении государей, своих

соседей, и именно шведских. Юный монарх не походит на них: он ненавидит морское дело и окружен русскими, кои, не терпя отдаления своего от родины, всегда толкуют ему ехать в Москву, где жили его предки, и при этом выхваляют московский климат и множество дичи в ее окрестностях, а здесь климат не только нездоровый, но и наводящий тоску, и нет мест для охоты.

Многие думают, что коронация совершится прежде поста и что после этого царь возвратится сюда. Но я думаю, что этому не бывать, потому что еще ничего не готово для сего торжества и купцы, поехавшие в Лион для закупки шелковых и штофных материй, не могут возвратиться прежде исхода сего месяца или начала будущего, а генерал Ягужинский, зять государственного канцлера, уверял меня, что коронация будет не прежде, как после Пасхи и, наверное, мы не воротимся прежде лета.

Барон Остерман тоже в отчаянии, что плоды данного им царю хорошего воспитания пропадают и что он сам подвержен ежедневно интригам русских, которые на каждом шагу расставляют сети, чтобы он, запутавшись в них, пал и погиб. Он знает их очень хорошо, и люди, заслуживающие доверия, говорили мне, что он решился после коронации отказаться от звания гофмейстера и попросить об отставке. На сих днях он занемог, и кровь, пущенная ему, была вся черная и почти гнилая. Болезнь эта сделалась от того только, что он вынужден был говорить царю о его образе жизни, а Его величество, выслушав его, отошел, не сказав ни слова. Через несколько дней он стал говорить тоже, примолвив, что Его величество сам через несколько лет велел бы отрубить ему голову, если бы он не представил ему пропасти, в которую он теперь стремится, и коль скоро он слепо предается потоку, он не может быть свидетелем его гибели и отказывается от звания гофмейстера. Царь обнял Остермана и со слезами на глазах просил не оставлять его, но в этот же самый вечер он принялся за прежнее.

Чтобы лучше понять настоящее состояние сего двора, надобно знать, что здесь две партии. Первая — царская, к которой принадлежат все те русские, кои главнейше стремятся к тому, чтобы выгнать отсюда всех иностранцев. Эта партия разделяется надвое: одна состоит из Голицыных, другая из Долгоруких, как я объясню после. Вторая партия называется великой княжны, сестры царской, и к ней принадлежат: барон Остерман, граф Левенвольд и все иностранцы. Цель сей партии состоит в том, чтобы поддерживать себя против русских милостью и покровительством великой княжны, которую царь по сие время весьма много уважает. Левенвольда не только ненавидят русские, но и все честные люди, а прискорбнее всего то,

что Остерман очень любит такого человека, которого стараются всячески отдалить от двора.

Но более всех доверенности царь имеет к принцессе Елисавете, своей тетке, которая отличной красоты, я даже думаю, что тут недалеко до любви. Она ведет себя очень благоразумно и рассудительно, уважает Остермана и обращается с ним ласково.

Его величество также очень любит молодого князя Долгорукого Ивана Алексеевича, который по молодости своей угождает ему во всем. Так как принцесса Елисавета держит себя твердо, то и нельзя сомневаться в том, чтобы он не остался главнейшим фаворитом и не сверг со временем принцессу и барона Остермана. Как ни старались удалить сего Долгорукого, но по сие время сделать этого не могли. Он сын князя Алексея Долгорукого, второго гофмейстера царского. Князь Иван служит камергером и пользуется такой доверенностью, что не оставляет царя ни на минуту и даже спит в одной с ним комнате. И отец содействует много к доставлению царю удовольствий. Им удалось бы уже удалить Остермана, если бы русские вельможи были согласны между собой.

Голицыны и Долгорукие суть главнейшие и сильнейшие из всех бояр, но с некоторого времени они враждуют между собой. Если кому из них вздумается посадить в министерство кого из своих, другие тот же час противятся этому, так что иные думали, что, не могши согласиться на сей счет, они прибегнут к третьему и именно к барону Шафирову. Сей последний имел одну должность с Остерманом и был любимцем покойного царя. Теперь он живет в ссылке в Москве, где также находится царица, бабка нынешнего царя, у которой Шафиров каждый день, а как нет сомнения, чтобы она не получила большой вес в правлении, когда двор приедет в Москву, то многие, зная, как много она ненавидит иностранцев, думают, что она низвергнет Остермана и на его место посадит Шафирова. Но как скоро здесь узнали, что он беспрестанно бывает у царицы, то догадались о его замысле и послали к нему повеление отправиться в Архангельск, прежде даже приезда двора в Москву.

Хотя Шафиров человек со способностями и чрезвычайно искусный в делах, но удаление Остермана было бы невозвратимой потерей для нашего союза. Самые враги Остермана не могут упрекнуть его в том, чтобы он худо служил своему государю, чтобы давал ему дурные советы и позволял кому-либо подкупать себя подарками или деньгами. На него нападают только за то, что он дружен с Левенвольдом, как я сказал выше, и что позволяет царю делать все, что ему угодно, не останавливая его ни в чем. Что касается до первой статьи, то обвинители его правы, но не правы в

последней, ибо в этом он нимало не виноват, и ежели его представления не имели того действия, какого бы от них ожидать надлежало, то в этом виноваты сами русские, которые не помогли ему и не помогают надлежащим образом. Они так его ненавидят, что готовы обратиться в преступления самые лучшие его дела. Несмотря на все это, да не подумает король, чтобы Остерман был совершенный человек: он лжив и готов сделать все, чтобы достичь своей цели, не имеет религии, потому что уже три раза менял ее, и чрезвычайно коварен. Но это такой человек, в котором мы имеем нужду и без которого не сделаем здесь ничего.

Русские боятся большой власти, которую принцесса Елисавета имеет над царем: ум, способности и ловкость ее пугают их, поэтому им хочется удалить ее от двора, выдав ее замуж. Хотя это трудновато, однако же может сделаться, если начатые о сем переговоры кончатся удачно. Граф Мориц Саксонский не оставил своих притязаний и своей надежды, и зная, что русский двор никогда не допустит присоединения Курляндии к Польше, он держит здесь тайно доверенного человека для ходатайства по его делам, чтоб добиться поддержки царя в свою пользу. Одно из главнейших его предложений состоит в том, чтобы вступить в брак с принцессой Елисаветой, а как величайшее желание русских состоит в удалении принцессы от двора, к чему присовокупляется и выгода, что Курляндия не будет присоединена к Польше, то они и приняли благосклонно предложение графа, и это дело идет так хорошо, что теперь думают пригласить его в Москву, хотя еще не решено, принять ли его предложение или нет. Это хранится в величайшей тайне, и я, не без труда, мог узнать о том. Таким образом я не сомневаюсь, чтобы граф Мориц не успел в своем искании, а русские вместе с тем достигнут своего желания удалить принцессу.

Им хочется сделать то же и с великой княжной и сыскать ей хорошего жениха, но это очень трудно, потому что найдется мало государей, кои захотели бы искать себе невесты в Москве. Русские были бы очень рады поменяться с Пруссией, заставя царя жениться на старшей дочери Его Прусского величества и выдав за королевского принца Пруссии великую княжну. Но я не думаю, чтобы король Прусский согласился на это, ибо все его желание состоит в том, чтобы сделать мену со свояком своим королем Английским.

Теперь появляется новый фаворит, граф Бутурлин, зять фельдмаршала князя Голицына, и все враги дома Долгоруких стараются ввести его в милость у царя. Но меня уверяли, что Бутурлин помирят обе партии Голицыных и Долгоруких, и если это правда, то Остерманова партия

погибнет безвозвратно, да и сам он падет непременно.

Вот состояние, в котором находятся двор и министерство. Но я не ручаюсь, чтобы через неделю не случилось чего-нибудь совершенно противного, ибо нет в Европе двора непостояннее здешнего и подверженнее внезапным переворотам».

Января 12, в Новый год по старому стилю, я понес царю хорошее ружье работы Диега Искибеля, которое ему очень понравилось, и когда я приехал во дворец с поздравлением, то он приказал мне остаться обедать с ним: милость, которую он не оказывал ни одному иностранному министру. За столом он был ко мне очень благосклонен и пил за здоровье короля, моего государя, на что я отвечал бокалом вина, которое выпил за здоровье Его Царского величества, обратясь с оным к принцессе Елисавете.

Января 17, а по старому стилю б, день Крещения, был обряд на реке. Евардия и весь Петербургский гарнизон выстроились на Неве, где было устроено здание арками, а в нем прорубь со ступенями до самой воды. Его величество вышел из дворца в 11 часов и, прибыв к реке, стал в первый раз перед Преображенским полком, которого он был полковником, после чего пошел в Троицкую церковь, где обедню служил архиепископ Коломенский с двумя другими епископами. По окончании божественной службы Его величество пришел опять к своему полку и стал перед ним с эспонтоном в руке, а духовенство все, в процессии, пришло к месту водоосвящения, которое совершил архиепископ Коломенский. По окончании сего обряда все войско сделало залп и вместе с тем была пушечная пальба с крепости, и царь вел свой полк с эспонтоном в руке до самого дворца.

Января 20. Его Царское величество отправился со всем своим двором в Москву и, проезжая через Новгород и Тверь, пробыл по одному дню в каждом из сих городов. Повсюду принимали его с восторгом. Я выехал из Петербурга в Москву 5 февраля, в 14 часов пополудни, вместе с польским посланником и его супругой.

Февраля 11 мы отправились из Клина, в 4 часа утра, и в 1 час приехали в небольшое селение Черный ям, где и обедали. Там мы нашли вдовствующую герцогиню Курляндскую, которая очень обласкала нас. Желая приехать пораньше в Москву, до которой отсюда считается только 25 верст, мы не долго сидели за столом и, не останавливаясь нигде, приехали туда благополучно в 7 часов вечера.

Царь приехал в Москву 30 января, но не въезжал еще торжественно, по причине простуды, которая причинила ему боль в груди. Его величество остановился в загородном доме княгини Грузинской, в 7 верстах от Москвы. И великая княжна тоже занемогла: на ней появилась сыпь,

похожая на корь.

Царь немедленно, по приезде своем, отправился инкогнито к своей бабке, которая жила в одном монастыре и никогда еще не видела его. Не бесполезно будет, если я скажу о ней несколько слов.

Царица, бабка царская, происходит из дома Лопухиных, одного из древнейших в России. Петр I женился на ней в 1689 году, и она родила ему царевича Алексея, умершего в 1718 году и оставившего после себя сына, ныне владеющего государя. Они жили очень согласно между собой до тех пор, пока ненависть царицы к иноземцам и ко всем обычаям европейским, кои царь очень любил, не произвела между ними охлаждение. Надо еще прибавить, что царица вовсе не была строгих правил. Ее супруг, узнавши про одну ее связь, расстался с ней в 1698 году, удалил ее в монастырь, а вскоре потом в Шлиссельбургскую крепость, где она и оставалась до кончины царицы Екатерины. Внук ее, вступив на престол, перевел ее в один из московских монастырей, но она никогда не была пострижена, хотя царь, супруг ее, и принуждал ее к тому.^[185]

Таким образом Петр II приехал к ней, но она что-то ему не понравилась, и потому он не имел к ней доверенности, хотя она и ласкалась этой надеждой по причине большого ее желания властвовать. Несмотря, однако ж, на это, он назначил ей на содержание по 60 тысяч рублей в год и отвел ей комнаты во дворце с услугой. Когда я видел ее, она была уже старухой, но меня уверяли, что она была отличной красоты, но до того любострастна, что даже и в заточении своем она имела связь с одним господином по имени Елебов, который был захвачен и через несколько дней посажен на кол.

Через день по приезде моем я был с визитом у герцогини Курляндской, которая жила недалеко от меня и приняла меня очень ласково.

Царь, освободясь от болезни, въехал торжественно в Москву 15 февраля.

Февраля 19 Его величество назначил в члены Верховного совета князя Василия Долгорукого, своего второго гофмейстера, и таким образом Совет составил из шести членов, вместо прежних бывших четырех.

Из депеши моей королю, моему государю от 10 января видели, что в России было две партии: Еолицынская и Долгоруковская. По приезде двора в Москву барон Остерман пристал к Долгоруким и тем много содействовал к равновесию с Еолицынской партией, которая, быв открытым врагом иноземцев и иностранных обычаев, хотела отдалить Остермана и заставить царя остаться в Москве, возвратиться к старинным русским обычаям и отказаться от роли, которую великий Петр I стал играть в свете.

Февраля 22 Его величество пожаловал князя Ивана Долгорукого, своего любимца, в обер-камергеры и в тот же день возложил на него орден Св. Андрея. Второй его любимец Бутурлин произведен в генералы и назначен прапорщиком в Кавалергардский корпус.

За несколько до сего дней получил я повеление короля, моего государя, просить царя о принятии в свою службу г. Кейта, брата графа наследственного маршала Шотландии. Сей Кейт 9 уже лет имел в Испании чин полковника, но оставался без полка, потому что был не католического вероисповедания. Его Царское величество так был милостив, что тот же час велел принять его в свою службу с чином и жалованьем генерал-майора.

Марта 1. Царица, бабка царская, была в первый раз у Его величества, но юный государь, боясь, чтобы она не стала говорить с ним о делах государственных, сделал так, что не оставался с нею наедине, и хотя обращался с ней весьма вежливо, однако же не допустил ее говорить ни о чем.

Марта 7 совершилась коронация Его величества.

Марта 9 чужестранные министры получили приглашение от имени Его величества приехать вечером на Царицын луг, где были фейерверк и бал.

Марта 10 Его величество велел кормить народ на большой дворцовой площади, где были сделаны два больших фонтана, один с красным, другой с белым вином.

Марта 11 Его величеству угодно было почтить дом мой и ужинать у меня. Я принял его так великолепно, как только мог. У меня было накрыто три стола, по двадцать кувертов на каждом, а до ужина и после ужина был большой концерт. Вот все что я мог сделать, смотря по малому времени, которое имел для приготовления к сей чести: ибо Его величество приказал уведомить меня только накануне. Царь пробыл у меня за час до полуночи, а за столом просидел с лишком полтора часа, чему все удивились, потому что он остается за столом обыкновенно не более четверти часа. В эту ночь опорожнили у меня до 500 бутылок вина.

Я забыл сказать, что в день коронации царь произвел в генерал-фельдмаршалы князя Трубецкого и генерала князя Долгорукого, который командовал войсками в Персии, да еще четверых в генерал-лейтенанты.

Марта 13 получено известие, что герцогиня Еолштейн-Еотторпская разрешилась от бремени принцем и по сему случаю был на другой день, 14-го числа, во дворце бал, на который приглашен был я со всеми чужестранными министрами.

Марта 17 барон д'Абихсдаль, оберцеремониймейстер, был у меня, и после длинного предисловия сказал мне с величайшей доверенностью, что

он желал бы поговорить со мной об одном деле с тем, чтобы оно осталось между нами. Дело состояло в том, что он спросил меня: буду ли я доволен, ежели Его величество пожалует мне орден Св. Андрея и может ли носить сей орден тот, кто имеет уже орден Золотого руна? На это я отвечал, что все знаки отличия, которыми угодно будет Его величеству меня удостоить, я приму за величайшую для себя честь, но просить о том никогда не стану. Что же касается до второй статьи, то я могу его уверить, что Золотое руно не мешает другим орденам, потому что король, мой государь, получил от папы разрешение, чтобы кавалеры сего ордена могли получать и другие, и что теперь у нас более 20 кавалеров Руна носят и другие ордена.

Почти в то же самое время получил я официальную депешу от маркиза де ла Паз, которой он уведомил меня именем короля, что как бракосочетание принца Астурийского с инфантой Португальской и принца Бразильского с нашей инфантой Донной Марианной Викторией уже заключено, то Его величество повелевает мне торжествовать оба сии бракосочетания особенным праздником. Вследствие сего я решился объявить царю о сем событии и просил аудиенции, которую и назначили 28-го числа в 3 часа пополудни. На сей аудиенции я говорил царю речь от имени короля, моего государя, и Его величество отвечал мне с изъяснением величайшего дружественного расположения к королю.

По выслушании сего ответа я хотел удалиться, но барон Остерман сказал мне, чтобы я подошел к царю, который желает украсить меня своим орденом Св. Андрея в ознаменованье доброго известия, от меня полученного, и уважения к моей особе.

Тут князь Иван Долгорукий, обер-камергер, поднес Его величеству знаки ордена на вызолоченном серебряном блюде, и Его величество, взяв их, возложил на меня. Признаюсь, что манера и случай, которым воспользовался Его величество оказать мне эту милость, заставили меня принять сей орден с величайшей благодарностью, ибо, клянусь, что хотя оберцеремониймейстер и говорил мне о том за несколько дней, но я нимало не думал, чтобы это случилось в сей день. По принесении мной благодарности Его величество приказал мне обедать с ним: ему угодно было почтить меня без всякой со стороны моей заслуги.

Апреля 1 Его величество изволил пожаловать ко мне обедать со всеми кавалерами ордена Св. Андрея и министрами Верховного совета. У меня было накрыто три стола да сверх того стол для солдат и служителей, бывших при Его величестве. Мы выпили с лишком 600 бутылок вина. Его величеству угодно было остаться у меня до 6 часов. Он был очень весел и очень доволен.

В половине апреля дошло даже до самого царя какое-то писание, неизвестно кем написанное, в котором оправдывался князь Меншиков и восхвалялись великие способности и ум сего несчастного министра. Писание заключалось в том, что ежели не призовут его опять, то дела никогда не пойдут хорошо. Очевидно было, что эта бумага была писана самим князем или кем-либо из преданных ему. Поэтому произведен был строгий розыск и издан царский указ, которым обещана была большая награда тому, кто откроет сочинителя. Вследствие сего узнали, что духовник царицы-бабки получил тысячу ефимков за то, чтобы он постарался ввести Меншикова в милость царицы. Духовника взяли тотчас к допросу, и как он признался в своем преступлении, то его наказали строго, а Меншикова отправили на Березовый остров у Ледовитого моря, в 10 тысячах верстах от Москвы. Свояченица его Варвара была сослана в какой-то монастырь на границе персидской, а другая его свояченица, жившая в Москве, была взята, и уже хотели бить ее кнутом (это в России пытка), но как она призналась во всем, чего от нее требовали, то и оставили ее только в заключении. За несколько дней до сего происшествия княгиня Меншикова умерла с печали от несчастья своего мужа, которого сказанное писание повергло еще в большее, ибо, если бы он или его друзья не сделали этого, то я думаю, что ему позволили бы жить спокойно в Ораниенбурге.

Мая 2, по старому стилю, день Пасхи, все мы чужестранные министры приехали во дворец для поздравления царя, и Его величество заставил нас выпить по рюмке вина за свое здоровье, то же самое было и в комнатах обеих принцесс.

Барон Остерман, заботившийся только о том, чтобы держать русское царство в том положении, в котором оставил его Петр I, желал, чтобы двор возвратился в Петербург, где царь может гораздо лучше знать все то, что делается в свете. Но это не нравилось русским, которые занимались более своими, нежели государственными делами, и старались удерживать его в Москве, чтобы быть поближе к своим домам и деревням. И действительно, при помощи князя Ивана Долгорукого, царского фаворита, они склонили Остермана на то, чтобы двор возвратился в Петербург не прежде зимы, а чтобы заставить царя еще больше полюбить Москву, то его возили по ближайшим загородным домам, забавляя его беспрестанно охотой, которую он любил чрезвычайно, и твердили о величайшей разности климата московского и петербургского. И в самом деле они говорили правду, потому что нет земли и климата лучше московского.

Именно в это самое время обнаружилась ненависть князя Долгорукого,

фаворита, к барону Остерману, к которому царь имел еще некоторое уважение. Она простиралась до того, что однажды он велел мне сказать, без всяких околичностей, что ежели я люблю Остермана более, нежели его, то он сделается мне явным врагом. Каждый легко поймет, что такое признание требовало от меня величайшей осторожности, но, по счастью, я оставался в согласии с обоими, отвечал фавориту, что мне нельзя не бывать часто у Остермана по делам моего посольства, как у министра, который назначен вести переговоры с чужестранными, и в то же время я дал почувствовать Остерману, что приязнь моя к Долгорукому происходит от того, что мне очень хочется угодить царю, который любит Долгорукого. Сам я успокоил обоих и могу сказать, что тот и другой остались мне хорошими приятелями.

Мая 18, в день восшествия царского на престол, был большой съезд во дворец для принесения поздравления великой княжне, сестре Его величества. Ее высочество сделала мне честь, приказав мне остаться обедать у нее, и за столом была весьма милостива ко мне. Здоровье ее было не в очень хорошем состоянии: врачи думали, что у нее чахотка, и вследствие сего лечили ее так, как будто у нее была грудная болезнь. Но не чахотка была причиной ее болезни, и только один врач мог ее вылечить, именно брат ее. Его величество по восшествии своем на престол имел такую доверенность к своей сестре, что делал для нее все, и не мог ни минуты оставаться без нее. Они жили в величайшем согласии, и великая княжна давала удивительные советы своему брату, хотя только одним годом была старше его. Мало-помалу, однако же, царь привязался к своей тетке, принцессе Елисавете, а фаворит его и другие придворные, кои не любили великой княжны за то, что она уважала Остермана и благоволила иностранцам, всячески старались выхвалять принцессу, которая не любила своей племянницы, и сделали то, что через полгода царь не говорил уже с ней ни о каких делах и следственно не имел к ней никакой более доверенности. Великая княжна, у которой душа была превосходнейшая, чрезвычайно страдала от того, что брат удалился от нее, и это страдание усугублялось еще тем, что он ее обижал, отдавая при всех почет ее тетке, которая совсем перестала ходить к ней и торжествовала победу, перестав считаться с великой княжной. Вот настоящая причина ее болезни, и грусть ее была так велика, что она впала в изнурительную лихорадку, которая чуть было не свела ее в могилу, но крепкое ее телосложение и молодость избавили ее от сей опасности. Царь несколько недель пробыл в подмосковных, но возвратился 30-го числа и на другой день сделал смотр обоим гвардейским полкам. Он пригласил меня на сей смотр, и я остался

доволен экзерцицией сих полков.

Июня 2 поехал я к барону Остерману и очень удивился, найдя у него фаворита Долгорукого и отца его. Они смутились при моем входе, почему я счел приличным сократить мое посещение и, посидев немного, откланялся с большим желанием узнать, зачем они приезжали.

Я узнал это на другой день от самого фаворита, к которому заехал. Он сказал мне, что пробыл у Остермана более четырех часов, что Остерман, со слезами на глазах, просил его о дружбе, уверяя, что он никогда и ничего не будет делать без его согласия и будет говорить с царем не иначе как при нем, после чего они заговорили о здоровье царском, условясь, чтобы впредь всегда ездил за город с Его величеством врач, и что, наконец, они говорили о домашних делах. Он примолвил, что никогда не будет любить Остермана. Беседу нашу прекратил присланный от царя звать Долгорукого к себе.

Июня 4 получено известие о кончине герцогини Еолштинской, которая без прекословия была первой красавицей в Европе. Русских мало опечалило это горестное известие, да и сам царь не грустил, однако же велел надеть траур на три месяца. Еерцогиня была дочерью Петра I и покойной царицы Екатерины и вышла за герцога Еолштейн-Еотторпского в 1725 году.

Царь, пробыв в Москве только два дня, уехал опять за город, но фаворит велел мне сказать, что когда я назначу день своего праздника, то уведомил бы его, и он уговорит Его величество быть на нем.

Июня 23 получил я письмо от маркиза де ла Паз, который дал мне знать, что Его величество король, наш государь, совершенно одобряет то, что я принял Андреевский орден и повелевает мне благодарить царя именем Его величества за отличие, мне оказанное.

Приготовив все для праздника, который я должен был дать по случаю сугубого бракосочетания, я отправил нарочного к фавориту с просьбой доложить о сем царю и просить его о назначении дня. Мне отвечали, что Его величество назначил 27-е число, что он возвратится в Москву единственно для того, чтобы быть на моем празднике, и что я могу приехать туда, где теперь находится Его величество для формального приглашения. Я очень был доволен сим знаком милости, потому что никому не давалось позволения видеть Его величество, когда он занимался охотой с избранным обществом.

Вследствие сего я отправился в подмосковную фаворита Еоренки, где находился царь, и Его величество принял меня с отличным благоволением. Пригласив его формально на свой праздник и отобедав с ним, я рано возвратился в Москву для приглашения принцесс. Его величество приехал

в город в ту же самую ночь.

Наконец 27-го числа я дал свой праздник и, по мнению общему, он был лучше всех, какие только бывали в России. Бал длился до 3 часов утра, и царь уехал очень довольный моим праздником, который стоил мне 6979 рублей или 2000 испанских пистолей.

Июля 10, по старому стилю день Св. Петра, тезоименитства царского. Я приехал во дворец с графом Вратиславским, и царь приказал нам остаться обедать за его столом. Стол кончился почти в 5 с половиной часов, и как нам сказали, что в это же самое время начинается бал, то мы и остались там в беседе с бароном Остерманом и князем Василием Долгоруким. Вскоре пришел генерал Ягужинский сказать, что меня зовет к себе фаворит, и провел меня до его комнат, где я нашел фельдмаршала Долгорукого, с которым и познакомился. Мы попили порядочно. Сегодняшний бал продолжался до двух часов утра, и царь обращался со мной благосклоннее обыкновенного, так что весь двор заметил это.

В тот же день простили барона Шафировва и позволили ему приехать ко двору поцеловать руку у царя. Он был любимцем у Петра I и вице-канцлером, но несколько уже лет находился в опале, был лишен всех чинов и ордена Св. Андрея. Остерман, который очень его боялся, по причине больших его способностей, всегда сопротивлялся его прощению, но Долгорукие, которым он был родней, успели помочь ему, с тем, однако же, чтобы он оставался без должности и имел бы только счастье видеть своего государя. Впрочем, все дело состояло единственно в том, чтобы навести страх на Остермана.

Июля 22 царь возвратился в Москву по случаю дня рождения своей сестры великой княжны, и для того, чтобы принять от графа Вратиславского две богатые кареты, присланные в дар царю от императора.

Июля 23, по окончании приема карет, мы были у руки великой княжны и тот же час сели за ужин с Его величеством и принцессами, после чего танцевали до первого часа пополудни. В сей же день царь возвратил фельдмаршалу Долгорукому чин подполковника гвардии, которого, как и всех прочих, он был лишен Петром I за то, что пристал к его сыну, отцу нынешнего государя, погубленному в 1718 году.

В тот же день Его величество пожаловал орден Св. Александра Невского гофмаршалу Шепелеву и статскому советнику Наумову.

Июля 31 приезжал ко мне фаворит Долгорукий. На изъяснение мое о необходимости и последствиях возвращения в Петербург он уверял меня, что и сам желает уговорить к тому царя, но как его родитель и другие все стараются удержать царя в Москве, то ему не хочется, чтобы кто-либо знал

о его намерении, и даже с Остерманом он не будет говорить о том. Наконец, он обещал мне склонить на то царя, как скоро выпадет только снег, чтобы можно было ехать на полозьях, но просил содержать это в тайне, что я ему и обещал. Таким образом мы расстались.

В начале августа фаворит Долгорукий и барон Остерман, бывшие явными между собой врагами, помирились. Немало содействовал этому и я, хлопотав о сем с лишком четыре месяца. Со стороны Остермана я не нашел ни малейшего сопротивления, но очень трудно было уломать фаворита. Он имел врожденное отвращение к Остерману, которое поддерживали родственники и соотчичи, не желавшие между ними согласия, потому что Остерман был неспособен давать ему, подобно им, дурные советы, и поэтому всячески старались побуждать его к низвержению Остермана. Но наконец фаворит понял, что для него нужно жить в ладах с сим просвещенным министром, и потому он пристал к нему и не делал ничего, не посоветовавшись с ним.

В это же время возвращено имение всем тем, у которых оно было конфисковано Петром I за участие их в деле царевича, родителя нынешнего государя, погубленного в 1718 году. Эту милость исходатайствовал фельдмаршал Долгорукий, который и сам в то время попал в опалу, но Екатерина I возвратила ему и честь, и чины. Теперь он в великой милости у царя, который ему ни в чем не отказывает.

Августа 29 я имел честь крестить с великой княжной дочь одного придворного контролера, а как здесь в обычае дарить куму, то я поднес ее высочеству табакерку, осыпанную бриллиантами, ценой в 500 испанских пистолей или в 1750 рублей.

Сентября 6, день Св. Наталии, именины великой княжны. По сему случаю был во дворце праздник, состоявший, как и прежде, из ужина, бала и фейерверка.

Сего же дня получил орден Св. Александра Невского генерал-лейтенант Балк.

На сем празднике все заметили величайшую перемену в обращении царя с принцессой Елисаветой, в которую он был действительно влюблен, но поступки этой принцессы и происки ее врагов до того подействовали на монарха, что его любовь превратилась в презрение. Прежде он беспрестанно говорил с ней, а теперь не сказал ей ни одного слова и даже ушел не простившись. Главное побуждение, которое заставило царя поступить таким образом, было сообщение служанки, недовольной княгиней, которая довела до сведения Его величества о всем ее образе действия, сводящемся к тому, что она не хотела отдаться Его величеству в

надежде еще более влюбить его в себя своим сопротивлением и заставить его жениться на себе, хотя это было против правил русской религии из-за родства. У нее давно была связь с одним гренадером, и в настоящее время другая с генералом Бутурлиным, его камергером. Я не ручаюсь за справедливость этого обвинения, но его было достаточно, чтобы изменить образ мыслей царя, который не мог уже более ее любить.

Сентября 9 я долго беседовал с князем-фаворитом. В сильных выражениях говорил я ему против всего того, что англичане могли бы затеять во вред нашего союза, и склонил его к тому, что он обещал мне убедить государя твердо держаться условий, не вникая никаким противным предложениям. После сего я долго уговаривал его о продолжении дружбы с бароном Остерманом, доказывая, что ежели они будут жить согласно между собой, то тем лучше могут служить государю и тем сильнее могут противиться своим врагам. Он мне обещал это.

Немедленно после сего я стал говорить ему о нашем возвращении в Петербург, а он сказал, что уже два раза заговаривал о том государю, и надеется, что к зиме мы отправимся туда. Но между тем, однако же, он в этом не уверен, потому что пока еще можно будет охотиться, то настоятельно говорить нельзя, а как скоро придет время, он всячески будет стараться об отъезде при первом выпавшем снеге.

По окончании сей политической беседы он дал мне знаки ордена Св. Александра, чтобы я мог надеть их завтра на праздник сего святого, надевая уже ордена Св. Андрея, как то делает сам царь и все кавалеры Андреевские, кои вместе с тем и Александровские, точно так как во Франции все кавалеры ордена Св. Духа суть кавалеры и ордена Св. Михаила.

Сентября 10 все кавалеры Андреевские были приглашены во дворец, и по окончании обедни мы обедали с Его величеством, заняв места по старшинству.

Сентября 16, именины принцессы Елисаветы. Ее Высочество пригласила нас в свой дворец в 4 часа пополудни на ужин и на танцы. Царь приехал не прежде, как к самому ужину, и едва только он кончился, то уехал, не дожидаясь бала, который я открыл с великой княжной. Никогда еще не показывал он так явно своего отвращения к принцессе, что очень ей было досадно, но она, как будто не заметив сего, показывала веселый вид всю ночь. На этом бале потерял я перстень в 2000 ефимков, но его нашли на другой день, подметая комнаты.

Через два дня после сего царь отправился опять на охоту за город и пробыл там пять недель. Министры последовали его примеру, и таким

образом в Москве остались только великая княжна и иностранные министры. Октября 14 царь возвратился в Москву.

Октября 17 Его величество получил от короля Польского орден Белого орла, который возложил на него граф Вратиславский.

В это же время я узнал, что граф Вратиславский старается женить царя и выдать замуж великую княжну. Императору и герцогу Бланкенбургскому хотелось сделать мену с Россией, женив царя на дочери герцога Брауншвейг-Бевернского, а старшего сына сего герцога на великой княжне. Но едва только граф заговорил о том, то получил отказ, потому что 1) герцогиня Бевернская была сестрой матери царской, и следовательно, дети ее были двоюродными Его величеству, поэтому брак сей не мог состояться как совершенно противный русской церкви, запрещающей бракосочетание между близкими родственниками; 2) потому что не хотели русскую великую княжну выдать за принца младшего; 3) потому что царь не имел еще ни малейшего желания вступать в брак, а болезнь великой княжны не позволяла вступать в переговоры о ее бракосочетании до тех пор, пока она не выздоровеет от своей тяжкой болезни.

Вместе с сим граф Вратиславский, вследствие повеления, полученного им от своего двора, предлагал также о бракосочетании принцессы Елисаветы с маркграфом Бранденбург-Барейтским. Он говорил о том с Остерманом, который одобрил это и обещал узнать от фаворита, можно ли будет надеяться на успех.

Октября 23 день рождения государя праздновали с величайшей пышностью.

Октября 25 я представил царю две борзые собаки, кои нарочно выписал из Англии, и Его величество так был доволен, как будто я подарил ему целую область. В тот же вечер он поехал опять за город, сказав, что воротится не прежде, как выпадет первый снег.

В ноябре болезнь великой княжны дошла до того, что и сами врачи признались в невозможности ее исцеления. Вследствие сего отправили к царю курьера, и он приехал в Москву 18-го числа.

Ноября 19 врачи предписали великой княжне пить женское молоко как единственное средство, которое может спасти ее и которое предлагал я с лишком за четыре месяца до того.

Ноября 21 умер великий адмирал Апраксин, и чин этот был упразднен. Это был хороший человек, совсем не враг иностранцам, чрезвычайно храбр, с большими познаниями. Он оставил большое состояние, из которого небольшую только часть отказал своей родне, а все остальное велел раздать своим друзьям и служителям, но большую часть завещал

царю.

Новое лекарство, предписанное великой княжне подействовало хорошо, и ей сделалось было легче, но 28-го числа она дошла до того, что впала в беспамятство, и некоторое время считали ее уже умершей, потому что она вся похолодела, и врачи отчаялись совсем за ее жизнь.

Ноября 30 долго беседовал я с фаворитом и сильно настаивал на возвращении нашем в Петербург, представляя ему, как это полезно не только для царской службы, но и для него собственно, потому что удалит Его величество от старых русских, которые ежедневно старались отвратить от него царя, а как скоро этих господ при нем не будет, он получит полную власть над царем. Я прибавил к этому, что кончина великой княжны, которая нам угрожает, была бы самым благовидным предлогом уехать из Москвы, где Его величество лишился той, которую он любил так нежно. Мне удалось убедить его, и он уверил меня, что употребит все возможное, чтобы склонить на то царя, но как все русские противятся этому переезду, и того не желает его отец, то он просил не говорить о том никому.

Декабря 1 был я у Остермана и нашел его в слезах о состоянии здоровья великой княжны. Он сказал мне, что трепещет за царя и не ручается за его жизнь, если он не выедет из Москвы, климат которой, по его мнению, нездоров для него, а особливо ввиду участи его сестры. В ответ на это я пересказал ему все то, что фаворит говорил мне накануне, и Остерман, поблагодарив меня за то, просил убедительно напомнить ему об этом при первой встрече.

Великая княжна провела ночь с 2 на 3 число довольно хорошо, ибо спала около 6 часов, но утром 4-го напала на нее жестокая лихорадка, которая ослабела к вечеру. В 10 часу она, помолившись, хотела лечь спать, но едва только легла в постель, как на нее напали такие жестокие судороги, что она скончалась не более как в две минуты.

Так кончила жизнь великая княжна Наталия Алексеевна, сестра Петра II, имев от роду 14 лет и несколько месяцев. Она украшалась всеми возможными хорошими качествами, не была красавицей, но что значит красота, когда сердце совершенно? Она была покровительницей иностранцев и говорила очень хорошо на французском и немецком языках, была кумиром всех честных людей, перлом России. Словом, слишком совершенна для того, чтоб Бог оставил ее в среде варваров, которым неизвестно, что такое истинная и неизменная добродетель, и Бог не дозволил ей жить долго на сем свете.

Царь, узнав о кончине своей сестры, впал в величайшую печаль, не мог заснуть во всю ночь и утром, в 4 часа, переехал из Слободского дворца,

где умерла великая княжна, в Кремлевский.

В этот день я не мог видетсья с Остерманом, хотя заезжал к нему два раза, но 5-го числа застал его дома в таком горестном состоянии, что он едва мог говорить. Я утешал его как мог, советуя, чтобы он поберег себя для спасения жизни государя, заставив его бежать из Москвы. Он отвечал, что в этом состоит все его желание и что он будет неутешим, если царь не согласится на то.

Я искал случая увидетсья с фаворитом, но не мог найти его до 8-го числа.

Между тем Остерман запиской просил меня побывать у него, чтобы поговорить об одном важном деле. Я приехал к нему 6-го числа поутру и нашел его в отчаянии от неосторожности и болтовни графа Вратиславского. В самый день кончины великой княжны князь Сергей Долгорукий обедал у графа Вратиславского, который, напившись порядочно, сказал, что ему весьма хочется, чтобы царь переехал в Петербург, примолвив, что он считает себя очень несчастным, что не может обратит на себя благоволение не только царя, но даже его фаворита с тех пор, как приехал в Москву, что другие (а это был я), приехавшие прежде его, были счастливее, но что никто более его не желает царю славы и счастья. Остерман сказал мне, что фаворит знал уже это и говорил о том с сердцем, потому что он ненавидит Вратиславского и потому что хотя князь Сергей и дядя ему, но он был явным ему врагом.

Декабря 8 я долго беседовал с фаворитом и, засвидетельствовав сожаление о кончине великой княжны, дал ему почувствовать необходимость возвращения в Петербург, примолвив, что это весьма нужно: для государя по причине его здоровья; для государства, чтобы у Его величества перед глазами были завоевания, сделанные его дедом, и флот, который истребится, если двор еще долго останется в Москве; и наконец для самих Долгоруких, потому что если с царем случится какое несчастье, то они пропадут совсем: ибо общая ненависть к ним так велика, что народ передушит их всех, но в Петербурге, какое бы ни случилось несчастье, он и весь его род не подвергнутся никакой опасности. Он был согласен со всем и обещал то же самое, что и прежде, то есть убеждать царя возвратиться в Петербург.

Переговорив о сем деле, князь стал сильно жаловаться мне на графа Вратиславского и пересказал то, что я слышал уже от Остермана, но к этому прибавил, что граф жаловался на него князьям Сергею и Василию Долгоруким, кои отъявленные ему враги.

Декабря 11, по старому стилю день Св. Андрея, все мы, кавалеры сего

ордена, были во дворце для поздравления царя, но, по случаю кончины великой княжны, праздника не было.

Продолжая свою реляцию в виде журнала, скажу, что в первый день января 1729 года я положительно узнал, что никакими средствами не могли ни в чем обвинить графа Александра Нарышкина и что причиной его опалы была ненависть к нему князя Алексея Долгорукого, отца фаворита.

Января 7 я был у тела великой княжны, которое было выставлено во дворце с величайшим великолепием. Как в России ведется обыкновение целовать руку умерших государей, как будто они еще живы, то я не хотел устранить себя от сего обычая и поцеловал руку у покойницы с величайшим умилением.

Января 12, день Нового года по старому стилю, был я с поздравлением у царя, а потом обедал у фаворита и имел время порядочно поговорить с ним. Он сказал мне, что, считая меня своим другом, убедительно просит не дружить с Бутурлиным, камергером принцессы Елисаветы, потому что он дрянь и способен на дурные дела, что прежде он был с ним дружен, но узнав, что это ему вредило, он оставил его. Что обер-шталмейстер Ягужинский, потому что его любит, сделает все, что только может, чтобы прервать эту связь, а как я дружен с Ягужинским, то он просит меня помогать ему в этом. Я дал ему слово и действительно через несколько дней говорил Ягужинскому так настоятельно, что тот обещал раздружиться с Бутурлиным, что и сделал. Фаворит был много мне обязан за это доброе дело.

Января 13 Остерман сказал мне, что фаворит уведомил его о всем том, что он говорил со мной с глазу на глаз и что они условились погубить Бутурлина, потому что очень опасно было оставлять его на том месте, на котором он мог давать дурные советы государю. Но прежде исполнения сего они хотели прервать дружбу между ним и Ягужинским, чтобы не подвергнуть опале и сего последнего.

Я заезжал к фавориту 17, 20 и 23-го числа и нашел, что он очень охладел в нашем деле, как о том уже предуведомил меня Остерман. Мне хотелось вселить в него поболее жара, и потому я говорил ему сильно, доказывая необходимость возвращения в Петербург. Он обещал мне то же, что и прежде. Правда и то, что отец его, узнав кое-что из наших совещаний, старается не отходить от царя ни на минуту, и чтобы еще более отвратить его от возвращения в Петербург, он уговорил его ехать на охоту на несколько недель за 50 верст от Москвы, в той уверенности, что по возвращении в Москву начнется уже оттепель и дорога испортится так, что поездку должно будет отложить до будущей зимы, ибо он очень хорошо

знал, что царь не выедет из Москвы летом по причине множества дичи в окрестностях сего города, чего нет в Петербурге.

В это время князь Алексей Долгорукий, отец фаворита, приучил царя ездить каждый день поутру, как скоро он оденется, в одну подмосковную Его величества, село Измайлово, в одном лье от города, под предлогом совсем разлучить его с принцессой Елисаветой, но в сущности, чтоб удалить его от всех тех, кои могли говорить ему о возвращении в Петербург, а также чтобы он не занимался государственными делами, и чтобы поселить в него, елико возможно, мысль о введении старых обычаев и, наконец, для того, чтобы заставить его жениться на одной из своих дочерей. Со своей стороны принцесса Елисавета, видя, что царь ее покинул, начала довольно беззастенчиво вести жизнь, недостойную ее рождения, и на людях входить в связь с людьми низкого происхождения, как с гвардейскими гренадерами и другими.

Января 28 узнал я наконец от фаворита, что о возвращении в Петербург и думать более нельзя, потому что этому сильно противятся и, более нежели когда, стараются отвратить от сего государя. Я воспламенял его всячески, но понапрасну, ибо увидел, что отец и родня так его застращали, что он не смел более говорить о том.

Января 31 совершились похороны великой княжны с величайшим торжеством и великолепием. Государь присутствовал во все время сего обряда. По окончании божественной службы открыли гроб, и Его величество дал последнее целование усопшей с величайшей нежностью.

Февраля 4 я долго пробыл у Остермана и сильно говорил ему о возвращении в Петербург, сказав, что я получил от короля, моего государя, повеление следовать всюду за Его величеством, и что если мы проведем весь год, не выдав его и не имея никого, с кем вести переговоры о делах, то бесполезно будет для короля держать меня в России, и это даже неприлично для королевского достоинства. Он соглашался со мной и просил меня поговорить о том с фаворитом и сделать последнее усилие.

Февраля 5 я отправился к графу Вратиславскому, говорил ему то же, что Остерману и довел его до того, что он согласился ехать со мной к государственному канцлеру и к прочим министрам, чтобы настойчиво поговорить о поездке царя и что не совсем прилично для нас оставаться здесь целый год, не видя Его величества.

Февраля 7 граф Вратиславский и я были у государственного канцлера, у Остермана и у всех прочих чинов Верховного совета. Мой товарищ согласился, чтобы я говорил за нас обоих, и, вследствие сего, я изобразил, сколько можно сильнее, неудобства, происходящие от отсутствия царя на

три или на четыре месяца за 40 или 50 лье от Москвы, в такое время, когда мы не знаем, чем кончится конгресс, и что в случае войны присутствие Его величества в Москве необходимо для распоряжения относительно выполнения условий, заключенных на Венском конгрессе. После сего изобразил я им, как противно достоинству наших государей, что мы так долго живем в Москве, не зная, с кем говорить о делах, и что, наконец, мы принуждены будем донести нашим государям о бесполезности нашего пребывания здесь в таких обстоятельствах. Все министры выслушали нас внимательно и обещали стараться отвратить государя от преднамеряемой (новой) поездки.

Февраля 8 отправился я один к фавориту и в сильных выражениях сказал ему то, что я говорил министрам Совета, примолвив, что все жалуются на образ жизни царский и всю вину слагают на отца его, князя Алексея, что вся ненависть к отцу может пасть и на него самого, и следственно, для собственной его пользы, надобно сделать так, чтобы царь чаще показывался народу, не уезжая из Москвы на такое долгое время, и ознакомился поболее с теми, кои приезжают ко двору. Он с благодарностью принял откровенность, с которой я говорил ему, и обещал всячески стараться остановить предположенную поездку.

Через четыре дня после сего я опять был у него, 12-го числа. Он сказал мне, что все то, что я говорил ему в последнее свидание, так на него подействовало, что он много говорил государю и ему удалось сделать то, что впредь Его величество будет ездить на охоту не более как за 8 или 10 лье от Москвы. Это принесло мне немало удовольствия, потому что сделал это я один, придумав ехать с Вратиславским ко всем министрам и говорить о сем деле.

После сего я очень часто виделся с министрами и с фаворитом, но в течение двух недель не случилось ничего замечательного. В это время нашел я нужным донести королю о настоящем положении русского двора и отправил к нему очень подробную депешу, из которой представляю здесь выписку, чтобы знали, в каком положении находились тогда дела.

«Все были очень недовольны чрезмерной властью дома Долгоруких, кои управляли всем без исключения. Фаворит, уверенный в царской к нему любви, не всегда бывал при государе и большую часть времени проводил в своих забавах. Я, любя его, часто говорил ему о том, но все понапрасну. Не было недостатка в людях, кои, желая погубить фаворита, говорили царю о дурной его жизни, и даже сам отец его, из зависти к нему, искал случая ослабить влияние его. Это покажется очень странным, но надо знать, что в России не ценят никого и не верят никому, а каждый думает о собственной

выгоде, ради которой жертвуют отцом, матерью, сыновьями, родственниками и друзьями.

Князь Голицын, бывший послом в Испании, а теперь камергер, сначала понравился было Его величеству. Он происходил из такого дома, который всегда враждовал с Долгорукими, и был умен, а отец его был одарен отличными способностями и человек очень решительный. Все ожидали, удостоится ли князь Голицын благоволения к себе государя, ибо в этом случае дом Долгоруких подвергнется опале, следствием чего будет большая перемена в правлении, и все иноземцы должны будут считать себя погибшими, потому что Голицыны, все вообще, ненавидят их. И с другой стороны, все в Москве роптали на образ жизни царя, приписывая это тем, кои окружали Его величество. Любившие отечество приходили в отчаяние, видя, что государь каждый день поутру, едва одевшись, садится в сани и отправляется в подмосковную с князем Алексеем Долгоруким, отцом фаворита, и с дежурным камергером, и остается там целый день, забавляясь, как ребенок, и не занимаясь ничем, что нужно знать великому государю. Мне очень хорошо было известно, что одна из главнейших целей князя Алексея состояла в том, чтобы удалить царя от принцессы Елисаветы, и как о том почти никто не знал, то всю вину слагали на него. У него была еще другая причина увозить царя каждый день за город, и именно: любовь его ко второму сыну Николаю, которого он хотел ввести в милость и тем удалить старшего. Фаворит знал все, что против него замышляют, но, несмотря на это, не было средства заставить его бывать чаще с царем. Весьма часто говорил я ему об этом. Но он всегда отвечал мне, что не ездит с государем за город, потому что не хочет быть свидетелем глупостей, которые заставляют его делать, и бесстыдств, сопровождающих его. Но образ жизни его ясно показывал, что настоящим побуждением к тому было желание пользоваться отсутствием царя, дабы веселиться и вполне предаваться разгульной жизни.

С другой стороны, Верховный совет не собирался. Государственный канцлер лежал в подагре. Остерман был в отчаянии и от того занемог. Князь Голицын притворился больным и не хотел слышать о делах. Князь Алексей Долгорукий был беспрестанно с царем, а князь Василий Долгорукий занимался только интригами, стараясь, чтобы двор не возвращался в Петербург. Он мог бы пособить горю, если бы захотел, потому что князь Алексей, который один только мог действовать на государя, следовал слепо его советам, но он находил удовольствие видеть дела в дурном положении, думая посредством сего ввести старинные обычаи. При этом, однако же, не было недостатка в людях, кои извещали

царя о ропоте народном и о дурном поведении Долгоруких и пр., и это заставляло надеяться, что Его величество, одаренный проницательным умом и решительным характером, может принять меры, кои произведут большую перемену в делах.

В таком беспорядке могло бы случиться что-нибудь такое, что было бы противно достоинству короля, моего государя, и потому я счел обязанностью донести о том Его величеству, присовокупив, что я делаюсь совершенно ненужным в России, где достаточно будет одного резидента или секретаря, на которого можно возложить небольшое число дел, оставшихся для переговоров».

В исходе февраля сослали графа Александра Нарышкина^[186] на житье в его деревню, в 50 с лишком лье от Москвы, но, как не могли уличить его ни в чем против государя или государства, то очевидным сделалось, что причиной его опалы были страх, который он внушал, и ненависть к нему его соперников и врагов.

Марта 8, в день восшествия на престол царя, был съезд ко двору для целования руки. При сем случае Его величество пожаловал орден Св. Александра Невского графу Краму, посланнику Бланкенбургскому (за которого я просил), барону Остерману, посланнику Мекленбургскому и брату вице-канцлера, генерал-лейтенанту Лефорту, камергеру Строганову и генералам Измайлову и Леонтьеву. Впрочем, все мы, иностранные министры, ужинали с государем, и после прекрасного фейерверка начался бал, который продолжался до 7 часов утра. Принцесса Елисавета не была на этом празднике, сказавшись больной, но выздоровела на другой день. О чем много было толков.

Марта 12 царь отправился на охоту за 12 лье от Москвы и пробыл за городом до Святой недели. Хотя его отсутствие не должно было продолжаться так долго, как было положено прежде, но, несмотря на то, ропот не прекращался. Всю вину возлагали на князя Алексея Долгорукого. Он, под предлогом царской забавы и чтоб лишить его случая видаться с принцессой Елисаветой, каждый день выдумывал новые причины с целью удалить Его величество от всех, и это по четырем побуждениям: 1) иметь его совершенно в своей власти; 2) вселить в него старинные русские правила и некоторую ненависть к законам и благим учреждениям Петра I; 3) заставить его мало-помалу жениться на одной из своих дочерей и 4) сими поездками уменьшить доверенность к Остерману, потому что Долгорукий боялся, и не понапрасну, что сей благоразумный министр, заботившийся только о том, чтобы воспитать своего государя в правилах его деда, заставит его не токмо жить в Петербурге, но и вступить в брак с

какой-нибудь иностранной принцессой. Фаворит был совершенно другого мнения с отцом, но никак не смел идти против него и, сколько волей, столько же и неволей, решился не советовать Его величеству ни в пользу, ни против видов своего отца.

В самый день царского отъезда я поехал к фавориту и долго просидел у него. Он, любя меня, говорил со мной откровенно, и я воспользовался сим случаем говорить ему так, как будто бы я сам был русский. Я изъяснил ему ропот народный на отца и всех Долгоруких, следствия, кои могут произойти от дурного воспитания государя, к погибели их всех. Намекнул ему про обязанности его самого и отца его советовать царю заняться делами государственными и держать Россию в том цветущем и грозном положении, в которое поставил ее великий дед его, чтобы он хотя несколько раз присутствовал в Совете и заставлял докладывать себе о государственных делах. Я привел ему в пример короля французского Людовика XV, который, быв еще ребенком, присутствовал в своем Совете, дабы научиться искусству царствовать, также пример нашей покойной королевы Савойской, которая, сделавшись правительницей Испании в 14 лет, имела терпение присутствовать в каждом собрании Совета. Словом, я высказал ему все то, что внушали мне дружба к нему, почтение к государю его и небольшая моя опытность. Но хотя он и соглашался со мной во всем и благодарил меня, однако же мне показалось, что не слишком много хотел последовать моим советам по причине своего нерешительного характера, о котором я уже говорил.

Вследствие сего я отправил королю, с первым курьером, донесение, в котором повторил все то, о чем писал уже несколько раз, то есть Русское государство скоро придет опять в прежнее свое состояние, чему пособить никто не хочет, и что царя не только не будут уважать его соседи, но и что он сделался совсем бесполезным для своих друзей и союзников, что иностранные министры играют очень жалкую роль при дворе, потому что видят государя только в праздничные дни, и то мимоходом, не обращая на себя никакого внимания, что Остерман страдает и страдания его умножаются еще более от того, что каждый день отнимают у него способы помочь злу. Словом, что один только Бог может устранить сей беспорядок, внушив царю, когда он возмужает, желание последовать славному примеру его деда. Через несколько дней после сего приехал из Сибири курьер с известием, что караван, отправленный в Китай в 1726 году, возвратился на границы. Это известие принесло величайшее удовольствие министерству, которое увидело следствия негоциаций графа Саввы Рагузинского.

Марта 17 жена и обе дочери князя Долгорукого, отца фаворитова,

приезжали к царю во время его охоты, что заставило многих призадуматься, потому что все знали, что Долгорукому хотелось женить царя на одной из своих дочерей. Думали, что в это же самое время будет и сговор, однако же ошиблись. Я много говорил о сем деле с Остерманом, который признался, что также боится этой свадьбы, но никак не думает, чтобы дело это уже так подвинулось.

Апреля 4 государь возвратился в Москву, и мы узнали, что вместо сговора его на дочери Долгорукого Его величество имел некоторое неудовольствие на сего министра, которое, однако же, осталось без всяких последствий.

В это время было в Москве чрезвычайное множество больных, так что в каждом доме лежало в постели с лишком три четверти слуг и многие стали бояться какой-то заразы. Но когда, по повелению царя, были вскрыты тела умерших скоропостижно и других, то нашли, что эта болезнь не была нимало заразительной.

Апреля 18 царь занемог простудной лихорадкой с кашлем, но, пролежав в постели в испарине, он выздоровел через три дня.

В исходе апреля князь Голицын, начальствовавший в Украине, донес, что татары делают некоторое движение, и просил о присылке некоторого числа пехотных войск, потому что в мирное время никогда их не бывает в тамошних местах. По сему отправили к нему три полка под начальством генерал-майора Бутурлина, которого выбрали не потому, что его считали способным, а для того, чтобы отдалить его от принцессы Елисаветы, у которой он был фаворитом и камергером.

Мая 6 царь отправился на охоту в подмосковную на две недели и возвратился.

Мая 24 поехал опять, верст за 50 от Москвы.

Июля 10, день Св. Петра, именины царские, был во дворце праздник с обыкновенным великолепием и продолжался три дня с иллюминацией.

Июля 16 царь поехал на охоту.

Августа 4 Г. Дитмар, агент шведский, получил от двора своего повеление объявить русскому министерству, что его шведское величество соглашается дать царю титул императора и через несколько дней пришлет о том свою грамоту. И действительно, через восемь дней Дитмар получил эту грамоту и поднес ее.

Сим средством несогласие между обоими дворами кончилось. В то же самое время Дитмар получил кредитив на звание чрезвычайного посланника и представил его. Русский двор был очень доволен.

Сентября 10, день Св. Александра Невского и кавалерийский

праздник. Царь рано возвратился в Москву, и, по окончании обедни, все кавалеры имели честь обедать с Его величеством, который вечером опять отправился на охоту.

Сентября 12 намерение отправить князя Куракина в Берлин вдруг переменили и на его место назначили князя Еолицына, который был в Испании. Причина этому была та, что царь не скрывал благорасположения своего к сему последнему, и это встревожило Долгоруких, кои, боясь, чтобы он не сделался наконец фаворитом, удалили его от двора и, с посылкою его в Берлин, дали ему чин действительного тайного советника, дабы, возвратясь, он не мог уже так часто бывать при государе по званию камергера, ибо в России такой обычай, что кто имеет чин действительного тайного советника, тот уже не может занимать место камергера.

Сентября 19 царь отправился на охоту, и с ним поехали: фаворит, отец его, мать и сестры. А как эту поездку устроил также князь Алексей Долгорукий, то все думали, что теперь-то он достигнет своего желанья, которым уже давно занят, женить царя на одной из своих дочерей.

Сентября 20 прусский министр возобновил трактат, заключенный его двором в 1725 году с императрицей Екатериной, и хотя это очень скрывали, но узнал, что трактат главнейше состоял в гарантии с обеих сторон о сохранении завоеваний, сделанных у шведов в последнюю войну, и в оборонительном союзе в случае нападения.

Важного ничего не случилось до 23 октября, дня рождения царского. Думали, что Его величество приедет в Москву, и потому все было приготовлено для торжествования сего дня, но он не приехал, и весь праздник состоял только в большом обеде во дворце, к которому были приглашены все чужестранные министры и первейшие придворные чины, а угощал барон Остерман, по званию своему обер-гофмейстера.

Причина, по которой царь не возвратился в Москву, состояла в том, что князь Алексей Долгорукий так ревновал ко всем, что ему пришло в голову, что ежели Его величество проговорит хоть полчаса с другим, то он лишится его милости, да сверх того, он занимается только мыслью выдать одну из дочерей своих за царя, то и боится, чтобы в Москве кто-либо из его врагов не помешал ему в этом. Я был уверен, что бракосочетание будет объявлено по возвращении царя в Москву, но в этой уверенности был только я один из всех чужестранных министров. Граф Вратиславский и другие не хотели верить этому, потому что Остерман сказал им, что этому быть нельзя, и, полагаясь на это, они уведомили свои дворы, что хотя и говорят о бракосочетании царя с одной из княжен Долгоруких, но до этого еще далеко. Остерман и мне говорил то же, но я, быв твердо уверен, что

Долгорукие скоро успеют в своем намерении, положительно донес королю, что царь женится тотчас по возвращении своем в Москву.

Ноября 20 царь возвратился в Москву, и тут же стали громче говорить о свадьбе.

Наконец, 30-го числа царь призвал к себе министров Верховного совета, фельдмаршалов и других первейших особ и объявил им, что вступает в брак с княжной Екатериной, старшей дочерью князя Долгорукого и сестрой фаворита. После сего все подошли к руке, а потом отправились в апартаменты княжны для того же. Через два дня церемониймейстер, по приказанию царя, возвестил об этом всем иностранным министрам, и мы за тем осведомились о дне, когда можем поздравить царя и будущую царицу. Нам назначили быть во дворце 5 декабря, то есть в день Св. Екатерины и именин княжны. Мы собрались во дворце и представились царю, представились и княжне.

Декабря 11, день Св. Андрея, все кавалеры сего ордена съехались во дворец, а вечером совершилось обручение с величайшей пышностью. Как скоро все было готово для сего обряда, фаворит отправился из дворца за княжной, которая приехала с большой свитой. Весь дипломатический корпус был приглашен во дворец, а генералам и вельможам русским было приказано собраться там же в 3 часа пополудни.

Как скоро княжна приехала ко дворцу, то ее встретили у крыльца оберцеремониймейстер и обер-гофмаршал, кои проводили ее в залу, где все уже было готово для совершения обручения. Она села у наоя в кресла, а по левую у нее сторону сели принцессы крови на табуретах, по правую же вдовствующая царица в креслах, а позади мать, сестра и родня княжны. Кресла царские были поставлены против кресел княжны, подле стола, на котором лежало Евангелие, по правую сторону было место для чужестранных министров, а по левую для русских вельмож.

По середине зала стоял налой, а подле него архиепископ Новгородский, первенствующий в России, со всем духовенством в полном облачении. Против наоя был устроен великолепный балдахин, поддерживаемый шестью генерал-майорами.

Царь, получив донесение от обер-камергера о приезде княжны, вышел в залу, посидев несколько минут, стал с ней под балдахин, где архиепископ обменял их перстнями по уставу греческой церкви. По окончании сего царь и княжна сели опять на свои места, и тут все присутствующие подходили к целованию их рук и была пушечная пальба. Затем сожжен был прекрасный фейерверк и начался бал, который продолжался очень недолго, потому что княжна очень устала. Ужина не было, но для желавших поставлены были

столы.

Надобно заметить, что хотя дом Долгоруких был из древнейших в России и в это время сильнейшим по любви к нему государя, но все они так боялись других, что в день обручения караул во дворце состоял из целого батальона гвардии 1200 человек, между тем как в обыкновенное время занимают его только 150. Даже приказано было гренадерской роте, которой капитаном был фаворит, войти в залу тотчас за царем и поставить часовых ко всем дверям. Даже велели зарядить ружья боевыми патронами и если бы произошло какое смятение, то стрелять на недовольных. Это распоряжение сделал фаворит, не предупредив о том фельдмаршала Долгорукого, своего дядю, который очень удивился, увидя эту роту в зале, как он сам сказывал мне после.

В 7 часов княжна возвратилась к себе с той же свитой. Декабря 17 граф Вратиславский отправил курьера в Вену с двумя дворянами своего посольства, с графом Мелезимом и бароном Бильденбергом. По его словам, он послал его с просьбой о выдаче ему неполученного жалованья, но это была неправда, а вот настоящее дело. Граф, желая подслужиться к Долгоруким, чтобы через них получить орден Св. Андрея, которого он не мог добиться, как ни хлопотал о том, отправил Бильденберга в Вену для того только, чтобы исходатайствовать у императора фавориту и отцу его титул князя империи и герцогство Козельское в Силезии, которое было некогда пожаловано князю Меншикову. Вратиславский вздумал, что никто не отгадает его, но я тот же час догадался, сказал ему откровенно, и он мне признался.

Но причина отправления Мелезима была другая: с год уже, как он влюбился в княжну Долгорукую, обрученную ныне с государем. Все это знали, так же как и то, что он не нравился княжне, и поэтому граф Вратиславский решился выслать его, чтобы он не сделал никакого дурачества, что причинило бы много хлопот его сиятельству, из которых он не вышел бы сух.

Декабря 21 получил я известие о заключении мира в Севилье между королем, моим государем, и министрами Ганноверского союза. Тотчас же отправился я с сей новостью к барону Остерману, который, быв очень предан Австрии, стал обращаться со мной не с такой уже, как прежде, доверенностью, а существовавшая до сего между мной и Вратиславским вражда прекратилась совершенно: он даже старался всеми силами расстроить меня с двором и фаворитом, в чем и успел было на несколько дней. Надобно сказать, что в беседах моих с графом Вратиславским, до обручения царского, он никак не хотел верить, чтобы государь вступил в

брак с княжной Долгорукой, а я, напротив того, всегда утверждал, что это сбудется. По обручении Вратиславскому было досадно, что он ошибся, и он воспользовался случаем поспорить меня с фаворитом, дав ему под рукой знать, что уже полгода я распускаю по всей Москве слух, будто князь Алексей Долгорукий хочет насильно заставить царя жениться на его дочери. Фаворит сначала поверил этому, но я, узнав о том, разуверил его так, что он привязался ко мне еще более прежнего и стал относиться с большим презрением ко Вратиславскому.

До Нового года не произошло ничего любопытного, но в начале 1730 года объявлено о бракосочетании фаворита с дочерью покойного фельдмаршала Шереметева, которая была очень богата и очень хороша собой.

Так же в начале сего года пришло известие о смерти славного князя Меншикова в ссылке. Страшный урок для фаворитов, ибо Меншиков был таковым и, управляя Россией деспотически, вдруг лишился и чести, и имения и был принужден кончить дни свои в монастыре на берегах Белого моря, где трудами рук своих снискивал себе пропитание.

Января 17, по старому стилю день Крещения, было водосвящение по обыкновению, на котором царь присутствовал лично.

В сей день Его величество пожаловал своего фаворита в майоры гвардии: это была последняя милость, оказанная сим добрым государем.

Января 18, поутру, Его величество почувствовал в себе лихорадку и не выходил из комнаты, а как болезнь не уменьшилась и в следующие два дня, то стали догадываться, что она должна быть очень сильна.

Января 21 узнали, что царь занемог оспой, которая высыпалась сильно, но тут же увидели, что она была злокачественна, однако же на третий день, когда Его величество пролежал в сильной испарине, лихорадка пошла на убыль и потому стали надеяться, что он освободится от сей опасной болезни.

С 23 по 28-е число оспа выступила сильно, так что все считали, что Его величество вышел из опасности, но вечером 28-го напала на него такая жестокая лихорадка, что стали опасаться за его жизнь, но как она не уменьшилась, то 29-го числа его причастили Св. Таин.

Между тем Долгорукие уже составили духовное завещание, по которому царь должен был назначить своим преемником на престол княжну, его обрученную невесту, но когда бумагу эту поднесли царю для подписания, то у него не было уже ни языка, ни сил, и наконец он испустил последнее дыхание, после долгой агонии 30-го числа в 1 час 25 минут пополуночи.^[187]

Так кончил жизнь свою Петр II, имея от роду 14 лет, 3 месяца и 7 дней, владев Россией 2 года, 8 месяцев и 13 дней. Потеря его была невознаграждена для России, потому что добрые качества сего государя давали надежду на счастливое и славное царствование. В нем было много ума, сметливости и скромности. В нем не было заметно никакой склонности к каким-либо порокам, а пьянство, в то время общее, совсем не было по его вкусу. Собою он был очень красив и росту чрезвычайного по своим летам. Он хорошо говорил по-немецки, по латыни и по-французски и имел хорошие понятия в науках, но, сделавшись государем в 11 лет, оставил совсем науки, а окружавшие его русские старались отводить его от чтения, чтобы он не научился. Он не имел еще столько твердости духа, чтобы действовать по собственному побуждению, чем воспользовавшись, князь Алексей Долгорукий, его гофмейстер, и сын его фаворит делали все по своей воле и с таким деспотизмом, что прочие не слишком много сокрушались о кончине сего юного государя. В течение двух лет, проведенных им в Москве, его заставляли беспрестанно ездить на охоту, [\[188\]](#) чтобы удалить его от всех, и держали всегда в своих руках. Наконец заставили его согласиться на брак с княжной Екатериной Долгорукой, но это согласие было принужденное, и многие были такого мнения, что свадьбе никогда не бывать. Правду сказать и то, что он нимало не уважал ее, и я сам был свидетелем, что он едва на нее взглядывал. Замечательно было, что с самого того дня, как он объявил о своем намерении вступить в брак, он впал в такую задумчивость, что ничто более его не развлекало, и он даже говорил своим приближенным, что умрет скоро и что жизнь ему уже наскучила.

Наконец, Россия лишилась Петра II, который, по-видимому, мог быть великим государем, если бы когда-либо избавился от ига Долгоруких. С ним кончилось мужское поколение дома Романовых, царствовавшего 118 лет, ибо царь Михаил Федорович, дед Петра I, был избран на престол в 1612 году.

Лишь только министры Верховного совета увидели, что государь скончается непременно, то собрались во дворце со знатнейшими вельможами и стали рассуждать о наследовании престола. Мнения разделились на четыре стороны.

Первая сторона была Долгоруких, которым хотелось возвести на престол обрученную невесту царскую, для чего они и составили было духовную, что, однако же, им не удалось, как сказано выше, и потому, увидев, что противники сильнее их, они отказались от своего намерения.

Вторая сторона была царицы, бабки покойного царя, которой

действительно предлагали корону, но она отказалась под предлогом глубокой своей старости и болезней.

Третья сторона желала видеть на престоле принцессу Елисавету, дочь Петра I.

Наконец, четвертая старалась о герцоге Голштинском, мать которого была старшей сестрой принцессы Елисаветы.

Но обе последние стороны были так слабы, что о предложении их даже и не рассуждали.

Тут дом Голицыных, упавший было во время владычества Долгоруких, поднял голову и захотел осуществить мысль, всегда им лелеянную, связать руки своим государям, до того времени очень деспотичным, введя образ правления, подобный английскому. Князь Дмитрий Голицын, член Верховного совета, заговорил первый, и к нему пристали: брат его фельдмаршал, Долгорукие и большая часть бывших в собрании, и таким образом положили избрать на престол принцессу Анну, вдовствующую герцогиню Курляндскую, дочь царя Иоанна, старшего брата Петра I, но с тем, чтобы она подписала условия, на которых ее избрали.

Уговорившись в этом, они ожидали кончины государя, которая и последовала 30 января, как я уже сказал, в 1 часу поутру, а в 5 часов Верховный совет, Сенат, коллегии, весь генералитет и полковники, бывшие тогда в Москве, собрались во дворце.

Собрание открыл, за отсутствием государственного канцлера, страдавшего простудой, князь Дмитрий Голицын речью, в которой сказал, что поелику Богу угодно было отозвать к себе государя Петра II, надлежит подумать о избрании верховного главы для всей Российской империи, а как вдовствующая герцогиня Курляндская одарена всеми добрыми качествами, то, кажется, нельзя сделать лучшего выбора.

4. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева [\[189\]](#)

<...> Не всегда бывают щасливы благороднорожденные, по большей части находяцца в свете из знатных домов происходящие бедственны, а от подлости рождения происходят в великие люди, знатные чины и богатство получают. На то есть определение Божие. Когда и я на свет родилась, надеюсь, что все приятели отца моего и знающия дом наш блажили день рождения моего, видя радующихся родителей моих и благодарящих Бога о

рождении дочери. Отец мой и мать надежду имели, что я им буду утеша при старости. Казалось бы, и так по пределам света сего ни в чем бы недостатку не было. Вы сами небезызвестны о родителях моих, от кого на свет произведена, и дом наш знаете, которой и доднесь во всяком благополучии состоит, братья и сестры мои живут во удовольствии мира сего, чести почтены, богатством изобильны. Казалось, и мне никакова следу не было к нынешнему моему состоянию, для чего бы и мне не так щастливой быть, как и сестры мои. Я еще всегда думала пред ними преимущества иметь, потому что я была очень любима у матери своей и воспитана отменно от них, я же им и большая. Надеюсь, тогда все обо мне рассуждали: такова Беликова господина дочь, знатство и богатство, кроме природных достоинств, обратить очи всех знатных женихов на себя, и я по человеческому рассуждению совсем определена к благополучию; но Божий суд совсем не сходен с человеческим определением: он по своей власти иную мне жизнь назначил, об: которой никогда и никто вздумать не мог, и ни я сама — я очень имела склонность к веселью.

Я осталась малолетна после отца моего, не больше как пяти лет, однако я росла при вдовствующей матери моей во всяком довольстве, которая старалась о воспитании моем, чтоб ничево не упустить в науках, и все возможности употребляла, чтоб мне умножить достоинств. Я ей была очень дорога: льстилась мною веселитца, представляла себе, когда приду в совершенные леты, буду доброй товарищ во всяких случаях, и в печали и радости, и так меня содержала, как должна благородной девушке быть, пребезмерно меня любила, хотя я тому и недостойна была. Однако все мое благополучие кончилось: смерть меня с нею разлучила.

Я осталась после милостивой своей матери 14 лет. Эта первая беда меня встретила. Сколько я ни плакала, только еще все недоставало, кажетца, против любви ее ко мне, однако ни слезами, ни рыданием не воротила: осталась я сиротою, с большим братом, который уже стал своему дому господин. Вот уже совсем моя жизнь переменилась. Можно ли все те горести описать, которые со мною случались, надобно молчать. Хотя я льстилась впредь быть счастливой, однако очень часто источники из глаз лились. Молодость лет несколько помогала терпеть в ожидании вперед будущего счастья. Думала, еще будет в мое время, повеселюсь на свете, а тово не знала, что вышняя власть грозит мне бедами и что в будущее надежда обманчива бывает.

И так я после матери своей всех кампаний лишилась. Пришло на меня высокоумие, вздумала себя сохранять от излишнева гуляния, чтоб мне чево не понести какова поноснова слова — тогда очень наблюдали честь; и так я

сама себя заключила. И правда, что тогдашнее время не такое было обхождение: в свете очень примечали поступки знатных или молодых девушек. Тогда не можно было так мыкатца, как в нонешний век. Я так вам пишу, будто я с вами говорю, и для тово вам от начала жизнь свою веду. Вы увидите, что я и в самой молодости весело не живала и никогда сердце мое большего удовольствия не чувствовало. Я свою молодость пленяла разумом, удерживала на время свои желания в рассуждении том, что еще будет время к моему удовольствию, заранее приучала себя к скуке. И так я жила после матери своей два года. Дни мои проходили без утешки.

Тогда обыкновенно всегда, где слышат невесту богатую, тут и женихи льстятца. Пришло и мое время, чтоб начать ту благополучную жизнь, которую я льстилась. Я очень была счаслива женихами; однако то оставлю, а буду вам то писать, что в дело произошло. Правда, что начало было очень велико: думала, я — первая щастливица в свете, потому что первая персона в нашем государстве был мой жених, при всех природных достоинствах имел знатные чины при дворе и в гвардии. Я признаюсь вам в том, что я почитала за великое благополучие, видя его к себе благосклонна; напротив тово и я ему ответствовала, любила ево очень, хотя я никакова знакомства прежде не имела и нежели он мне женихом стал, но истинная и чистосердечная его любовь ко мне на то склонила. Правда, что сперва это очень громко было, все кричали: «Ох, как она щаслива!» Моим ушам не противно было это эхо слышать, а не знала, что эта щастия мною поиграет, показала мне только, чтоб я узнала, как люди живут в щастии, которых Бог благословит. Однако я тогда ничево не разумела, молодость лет не допускала ни о чем предбудущем рассуждать, а радовалась тем, видя себя в таком благополучии цветущею. Казалось, ни в чем нет недостатку. Милой человек в глазах, в рассуждении том, что этот союз любви будет до смерти неразрывной, а притом природные чести, богатство; от всех людей почтение, всякий ищет милости, рекомандуютца под мою протекцию. Подумайте, будучи девке в пятнатцать лет так обрадованной, я не иное что думала, как вся сфера небесная для меня переменялась.

Между тем начались у нас приуготовления к сговору нашему. Правду могу сказать, редко кому случалось видеть такое знатное собрание: вся Императорская фамилия была на нашем сговоре, все чужестранные министры, наши все знатные господа, весь генералитет; одним словом сказать, столько было гостей, сколько дом наш мог поместить обоих персон: не было ни одной комнаты, где бы не полна была людей. Обручение наше было в зале духовными персонами, один архиерей и два архимандрита. После обручения все ево сродники меня дарили очень

богатыми дарами, бриллиантовыми сергами, часами, табакерками и готовальнями и всякою галантерею. Мои б руки не могли б всево забрать, когда б мне не помогали принимать наши. Персии были, которыми обручались, ево в двенадцать тысяч, мой — в шесть тысяч. Напротив и мой брат жениха моево дарил: шесть пуд серебра, старинные великие кубки и фляши золоченые. Казалось мне тогда, по моему молодомуумию, что это все прочно и на целой мой век будет, а тово не знала, что в здешном свете ничево нету прочнова, а все на час. Сговор мой был в семь часов пополудни; это было уже ночь, для тово принуждены были смоленые бочки зажечь для свету, чтоб видно было разъезжатца гостям, теснота привеликая от карет была. От того Беликова огня видно было, сказывают, что около ограды дому нашева столько было народу, что вся улица заперлась, и кричал простой народ: «Слава Богу, что отца нашева дочь идет замуж за Беликова человека, возстановит род свой и возведет братьев своих на степень отцову». Надеюсь, вы довольно известны, что отец мой был первой фельтмаршал и што очень любим был народом и доднесь его помнят. О прочих всех сговорных церемониях или веселии умолчу: нынешнее мое состояние и звание запрещают. Одним словом сказать: все то, что можете вздумать, ничево не упущено было. Это мое благополучие и веселие долго ль продолжалось? Не более, как от декабря 24 дня по генварь 18 день. Вот моя обманчивая надежда кончилась! Со мною так, как с сыном царя Давида Нафеаном: лизнул медку, и запришло было умереть. Так и со мною случилось: за 26 дней благополучных, или сказать радошных, 40 лет по сей день стражду; за каждой день по два года придет без малова; еще шесть дней надобно вычесть. Да хто может знать предбудущее? Может быть, и дополнитца, когда продолжитца сострадательная жизнь моя.

Теперь надобно уже иную материю зачать. Ум колеблетца, когда приведу на память, что после всех этих веселий меня постигло, которые мне казались на веки нерушимы будут. Знать, что не было мне тогда друга, кто б меня научил, чтоб по этой скольской дороге опаснее ходила. Боже мой, какая буря грозная восстала, со всего свету беды совокупились! Господи, дай сил изъяснить мои беды, чтоб я могла их описать для знания желяющих и для утешения печальных, чтоб, помня меня, утешались. И я была человек, вся дни живота своего проводила в бедах и все опробовала: гонение, странствие, нищету, разлучение с милым, все, что кто может вздумать. Я не хвалюсь своим терпением, но от милости Божей похвалюсь, что Он мне дал столько силы, что я перенесла и по сие время несу; невозможно бы человеку смертному такие удары понести, когда не свыше сила Господня подкрепляла; возьмите в разсуждение мое воспитание и

нонешнее мое состояние.

Вот начало моей беды, чего я никогда не ожидала. Государь наш окончил живот свой паче чаяния моего, чего я никогда не ожидала, сделалась коронная перемена. Знать так было Богу угодно, — чтоб народ за грехи наказать; отняли милостивого государя, и великой плач был в народе. Все сродники мои съезжаютца, жалеют, плачут обо мне, как мне эту напасть объявить, а я обыкновенно долго спала, часу до девятова, однако, как скоро проснулась, вижу — у всех глаза заплаканы, как они ни стереглись, только видно было; хотя я и знала, что государь болен, и очень болен, однако я великую в том надежду имела на Бога, что Он нас не оставит сирих. Однако, знать, мы тому достойны были, по необходимости принуждены были объявить. Как скоро эта ведомость дошла до ушей моих, что уже тогда со мною было — не помню. А как опомнилась, только и твердила: «Ах, пропала я, пропала!» Не слышно было иново ничево от меня, что пропала; как кто ни старался меня утешить, только не можно было плач мой пресечь, ни уговорить. Я довольно знала обыкновение своего государства, что все фавориты после своих государей пропадают, чего было и мне ожидать. Правда, что я не так много дурно думала, как со мною сделалось, потому хотя мой жених и любим государем, и знатные чины имел, и вверены ему были всякие дела государственные, но подкрепляли меня несколько честные ево поступки, зная ево невинность, что он никаким непристойным делам не косен был. Мне казалось, что не можно без суда человека обвинить и подвергнуть гневу или отнять честь или имение. Однако после уже узнала, что при нещастливом случае и правда не помогает. И так я плакала безутешно, свойственники, сыскав средства, чем бы меня утешить — стали меня уговаривать, что я еще человек молодой, а так себя безрассудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будет худо; будут другие женихи, которые не хуже ево достоинством, разве только не такие великие чины будут иметь, а в то время правда, что жених очень хотел меня взять, только я на то несклонна была, а сродникам моим всем хотелось за тово жениха меня выдать. Это предложение так мне тяжело было, что я ничево на то не могла им ответствовать. Войдите же в разсуждение, какое это мне утешение и честная ли это совесть, когда он был велик, так я с радостию за него шла, а когда он стал нещастен, отказать ему. Я такому безсовестному совету согласитца не могла, а так положила свое намерение, когда, сердце одному отдав, жить или умереть вместе, а другому уже нет участие в моей любви. Я не имела такой привычки, чтоб севодни любить одново, а завтра — другова. В нонешней век такая мода, а я доказала свету, что я в любви

верна: во всех злополучиях я была своему мужу товарищ. Я теперь скажу самую правду, что, будучи во всех бедах, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла, не дала в том безумии Бога; Он тому свидетель, все, любя его, сносила, сколько можно мне было, еще и его подкрепляла. Мои сродники имели другое суждение, такой мне совет давали, или, может быть, меня жалели. К вечеру приехал мой жених ко мне, жалуясь на свое несчастие, притом рассказывал о смерти, жалости достойной, как государь скончался, что все в памяти был и с ним прощался. И так говоря, плакали оба и присягали друг другу, что нас ничто не разлучит, кроме смерти. Я готовая была с ним хотя все земные пропасти пройти.

И так час от часу пошло хуже. Куда девались искатели и друзья, все спрятались, и ближние отдалече меня стаща, все меня оставили в угодность новым фаворитам, все стали уже меня боятца, чтоб я встречу с кем не попалась, всем подозрительно. Лучше б тому человеку не родитца на свете, кому на время быть велику, а после притти в несчастие: все станут презирать, никто и говорить не захочет. Выбрана была на престол одна принцесса крови, которая никакова следу не имела к короне. Между тем приуготовлялись церемонии к погребению. Пришел тот назначенной несчастливой день. Нести надобно было государева тела мимо нашего дому, где я сидела под окошком, смотря на ту плачевную церемонию. Боже мой, как дух во мне удержался! Началось духовными персонами, множество архиереев, архимандритов и всякова духовнова чину, потом, как обыкновенно бывают такие высочайшие погребения, несли государственные гербы, кавалерии, разные ордена, короны; в том числе и мой жених шел перед гробом, несли на подушке кавалерию, и два ассистента вели под руки. Не могла его видеть от жалости в таком состоянии: опанча траурная предлинная, флёр на шляпе до земли, волосы распущенные, сам так бледен, что никакой живности нет. Поравнявши против моих окон, взглянул плачущими глазами с тем знаком или миною: «Ково погребаем? В последний, в последний раз провожаю!» Я так обеспамятовала, что упала на окошко, не могла увидеть от слабости. Потом и гроб везут. Отступили от меня уже все чувства на несколько минут, а как опомнилась, оставя все церемонии, плакала, сколько мое сердце дозволило, рассуждая мыслию своей, какое это сокровище земля принимает, на которое, кажетца, и солнце со удивлением сияло: ум сопряжен был с мужественною красотою, природное милосердие, любовь к подданным нелицемерная. О, Боже мой, дай великодушно понести сию напасть, лишение сего милостиваго монарха! О, Господи, всевышний Творец, Ты вся можеш, возврати хотя на единую минуту дух его и открой глаза его,

чтоб он увидел вернова своего слугу, идущего пред гробом, потеряв всю надежду ко утешению и облегчению печали ево. И так окончилась церемония: множество знатных дворян, следующие за гробом. Казалось мне, что и небо плачит, и все стихии небесные. Надеюсь, между тем и такие были, которые радовались, чая в себе от новой государыни милости.

По несколько дней после погребения приуготовляли торжественное восшествие новой государыни в столичный город, со звоном, с пушешною пальбою. В назначенный день поехала и я посмотреть ея встречи, для того любопытствовала, что я ее не знала отроду в лицо, не зная, кто она. Во дворце в одной отхожей комнате я сидела, где всю церемонию видела: она шла мимо тех окон, под которыми я была и тут последний раз видела, как мой жених командовал гвардию; он был маеор, отдавал ей честь на лошади. Подумайте, каково мне глядеть на сие позорище. И с того времени в жизни своей я ее не видала: престрашна была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идет, всех головою выше, и чрезвычайно толста. Как я поехала домой, надобно было ехать через все полки, которые в строю были собраны; я поспешила домой, еще не разпущены были. Боже мой! Я тогда свету не видела и не знала от стыда, куда меня везут и где я; одни кричат: «Отца нашего невеста», подбегают ко мне: «Матушка наша, лишились мы своего государя»; иные кричат: «Прошло ваше время теперь, не старая пора». Принуждена была все это вытерпеть, рада была, что доехала до двора своего; вынес Бог из такова содому.

Как скоро вступила в самодержавство, так и стала искоренять нашу фамилию. Не так бы злобна была на нас, да фаворит ее, которой был безотлучно при ней, он старался наш род истребить, чтоб ево на свете не было, по той злобе: когда ее выбирали на престол, то между протчими пунктами написано было, чтоб одного фаворита, которой при ней был камергером, в наше государство не ввозить, потому, что она жила в своем владении, хотя она и наша принцесса, да была выдана замуж, овдовевши, жила в своем владении, а оставить ево в своем доме, чтоб он у нас ни в каких делах не был, к чему она и подписывалась; однако злодейство многих недоброжелателей своему отечеству все пункты переменяло. И дали ей во всем волю, и всенародное желание уничтожили, а ево к ней по прежнему допустили. Как он усилился, побрав к себе знатные чины, первое возымел дело с нами и искал, какими бы мерами нас истребить из числа живущих. Так публично говорил: «Да, из той фамилии не оставлю». Што он не напрасно говорил, то и в дело произвел. Как он уже взошел на великую степень, он не мог уже на нас спокойными глазами глядеть, он нас боялся и

стыдился: он знал нашу фамилию, за сколько лет рождение князьями имели, свое владение, скольким коронам заслужили все предки. Наш род любили за верную службу ко отечеству, живота своего не щадили, сколько на войнах головы своей положили; за такие их знатные службы были от других отмены, награждены великими чинами, кавалериями; и в чужих государствах многие спокойствия делали, где имя их славно. А он был самой подлой человек, а дошел до такого Беликова градуса, одним словом сказать, только одной короны не доставало, уже все в руку его целовали, и что хотел, то и делал, уже титуловали его «ваше высочество». А он ни что иное был, как башмашник, на дядю моего сапоги шил, сказывают, мастер привеликий был; да красота его до такой великой степени довела. Бывши в таких высоких мыслях, думал, что не удастьца ему до конца привести свое намерение: он не истребит знатные роды. Так и зделал: не токмо нашу фамилию, но другую такую ж знатную фамилию сокрушил, разорил и в ссылки сослал. Уже все ему было покорено, однако о том буду молчать, чтоб не прейтить пределов. Я намерена свою беду писать, а не чужие пороки обличать.

Не знал он, с чего начать, чтоб нас сослать. Первое — всех стал к себе призывать из тех же людей, которые нам прежде друзья были, ласкал их, выпрашивал, как мы жили и не сделали ли кому обиды, не брали ли взятков. Нет, никто ничево не сказал. Он этим недоволен был. Велел указом объевить, чтоб всякой без опасности подавал самой государыне челобитные, ежели ково чем обидели, — и тово удовольствия не получил. А между тем всякие вести ко мне в уши приходят; иной скажет: «В ссылку сошлют»; иной скажет: «Чины и кавалерии отберут». Подумайте, каково мне тогда было! Будучи в 16 лет, ни от ково руку помощи не иметь и не с кем о себе посоветовать, а надобно и дом, и долг, и честь сохранить, и верность не уничтожить. Великая любовь к нему весь страх изгонит из сердца, а иногда нежность воспитания и природа в такую горесть приведет, что все члены онемеют от несносной тоски. Куда какое это злое время было! Мне кажетца, при антихристе не тошнее тово будет. Кажетца, в те дни и солнце не светило. Кровь вся закипит, когда вспомню, какая это подлая душа, какие столбы поколебала, до основания разорил, и доднесь не можем исправитца. Что же до меня касаетца, в сдешнем свете на веки пропала.

И так мое жалкое состояние продолжалось по апрель месяц. Только и отраду мне было, когда его вижу; поплачем вместе, и так домой поедет. Куда уже все веселья пошли, ниже сходство было, что это жених к невесте ездит. Что же, между тем, какие домашние были огорчены! Боже, дай мне

все то забыть! Наконец, надобно уже наш несчастливейший брак окончить; хотя как ни откладывали день ото дня, но, видя мое неизменное намерение, принуждены согласиться. Брат тогда был болен большой, а меньшей, который меня очень любил, жил в другом доме по той причине, что он тогда не лежал еще оспой, а большой брат был оспой болен. Ближние сродники все отступились, дальние и пуще не имели резону, бабка родная умерла, и так я осталась без призрения. Сам Бог меня давал замуж, больше никто. Не можно всех тех беспорядков описать, что со мною тогда было. Уже день назначили свадьбе: некому проводить, никто из родных не едет, да никому и звать. Господь сам умилосердил сердца двух старушек, моих свойственных, которые меня провожали, а то принуждена бы с рабою ехать, а ехать надобно было в село 15 верст от города, там наша свадьба была. В этом селе они всегда летом жилали. Место очень веселое и устроенное, палаты каменные, пруды великие, аранжереи и церковь. В палатах после смерти государевой отец ево со всею фамилиею там жил. Фамилия их была немалая; я все презря, на весь страх: свекор был и свекровь, три брата, кроме моего мужа, и три сестры. Ведь надобно бы о том подумать, что я всем меньшая и всем должна угождать; во всем положила на волю Божию; знать, судьба мне так определила. Вот уже как я стала прощатца с братом и со всеми домашними, кажетца бы и варвар сжалился, видя мои слезы; кажетца, и стены дома отца моего помогали мне плакать. Брат и домашние так много плакали, что из глаз меня со слезами отпустили. Какая это разница — свадьба с сговором; там все кричали: «Ах, как она счастлива», а тут провожают и все плачут; знать, что я всем жалка была. Боже мой, какая перемена! Как я выехала из отцовского дому, с тех пор целой век странствовала. Привезли меня в дом свекров, как невольницу, вся расплакана, свету не вижу перед собою. Подумайте, и с добрым порядком замуж итти надобно подумать последняя счастья, не токмо в таком состоянии, как я шла. Я приехала в одной карете, да две вдовы со мною сидят, а у них все родные приглашены, дядья, тетки, и пуще мне стало горько. Привезли меня как самую бедненькую сироту; принуждена все сносить. Тут нас в церкви венчали. По окончании свадебной церемонии провожатые меня оставили, поехали домой. И так наш брак был плачу больше достоин, а не веселию. На третий день, по обыкновению, я стала сбиратца с визитами ехать по ближним ево сродникам и рекомендовать себя в их милость. Всегда можно было из того села ехать в город после обеда, домой ночевать приезжали. Вместо визитов, сверх чаяния моего, мне сказывают, приехал-де секретарь из Сенату; свекор мой должен был ево принять; он ему объявляет: указом велено де

вам ехать в дальние деревни и там жить до указа. Ох, как мне эти слова не полюбились; однако я креплюсь, не плачу, а уговариваю свекра и мужа: как можно без вины и без суда сослать? Я им представляю: «Поезжайте сами к государыне, оправдайтесь». Свекор, глядя на меня, удивляется моему младоумию и смелости. Нет, я не хотела свадебной церемонии пропустить, не разсудя, что уже беда; подбила мужа, уговорила его ехать с визитом. Поехали к дяде родному, которой нас с тем встретил: «Был ли у вас сенацкой секретарь; у меня был, и велено мне ехать в дальние деревни жить до указа». Вот тут и другие дядья съехались, все то же сказывают. Нет, нет, я вижу, что на это дело нету починки; это мне свадебные конфеты. Скорее домой поехали, и с тех пор мы друг друга не видали, и никто ни с кем не прощались, не дали время.

Я приехала домой, у нас уже собираютца: велено в три дня, чтоб в городе не было. Принуждены судьбе повинovatца. У нас такое время, когда к нещастию, то нету уже никакова оправдания, не лучше турков: когда б прислали петлю, должен удаvitца. Подумайте, каково мне тогда было видеть: все плачут, суетятца, собираютца, и я суечусь, куда еду, не знаю, и где буду жить — не ведаю, только что слезами обливаюсь. Я еще и к ним ни к кому не привыкла: мне страшно было только в чужой дом перейти. Как это тяжело! Так далеко везут, что никого своих не увижу, однако в разсуждении для милова человека все должна сносить. <...>

5. Записки Эрнста Миниха ^[190]

По приезде в Берлин проведал я от российского министра графа Головкина, что отец мой пожалован генерал-поручиком и шефом инженерного корпуса и сверх того от императора Петра II даны ему земли в Лифляндии в потомственное владение. Королю был я вторично представлен на парадной площади и имел тут честь в первый раз подведен быть к наследному принцу, ныне владеющему королю прусскому Фридриху II; отсюда поехал я далее чрез Гданьск и Кенигсберг в Ригу и прибыл в начале августа в Санкт-Петербург.

Отец мой находился в ту пору при Ладожском канале, так что из моих родных застал я в Петербурге одну только старшую сестру мою, которая была у ее высочества великой княжны Елизаветы Петровны фрейлиною. Однако же коль скоро отец мой о моем приезде известился, приехал он тотчас в город.

Римско-императорский министр граф Рабутин, который с

достолавным успехом незадолго до кончины императрицы Екатерины I заключил в 1726 году между российским и венским дворами известный союзнический трактат, по силе которого Карл VI в случае нападения на него должен получить от России 30 тысяч человек вспомогательного войска, обретался тогда еще в Санкт-Петербурге и, будучи сопряжен узами искренней дружбы с моим отцом, согласился по прошению сего взять меня к себе и употреблять по посольским делам. Но по приезде моем лежал он при смерти болен и несколько дней спустя умер, так что отец мой вместе со мною возвратился к каналу, который нашел я больше нежели наполовину отделанным.

По прошествии нескольких недель получили мы известие, что князь Меншиков свержен и в ссылку сослан. Сего человека блаженной памяти император Петр I из самого низкого состояния возвел на высочайшие степени чинов и достоинств не за отменные его дарования или знания, но за то, что он нраву монарха во всех случаях умел угождать бесподобно и более всего снискал его благоволение тем, что часто брался за дела, которые императору от других невозможными представлены, и старался их произвести, чего бы это ему ни стоило. Сверх того в особе императрицы, которая обязана ему началом своего счастья, имел он мощную защитницу и по восшествии ее на престол состоял в величайшей знати и силе. По кончине ее можно было почитать его регентом империи, особливо как он отправил герцога Голштинского и его супругу на фрегате в Киль, дабы свободнее и с неограниченною властью всеми управлять делами. Молодого императора взял он к себе в дом и уже обручил его со своей старшей дочерью. Он располагал, что когда будет тестем монарха, то власть его утвердится непоколебимо, а потому и начал пренебрегать всеми знатнейшими в империи чиновниками. Самому императору и его сестре великой княжне Наталии не давал он ни малейшей вольности даже в самых малозначащих делах, чрез что окружавшим молодым господам нетрудно было очернить его в мыслях императора.

Фамилия Долгоруких, уповая скорее достигнуть выгод, ожидаемых от одного из своих, а именно князя Ивана Алексеевича, начинавшего входить в милость к императору, употребила наипаче сего своего родственника для низвержения князя Меншикова. Им удалось в деле сем успеть до того, что как однажды двор находился в Петергофе, а князь Меншиков в городе остался, то молодой император открылся некоторым находившимся там знатным особам в неудовольствии своем на поступки князя Меншикова и в желании от него избавиться. По сем изъяснении положено было всеми ненавидимого князя от службы отставить, и тем же часом дан одному

гвардейскому майору приказ объявить ему об оном и его самого арестовать.

Барон Остерман был тогда знаменитейший муж в империи и друг отца моего. Сей получил неукоснительное вместе с известием о падении князя Меншикова повеление приехать в Санкт-Петербург для занятия президентского места в Военной коллегии; по приезде его сделано ему сие лестное приветствие, что кроме него нельзя иному лучшему надзирателю вверить армию.

Между тем семья Долгоруких почти всю власть в России в свои руки захватила. Молодой император принужден был обручиться с сестрой своего наперсника, но лишь только мы о сем известились, как граф Головкин чрез нарочного получил неожиданное известие, что Петр II в 19 день января 1730 года скончался и вдовствующая герцогиня Курляндская, вторая дочь царя Иоанна Алексеевича, приняла российский престол.

В правление покойного императора Петра II все дела государственные решались в так называемом Верховном совете, состоявшем из пяти или шести особ, в котором князь Долгорукий больше всех голосу имел. Лишь только молодой император свой дух предал, то означенный совет съехался на совещание о наследии империи. Кончиною Петра II пресеколь мужское колено императорского дома, поэтому князь Долгорукий и его сообщники почли сие обстоятельство удобным случаем, чтобы власть российских государей некоторым образом ограничить. Они не чаяли в том ошибиться, когда, невзирая на степень родства или на перворождение, поднесут престол российский такой государыне, которая будет им благодарна за оказанное ей преимущество и, следовательно, из признательности подтвердит все, какие ни будут ей представлены, условия.

6. Б.Х.Миних. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи. [\[191\]](#)

Царствование юного императора Петра II

Петр Алексеевич был провозглашен императором под именем Петра II, князь Меншиков увез его из императорского дворца и поселил молодого государя в своем доме, чтобы всегда иметь его под рукой; таким образом, его влияние и власть возрастали с каждым днем и все преклонялись перед ним; его младшая дочь была всенародно объявлена невестой Петра II 6 июня 1727 года.

Вскоре он злоупотребил этой властью, удалил воспитателя молодого

государя Маврина, сослав его в Сибирь, и Зейкина, его предшественника, выслав его за пределы империи, а также всех, кому юный государь выказывал благосклонность и расположение; он удалил из Петербурга, чтобы отправить в ссылку, генерал-прокурора Ягужинского, зятя великого канцлера графа Головкина, а так как этот министр вступился за него, то князь ему сказал: «Вы хотите, чтобы я отправил вас вместо него?» Уже был подписан приказ об отправлении генерал-адмирала графа Апраксина в Архангельск для строительства фрегатов. Толстой был сослан; и все сенаторы таким образом разогнаны; подполковник Преображенского полка И. И. Бутурлин был сослан в поместье, а Остермана, стоящего во главе иностранных дел, он оскорблял словесно.

Когда он писал молодому императору, то обращался с ним, как с сыном, и подписывал письма «отец ваш Меншиков».

В церквях он становился на царское место. Эта чрезмерная гордость и тиранические поступки открыли глаза министрам и сановникам империи, которые через молодого князя Ивана Долгорукого — любимца молодого императора, нарочно увозившего его каждый день на охоту, куда князь Меншиков не мог за ним последовать, — нашли способ восстановить государя против Меншикова.

В июле месяце двор находился по обыкновению в Петергофе и собирался уже возвращаться в Петербург; князь Меншиков ни о чем не подозревал и отправился вперед, чтобы принять молодого государя в своем доме, но по прибытии придворные ему сказали, что Его величество приказал приготовить для своего пребывания летний императорский дворец. Князь им ответил, что он также в нем поселится, но придворные офицеры возразили, что император запретил это. Тогда он возвратился к себе, а император по прибытии в Петербург послал к нему генерала Салтыкова, гвардии майора, чтобы объявить об аресте, и на следующий день Меншиков со всей своей семьей был отправлен в Сибирь, в Березов.

После таких перемен император оказался в руках Долгоруковых, которые ежедневно увозили его на охоту, не оставляя ему времени для занятия делами, и вместо дочери Меншикова ему вскоре выбрали другую княжну, которая приходилась сестрой молодому любимцу, князю Ивану Долгорукому. Министр иностранных дел Остерман был назначен воспитателем юного государя. Но он виделся с ним только во время утреннего туалета, когда тот вставал, и по вечерам, по возвращении с охоты; однажды Остерман сказал мне со слезами на глазах: «Молодого государя принуждают вести такой образ жизни, который приведет его к гибели».

Коронование императора должно было состояться в Москве в 1728 году, все готовилось, чтобы отправиться туда в ноябре 1727 года, но снег выпал только 9 января 1728 года, и в тот же день император выехал из Петербурга. По прибытии в Москву княжна Наталия Алексеевна, сестра императора, одаренная с мыми превосходными качествами, заболела в селе Всехсвятском корью, от которой и умерла ко всеобщему великому сожалению, потому что княжна имела большое влияние на ум государя, которому она могла бы и наследовать [в случае его смерти]. 25 февраля император был коронован. В Москве был изменен образ правления; сановники империи создали там орган, именуемый Верховный тайный совет, состоявший из восьми членов знатнейших фамилий. Сенат и все коллегии зависели от этого Совета. 18 января 1730 года было днем, назначенным для объявления совершеннолетия юного государя, который должен был царствовать под именем Петра II, и в этот же день предполагалось совершить бракосочетание его с княжной Долгоруковой; но так как за 10 дней до этого он заболел оспой, то от нее и умер 19 января, к великому сожалению всей нации, которая его обожала, оставив управление империей на благоусмотрение сановников, составлявших Верховный тайный совет.

notes

Арсеньев К. Царствование Петра II. СПб., 1839.

Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М., 1991. С. 383.

Сб. РИО. Т. 75. СПб., 1891. С. 248.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. СПб., 1859.
С. 35, 41.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 1. М., 1951. С. 323.

Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 349, 350.

Там же. С. 388, 389.

Там же. С. 402–406, 411.

Там же. С. 420, 421.

Там же. С. 629.

Павленко Н. И. Вокруг трона. М., 1999. С. 336.

PA. 1907. № 7. C. 313.

Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 444, 445.

Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1999. С. 471–501; он же. Вокруг трона. С. 321–341; он же. Петр I. М., 2003 (серия «ЖЗЛ»). С. 224–251.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 10. М., 1993. С. 90.

РГАДА. Ф. 2. Д. 24. Л. 1–5.

Сб. РИО. Т. 76. СПб., 1891. С. 160, 161.

Сб. РИО. Т. 64. СПб., 1889. С. 519.

Осмнадцатый век. С. 35.

Сб. РИО. Т. 66. СПб., 1889. С. 70.

6 июля 1727 года Хр. Гольдбах писал барону Остерману: «...Колико его величество в латинском, немецком и французском языках обучился, о том вашему превосходительству не известно, а что касается до наук и занятий, и то уже в присутствии вашего превосходительства оказалось, что его величество к тому некоторые начала, но без надлежащего порядка и довольственного понятия положил...» (См. Приложения.)

Вейдемейер А. Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. Ч. 1. СПб., 1838. С. 64, 65.

Арсенъев К. Царствование Петра II. С. 138–141

РГАДА. Ф. 2. Д. 26. Л. 6–9.

Сб. РИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 420.

Сб. РИО. Т. 15. СПб., 1875. С. 369.

Сб. РИО. Т. 75. С. 66.

Брикнер А. Русский двор при Петре II // Вестник Европы. 1896. № 1.
С. ПО.

Сб. РИО. Т. 66. С. 19, 56.

Брикнер А. Русский двор при Петре II // Вестник Европы. 1896. № 1.
С. 113.

Там же. С. 111, 112.

Павленко Н. И. Полудержавный властелин. М., 1988. С. 236–247.

Подробнее см.: Павленко Н. И. Екатерина I. М., 2004 (серия «ЖЗЛ»).
С. 48–49.

Там же. С. 10, 16, 45, 61.

Соловьев С. М. Указ. соч. С. 92.

Сб. РИО. Т. 3. С. 479.

Сб. РИО. Т. 75. С. 79; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 99.

Там же. С. 107.

Сб. РИО. Т. 63. СПб., 1888. С. 735–742.

РГАДА. Д. 327. Л. 3; Д. 332. Л. 2; Д. 322. Л. 15.

Сб. РИО. Т. 3. С. 483, 484.

Павленко Н. И. Полудержавный властелин. С. 257, 258.

Сб. РИО. Т. 3. С. 484.

Вестник Европы. 1896. № 1. С. 125.

PA. T. 10. C. 571, 576, 577, 579.

Соловьев С. М. Указ. соч. С. ПО, 111.

Сб. РИО. Т. 75. С. 80–82.

Сб. РИО. Т. 15. С. 389, 390.

Соловьев С. М. Указ. соч. С. 112.

Там же.

Сб. РИО. Т. 64. С. 272.

Соловьев С. М. Указ. соч. С. 113.

Соловьев С. М. Указ. соч. С. 114, 115.

Павленко Н. И. Полудержавный властелин. С. 333; Саверкина И. В. К истории конфискации имущества А. Д. Меншикова // Петровское время в лицах. СПб., 1998. С. 40, 41.

Сб. РИО. Т. 15. С. 386, 387.

Вейдемейер А. Указ. соч. С. 85, 86.

Соловьев С. М. Указ. соч. С. 116, 117, 134, 135.

Сб. РИО. Т. 75. С. 80, 81.

Сб. РИО. Т. 84. СПб., 1893. С. 656–658.

РГАДА. Ф. 1. Оп. 272. Д. 84746. Л. 93.

Там же. Л. 189, 190.

Санкт-Петербургский духовный вестник. 1896. № 6. С. 108.

РГАДА. Ф. 1. Оп. 272. Д. 84746. Л. 139, 149, 229.

Там же. Л. 292.

Феофан Прокопович. Слова и речи. Ч. 2. СПб., 1761. С. 223–224.

РГАДА. Ф. 1. Оп. 272. Д. 84746. Л. 316, 317, 343, 353.

Вейдемейер А. Обзор важнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. Ч. 1. С. 93, 94; Феофан Прокопович. Слова и речи. Ч. 2. С. 227.

РГАДА. Ф. 1. Оп. 272. Д. 84746. Л. 215.

Сб. РИО. Т. 75. С. 276.

Сб. РИО. Т. 15. С. 380; Осмнадцатый век. С. 34, 113.

Соловьев С. М. Указ. соч. С. 66–68.

См. об этом: Павленко Н. И. Елизавета Петровна. М., 2005. С. 15.

Сб. РИО. Т. 3. С. 484.

Осмнадцатый век. С. 80.

Сб. РИО. Т. 75. С. 384.

Там же. С. 137.

Осмнадцатый век. С. 56, 68.

Сб. РИО. Т. 75. С. 104, 105.

Осмнадцатый век. С. 97.

Сб. РИО. Т. 75. С. 137, 237.

Осмнадцатый век. С. 35.

Там же. С. 111, 113, 151, 162, 190, 191.

Сб. РИО. Т. 3. С. 480.

Осмнадцатый век. С. 111.

Сб. РИО. Т. 15. С. 390, 398.

Сб. РИО. Т. 66. С. 26, 28.

Сб. РИО. Т. 3. СПб., 1870. С. 317.

Сб. РИО. Т. 15. С. 398; Осмнадцатый век. С. 88, 94, 111, 113; Сб. РИО. Т. 5. С. 310.

Сб. РИО. Т. 75. С. 310; Т. 66. С. 35, 36.

РГАДА. Ф. 2. Д. 32. Л. 2-4.

Берхгольц. Дневник. Ч. 4. М., 1860. С. 175.

Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 2. М., 1862. С. 69, 70.

Там же. С. 72, 74, 80, 83, 105 и др.

Осмнадцатый век. С. 50, 51.

Сб. РИО. Т. 75. С. 179, 189.

Осмнадцатый век. С. 68, 69.

Сб. РИО. Т. 5. СПб., 1870. С. 326.

Осмнадцатый век. С. 45; Сб. РИО. Т. 79. С. 128, 267, 277.

Щербатов М. М. Соч. Т. 2. СПб., 1898. С. 171.

Сб. РИО. Т. 5. С. 334.

Осмнадцатый век. С. 100.

Там же. С. 32.

Щербатов М. М. Указ. соч. С. 178, 179.

Осмнадцатый век. С. 146.

Сб. РИО. Т. 5. С. 322, 328; Т. 66. С. 97.

Осмнадцатый век. С. 84.

Осмнадцатый век; и др.

Сб. РИО. Т. 5. С. 333.

Кутепов Н. И. Царская и императорская охота. Т. 3. СПб., 1902. С. 10.

PA. 1869. № 10. С. 1678–1680.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35041. Л. 1—10.

Сб. РИО. Т. 5. С. 331, 332.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35041. Л. 14.

ПСЗ. Т. VII. № 5150, 5173.

Сб. РИО. Т. 75. С. 14, 46.

Сб. РИО. Т. 5. С. 316.

Арсеньев К. Указ. соч. С. 146

Осмнадцатый век. С. 114.

Сб. РИО. Т. 5. С. 318.

Осмнадцатый век. С. 183.

Сб. РИО. Т. 5. С. 320, 321, 326, 330.

Осмнадцатый век. С. 183.

Сб. РИО. Т. 75. С. 105.

Сб. РИО. Т. 66. С. ПО.

Сб. РИО. Т. 5. С. 332, 334, 336.

Сб. РИО. Т. 75. С. 374.

Осмнадцатый век. С. 185, 186.

Вейдемейер А. Указ. соч. С. 109–111.

Сб. РИО. Т. 66. С. 157.

Сб. РИО. Т. 75. С. 429.

Осмнадцатый век. С. 146.

Арсенъев К. Указ. соч. С. 108, 109, 146.

Там же. С. 148–150.

Осмнадцатый век. С. 190, 193.

Манштейн. Записки о России. СПб., 1875. С. 11.

Павленко Н. И. Анна Иоанновна. М., 2002.

Брикнер А. Указ. соч. // Вестник Европы. 1896. № 2. С. 591, 596, 597.

Сб. РИО. Т. 5. С. 304, 307, 315, 316, 330.

Манштейн. Указ. соч. С. 171.

РА. 1883. КН. 3. № 5–6. С. 228–233.
163 ПСЗ. Т. VII. № 5287.

Латкин В. Н. Законодательная комиссия в России в XVIII ст. Т. 1. СПб., 1883. С. 50–53.

Павленко Н. И. Савва Лукич Рагузинский // Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 348–368.

ПСЗ. Т. VII. № 5164, 5168.

Там же.

Там же. № 5392.

Там же. № 5142.

Там же. № 5078.

Соловьев С. Ж Указ. соч. С. 154, 155.

ПСЗ. Т. VII. № 5106, 5216.

ПСЗ. Т. VII. № 5333; Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913.

Все приложения составлены и подготовлены к изданию Ю. М. Эскиным.

Здесь и далее в квадратных скобках черновой вариант.

То есть царицу-инокиню Евдокию Федоровну Лопухину, первую жену Петра I.

Текст, помещенный в квадратные скобки, зачеркнут — видимо, в связи со смертью великой княжны Наталии Алексеевны. Далее зачеркнутый текст также помещен в квадратные скобки.

В квадратных скобках — сокращенное изложение текста документа.

Печатается по изданию: Сб. РИО. Т. 66. СПб., 1889.

В Еиляне.

Приписка К. Рондо.

Печатается по изданию: Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов. (1720-е — 1760-е гг.) / Сост. Е. В. Анисимов. Л., 1991. С. 192–209 (в выдержках).

Печатается по изданию: Русский архив. 1909. № 3.

Напротив, она была действительно пострижена и в иночестве переименовала имя Евдокия на Елену. (Прим. изд. П. Бартенева.)

Александр Львович Нарышкин не был графом. (Прим. изд. П. Бартенева.)

В бреду он звал к себе Остермана и перед кончиной произнес: «Запрягайте сани, хочу ехать к сестре». (Прим. изд. П. Бартенева.)

Сентябрь и октябрь месяцы 1729 года продолжалось царское полевание с 620 собаками. Вероятно, тогда Петр II и пожаловал городу Черни похвальную грамоту за то, что в уезде его водились отличные зайцы (слышано от А. С.Хомякова). Куда именно князья Долгорукие увозили из Москвы мальчика-царя, не знаем. Не принадлежала ли им нынешняя Отрада Серпуховского уезда? (Прим. изд. П. Бартенева.)

Печатается по изданию: Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов. (1720-е — 1760-е гг.) / Сост. Е. В. Анисимов. Л., 1991. С. 256–266 (в выдержках). Наталья Борисовна, урожденная Шереметева, — жена князя Ивана Алексеевича Долгорукого, фаворита императора Петра II.

Печатается по изданию: Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов. (1720-е — 1760-е гг.) / Сост. Е. В. Анисимов. Л., 1991. С. 93–96 (в выдержках).

191. Печатается по изданию: Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов. (1720-е — 1760-е гг.) / Сост. Е. В. Анисимов. Л., 1991. Перевод Е. Ю. Бок

